МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Клочкова Марина Юрьевна

МИТРОПОЛИТ ЕВГЕНИЙ (БОЛХОВИТИНОВ) В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
к.и.н. Дмитрий Андреевич Цыганков

Москва – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА I МИТРОПОЛИТ ЕВГЕНИЙ (БОЛХОВИТИНОВ) И ТРАДИЦИЯ УЧЕНОГО МОНАШЕСТВА КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В. 35

1.1 Начало церковного служения 35

1.2 Ученый монах в столице 67

1.3 Просветитель в провинции: епископское служение Евгения 90

ГЛАВА II МИТРОПОЛИТ ЕВГЕНИЙ И ИДЕОЛОГИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА РУССКОЙ ПОЧВЕ 158

2.1 Общественно-политические взгляды: просвещение без потрясений 159

2.2 Эстетические предпочтения и литературные связи Евгения (Болховитинова) 172

2.3 Между прогрессом и традицией. Рецепция идей Просвещения и их трансформация в нравственные категории 183

ГЛАВА III УЧЕНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВГЕНИЯ (БОЛХОВИТИНОВА) 211

3.1 Представления о науке 211

3.2 История России в просветительской деятельности Евгения (Болховитинова) 220

3.3 Евгений (Болховитинов) в системе научных коммуникаций первой трети XIX в. 257

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 289

СОКРАЩЕНИЯ 295

ИСТОЧНИКИ 297

ЛИТЕРАТУРА 319

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 338

ПРИЛОЖЕНИЕ 2 350

ПРИЛОЖЕНИЕ 3 356

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность диссертационного исследования. Эпоха Просвещения имеет давнюю историю изучения[1]. Еще в XVIII в. европейские философы Иммануил Кант (1724–1804) и Мари Жан Антуан Николя де Карита де Кондорсе (1743–1794) в попытке определить сущность своей эпохи связывали идею просвещения с прогрессом человеческого разума и способностью личности к критическому восприятию и творческому преобразованию окружающей действительности на рациональных началах[2]. События Французской революции (1789–1799) стали отправной точкой для дискуссий о связи просветительской идеологии с революционным путем преобразования общества, вызвавших интерес к индивидуальному и групповому творческому сознанию просветителей[3]. В XX в. внимание исследователей сфокусировалось на социальной истории Просвещения, на экономических и культурных механизмах, обеспечивавших распространение идей, способных изменять повседневную жизни различных слоев общества[4]. На рубеже XX и XXI в. Просвещение стало рассматриваться как культурная система, включающая в себя не только процесс производства, но и потребления культуры. Современные исследователи изучают книжную культуру и изменения в практике чтения, обеспечившие творческий процесс усвоения политических идей и этических ценностей, социальные связи и мировоззренческие установки просветителей[5]. Трактовка Просвещения как явления, обладающего значительным внутренним разнообразием, позволяет по-новому взглянуть

---

[1] При написании введения использовались материалы из статей автора: *Клочкова М.Ю.* Митрополит Евгений (Болховитинов) – ученый и просветитель. История изучения научного наследия // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 2 (77). С. 78–93; Дружеская переписка эпохи Просвещения: из истории публикации писем митрополита Евгения (Болховитинова) к его воронежскому приятелю В.И. Македонцу / Вступ. ст., публ., коммент., приложения М.Ю. Клочковой // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 80. С. 135–150; Шмурло Е.Ф. Памяти митрополита Евгения // Публикация, вступительная статья и комментарии М.Ю. Клочковой // Из истории воронежского края: Сб. статей. Вып. 25 / Отв. ред. А.Н. Акиньшин. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2018. С. 206–215.

[2] *Кант И.* Ответ на вопрос: что такое Просвещение? (1784) // Собр. соч. Т. 6. М., 1966. С. 25–35; *Кондорсе Ж.А.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Esquisse d'un tableau historique des progres de l'esprit humain (1795). Перевод И.А. Шапиро. М., 1936. – 265 с.

[3] *Ферроне В., Рош Д.* История и историография Просвещения // Мир Просвещения. Исторический словарь. М., 2003. С. 515–540.

[4] *Шоню П.* Цивилизация Просвещения / Перевод с фр. И. Иткина. Екатеринбург, М., 2008. – 688 с.

[5] *Ферроне В., Рош Д.* Указ соч. С. 565–591; Век Просвещения. Вып. 6: Что такое Просвещение? Новые ответы на старый вопрос. М., 2018. – 455 с.

на русское религиозное просветительство как неотъемлемую часть интеллектуального движения Просвещения, основанного на гуманистическом оптимизме и сознательном отказе от слепого следования традиции. В этой связи представляется актуальным изучение просветительских взглядов и деятельности одного из наиболее ярких и значимых представителей этого направления митр. Киевского и Галицкого Евгения (Болховитинова), чья биография и творческое наследие до сих пор не получили всестороннего освещения в научной литературе.

Объектом исследования является русское религиозное просветительство.

Предметом исследования – просветительские взгляды и деятельность митр. Евгения (Болховитинова).

Хронологические рамки исследования ограничиваются годами жизни митр. Евгения (Евфимия Алексеевича Болховитинова) – 1767–1837.

Цели и задачи исследования. Цель работы состоит в изучении мировоззрения митр. Евгения (Болховитинова) как просветителя. Для достижения поставленной цели необходимо разрешить следующие **задачи:**

– во-первых, проследить процесс становления мировоззрения и основных направлений просветительской деятельности Евгения Болховитинова;

– во-вторых, выявить идейно-политические взгляды Болховитинова, а также его этические и эстетические предпочтения;

– в-третьих, охарактеризовать ученую деятельность митр. Евгения в системе научных коммуникаций конца XVIII – первой трети XIX в.

Методологическая основа исследования определяется принципами историзма, системности и объективности. В соответствии с принципом историзма был рассмотрен процесс формирования мировоззрения Евгения Болховитинова в идейной и культурной обстановке русского Просвещения. Реконструкция просветительских взглядов и представлений Болховитинова базировалась на принципе системности. Принцип объективности был положен в основание изучения максимально широкого круга доступных источников и содержащихся в них сведений. Применение историко-биографического метода было направлено на описание, реконструкцию и анализ

обстоятельств жизни, результатов деятельности и психологического портрета Евгения Болховитинова.

Научная новизна исследования состоит в создании первой полной биографии Евгения Болховитинова в контексте современных ему просветительских идей и практик. На основе широкого круга источников, в том числе архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, были освещены основные направления просветительской деятельности Евгения, исследован полный комплекс церковных проповедей митр. Евгения, реконструированы его историческая и историографическая концепции. Проведенное исследование позволяет расширить представления о русском религиозном просветительстве как умеренном направлении широкого идейного течения Эпохи Просвещения.

Теоретическая значимость исследования определяется возможностью привлечения материалов данной диссертации для дальнейшего изучения истории русской науки и культуры конца XVIII – первой трети XIX в.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что материалы диссертации могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов и учебных программ по истории образования, науки, культуры Российской империи конца XVIII – первой трети XIX в.

Апробация результатов исследования. Основные научные результаты диссертации опубликованы в 6 научных статьях общим объемом 5,3 п.л., в том числе в 5 статьях в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по группе специальностей 07.00.00 – исторические науки и археология. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Положения, выносимые на защиту:

1. Соединенное со светским духовное образование, полученное Евфимием Алексеевичем Болховитиновым, сформировало культурную модель поведения просвещенного человека, совмещающего пастырские обязанности с занятиями наукой, литературным сочинительством, культурным досугом, интеллектуальным дружеским

общением. Выбор монашеского пути, совершившийся под воздействием внешних обстоятельств, стал поворотным пунктом в жизни Евгения, определившим его вхождение в узкий круг церковных интеллектуалов, которым государство вменяло в обязанность занятие писательским трудом, преподавание в духовных школах и проповедничество. Положение ученого монаха, проживавшего в столице, способствовало выработке мировоззренческих позиций, в которых просветительские идеи соединялись с христианскими ценностями. Аскетический идеал, к которому стремился Евгений, выражался для него в служении науке, в котором он мог максимально полно реализовать свое предназначение и содействовать нравственному совершенствованию общества.

2. Положение церковного иерарха давало Евгению материальные средства и определенную свободу в реализации своих просветительских взглядов в научной, административной и образовательной сферах, но накладывало ограничения, обязывая участвовать в высшем церковном управлении и государственных делах, от чего он стремился уклоняться. Мировоззрение Евгения Болховитинова как просветителя и ученого монаха определялось его представлениями о прогрессе, общественном благе, свободе личности и социальном равенстве, переосмысленными в русле православной традиции и ставшими фундаментом его активной научной, образовательной и проповеднической деятельности.

3. Митр. Евгений как церковный проповедник способствовал распространению идей и культурных моделей Просвещения. Применяя соответствующую своему времени рациональную систему доказательств, Болховитинов наполнял социальные и политические идеи Просвещения христианским смыслом, предлагая взыскательному слушателю их интеллектуально и культурно приемлемую нравственную интерпретацию. Просветительские взгляды Болховитинова о религиозно-нравственном воспитании, которое должно было осуществляться во взаимодействии семьи и общества, распространялись им в церковных проповедях и реализовывались на практике в многолетнем преподавании и воспитании юношества в духовных школах Воронежа, Петербурга, Новгорода, Вологды, Калуги, Пскова и Киева. Административная деятельность Евгения была направлена на формирование «учительного священства»,

способного обеспечить религиозно-нравственное воспитание своей паствы. Он заботился об уровне образования, моральном облике духовенства своей епархии, о его материальном обеспечении, создавая условия для проповеднической и писательской деятельности священства.

4. Исторические изыскания Болховитинова имели ярко выраженную просветительскую направленность. Концепция российской истории Евгения Болховитинова обусловлена его идеями о культурном развитии как показателе общественного прогресса и факторах, его обеспечивающих. Участие Евгения в деятельности различных по своему составу и формам организации кружков и научных сообществ, позволяло реализовать характерную для просветителя потребность в интеллектуальном и культурном общении. Наиболее продуктивным для Евгения было взаимодействие, основанное на личных связях, оставляющее необходимую для него свободу выбора интенсивности контактов, что позволяло ему сохранять достаточное время для самостоятельных полевых исследований и уединенной кабинетной работы.

5. Деятельность митр. Евгения как религиозного просветителя была направлена на общество в целом без разделения на светскую и церковную сферу. Благодаря навыкам светского общения, открытости к новым идеям и неподдельному интересу к различным научным достижениям, книжным новинкам и общественным явлениям, а также личной эрудиции и исследовательской активности, он осуществлял культурное взаимодействие между светскими и церковными интеллектуалами, предотвращая дальнейшее их расхождение и отчуждение.

Степень разработанности темы.

Основные подходы к освещению личности и деятельности митр. Евгения (Болховитинова) сложились в дореволюционный период и не претерпели существенных изменений по сегодняшний день. Начало изучения творческого наследия ученого монаха Евгения (Болховитинова) было положено его младшими современниками. Члены Общества истории и древностей российских (ОИДР) профессора Московского университета историки И.М. Снегирев и М.П. Погодин (1800–1875), лично знавшие митрополита, занимались собиранием рукописей ученого, готовили к публикации его словари. Стремясь определить его заслуги перед отечественной исторической наукой,

они в первую очередь отбирали исторические материалы[6]. В результате этой работы под влиянием Погодина сформировался взгляд на митр. Евгения как на эрудита, собирателя, «статистика истории»[7], в трудах которого нет рассуждений и обобщений[8].

Подобная трактовка деятельности ученого сохранилась и приобрела обостренную форму в 1860-е гг. В эпоху идейных споров о будущем России изменилось отношение к историческим сочинениям, в них стремились отыскать явно выраженную позицию автора, сформулированную философскую концепцию, способную стать аргументом в полемике с идейными противниками. Исторические труды митрополита Евгения не соответствовали ожиданиям времени, и это сформировало отношение к его наследию. Известно негативное мнение архиеп. Филарета (Гумилевского), надолго закрепившего за митр. Евгением славу деятеля ушедшего века, не наделенного даром критической мысли: «При взгляде на такое множество сочинений, преимущественно исторических, очевидно, что м[итрополит] Евгений одарен был обширною памятью и владел богатым запасом сведений. Богатство сведений его, переданных печати, много принесло пользы любителям отечественной истории. Это заслуга его. Но при разборе каждого из сочинений преосвященного – не в унижение его говорим, а показывая характер его – видим, что у него не было систематического взгляда на явления истории. Вы видите кучи исторических явлений, но не соединенных общею мыслию и не оживленных чувством. У него нет охоты даже к тому, чтобы попадающиеся ему на глаза явления разделить на классы их; он передает вам их, как попались они ему случайно. Факты собираются у него без различия важного от пустого, и без внимания к тому, что в ряду их не достает там и здесь событий, служивших переходом от одного события к другому; причин и следствий события не увидите у него, разве там, где они попались ему на глаза»[9]. Митр. Евгению ставилась в вину бессистемность изложения большого по объему исторического материала, научная ценность его трудов подвергалась сомнению.

---

[6] Об этом см.: Письмо И.М. Снегирева М.П. Погодину от 23 февраля 1838 г. // ОР РГБ. Ф. 231/II. К. 30. Д. 59. Л. 31; Письмо П.С. Авсенева С.П. Шевыреву от 9 сентября [1841–1844 гг.] // Там же. К. 1. Д. 20. Л. 3–4.

[7] *Погодин М.П.* Из путевых заметок. Вологда // Москвитянин. 1842. № 8. С. 255–256.

[8] Погодин не отказался от своей точки зрения и впоследствии. См.: *Погодин М.П.* Судьбы археологии в России // ЖМНП. 1869. Ч. CXLV. С. 42–43.

[9] *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы. СПб., 1884. С. 443–444. Задумывая свой труд как следующую ступень на пути создания истории русской духовной литературы и отталкиваясь от словаря

В то же время предпринимались попытки оспорить подобную оценку. Основная аргументация ученых, высоко оценивавших научную деятельность митрополита Евгения, строилась вокруг анализа его словарей, в которых удобство организации материала, его новизна и актуальность расценивались как результат научной работы мысли их автора. В трудах этих историков ученая деятельность митр. Евгения сравнивалась с деятельностью первопроходцев и приобретала облик научного подвига[10]. Впрочем, такая позиция не стала в историографии преобладающей.

В биографическом очерке, вышедшем в 1869 г., историк русской литературы Н.С. Тихонравов одним из первых высказал мнение о Евгении как о представителе духовенства, чьи церковные взгляды были не вполне ортодоксальными. Автор отметил интерес молодого ученого и преподавателя Воронежской семинарии к светской литературе и театру, его сочувствие идеям французских просветителей, терпимость к деизму и неприятие схоластики. Таким образом, в изучении творческого наследия митр. Евгения наметилась линия на противопоставление светских и церковных интересов ученого, позже получившая продолжение в работах других авторов[11].

По итогам публичных лекций, прочитанных о Евгении в Воронеже, Москве и Киеве сотрудником Императорской публичной библиотеки, историком и литератором А.Д. Ивановским, вышел сборник материалов для биографии митрополита[12]. Результатом этих трудов было накопление сведений, введение в научный оборот основного массива источников и их первоначальное описание. Все это подготовило почву для появления крупного биографического труда, посвященного ученому-архиерею.

духовных писателей митрополита Евгения, Филарет излишне критически подошел к трудам своего предшественника, и это не укрылось от внимания читателей. Подробнее об этом см.: *Зверев В.П.* Концепция истории отечественной словесности в «Обзоре русской духовной литературы» архиепископа Филрета (Гумилевского). URL: http://www.portal-slovo.ru/philology/37120.php. Дата обращения 30.12. 2016.

[10] *Аскоченский В.И.* История Киевской духовной академии по преобразовании ее в 1819 году. СПб, 1863. С. 166; *Пономарев С.И.* Материалы для биографии митрополита Евгения // Труды КДА. 1867. № 8. С. 293–353.

[11] *Тихонравов Н.С.* Киевский митрополит Евгений Болховитинов // Русский вестник. 1869. № 5. С. 5–38.

[12] *Ивановский А.Д.* Высокопреосвященный Евгений, митрополит Киевский и Галицкий: Сб. материалов для биографии митрополита Евгения, изданный в память столетнего юбилея его рождения 18 декабря 1767–1867 гг. СПб., 1871. – 201 с.

В 1867 г. научное сообщество отмечало столетнюю годовщину со дня рождения митр. Евгения (Болховитинова). Центром юбилейных торжеств стала Академия наук (АН). В ней прошли чтения в день памяти историка. В сборнике, опубликованном по окончании мероприятия[13], наряду с источниками, публикуемыми впервые, появились статьи филолога-слависта, декана историко-филологического факультета Петербургского университета И.И. Срезневского, филолога Я.К. Грота, историка, палеографа и археографа А.Ф. Бычкова и других членов АН. Желая смягчить резкость оценки архиепископа Филарета, представившего в “Обзоре духовной литературы” ученую деятельность митр. Евгения (Болховитинова) как бессистемную, Срезневский отметил, что этот отзыв хоть и справедлив, но не дает верного понятия о Евгении как о писателе своего времени, что следует обратить внимание на его обширный кругозор, наблюдательность, сообразительность, желание пользы науке и любовь к отечеству[14]. Общей чертой всех публикаций, приуроченных к юбилею, стало особое внимание исследователей к выявлению заслуг митр. Евгения.

В конце XIX – начале XX в. в изучении научного наследия митрополита Евгения настает новый этап, когда совершается попытка рассмотреть его деятельность в контексте развития исторического знания.

Первая научная биография Евгения (Болховитинова) стала результатом кропотливого десятилетнего исследования, проведенного петербургским историком Е.Ф. Шмурло. В магистерской диссертации, опубликованной в виде монографии в 1888 г., Евгений Францевич рассмотрел детство, юность и ранний период творчества Болховитинова. При этом самый плодотворный в научном отношении этап жизни митрополита протяженностью более 30 лет остался за пределами изучения автора. Как следствие, оценки и выводы Шмурло о Евгении как ученом выглядели не очень основательно. Положительная рецензия К.Н. Бестужева-Рюмина, научного

[13] Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук (СбОРЯС АН). Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. – 504 с.

[14] *Срезневский И.И.* Воспоминание о научной деятельности Евгения, митрополита Киевскаго. Чтение И.И. Срезневскаго // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 41–42.

руководителя магистранта[15], содержала высокую оценку научных качеств и писательских дарований ученика и сдержанные высказывания о самой книге[16]. Критические отзывы со стороны историков литературы Н.Н. Булича и А.Н. Пыпина[17] вызвали у Шмурло сомнения в целесообразности продолжения этой работы. Тем не менее, благодаря обилию собранного в книге материала и его глубокой проработке, монография столичного историка на долгие годы стала главным трудом, посвященным митр. Евгению.

Не оспаривались исследователями намеченные Шмурло подходы к трактовке ученой деятельности митрополита. Он писал: «Таким образом, эпоха Карамзина, взятая в ее целом, особенно в лице современников историографа, является тем узлом, где сходятся нити прошлого и настоящего. Это по преимуществу эпоха переходная… В такую переходную эпоху жил тот ученый, которому посвящены страницы настоящего труда. И в ранних, и в самых поздних своих произведениях Евгений проявляет одинаковую разбросанность и разносторонность… Как истинный представитель эпохи переходной, он подает руку уходящему и нарождающемуся… Очистка материала, тщательная разработка его – вот та ближайшая программа, практическому осуществлению которой, как известно, посвящает в то время силы далеко не один Евгений»[18]. Как можно заметить, автор объяснял особенности ученой деятельности Евгения Болховитинова задачами переходного периода в истории исторической науки, связанными с первичным накоплением исторических сведений и их источниковедческой обработкой.

О влиянии состояния исторической науки на характер ученого труда размышлял в своих сочинениях Н.И. Полетаев[19]. Развитие эта идея получила в «Опыте русской

---

[15] Скорее всего, тема магистерской диссертации Шмурло была предложена его научным руководителем, к тому времени опубликовавшим краткую биографию Евгения. См: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Евгений Болховитинов // Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. СПб., 1863. Т. 1. Отд. II. С. 17–19.

[16] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Митрополит Евгений, как ученый [Рецензия] // Русский вестник. 1888. Т. 198. Сентябрь. С. 311–328.

[17] *Булич Н.Н.* Разбор сочинения Е. Шмурло: Митрополит Евгений, как ученый. Ранние годы жизни (1767–1804). СПб., 1890. – 37 с.; *Пыпин А.Н.* Митрополит Евгений, как ученый. Ранние годы жизни, 1767–1804. Е. Шмурло. СПб, 1888. [Рецензия] // Вестник Европы. 1888. Октябрь. С. 703–746.

[18] *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767–1804. СПб., 1888. С. 388–389.

[19] *Полетаев Н.И.* Ученый труд об ученом иерархе русской церкви (критический этюд) // Православный собеседник. 1888. Дек. С. 513–553; *Полетаев Н.И.* Труды митрополита киевского Евгения Болховитинова по

историографии» В. С. Иконникова, который уделил большое внимание вкладу ученого-архиерея в развитие источниковедения и специальных исторических дисциплин, его участию в Румянцевском кружке[20]. Та же линия продолжена П.Н. Милюковым[21]. В работе «Основные течения русской исторической мысли» автор представил митрополита Евгения в качестве направляющей силы Румянцевского кружка, собирателя, организатора, источниковеда, способствующего развитию исторической науки, в то же время демонстрировавшего архаичный стиль составления исторических сочинений. «Ученый иерарх пережил самого себя»[22], – утверждал автор.

Представление о Евгении как об ученом, совмещавшем исследовательскую работу с церковной деятельностью вынужденно, в силу сложившихся обстоятельств, было закреплено в историографии официальным изданием Русского исторического общества под председательством великого князя Николая Михайловича. В иллюстрированном справочнике «Русские портреты XVIII и XIX столетий» было сказано, что «как всякий архиерей, Евгений совершал богослужения, занимался делами, принимал визиты, давал парадные обеды, объезжал епархию и в подобающих случаях произносил свои логические, но сухие и не отличающиеся литературным изяществом проповеди. Но все это было для Евгения чем-то побочным, прямо даже мешающим его излюбленной деятельности исключительно научного характера»[23].

В начале XX в. помимо столицы обозначились другие заметные центры изучения научного наследия Евгения Болховитинова. Ими стали его родной город Воронеж и Киев – место его наиболее зрелых трудов и кончины. Силами Воронежской ученой архивной комиссии в феврале 1912 г. были организованы торжества, посвященные выдающемуся соотечественнику[24]. В подготовленной к этому событию статье почетный член этой комиссии Шмурло писал: «Геродота называют отцом

истории русской церкви. Казань, 1889. .– 592 с.; *Полетаев Н.И.* Разработка русской исторической науки в первой половине XIX столетия. СПб., 1892.– 25 с.

[20] *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891–1908. Т. 1. –1539 с., Т. 2. – 1955 с.

[21] *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. М., 1897. Т. 1. – 306 с.

[22] Там же. С. 187.

[23] Митрополит Евгений (Евфимий Болховитинов) // Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т IV. Вып. 3. СПб., 1908. № 71.

[24] Программа торжественного заседания Воронежской ученой архивной комиссии, посвященного памяти митрополита Евгения Болховитинова, 26 февраля [1912 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 6803. Л. 1 об.

истории – отцом Воронежской истории можно назвать и Евгения. Он заложил фундамент историографии нашего края и тем направил мысль позднейших работников в этой области в сторону изучения того, как рос Воронежский край, как входил в состав великого целого – России, принимая участие вместе с нею в созидании государства, в выработке национального характера и национальных задач. “История есть народное самосознание” – учат нас еще на школьной скамье... Доля в выработки этого самосознания в современном русском обществе принадлежит и нашему иерарху»[25]. Таким образом, было сформулировано значение краеведческих трудов ученого, заложивших основу изучения местной истории как неотъемлемой части единой истории Отечества.

В Киеве в 1914 г. вышла в свет монография С.М. Карпова, подводящая итог нескольким десятилетиям изучения административной, научной и церковной деятельности митрополита. В ней на основе комплекса источников из местных архивов, а также воспоминаний киевлян, лично знакомых с Евгением, создан образ церковного просветителя, органично совмещавшего научную, административную и пастырскую деятельность[26].

В целом этот период изучения научного наследия митрополита Евгения окончательно сформировал историографическую традицию, которая почти в неизменном виде существует и в настоящее время. В ее рамках Евгений Болховитинов предстает перед нами ученым, внесшим свой вклад в развитие науки благодаря, скорее, своей эрудиции и организаторской деятельности, чем силе научной мысли.

В 1937 г. в Париже вышел труд известного православного богослова прот. Георгия Флоровского, в котором дореволюционная историографическая традиция изучения наследия митрополита Евгения получила свое развитие[27]. Если в конце XIX в. биограф митрополита – Евгений Францевич Шмурло – представил своего героя

---

[25] *Шмурло Е.Ф.* Статья о митрополите Евгении // РГАЛИ. Ф. 1354. Оп. 1. Д. 591. Л. 14.

[26] *Карпов С.М.* Евгений Болховитинов как митрополит Киевский. Киев, 1914. – 273 с.

[27] Советские историографы не проявляли большого интереса к изучению жизни и трудов ученого, лишь изредка упоминая о нем как об авторе словарей, а также в связи с развитием источниковедения и специальных исторических дисциплин. См: Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1955. Т. I. С. 551, 566, 639; *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII в. Ч. I. Л., 1961. С. 23; Ч. II. Л., 1965. С. 67; Ч. III. Л., 1971. С. 147.

интеллектуалом, во многом сохранявшим ученые традиции прошлого, да еще к тому же лишенным «глубокого религиозного чувства»[28], то прот. Георгий Флоровский без учета местных традиций изучения наследия Болховитинова создал парадоксальный образ мирского митрополита. Он писал: «Евгений был и остался вполне человеком предыдущего века. По личным вкусам это был человек мирской. Он и не скрывал, что монашество принял ради служебного движения, и постриг свой описывал (правда, в дружеских письмах) с какой-то неопрятной развязностью (“монахи, как пауки, опутали меня в черную рясу, мантию и клобук”)… Евгений не был силен даже в критике. Он не пошел дальше любознательности – он был антиквар и библиограф»[29].

Похожую трактовку образа Евгения Болховитинова мы находим в книге, созданной в конце советского периода В.П. Козловым, у которого читаем: «Сын приходского священника, в молодости он был одним из популяризаторов французских просветителей… Однако после смерти жены он неожиданно для многих постригся в монахи и со временем стал митрополитом. Человек противоречивых убеждений, по мнению некоторых исследователей, даже склонный к атеизму, он под монашеской одеждой скрывал натуру рационалиста и скептика… Не желая, а возможно, и не умея делать широкие исторические обобщения, он занимался изучением конкретных вопросов русской, преимущественно церковной и местной истории, дипломатикой и библиографией»[30]. Так завершилось в историографии превращение православного митрополита, склонного скрывать свои чувства и переживания, в том числе религиозные, в скептика, атеиста и карьериста, а также историка-эрудита, посвящавшего досуг изучению отдельных церковных памятников и не способного к широким общеисторическим обобщениям, присущим настоящему ученому.

В позднесоветский период интерес к деятельности митрополита Евгения сохранялся преимущественно среди историков-краеведов[31]. Их же силами в 1990-е гг.

---

[28] *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений как ученый… С. 380.
[29] Цит. по: *Флоровский Г.В., прот.* Пути русского богословия. М., 2009. С. 186.
[30] *Козлов В.П.* Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 34.
[31] В этой связи интересно появление художественного произведения, посвященного митрополиту Евгению, на его родине в Воронеже: *Кораблинов В.А*. Падре Ефимиус // Воронежские повести. Воронеж, 1984. С. 167–271. Кроме того, о местных историях митрополита Евгения см.: *Лекишвили С.С.* Евгений Болховитинов и вопросы древнегрузинской культуры и истории // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1985. С. 27–38; *Шарадзе Г.С.* Евгений Болховитинов–первый русский руствелолог. Тбилиси, 1978.– 120 с.

возобновилось изучение наследия ученого-архиерея. В 1992–1993 гг. в Воронеже, Киеве, Петербурге прошли конференции и научные чтения памяти ученого. С.О. Шмидт подвел итоги этой работы. Он писал: «Эти конференции закрепили представление о выдающейся роли митрополита Евгения (Болховитинова) в истории отечественной культуры времен Державина, Карамзина и Пушкина»[32]. Продолжая развивать идею взаимного влияния двух историков начала XIX в., автор отметил, что в это время сформировались два русла отечественной исторической науки, первое – русло общероссийской истории – представлял историограф Н.М. Карамзин, второе – русло местной истории – было связано с именем «местнографа» Болховитинова, творчество которого «изначально было олицетворением такого процесса развития науки отечественной истории»[33]. Целый ряд публикаций последнего десятилетия XX в. освещал вклад историка в изучение местной истории[34]. Таким образом, изучение митрополитом Евгением провинциальных древностей приобрело общеисторическое значение.

В конце XX – начале XXI в. круг вопросов, связанных с изучением наследия митрополита Евгения, существенно расширился за счет появления новых источниковедческих, литературоведческих а также церковно-исторических работ[35].

---

[32] *Шмидт С.О.* Е. А. Болховитинов и становление науки российской истории // Из истории Воронежского края. Вып. 9. Воронеж, 2001. С. 4.

[33] Там же. С. 15.

[34] *Ананьева Т.Б.* Евгений Болховитинов и изучение киевских древностей в первой половине XIX в. // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 2. М., 1998. С. 42–62; *Ананьева Т.Б.* «Читайте для познания Киева…» // Митрополит Євгеній Болховітінов. Вибрані праці з історії Києва. Київ, 1995. С. 5–34; *Жервэ Н.Н.* Митрополит Евгений (Болховитинов) и начало изучения севернорусских древностей // Очерки отечественной археологии. 1998. Вып. 2. С. 27–41; *Жервэ Н.Н.* Русский Миллер // Вестник Псковского Вольного Университета. 1994. № 1. С. 104–117; *Жервэ Н.Н.* Ученейший сын православной Руси // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Т. 1. СПб.; Псков, 1997. С. 233–237; *Сарбей В.Г.* Евфимий Болховитинов на Украине // Воронеж: Историко-краеведческий сборник. Воронеж, 1993. С. 89–100; *Пуцко В.Г.* Митрополит Евгений Болховитинов об Отечественной войне 1812 г. // М.И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1995. С. 140–146; Митрополит Евгений (Е. А. Болховитинов) (1767–1837). Жизнь и творчество: Энциклопедический словарь. Воронеж, 1998. – 184 с.; *Зедгенидзе А.А.* Митрополит Евгений (Болховитинов) и начало исследования Херсонеса Таврического // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. Т. XI. М., 2015. С. 58–68.

[35] *Арефьева Н.Н.* Богословские реминисценции в оде Г.Р. Державина «Христос». В связи с дружбой поэта и митрополита Евгения (Болховитинова) // Державинские чтения. Вып. 1: Сб. научных докладов. СПб., 1997. С. 35–52; *Гиппиус А.А.* Загадки Мстиславовой грамоты // Misclellanea Slavica: Сб. статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М., 2008. С. 109–129; *Кочеткова Н.Д.* Болховитинов–переводчик Луи Кокле // Западный сборник. СПб., 2011. С. 202–210; *Калитин П.В.* Краеугольный камень православной исторической науки // Митрополит Евгений (Болховитинов): Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. М., 1995; *Кузоро К.А.* Изучение истории российским духовенством во второй половине XVIII – начале XIX

Складываются новые подходы к изучению творческого наследия Евгения Болховитинова. Используя тот же прием сопоставления двух историков-современников, Н.И. Солнцев предпринял попытку исследовать исторические взгляды митрополита Евгения[36]. Он увидел в трудах ученого-архиерея провиденциальную историческую концепцию, которая, по мнению автора, определяет характер изложения исторических событий. Автор статьи пишет: «Как и Карамзин, Болховитинов не видит другой истории, кроме как изложения фактов, назидательных для потомства. Как и Карамзин, он пытается привести историческое повествование к своеобразной системе. За основу системы Карамзин берет историю государства, Болховитинов – историю иерархии»[37]. По мнению Солнцева, в работах митрополита Евгения исторический процесс является механическим взаимодействием таких фактов, через познание которых достигается раскрытие действия Провидения в истории. Это первая работа, в которой взгляды Евгения рассматриваются как системные, основанные на богословской традиции. Однако ее существенным недостатком можно считать попытку автора вывести общеисторическую концепцию ученого-архиерея, основываясь преимущественно на его церковно-исторических трудах.

Сложившаяся историографическая традиция, отводящая Евгению Болховитинову роль «статистика науки», собирателя и библиографа, ставшего по воле обстоятельств митрополитом, не дает возможности составить его цельный образ. Разграничение и противопоставление церковной и светской сфер жизни и деятельности, характерное для более поздних периодов, не может быть применено к среде ученого монашества конца XVIII – первой трети XIX в., к которой принадлежал Евгений. В ней

века // Вестник ТГПУ. 2011. № 11. С. 21–26; *Солнцев Н.И.* Митрополит Евгений (Болховитинов) как историк // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Серия История. 2002. Вып. 1. С. 151–157; *Солнцев Н.И.* Понимание истории в богословской историографической традиции XVIII в. По историческим сочинениям митрополитов Евгения (Болховитинова) и Платона (Левшина) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: История. 2004. Вып. 1(3). С. 145–152; *Чиркова Н.Ю., Шляпникова Е.А.* Евгений Болховитинов–ученый и архиерей // Вопросы истории. 2000. № 11–12. С. 128–134; *Страхова Я.А.* Митрополит Амвросий (Подобедов) и митрополит Евгений (Болховитинов): реформа духовных училищ // Митрополит Санкт–Петербургский и Новгородский Амвросий (Подобедов). 1742–1818: Материалы научной конференции в Великом Новгороде. 13 сентября 2008 г. М., 2010. С. 118–127; *Жервэ Н.Н.* Усердный ревнитель просвещения // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. СПб.; Казань, 2014. С. 198–222.

[36] *Солнцев Н.И.* Митрополит Евгений (Болховитинов)… С. 151–157; *Он же.* Понимание истории… С. 145–152.

[37] *Солнцев Н.И.* Понимание истории … С. 147.

научное служение воспринималось в неразрывной связи с церковным. Понимание утраченной на сегодня интеллектуальной традиции, носителем которой являлся митрополит Евгений, позволяет выявить те мировоззренческие установки, на которых строились его научные и общественные взгляды. Достичь этого можно путем рассмотрения представлений ученого в контексте интеллектуальной и культурной среды, формировавшей их.

Такой средой для конца XVIII – первой четверти XIX в. было Просвещение. Просветительский характер трудов Евгения (Болховитинова) был отмечен еще дореволюционными исследователями. Профессор Киевской духовной академии (КДА) В.Ф. Певницкий в работе “Проповеднические труды покойного митрополита Киевского Евгения” (1867) обратил внимание на общественную значимость церковных поучений митрополита Евгения. Заботясь о просвещении своей паствы, он вел непримиримую борьбу с царившими в народной среде предрассудками. Певницкий особо отметил заслуги Евгения Болховитинова в преодолении бытовавшего в начале XIX в. предубеждения против медицины вообще и прививания коровьей оспы в частности, что позволило сохранить многие жизни[38].

Профессор Киевского университета богослов Н.А. Фаворов в «Речи, произнесенной на годичном торжественном собрании императорского университета св. Владимира 1867 года, 3-го сентября» вспоминал митрополита Евгения как одного из «великих деятелей в области общественного просвещения»[39]. Совершив обзор жизненного пути Евгения, автор подчеркнул его глубокую ученость, разносторонние труды и «неутомимую ревность к распространению в обществе полезных научных сведений»[40].

Церковный историк, профессор КДА И.И. Малышевский в 1867 г. в сочинении «Деятельность митрополита Евгения в звании председателя конференции Киевской духовной академии» показал огромную роль Евгения Болховитинова в развитии науки и духовного просвещения путем создания первого ученого общества в Киеве.

[38] *Певницкий В.Ф.* Проповеднические труды покойного митрополита Киевского Евгения // Труды КДА. 1867. № 4. С. 26–34.
[39] *Фаворов Н.А.* Речь, произнесенная на годичном торжественном собрании университета св. Владимира 1867 г., 3-го сентября // Труды КДА. 1867. № 3. С. 254.
[40] Там же.

Малышевский утверждал, что Евгений «сколько сам был предан ученым трудам, столько же любил одушевлять и руководить в них других, менее опытных или начинающих деятелей науки»[41]. Он оказывал особое покровительство историческим исследованиям, филологическим трудам и переводческой деятельности студентов и преподавателей академии, заботился о создании библиотек, устройстве типографий, вникал в содержание учебных планов и материальные проблемы духовной школы. Как отметил Малышевский, Евгений позаботился о том, чтобы начатое им дело могло развиваться без его личного руководства, для чего учредил премию, присуждавшуюся как при его жизни, так и после его кончины за лучшие студенческие сочинения на исторические темы.

Церковный историк, академик Санкт-Петербургской академии наук И.А. Чистович в 1894 г. в работе «Руководящие деятели духовного просвещения в России»[42] рассмотрел участие митрополита Евгения в создании системы высшего и среднего духовного образования. Исследователь утверждал, что, являясь автором одного из проектов, легших в основу реформирования духовных училищ в 1808–1814 гг., Евгений Болховитинов настаивал на развитии научного направления в подготовке будущих церковнослужителей. Эту же линию Евгений настойчиво проводил в Киеве, добиваясь внедрения в учебную практику слушателей академии обязательного представления ими курсовых и выпускных диссертаций по разным направлениям обучения. Чистович в своем сочинении показал Евгения как далекого от церковной политики и высшего света кабинетного ученого, чьи интересы сосредотачивались преимущественно в области самостоятельных исследований, а также развития отечественной науки и образования[43].

Следует отметить, что дореволюционные авторы рассматривали просветительскую деятельность Евгения как научную и образовательную. Вопрос о связи его трудов с идеологией эпохи Просвещения не ставился.

---

[41] *Малышевский И.И.* Деятельность митрополита Евгения в звании председателя конференции Киевской духовной академии // Труды КДА. 1867. № 12. С. 572–573.

[42] *Чистович И.А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. Комиссия Духовных училищ. СПб., 1894. – 381 с.

[43] Там же. С. 1–28, 214–257.

В советской историографии русское просветительство стало одним из предметов изучения. В центре внимания историков оказалась социальная сущность просветительской идеологии и ее связь с остальными течениями общественно-политической мысли в России. Исследователи советского периода внесли значительный вклад в разграничение понятий «русское Просвещение» и «русское просветительство», предложили различные варианты датировки этих явлений, был опубликован основной корпус источников, изучены биографические данные и взгляды отдельных просветителей[44]. Наряду с изучением общественно-политической, преимущественно антифеодальной идеологии большинством советских историков некоторые авторы предлагали более широкий взгляд на Просвещение.

В вышедшей в 1983 г. «Истории русской культуры второй половины XVII – начала XIX в.» Б.И. Краснобаев представил Просвещение как «идеологию, мировоззрение, философские, идеологические, этические, эстетические представления, воплощавшиеся в различных формах научного, художественного и публицистического творчества»[45].

И.И. Лещиловская в статье «Культура Просвещения в Центральной и Юго-Восточной Европе» (1985) предложила «рассматривать “Просвещение” как стадию в процессе формирования культуры нового исторического типа», под которой подразумевалась духовная культура как социальная система, включающая в себя различные формы культурной жизни и освоение обществом духовных ценностей[46].

Сосредотачиваясь преимущественно на общественно-политической тематике, советские историки практически не интересовались религиозной стороной русского просветительства вообще и ролью митрополита Евгения в нем в частности. В современной историографии изучение эпохи Просвещения начинает постепенно меняться в сторону выработки новых подходов к трактовке этого явления.

В 1994 г. В.И. Моряков в монографии «Русское просветительство второй половины XVIII века» продолжил магистральную линию советской историографии,

---

[44] Подробнее об этом см.: *Моряков В.И.* Русское просветительство второй половины XVIII века. М., 1994. С. 8–14.
[45] *Краснобаев Б.И.* История русской культуры второй половины XVII–начала XIX в. М., 1983. С. 175.
[46] *Лещиловская И.И.* Культура Просвещения в Центральной и Юго-Восточной Европе // Вопросы истории. 1985. № 1. С. 74.

определяя Просвещение как «тип общественного сознания периода перехода от феодализма к капитализму, комплекс общественно-политических, философских, культурных, художественных идей и представлений»[47]. С ним связано понятие просветительства как одного из направлений общественно-политической мысли эпохи Просвещения, антифеодальная идеология, характерная для зарождающейся русской буржуазии. Ее выразителями в силу российской специфики были не только представители дворянства, но и других сословий, имевших доступ к образованию[48].

В начале XXI в. представления о просветительстве были расширены. В опубликованной в 2004 г. статье «Православное просвещение – оксюморон или историческая реальность?» О.А. Цапина, следуя традиции европейских исследований, сформировавшейся в последние десятилетия XX в., предложила рассматривать Просвещение не как монолитную идеологию, базирующуюся на принципах «великой триады» французских философов Монтескье, Вольтера и Руссо, а более широко, как интеллектуальное движение, основанное на гуманистическом оптимизме и сознательном отказе от слепого следования традиции. В этой связи духовенство, составлявшее «значительную часть пишущей и читающей публики», внесло большой вклад в развитие науки и утверждение принципов Просвещения, не противоречащих традиционной православной культуре[49].

Эта же тема получила дальнейшее развитие в 2007 г. в монографии Ю.Н. Солонина «Духовенство в русском Просвещении». Автор показал, что духовное сословие в XVIII в. стало «составной частью общего просвещенческого процесса, а в ряде случаев и его активным побудителем, например в развитии и совершенствовании духовного образования, путем наполнения его новым содержанием, представленным европейской наукой и культурой»[50]. Солонин отметил также особую роль церковных деятелей в провинции, где просветительство было ориентировано на поддержку образования, развитие учебных заведений, создание местной культурной и

---

[47] *Моряков В.И.* Указ соч. С. 14.
[48] Там же. С. 14–18.
[49] *Цапина О.А.* Православное просвещение – оксюморон или историческая реальность? // Европейское Просвещение цивилизация России. М., 2004. С. 301–313.
[50] *Солонин Ю.Н.* Духовенство в русском Просвещении // Вече: Журнал русской философии и культуры. Вып. 18. 2007. С. 71.

интеллектуальной среды[51]. Среди таких провинциальных центров просвещения исследователь назвал родину митрополита Евгения город Воронеж, не упоминая, однако, имени Е.А. Болховитинова, много потрудившегося в нем в качестве префекта и преподавателя местной семинарии.

В публикации С.В. Перевезенцева «Российские Вольтеры: просветительство XVIII в. и национальная идея» было продемонстрировано понимание того, что «просветительство – это не просто идеология буржуазии, а одна из главных форм выражения единого национального самосознания в новых социально-экономических и политических условиях»[52]. Русские просветители поддерживали государство, так как видели в нем примиряющую и объединяющую разнородные устремления силу, способную направить их к достижению общественного блага. Вследствие этого антифеодальная и антикрепостническая критика государственных устоев отходила на второй план. Перевезенцев утверждает, что в большей мере русских просветителей интересовали проблемы образования и науки, с помощью которых решались задачи преобразования окружающего мира. Отсутствие конкретных авторских указаний на круг лиц, которых он называет русскими просветителями, создает ощущение неопределенности самого понятия.

А.Я. Страхова в статье «Митрополит Амвросий (Подобедов) и митрополит Евгений (Болховитинов): реформа духовных училищ» возвращается к тщательно разработанному в дореволюционной историографии вопросу о духовно-учебной реформе начала XIX в. Страхова подчеркивает, что Евгений был не только создателем проекта, но и инициатором этой реформы, к идее которой он пришел благодаря характеру своего образования и педагогической деятельности на своей родине в Воронеже. «Он хотел, чтобы семинаристы не просто выучили предмет, зазубрили его, а научились думать, мыслить, обобщать»[53], – считала Страхова. Таким образом, учебная

---

[51] Там же. С. 106.

[52] *Перевезенцев С.В.* Российские Вольтеры: просветительство XVIII в. и национальная идея. URL:http://www.portal-slovo.ru/history/35121.php?ELEMENT_ID=35121. Дата обращения 30.12.2016.

[53] *Страхова Я.А.* Митрополит Амвросий (Подобедов) и митрополит Евгений (Болховитинов): реформа духовных училищ // Митрополит Санкт–Петербургский и Новгородский Амвросий (Подобедов). 1742–1818: Материалы научной конференции в Великом Новгороде. 13 сентября 2008 г. М., 2010. С. 119.

деятельность Евгения рассматривалась в непосредственной связи с его ученой деятельностью.

В статье «Русская проповедь XVIII в. как источник знаний о ценностных ориентациях русского человека “духовного чина”» А.И. Есюков указал на складывание в среде духовенства под влиянием просветительской идеологии нового понимания отношения человека к себе самому, что выразилось в признании естественности и необходимости самоуважения и заботы о себе. Это утверждение автора основывается среди прочего на анализе проповедей митрополита Евгения, который предлагал не копить богатства, а употреблять их «на просвещение ума» и «улучшение сердец» своих детей, что должно было послужить воспитанию детей в духе трудолюбия, человеколюбия и благотворительности[54].

Русскому религиозному просветительству посвятила свое исследование Э.К. Виртшафтер. В опубликованном в 2012 г. докладе «Религия и просвещение в екатерининской России: учение митрополита Платона»[55], основанном на монографии «Religion and Enlightenment in Catherinian Russia: The Teachings of Metropolitan Platon»[56] (2013), Виртшафтер утверждала, что церковные интеллектуалы конца XVIII – первой четверти XIX в. оказались способны совершить синтез церковного учения и европейских идей, предлагая обществу православное осмысление идей равенства, нравственного совершенствования, социального прогресса.

Таким образом, в основу представлений о митр. Евгении, сформировавшемся как ученый и просветитель еще в XVIII в. и до конца своих дней развивавшем свою разностороннюю научную и образовательную деятельность в этом русле, положены работы дореволюционных авторов. В советской историографии закрепилось мнение о нем как о светском по своим взглядам и предпочтениям деятеле, ставшем митрополитом в силу сложившихся обстоятельств. В последние годы авторами предпринимаются

---

[54] *Есюков А.И.* Русская проповедь XVIII в. как источник знаний о ценностных ориентациях русского человека «духовного чина» // Вестник РУДН. Серия: История России. 2010. № 1. С. 27.

[55] *Виртшафтер Э.К.* Религия и просвещение в екатерининской России: учение митрополита Платона // ГИИМ: Доклады по истории XVIII и XIX вв. URL:http://www.perspectivia.net/publikationen/vortraege-moskau/wirtschafter_religion. Дата обращения 25.03.2017.

[56]. *Wirtshafter E.K.* Religion and Enlightenment in Catherinian Russia: The Teachings of Metropolitan Platon. Northen Illinois University Press, 2013. – 193 p.

попытки вписать отдельные направления деятельности ученого в контекст русского религиозного просветительства, однако цельная картина пока не сложилась. Исследование мировоззренческих установок митрополита Евгения как одного из представителей ученого монашества, внесшего существенный вклад в развитие как религиозной, так и светской культуры XIX в. позволит создать завершенный образ ученого-архиерея.

Источниковая база исследования сформирована источниками разных видов; основной объем составляют источники личного происхождения: научные труды и переписка митр. Евгения, позволяющие изучить его просветительские взгляды.

Значительная часть исторических сочинений ученого-архиерея была опубликована еще при жизни, впоследствии они неоднократно переиздавались. Отдельные черновые наброски и фрагменты сочинений митр. Евгения остались неизданными, как и часть переписки, рассредоточенной по разным архивным собраниям.

Научные работы митр. Евгения являются основным источником для изучения его исторических и историографических воззрений и представлены разными по жанру произведениями.

Наиболее известными научными сочинениями митр. Евгения являются два словаря: светских и духовных писателей[57]. Рукопись словаря впервые вводится в научный оборот в данной работе[58].

Изначально это был единый словарь, первые попытки публикации которого относятся к 1805–1807 гг. в виде «Нового опыта исторического словаря о российских писателях»[59]. Его фрагменты размещались в ежемесячных выпусках журнала «Друг просвещения» без указания автора. Краткие сведения о писателях в алфавитном порядке были доведены до буквы «К», после чего публикации прекратились в связи с закрытием журнала.

---

[57] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, грекороссийския церкви. Ч. I–II. СПб, 1818. – 710 с.; *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев. М., 1845. Ч. I. – 328 с., Ч. II. – 290 с.

[58] Словарь духовных и светских писателей, составленный митрополитом Евгением (Евфимием Болховитиновым) // ОР РГБ. Ф. 310. Д. 1106. Подробнее о рукописи см. в п. 3.2 данной работы.

[59] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Новый опыт исторического словаря о российских писателях // Друг просвещения. 1805. Ч. I. С. 35–38.

В 1813 г. сочинение под заголовком «Словарь исторический о писателях российских и чужестранных, в России водворившихся и для россиян что-нибудь писавших, с присовокуплением многих известий вообще до ученой, гражданской и церковной истории российской относящихся» был передан Евгением в Московское общество истории и древностей российских в ожидании его издания. Рукопись пролежала в Обществе несколько лет. Без согласия автора М.Т. Каченовский издал в «Вестнике Европы» отдельные статьи из нее[60].

Тем временем Евгению пришла идея разделить писателей на духовных и светских. Издание словаря духовных писателей было осуществлено на средства Н.П. Румянцева В.Г. Анастасевичем в 1818 г[61]. По причине многих ошибок и опечаток, автор не пожелал поставить своего имени на титульном листе словаря. Несмотря на небрежность издания, появление словаря оказало огромное влияние на общественное образование, так как в нем содержалось множество новых данных[62]. Следующая публикация словаря в исправленном и дополненном виде состоялась в 1827 г. в Петербурге на средства книготорговца И. Глазунова[63]. Есть также современное издание книги[64].

В течение 1821–1822 гг. ученый-архиерей опубликовал в журнале «Сын Отечества» 56 биографий светских писателей[65]. Публикация первой части словаря была осуществлена уже после кончины митрополита Евгения в 1838 г. И.М. Снегиревым с

---

[60] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* О личных собственных именах у славяноруссов // Вестник Европы. 1813. № 13. С. 16–28; *[Евгений (Болховитинов), митр.]* О разных родах присяг у славеноруссов // Там же. С. 28–39; *[Евгений (Болховитинов), митр.]* О славянорусских типографиях // Там же. № 14. С. 104–129; *[Евгений (Болховитинов), митр.]* О древностях вологодских и зырянских // Там же. № 17. С. 27–47; *[Евгений (Болховитинов), митр.]* О старинной славено-русской арифметике // Там же. С. 47–54; *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое известие о Максиме Греке // Там же. № 21. С. 21–35; *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое известие о митрополите Петре Могиле // Там же. С. 35–44; *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Замечания об уставных и губных грамотах // Там же. С. 44–51.

[61] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, грекороссийския церкви. Ч. I–II. СПб, 1818. – 710 с.

[62] Бычков отметил, что подробная история российского книгопечатания, сведения о переводе первых священных книг на славянский язык и другие части труда митр. Евгения «были последним словом науки того времени». См.: *Бычков А.Ф.* О Словарях русских писателей митрополита Евгения // Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук (СбОРЯС АН). Т. 5. Вып. I. СПб., 1868. С. 229.

[63] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, грекороссийския церкви. Т. I–II. СПб., 1827. – 343 с.

[64] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, грекороссийския церкви. М.-Сергиев Посад, 1995, 2002. – 406 с.

[65] *Евгений (Болховитинов), митр.* Биографии российских писателей // Сын Отечества. 1821–1822. Ч. 68–76.

изменениями и дополнениями издателя. Возвращение авторского текста было сделано М.П. Погодиным в издании в 1845 г.[66]

Благодаря широте и информативности обзора, эти историко-литературные сочинения позволяют реконструировать представления ученого об историографической традиции изучения истории, вписанной в развитие российской словесности, которая в свою очередь являлась важнейшим показателем культурного развития общества.

Исторические сочинения создавались Евгением на протяжении всей жизни. Их анализ позволяет выявить особенности исследовательских подходов митрополита Евгения и принципы историописания. Большую часть этих работ представляют собой провинциальные истории.

«Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии»[67] стало первым опубликованным историческим сочинением Болховитинова (в то время протоиерея уездного города Павловска и префекта губернской семинарии отца Евфимия). Оно было составлено на основе архивных сведений и устных сказаний. Эта работа стала первым историческим исследованием, посвященным Воронежской истории в целом. Ее ценность для воронежских краеведов с годами не уменьшилась, так как многие письменные источники, положенные в ее основу, были впоследствии утрачены. Это исследование неоднократно переиздавалось, в том числе и в наши дни[68].

Следующее сочинение Евгения стоит особняком в ряду его краевых историй, так как это одна из немногих его «кабинетных» работ. При написании «Исторического изображения Грузии в политическом, церковном и учебном ея состоянии»[69] историк (тогда архимандрит Зеленецкого монастыря Евгений) не только не был в Грузии, но и не знал языка источников. Книга написана на основе устных рассказов экзарха Грузии

---

[66] *Евгений (Болховитинов) митр.* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев. М., 1845. Ч. I. – 328 с., Ч. II. – 290 с.

[67] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800. – 228 с.

[68] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии // Воронежская старина. Вып. 11. Воронеж. 1912. Прил. С. 1–156; *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии // Воронежский край XVIII века в описании современников. Воронеж, 1992. С. 57–204; *Болховитинов Е.А.* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 2011. – 247 с.

[69] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ея состоянии. СПб., 1802. – 100 с.

преосвящ. Варлаама (Эристави)[70] и архивных документов, предоставленных Н.Н. Бантыш-Каменским.

Судьба этого сочинения была счастливой. Книгу хорошо приняли при дворе, она была переведена на немецкий язык, А.Л. Шлецер напечатал в «Геттингенских ученых ведомостях» на нее одобрительную рецензию, а Г.Р. Державин предложил избрать Евгения членом Российской академии (что и было сделано в 1806 г.), обосновывая свою рекомендацию двумя книгами ученого: его историями Воронежа и Грузии[71].

В изучении грузинской истории (как и воронежской) Евгений оказался первопроходцем. Он положил начало переводам на русский язык фрагментов из выдающегося памятника грузинской литературы «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели[72], а его высокая оценка этого произведения привлекла к этому произведению интерес многих читателей. Сочинение архимандрита Евгения пробудило желание других ученых включиться в изучение истории этого края. Несмотря на некоторые фактические ошибки, допущенные в этой книге[73], она не потеряла своей научной ценности и по сей день.

Итогом служения еп. Евгения в Новгороде стало появление «Исторических разговоров о древностях Великаго Новагорода»[74]. Особое значение для науки имело использование в этом сочинении архивных материалов, впоследствии погибших при пожаре. Написанная в увлекательной форме и насыщенная исторической информацией, эта книга представлена также современным изданием[75].

Пребывание ученого-архиерея во Пскове способствовало собиранию истории этого края. Работа над ней продолжалась после перемещения Евгения в Киев, где «История княжества Псковскаго» и «Летопись древняго славено-русскаго города Изборска» были

---

[70] Варлаам (Эристави), митр. (1762–1830) – первый экзарх Грузии после присоединения ее к России. См.: *Лекишвили С.С.* Евгений Болховитинов и вопросы древнегрузинской культуры и истории // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1985. С. 33.

[71] Там же. С. 30.

[72] Перевод был выполнен с помощью грузинского консультанта, имя которого осталось неизвестным. См.: *Лекишвили С.С.* Указ соч. С. 30; *Шарадзе Г.С.* Евгений Болховитинов – первый русский руствелолог. Тбилиси, 1978. С. 116.

[73] Подробнее об этом см.: *Лекишвили С.С.* Указ соч. С. 34.

[74] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Исторические разговоры о древностях Великаго Новагорода. М., 1808. – 114 с.

[75] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Исторические разговоры о древностях Великаго Новагорода. Новгород, 2009. – 120 с.

опубликованы[76]. Фрагмент Псковской истории, повествующий об осаде города в годы Ливонской войны был издан отдельной книгой к 300-летию этого события[77]. Вся работа была в наше время вновь переиздана[78].

Описания материальных объектов – памятников древности (Псковского и Киевского Печерских монастырей, Киевского Софийского собора)[79] включают в себя сведения о месте расположения, происхождении, развитии и строениях, являющихся частью этих сооружений, а также описание местных святынь, письменных памятников и преданий. Эти источники позволяют рассмотреть взгляды митрополита Евгения на изучение материальной истории.

Краткие исторические сообщения создавались с целью привлечения внимания ученого сообщества к отдельным темам и сюжетам отечественной истории. Одним из них было известие о первом российском посольстве в Японию в 1792 г.[80]

Целый ряд исторических известий был связан с введением в научный оборот новых сведений или находок, обнаруженных ученым-архиереем[81]. Эти источники высвечивают в первую очередь организационную сторону ученой деятельности митрополита Евгения.

---

[76] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* История Княжества Псковскаго с присовокуплением плана города Пскова. Киев, 1831. Ч. 1. – 322 с., Ч. 2. – 144 с., Ч. 3. – 172 с., Ч. 4. – 192 с.; *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Летопись древняго славено-русскаго города Изборска. СПб., 1825. – 62 с.; См. также: Труды и летописи ОИДР, учрежденного при Московском университете. Ч. V. Кн. I. СПб, 1830. С. 131–162; Отечественные записки. 1825. № 61. С. 189–250.

[77] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Об осаде Пскова в 1581 году. Псков, 1881. – 66 с.

[78] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* История Княжества Псковскаго с присовокуплением плана города Пскова. Псков, 2009. – 416 с.

[79] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Описание Псково-Печерскаго первоклассного монастыря. Дерпт, 1821. – 63 с.; *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Описание Киево-Софийского собора и киевской иерархии с присовокуплением разных граммат и выписок, объясняющих оное, также планов и фасадов константинопольской и киевской софийской церкви и ярославова надгробия. Киев, 1825. – 291 с.; *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных грамот и выписок, объясняющих оное, также планов лавры и обеих пещер. Киев, 1831. – 366 с., 1847. – 340 с.

[80] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Известие о первом российском посольстве в Японию под начальством поручика Адама Лаксмана. М., 1805. – 30 с. Ранее было опубликовано в журнале «Друг Просвещения» в том же году. См.: [Евгений (Болховитинов), митр.] Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев. Т. I. М., 1845. С. 9–10.

[81] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Уставная грамота царя Ивана Васильевича, данная Двинским тиуном и их наместником о доходах и о прочем; Уставная грамота, данная от царя Ивана Васильевича двинянам; Губная грамота, данная от царя Ивана Васильевича белоезерцам, с примечаниями и изъяснениями на все три // Русские достопамятности, издаваемые ОИДР, учрежденным при Императорском Московском Университете. Часть 1. М., 1815. С 125–165; *[Евгений (Болховитинов), митр.]* О следах древнего греческого города Херсона, доные видимых в Крыму // Отечественные записки. Ч. 9. Кн. 22. СПб., 1822. С. 145–163; *Евгений (Болховитинов), митр.* О древностях, найденных в Киеве // Труды и записки ОИДР, учрежденнаго при Императорском Московском университете. Ч. III. Кн. I. М., 1826. С. 152–163; *[Евгений (Болховитинов), митр.]* О следах древнего греческого города Херсона, доные видимых в Крыму// Труды и летописи ОИДР, учрежденнаго при Императорском

Примером публикации источника с прибавлениями стало переиздание митр. Евгением Киевского Синопсиса[82]. Евгений участвовал также в изданиях других авторов, составляя для них предисловия[83]. Эти сочинения имеют уточняющий и обобщающий характер. Они позволяют рассмотреть взгляды ученого по отдельным историческим темам, не получившим полного раскрытия в трудах ученого.

Маргиналии или собственноручные заметки Евгения на полях его книг представляют собой источник, возникший в результате многолетней практики работы ученого с печатным текстом. Некоторые из них имеют характер дневниковых записей и являются источником биографических сведений, другие представляют собой библиографические пометки: о других изданиях книги, об обстоятельствах ее публикации, об авторе и т. д., третьи свидетельствуют о приемах работы митр. Евгения с научной литературой. Таким источником являются записи, оставленные митрополитом Евгением на полях «Опыта исторического словаря о российских писателях» Н.И. Новикова, хранящегося в ОР РГБ.[84] Другие маргиналии были выборочно опубликованы[85].

Переписка митрополита Евгения – это самая объемная группа источников, представленная как опубликованными, так и архивными материалами. Всего

Московском университете. Ч. IV. Кн. I. М., 1828. С. 102–115; *Евгений (Болховитинов), митр.* Сведение о Кирике, предлагавшем вопросы Нифонту епископу Новгородскому // Труды и летописи ОИДР, учрежденнаго при Императорском Московском университете. Ч. IV. Кн. I. М., 1828. С. 122–129; Письмо от Е. В. Киевскаго митрополита Евгения о найденных в Десятинной церкви серебряных слитках // Труды и летописи ОИДР, учрежденнаго при Императорском Московском университете. Ч. V. Кн. I. М., 1830. С. 124–125; *Евгений (Болховитинов), митр.* Замечания о черниговской гривне // Труды и летописи ОИДР, учрежденнаго при Императорском Московском университете. Ч. IV. М., 1833. С. 121–123.

[82] Прибавление к Синопсису Киевскому, содержащее современные росписи Великих князей, царей и императоров Всероссийских, польских Великих князей, удельных российских князей, митрополитов Киевских и всея России, малороссийских гетманов, монголо-татарских Великих ханов и удельных крымских киевских воевод и кастелланов бывших под польским правлением // Киевский Синопсис или краткое собрание от различных летописцов о начале Славенороссийскаго народа и первоначальных князех богоспасаемаго града Киева. Киев, 1823. С. 1–105.

[83] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое обозрение российскаго законоположения. С присовокуплением сведений: I) О старинных московских приказах, существовавших до времен Петра Великаго; II) О старинных чинах в России; III) О преждебывших в Малороссии присутственных местах и чинах. СПб., 1826. – 131 с.

[84] Словарь духовных и светских писателей, составленный митрополитом Евгением (Евфимием Болховитиновым) // ОР РГБ. Ф. 310. Д. 1106.

[85] Собственноручные заметки преосвященного Евгения, митрополита Киевского, на книгах, поступивших по его завещанию в киевскую семинарскую библиотеку // Маяк. 1843. Т. VII. Кн. XIV. Гл. III. С. 95–108; Т. XIII. Кн. XXV. Гл. III. С. 1–18. Неопубликованная часть рукописи хранится в ОР РГБ. Ф. 138. Д. 326. Автографы Евгения на книгах его библиотеки см.: *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Київський митрополит Євгеній (Є.О. Болховітінов). Біобібліографія. Бібліотека. Архів. Київ. 2010. С. 179–288.

проанализировано 1274 письма (из них 184 – неопубликованные) ученого-архиерея и его 54 адресатов, к числу которых принадлежали видные писатели, ученые, церковные и государственные деятели конца XVIII – первой трети XIX в. Впервые вводится в научный оборот 101 документ (см. Приложение 1). Тексты опубликованных писем уточняются путем сопоставления с оригиналами, хранящимися в архиве (см. Приложение 2).

Личный фонд митр. Евгения находится в РГАДА[86] и включает в себя 11 единиц хранения, представляющих часть переписки историка с В.Г. Анастасевичем, А.Н. Олениным, И.М. Снегиревым, В.С. Сопиковым, А.Ф. Воейковым, а также копию письма Йозефа Домбровского на латинском языке[87]. Фонд не отличается полнотой и достаточно хорошо изучен. В нем удалось обнаружить только один неопубликованный документ: письмо от 30 декабря 1813 г. еп. Евгения неустановленному лицу, находящемуся в действующей армии[88]. Этот источник расширяет наши представления о круге интересов ученого-архиерея и его отношении к переживаемым страной событиям. Оставшаяся переписка рассредоточена по разным архивным собраниям Москвы и Санкт-Петербурга (ГА РФ, ОР РГБ, ОПИ ГИМ, РГАЛИ, ОР РНБ, ОР ИРЛИ, СПбФ АРАН, НИИ СПб ИИ РАН).

Наибольший интерес представляют собой хранящаяся в архивах письма митрополита Евгения к ученым из окружения Н.П. Румянцева К.Ф. Калайдовичу[89], Н.И. Лобойко[90], К.П. Кеппену[91], А.Н. Оленину[92], М.П. Погодину[93], И.М. Снегиреву[94] в которых затрагивались различные вопросы отечественной истории. Переписка велась на русском языке, включала в себя отдельные выражения и целые фрагменты на латыни, французском и греческом языках. Некоторые документы из этой переписки вводятся в научный оборот впервые.

---

[86] РГАДА. Ф. 1367 (Фонд митрополита Киевского Евгения (Болховитинова). Оп. 1.
[87] РГАДА. Ф. 1367 (Фонд митрополита Киевского Евгения (Болховитинова). Оп. 1. Д. 1–10.
[88] РГАДА. Ф. 1367 (Фонд митрополита Киевского Евгения (Болховитинова). Оп. 1. Д. 11.
[89] ОР РНБ. Ф. 328. Д. 366.
[90] ОР РНБ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 6; ОР ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 154. Д. 10; СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 52. Д. 2.
[91] СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 84.
[92] ОР РНБ. Ф. 542. Д. 95, 211.
[93] ОР РГБ Ф 231/II. К. 52. Д. 27; К. 46 Д. 21.
[94] ОР ИРЛИ (Пушкинский дом) Ф. 361. Д. 11.

Переписка с другими деятелями Румянцевского кружка изучена лучше. Наиболее ценными можно считать письма друг к другу митрополита Евгения и Н.П. Румянцева[95], объединенных деятельным интересом к изучению отечественных древностей.

В данной работе привлечен также большой массив переписки членов Румянцевского кружка, опубликованный в разных изданиях[96]. Следует отметить большую информационную насыщенность переписки членов Румянцевского кружка, участие в деятельности которого было очень плодотворным для ученого-архиерея.

Представляет интерес также научная переписка Евгения с учеными, не входившими в Румянцевский кружок: историографом Н.М. Карамзиным, университетскими профессорами В.М. Перевощиковым, Г.Н. Городчаниновым, молодым историком Н.Н. Мурзакевичем и другими[97]. Она наиболее важна для изучения научных взглядов митрополита Евгения, так как отражает не только его устоявшиеся мнения и оценки, касающиеся исторических проблем, но и процесс их формирования.

Ранний период творчества ученого представлен в его письмах к воронежским и московским друзьям С.И. Селивановскому, Г.А. Петрову, В.И. Македонцу (Прил.1), А.С. Страхову[98]. Эти документы дают возможность прояснить жизненные установки

---

[95] Переписка митрополита Киевскаго Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 г. включительно). Вып. 1–3. Воронеж, 1868. – 125 с.

[96] Письма митрополита Киевскаго Евгения Болховитинова к В.Г. Анастасевичу // Русский архив. 1889. Вып. 5–7. С. 21–84; 161–236; 321–379; Письма митрополита Евгения к В.Г. Анастасевичу из Калуги и Пскова (1813–1818) // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 336–364; № 12. С. 611–640; 1881. № 2. С. 288–314; ОР РГБ. Ф. 8. К. 1. Д. 38; Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 2. СПб., 1863. – 504 с.; Письма митрополита Киевского Евгения к протоиерею И.И. Григоровичу // Чтения в ОИДР. 1864. № 2. С. 84–92; Переписка Евгения с А.И. Ермолаевым // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 238–246; Переписка митрополита Евгения с К.Ф. Калайдовичем // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 94–95; Переписка митрополита Евгения с П.И. Кеппеном // ЖМНП. 1867. № 12. С. 727–728; Переписка митрополита Евгения с А.Н. Олениным // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 34–35; Переписка митрополита Евгения с И.М. Снегиревым // Чтения ОИДР. 1892. Кн. 2. Ч. IV. С. 1–9; Письма митрополита Евгения к И.М. Снегиреву // Старина Русской земли. Исследования и статьи И. Снегирева. СПб., 1871. С. 107–136; Письмо П.М. Строеву от митрополита Евгения и ответ на него // Чтения ОИДР. 1892. Кн. 2. Ч. IV. С. 4–5.

[97] Из писем митрополита Евгения Болховитинова в Дерпт к профессору В.М. Перевощикову // Русский архив. 1890. Вып. 12. С. 425–448; Письма преосвященнаго митрополита Киевского Евгения к профессору Г.Н. Городчанинову // ЖМНП. 1857. Ч. XCIV. Отд. VII. С. 1–23; Извлечения из писем пр. Евгения к Г.Н. Городчанинову // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 47–56; Переписка митрополита Евгения (Болховитинова) с А.Ф. Воейковым, П.М. Строевым, И.М. Снегиревым, П.М. Бекетовым // Чтения в ИОИДР при Московском Университете. Кн. 2. Ч. IV. М., 1892. С. 1–9; Письма митрополита Евгения Н.М. Карамзину // Библиограф. 1889. № 4–5. С. 108–110; Письма митрополита Евгения к Н.Н. Мурзакевичу // Киевские епархиальные ведомости. 1868. № 10. С. 377–392.

[98] Письма Е.А. Болховитинова к С.И. Селивановскому // Библиографические записки. 1859. № 3. С. 65–79; Письмо Евгения Болховитинова к Г.А. Петрову // Русский архив. 1873. Вып. 1. С. 388–392; Выдержки из дружеских писем

ученого в молодые годы, основные черты его личностного склада, определившие его устремленность к научной деятельности. Кроме того, письма Евгения к С.И. Селивановскому содержат уникальные данные о попытках создания им общего труда по Российской истории.

Для лучшего понимания культурной среды небезынтересно обращение к эпистолярному общению еп. Евгения с литераторами Д.И. Хвостовым и Г.Р. Державиным[99]. Оно вмещает в себя сведения об эстетических и этических предпочтениях, которыми руководствовался историк. Взаимообогащающая дружба Г.Р. Державина и митрополита Евгения, отраженная в переписке, принесла плоды в творческой деятельности их обоих.

Мемуарные источники содержат свидетельства современников Евгения о личных встречах с ним в последние десятилетия его жизни. В воспоминаниях профессора русского языка и литературы Виленского университета Ивана Николаевича Лобойко (1786–1861) гг. описаны две встречи с Евгением во Пскове (1821 г.) и Киеве (1822 г.) и научные контакты в составе Румянцевского кружка, осуществлявшиеся по переписке[100]. В «Записки Н.Н. Мурзакевича»[101] включено описание впечатлений молодого ученого от общения с митр. Евгением во время их личной встречи в Киеве в 1834 г. Воспоминания священника-археолога Михаила Яковлевича Диева (1794–1866), называвшего себя «деятельным агентом» митр. Евгения, содержат сведения об их эпистолярном научном общении в 1832 г.[102], документальное подтверждение которого не обнаружено. Мемуары русского историка графа Михаила Дмитриевича Бутурлина (1807–1876), составленые на основе рассказов его отца графа Дмитрия Петровича Бутурлина (1763–1829), лично знавшего Евгения, а также своих собственных впечатлениях от встречи с митрополитом в последние годы его жизни, показывают Евгения как научного

Евгения (впоследствии митрополита Киевскаго) к воронежскому приятелю его Василию Игнатьевичу Македонцу // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 769–870; Письма митрополита Евгения (Болховитинова) к воронежскому купцу А.С. Страхову. С предисл. и примеч. Е.И. Соколова // Русское обозрение. 1897. Кн. 4. С. 737–774.

[99] Переписка Евгения с Державиным. Чтение Я.К. Грота. С приложением писем преосвященнаго к графу Хвостову и К.К. Гирсу. СПб., 1868. – 216 с.; Письмо митр. Евгения (Болховитинова) [Д.И. Хвостову] // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 837.

[100] *Лобойко И.Н.* Мои воспоминания. Мои записки. М., 2013. С. 85–87, 159–161.

[101] Записки Н.Н. Мурзакевича // Русская старина. 1887. Т. 53. С. 661–663.

[102] «Благодетели мои и моего рода». Воспоминания священника-археолога М.Я. Диева с предисловием А.А. Титова // Русский архив. 1891. № 5. С. 78–79.

деятеля[103]. Воспоминания диакона Прохора Иванова являются уникальным свидетельством участия Евгения в драматических событиях 14 декабря 1825 г.[104] Мемуары выпускников КДА прот. Николая Ивановича Соколова (1805–1891) и киевской семинарии прот. П.С. Марковского (?–?) создают образ Евгения как педагога и наставника духовных школ[105]. Несмотря на целый ряд неточностей, обусловленных особенностями субъективного восприятия авторами описываемых событий, они являются источником биографических сведений и данных о государственной, научной и административной деятельности митр. Евгения.

В последние годы жизни митр. Евгений составил **автобиографию и духовное завещание**. Отбор биографических сведений для послужного списка и описание имущества в завещании свидетельствуют о том, что Евгений тщательно обдумывал черты официального портрета государственного и церковного деятеля, представителя ученого монашества, которые он стремился запечатлеть[106].

Церковные проповеди и поучения митр. Евгения, впервые рассмотренные как исторический источник для изучения его просветительских взглядов, представлены как опубликованными, так и архивными материалами, впервые вводимыми в научный оборот[107].

---

[103] Записки графа М.Д. Бутурлина //Русский архив. 1897. № 8. С. 592–596. О неточностях в воспоминаниях Бутурлина см.: *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений как ученый... С. 272 – 273.

[104] Митрополит Серафим на Сенатской площади 14-го декабря 1825 г. // Исторический вестник. Т. XCIX. СПб., 1905. С. 166–172.

[105] Воспоминания и автобиография одесскаго протоиерея Николая Ивановича Соколова // Киевская старина. 1906. Т. 94. Кн. 2. Октябрь. С. 160–161; 182; *Марковский П.С.* Из воспоминаний о митрополите Евгении // Киевския епархиальныя ведомости. 1794. № 10. 272–280.

[106] *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Биография Евгения митрополита Киевскаго 1835 г. // [Евгений (Болховитинов), митр.]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Т. I. М., 1845. С. 1–20; Дело о кончине митр. Евгения (Болховитинова) // РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 18030. Л. 6–7.

[107] НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238. Коллекция Н.П. Лихачева. Оп. 2. Д. 136/1. Л. 1–29 об.*; [Болховитинов Евфимий, свящ.]* Слово на погребение Ея Превосходительства Генерал-Поручицы Наталии Димитриевны Чертковой, скончавшейся мая 21 дня 1790 года в Воронеже // *Зверев Ст[ефан], свящ.* Надгробное слово префекта Евфимия Болховитинова. Сергиев-Посад, 1896. – 8 с.; *[Болховитинов Евфимий, свящ.]* Слово надгробное преосвященному Иннокентию епископу Воронежскому, преставльшемуся в Бозе 1794 года апреля 15 дня то есть: в субботу светлыя недели, говоренное по совершении божественныя литургии при начале погребательнаго молитвословия в Воронежском Благовещенском соборе, тогоже апреля 19 числа, с присовокуплением к тому Речи и Разговора стихами, говоренных также над гробом пред последним целованием тела; и с приложением Краткаго летописца преосвященных воронежских от основания епископскаго престола в Воронеже до нынешняго времени. Воронеж, 1799. – 50 с.; *[Болховитинов Евфимий, прот.]* Речь в похвалу ея императорскаго величества Екатерины II самодержицы всероссийской при случае торжества о бракосочетании его императорскаго высочества благовернаго государя и великаго князя Константина Павловича с ея императорским высочеством благоверною государынею

Помимо источников личного происхождения были привлечены также **делопроизводственные источники**. Это «Записки заседаний Академии наук»[108], и «Дело о кончине митрополита Евгения»[109], дающие сведения о личности и научной деятельности Евгения, а также дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии[110], позволяющие изучать участие Болховитинова в государственных делах.

В работе также были использованы различные словари, журнальные публикации и другие источники, позволяющие расширить представление об интеллектуальном и культурном контексте той эпохи[111].

великою княжною Анною Феодоровною, говоренная февраля 9 дня 1796 года. М., 1796. – 9 с.; Речь Святейшему Синоду, говоренная архимандритом Евгением при наречении его Старорусским епископом. СПб., 1804. – 2 с.; Собрание поучительных слов, в разные времена и в разных епархиях проповеданных, святейшаго правительствующаго Синода и Комиссии духовных училищ членом Евгением митрополитом Киевским и Галицким, Киево-Печерской лавры Священно-архимандритом и разных орденов кавалером. Киев, 1834. Ч. I. – 440 с., Ч. II. – 447 с., Ч. III. – 490 с., Ч. IV. – 323 с. Подробнее о церковной проповеди как историческом источнике см. раздел 2.3 данной работы.

[108] Записки заседаний Академии наук // СПбФ АРАН. Ф. 8. Оп. 1, 2. Д. 12, 17–18, 30.

[109] Дело о кончине митр. Евгения (Болховитинова) // РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 18030.

[110] Следственное дело В.И. Штейнгеля // Восстание декабристов. Документы. Т. 14. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии. Под. ред. акад. М.В. Нечкиной. М., 1976. С. 166; Дело об обысках в Москве Селивановского Семена, владельца типографии, и мещанина Котельникова Петра // ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 265. Ч. 1. Л. 8. Протоколы заседаний Верховного уголовного суда // Восстание декабристов. Документы. Т. 14. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии. Под. ред. акад. М.В. Нечкиной. М., 1980. С. 75–82, 93–95, 142–250.

[111] *[Карамзин Н.М.]* Великий муж русской грамматики // Вестник Европы. № 7. 1803. С. 200–212; *[Нонnот К.Ф.]* Вольтеровы заблуждения, обнаруженные аббатом Ноннотом. Переведена с французского оригинала последнего шестого издания семинарии студентами богословии [Под редакцией Е.А. Болховитинова]. М., 1793. Ч. 1. – 379 с., Ч. 2. – 375 с.; *[Полевой Н.А.]* Современная русская библиография. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина грекороссийской церкви // Московский телеграф. 1828. № 3. С. 413–415; *Анастасевич В.Г.* Любопытное известие о золотой гривне, найденной в Чернигове // Отечественные записки. № 20. 1821. С. 425–442; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Евгений Болховитинов // Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. II. СПб., 1847. С. 1–10; *Барсов Е.В.* Переписка государственного канцлера графа Н.П. Румянцева с московскими учеными // Чтения ОИДР. 1882. Кн. 1. Январь – март. С. 1–334; *Берлинский М.Ф.* Объяснение изображений на медали, найденной подле Чернигова в 1821 г. // Труды Вольного общества любителей российской словесности. 1822. № 1. Ч. XII. С. 322–325, *Варвинский Г.* О надписи на Черниговской гривне // Труды и записки ОИДР, учрежденнаго при Императорском Московском университете. Ч. III. М., 1826. С. 126–130; *Державин Г.Р.* На восшествие на престол императора Александра // Сочинения Державина с объяснениями и примечаниями Я. Грота. Т. 2. СПб., 1865. С. 355–362; *Державин Г.Р.* Стихотворения. Л., 1957. – 468 с., *Казадаев А.В.* Историческое похвальное слово Дмитрию Донскому. СПб, 1827. – 344 с.; *Калайдович К.Ф.* О древних русских медалях // Северный архив. 1823. № 3. С. 240–242; *Каченовский М.Т.* Разыскание по поводу старинной золотой медали, недавно открытой // Вестник Европы. 1822. № 4. С. 285–289; № 5. С. 45–51, 118–128; № 6. С. 181–195; № 15. С. 339–340, 345; *Михайловский-Данилевский А.М.* Записки 1814 и 1815 годов. СПб., 1832. – 370 с.; *Нечаев С.Д.* Замечание о старинном медном образе // Труды и записки ОИДР, учрежденнаго при Императорском Московском университете. Ч. III. М., 1826. С. 131–137; *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. – 264 с.; Новиков Николай Иванович // *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев. Т. I–II. М., 1845. С. 105; *Платон (Левшин), митр.* Краткая российская церковная история. М., 1805. Т. 1. – 388 с., Т. 2. – 352 с.; Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1831. – 408 с.; *Сангален Я.И.* О медали Черниговской // Труды и записки ОИДР, учрежденнаго при Императорском Московском университете. Ч. III. М., 1826. С. 110–125; *Снегирев И.М.* Жизнь московского митрополита Платона. Ч. I. М., 1890. – 136 с.; Собрание

Таким образом, источниковая база позволяет охватить все направления исследования, заданные в настоящей работе, и достичь назначенной цели.

государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. I. – 656 с., *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. Кн. 4. СПб., 1784. – 595 с.; *[Schlözer A.L.]* Несторъ. Russische Annalen in ihrer Slavonischen GrundSprache: verglichen, von SchreibFelern und Interpolationen möglich gereinigt, erklärt, und übersetzt, von August Ludwig von Schlözer, Hofrath und Professor der StatsWissenschaften in Göttingen, des Kaiserl[ichen] Russischen Ordens des heil[igen] Wladimirs 4ter Klasse Ritter. 1–2. Göttingen, 1802. – 459 p.

ГЛАВА I МИТРОПОЛИТ ЕВГЕНИЙ (БОЛХОВИТИНОВ) И ТРАДИЦИЯ УЧЕНОГО МОНАШЕСТВА КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

1.1 Начало церковного служения

Детство и начало образования. Сведения о начале священнического рода Болховитиновых восходят ко второй половине XVII в. Прадед Евфимия Стефан Федосович был священником Дмитриевской церкви[112] приграничного города Коротояк, основанного в 1642 г. на правом берегу р. Дон к югу от Воронежа. В своем первом историческом труде, посвященном прошлому родного края, Е.А. Болховитинов писал: «Царь Алексей Михайлович... для безопасности от... нападений татарских по границе построил с острогами города Усмонь, Коротояк, Урыв, Ольшанск, Усерд и многия порубежныя к ним селения и остроги; и с его-то времени начали поселяться переведенцы также по разным и внутренним местам Воронежской губернии»[113]. Одним из таких «переведенцев» был выходец из г. Болхова[114] «Федос, рейтар[ского] строя нововерст[анный] сын боярский»[115], родитель священника Стефана, о чем сообщал Евфимий Алексеевич в составленной им поколенной росписи[116]. Дед Андрей Стефанович (?–1764 г.) служил в воронежской архиерейской канцелярии и вышел в отставку в 1754 г. в чине подьячего. Кроме него чиновниками канцелярии, а после 1744 г. и воронежской духовной консистории были другие представители рода Болховитиновых, по протекции которых, как считал Л.Ф. Змеев, отец Евфимия Алексей Андреевич (1740–1776 гг.) получил место священника Ильинской

---

[112] *Змеев Л.Ф.* К родословной митрополита Евгения Болховитинова. СПб., 1893. С. 2 и табл. Сейчас это, по всей вероятности, Храм Димитрия Солунского села Дмитриевка Лискинского района Воронежской области. Дмитриевский приход Лысковской пятины известен с 1692 г. См.: Списки населенных пунктов южных уездов России в XVII–начале XVIII вв. URL:// http://www.evsyukov.ru/sprav/naspall.html. Дата обращения 19.02.2019.

[113] *[Болховитинов Е.А.]* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из историй, архивских записок и сказаний В[оронежской] с[еминарии] п[рефектом] п[авловским] п[ротоиерем] Е[вфимием] Болховитиновым Воронеж, 1800. С. 15.

[114] Болхов – районный центр Орловской области, в середине XVII в. был вотчиной боярина И.Д. Милославского.

[115] Змеев считал, что Федос Стефанович Болховитинов был дьячком и сыном священника. См. *Змеев Л.Ф.* Указ соч. С. 2.

[116] *Змеев Л.Ф.* Указ соч. Табл.

(Входоиерусалимской) церкви г. Воронежа[117]. Ранние годы Евфимия Алексеевича Болховитинова, родившегося 18 декабря 1767 г.[118], его старшей сестры Евфросинии (1763 – после 1827 г.) и младшего брата Алексея (1774–1831 гг.) были связаны с этим храмом. Принадлежность к духовному сословию обуславливала воспитание детей как будущих священно- или церковнослужителей и включала приобщение их к богослужению[119].

Материальное положение семьи, в которой рос Евфимий Болховитинов, было трудным. Приход одноштатной Ильинской церкви мог включать в себя 100–150 дворов[120]. Основной статьей материального содержания приходского священника была плата за исполнение треб (молитв и обрядов по просьбам верующих). По подсчетам Б.Н. Миронова, средний доход, приходящийся за требоисполнение на одного священника в 1760-е гг., составлял 70 р. в год в ценах того времени[121]. Не сохранилось данных о церковных землях или пособии от государства, которое предоставлялось бы лишенному земельного надела городскому храму. Известно, что семья священника Алексея Болховитинова была обеспечена жильем – деревянным домом на каменном фундаменте, занимавший «в Ильинском приходе, идучи от Спасовской улицы по Ильинскому переулку к церкви Ильи Пророка, на левой стороне четвертое от погоста угольное место»[122], но проблему недостатка средств существования это не снимало. В поисках дополнительного дохода в 1776 г. Алексей Андреевич в числе других священников принял участие в недозволенном богослужении, проводившемся в частном доме, за что был обличен в позорном стремлении к наживе и подвергнут публичному

---

[117] «Входиерусалимская одноштатная каменная церковь построена 1767 по 1770 год наместо деревянной, стоявшей с правой стороны нынешней над горою. Первую сего имени деревянную церковь построил тут бывший с 1638 по 1641 год стольник и воевода воронежский Мирон Вельяминов. Ныне в сей церкви придел во имя Св. Пророка Илии, освященный в 1771 году генваря 27, от коего сперва и церковь прозвана Ильинскою; а настоящая освящена уже в 1780 году июля 20». См.: *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800. С. 71.

[118] *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Биография Евгения митрополита Киевскаго 1835 г. // *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Т. I. М., 1845. С. 1.

[119] *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен Петра. С. 176–177.

[120] *Федоров В.А*. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М., 2003. С. 29.

[121] *Миронов Б.Н.* Жизненный уровень приходского духовенства // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 1 (25). С. 72.

[122] *Акиньшин А.Н.* У истоков. Об историко-краеведческих трудах Евфимия (в монашестве-Евгения) Алексеевича Болховитинова (1767–1837) // Московский журнал. 2017. № 10 (322). С. 79.

церковному покаянию[123]. Возможно, это происшествие ускорило его кончину, произошедшую в том же году. Осложнившееся материальное положение потерявшей кормильца семьи могло стать причиной того, что в девятилетнем возрасте Евфимию пришлось оставить родной дом,[124] начинался длительный период его обучения.

Остается неизвестным, успел ли Алексей Андреевич обучить Евфимия чтению и письму. Эта обязанность возлагалась на отцов семейств, принадлежавших к духовному сословию[125]. Известно, что первой ступенью образования для Евфимия Болховитинова стал воронежский певческий архиерейский хор при котором он, находясь на казенном содержании, в течение нескольких месяцев 1777 г. постигал азы грамоты и пения[126], чего оказалось достаточно, чтобы в том же году поступить в воронежскую семинарию, куда принимали детей 7–15 лет, знавших грамоту.

Сын священника Евфимий Болховитинов должен был получить духовное образование. Целый ряд указов Петра I[127] предписывал детям из семей духовенства обязательное и даже принудительное обучение в греческой и латинских школах, а позже в семинариях, без чего они не могли стать служителями церкви и не могли избрать себе иного рода занятий кроме солдатской службы. Сословный характер образования, определенный Духовным Регламентом 1721 г., сохранялся на протяжении всего XVIII в. Как отмечал П.В. Знаменский, «прием духовных детей в школу получал все черты

---

[123] *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений... С. 4.

[124] По мнению воронежского писателя В. В. Кораблинова, автора художественной повести о Е.А. Болховитинове, именно это событие отдалило Евфимия от матери, сделало их отношения напряженными. См.: *Кораблинов В.В.* Падре Евфимиус // Воронежские повести. Воронеж, 1984. С. 177. О матери, предположительно ее имя Евфросиния, известно крайне мало. В письме из Новгорода к своему воронежскому приятелю В.И. Македонцу Евгений сообщал о получении известия о ее недавней кончине, но на ее погребение в Воронеж он не поехал. См.: Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 16 мая 1804 г. // Русский архив. 1870. № 4–5. С. 836–837.

[125] *Никольский П.В.* История Воронежской семинарии. Воронеж, 1898. С. 146.

[126] Об архиерейском хоре в 1770-ые гг. ничего не известно. Есть сведения о хоре начала XVIII в. Примерно половина его состава приходилось на подьяков или малолетних певчих из числа детей духовенства, содержавшихся при архиерейском доме, получавших питание, одежду и денежное содержание, изучавших нотное пение и готовившихся к принятию священного сана. См.: *Поликарпов Н.[И]*. Воронежский архиерейский хор при св. Митрофане и поездки его в Москву в 1704 г. // Воронежская старина. Вып. 2. Воронеж. 1903. С. 237–249.

[127] Именной указ Об определении поповских и диаконских детей в греческия и латинския школы, о непосвящении в попы и диаконы тех, которыя учиться в оных школах не пожелают и о непринимании их ни в какие чины кроме воинской службы. 15 генваря 1708 г. № 2186. // ПСЗРИ. Собр. первое. Т. IV. СПб., 1830. С. 401; Именной указ. О обучении поповских и дьяконских и прочих церковнослужительских детей в греческой и латинских школах, о непосвящении в попы и дьяконы тех, которые учиться не похотят и о неприем оных ни в какие чины кроме солдатского звания. 11 ноября 1710 г. № 2308// ПСЗРИ. Собр. первое. Т. IV. СПб., 1830. С. 581; Регламент или Устав Духовной коллегии. 25 генваря 1721 г. № 3718. Дела епископов. § 8 // ПСЗРИ. Собр. первое.Т. VI. СПб., 1830. С. 323–324.

тогдашнего набора людей в службу. Служебная карьера духовного лица действительно и начиналась со школы»[128]. Главная цель духовного образования предполагала усвоение семинаристом разносторонних познаний как богословских, так и светских, что давало бы возможность правительству использовать его для службы на различных направлениях. В царствование Екатерины II утилитарный взгляд на образование сменился широкими педагогическими воззрениями, просветительскими по своей направленности. Задача воспитания «новой породы людей», полезных граждан, способных созидать общественное благо, возлагалась просвещенной императрицей в том числе и на духовное сословие. Получившие духовное образование священники должны были являть собой пример нравственных добродетелей и способствовать «просвещению народному»[129]. Для этого предполагалось ввести в духовных школах широкую программу общего образования, что было реализовано лишь частично, приоритет сохранился за богословскими дисциплинами.

Курс обучения в воронежской семинарии, в которую 15 октября 1777 г. был зачислен десятилетний Евфимий Болховитинов[130], состоял из трех ступеней. В первом классе низшей ступени образования – информатории – отроки из семей духовенства учились чтению и письму по-русски и по-славянски, а также церковному пению, знакомились с катехизисом и началами латинского языка, на котором базировалось все последующие образование. Во втором классе, называемом «инфима», семинаристы начинали изучение грамматики латинского языка, продолжая его в грамматическом и синтаксическом классах. По их окончании учащиеся владели навыками перевода и устной речи на латыни. Семинаристов, способных усвоить программу каждого класса за один год было мало. По утверждению Знаменского, около половины учащихся духовных школ задерживались в каждом классе от двух до шести – восьми лет, пока не

---

[128] *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881. С. 56.
[129] Там же. С. 469–470.
[130] *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767–1804. СПб., 1888. С. 6. Митр. Евгений и другие авторы указывают 1778 г. как дату начала обучения Е.А. Болховитинова в семинарии. См.: *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Биография Евгения митрополита Киевскаго 1835 г. // *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Т. I. М., 1845. С. 1; *Данский А.А.* Очерк жизни и ученых трудов Евгения митрополита Киевскаго и Галицкаго // Воронежский литературный сборник. Вып. 1. Воорнеж, 1861. С. 225; *Сперанский Д.Н.* Ученая деятельность Евгения Болховитинова митрополита Киевскаго // Русский вестник. 1885. № 4. С. 520; *Пыльнев Ю.В., Рогачев С.А.* Школы и просвещение Воронежского края в XVIII в. Воронеж, 1997. С. 28.

выбывали по возрасту или по собственной просьбе[131]. Евфимий Болховитинов оказался вполне подготовленным к тому, чтобы начать семинарское обучение сразу с синтаксического класса, в котором он в течение четырех лет кроме основных предметов изучал также арифметику, грамматику, историю и географию[132].

Позже в своем труде, посвященном родной семинарии, митр. Евгений вспоминал об одном из ее выдающихся учителей, преподавателе риторики Иване Переверзеве (1776–1778 гг.), «который первый ввел в Воронежскую семинарию обучение истории, географии и русской грамматики без всякого к обучению оных предписания. Он произвольно употреблял на сие свободные от ординарных классов часы и обучал своих учеников истории и географии по большей части без книг, одним рассказыванием. Ибо он имел память счастливую и историческую»[133]. Здесь отражены ранние впечатления Евфимия Болховитинова об истории как о знании, которое передается в форме свободного повествования напрямую ученику учителем, обладающим некоторым особым «историческим» складом памяти. Идея преемственности научного знания и интерес к личностям, ее обеспечивающим, впоследствии получили свое развитие в словарях митрополита Евгения, а представление о неразрывной связи истории и географии оказало влияние на характер исторических трудов ученого.

О том, что представляло собой преподавание истории в Воронежской семинарии и других образовательных учреждениях 1770-ых г., известно не много. Становление истории России как учебной дисциплины связано с учреждением Екатериной II в 1786 г. народных училищ[134]. До этого в учебных заведениях преподавалась всеобщая история с включением отдельных сюжетов из отечественной истории, которые могли быть взяты учителем семинарии из хорошо известного в XVIII в. Синопсиса. Книга эта, как позже утверждал митр. Евгений, ее переиздававший, «по бывшему недостатку других Российской истории книг печатных, была в свое время единственною учебною

---

[131] *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881. С. 440.

[132] *Николаев А.И.* Евфимий Алексеевич Болховитинов, впоследствии Евгений – митрополит Киевский // Воронежские епархиальные ведомости. 1868. № 2. С. 45.

[133] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* История о Воронежской семинарии. Цит по: *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений... С. 37. О степени участия митрополита Евгения в этом труде см.: Там же. С. 167–169.

[134] Высочайше утвержденный Устав народным училищам в Российской империи. 5 августа 1786 г. № 16421. §§ 8–9 // ПСЗРИ. Собр. первое. Т. XXII. СПб., 1830. С. 647.

книгою»[135]. Содержащиеся в ней исторические сведения, изложенные в нравоучительной манере, вполне соответствовали характеру семинарского образования. Учителю мог быть известен также «Краткой российской летописец с родословием»[136] М.В. Ломоносова, служивший во второй половине XVIII в. школьным учебником русской истории[137]. Кроме того, к тому времени уже были опубликованы исторические труды Г.Ф. Миллера, Г.З. Байера, В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, И.М. Штриттера, И.Н. Болтина[138], фрагменты из которых могли быть предложены семинаристам в пересказе преподавателя.

В 1782 г. Евфимий Болховитинов был переведен на вторую ступень семинарского образования, включавшую классы поэзии и риторики, в которых обучали теории стихосложения, правилам ораторского искусства и составлению поэтических или прозаических поздравительных, приветственных и других речей. На этой ступени семинаристы, их уже называли студентами, усваивали множество мифологических примеров и латинских изречений, которые включались в произносимые ими речи, а также правила построения силлогизмов как формы доказательств. Семинаристы читали сочинения Цицерона, Овидия и Виргилия, заучивали наизусть и разбирали оды М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина, сочиняли собственные стихотворения: эпиграммы, гимны, эпитафии, элегии и т. д.[139] Одолевшие эту ступень образования семинаристы получали лучшие места церковного служения[140].

Казеннокоштного студента Евфимия Болховитинова, успешно закончившего риторический и поэтический классы и пожелавшего продолжить обучение в 1784 г., ожидала высшая ступень семинарского образования, состоявшая из классов философии и богословия, каждый из которых был рассчитан в среднем на два года. Курс философии

---

[135] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Предуведомление читателю // Синопсис или краткое собрание от различных летописцев. Киев. 1836. С. I.

[136] *[Ломоносов М.В.]* Краткой российской летописец с родословием. СПб., 1760 г. Эта книга была хорошо известна митр. Евгению (Болховитинову). См.: *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Т. II. М., 1845. С. 24.

[137] *Вернадский Г.В.* Русская историография. М., 1998. С. 54.

[138] На всех этих авторов ссылается Е. А. Болховитинов в своем первом историческом труде, посвященном прошлому родного края. См.: *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800. – 229 с.

[139] *Никольский П.В.* История... С. 148–150.

[140] *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881. С. 445.

включал в себя историю философии, диалектику или логику, физику и метафизику. В преподавании философии второй половины XVIII в. господствующая схоластика, основанная на философии Аристотеля (384 г. до н. э. – 322 г. до н. э, начала размываться идеями Френсиса Бэкона (1561–1626), Рене Декарта (1596–1650), Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716) и Христиана Вольфа (1679–1754). Завершало образование изучение догматического богословия по руководствам Платона (Левшина) (1737–1812), Иринея (Фальковского) (1762–1823) и Феофана (Прокоповича) (1681–1736), нравственного богословия, герменевтики, церковного права и красноречия. Студенты составляли богословские сочинения на русском языке и латыни, а также проповеди. По окончании каждого учебного года семинаристы участвовали в публичных диспутах, в которых отрабатывались полемические навыки учащихся[141].

Евфимий Болховитинов прошел в семинарии только половину философского класса. Учение не ладилось, класс был переведен в слободу Белогорье, располагавшуюся более чем в ста верстах от Воронежа, где служил преподаватель философии прот. Стефан Товарищенков, отказывавшийся покидать свой приход ради места в семинарии. 20 июня 1785 г. класс в Белогорье был закрыт, а по окончании вакации Евфимий Болховитинов подал прошение главе Воронежской семинарии еп. Тихону (Малинину) «об увольнении его в московския училища для окончания учения своего»[142]. Это желание семинариста Болховитинова встретило горячую поддержку со стороны еп. Тихона, который усмотрел в нем возможность во исполнение императорского указа 1784 г.[143] в скором будущем обеспечить семинарию преподавателями греческого языка, вследствие чего Болховитинов со своим учеником Иваном Богомоловым «отправлены... оба в Москву на казенном коште 10-го сентября

[141] *Знаменский П.В.* Указ соч. С. 445–446.

[142] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* История о Воронежской семинарии. Цит. по: *Николаев А.И.* Евфимий Алексеевич Болховитинов, впоследствии Евгений – митрополит Киевский // Воронежские епархиальные ведомости. 1868. № 2. С. 47.

[143] По мнению Знаменского, этот указ Екатерины II, предписывающий введение в программу духовных школ обязательное изучение греческого языка стал следствием ее увлечения внешнеполитическим греческим проектом. *См.: Знаменский П.В.* Указ соч. С. 768.

того 1785 года с подтверждением, дабы они для пользы семинарии в надежду учительства более всего учились греческому языку»[144].

Прошедшие все ступени образования семинаристы во второй половине XVIII в. были редкостью и считались очень учеными людьми. Знаменский замечал, что несмотря на формальное изучение многих предметов, семинаристы получали основательное гуманитарное образование и вследствие этого имели огромное преимущество перед воспитанниками других учебных заведений[145]. В семинарском образовании в 1770–1780-х гг. наряду со славянским и русским языками уделялось большое внимание изучению латыни. Учащиеся не только осваивали навыки перевода и разговорной речи, но и писали собственные сочинения в разных жанрах на латинском языке почти в тех же объемах, что и на русском. Обучение включало в себя знакомство с лучшими образцами как русской, так и латинской словесности и красноречия. Евфимий Болховитинов, аттестованный в риторическом классе как ученик «отличных дарований и прилежания»[146], впервые погружался в новую для себя культурную среду классических идей и образов, к которым впоследствии он часто обращался. Кроме того, овладение латынью, сохранявшей свой статус международного языка европейской науки,[147] имело для Болховитинова и чисто практическое приложение, позволяя ему в будущем вести переписку с зарубежными учеными[148], обеспечивая ему доступ к иностранным новинкам научной литературы.

7-го сентября 1785 г. еп. Тихон (Малинин) направил директору Славяно-греко-латинской академии архиеп. Платону (Левшину) сопроводительное письмо, в котором сообщал: «Представшие с ним пред священною особу вашу два мальчика имеют нужду обучаться в Московской академии философии и богословию, а паче греческому языку в надеянии их и моем: их – заступить места учительския, а моем – видеть достойных учителей в Воронежской семинарии. Благоволите, милостивейший отец, дозволить

---

[144] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* История о Воронежской семинарии. Цит по: *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений... С. 41. Евфимий Болховитинов во время пребывания в Москве получал от Воронежской семинарии по 60 рублей в год. См.: *Николаев А.И.* Указ соч. С. 49.

[145] *Знаменский П.В.* Указ соч. С. 445–446.

[146] *Николаев А.И.* Указ соч. С. 46.

[147] *Вернадский Г.В.* Русская историография. М., 1998. С. 27.

[148] *Моисеева Г.Н.* Литературные связи России и Чехии конца XVIII – начала XIX века (Йозеф Добровский и Евгений Болховитинов) // Русская литература. 1984. № 4. С. 110–115.

причислить их к юношам, пользующимся вашего высокопреосвященства покровительством. Через сие изволите изъявить милость отличную всему здешнему обществу, а я и сие благодеяние Вашего Высокопреосвященства напечатлев на сердце моем за совершенное удовольствие почитать имею тем хвалиться»[149]. Несмотря на почтительно-официальный тон приведенного письма, следует отметить, что два архипастыря были давними знакомыми, состояли в деловой переписке, воронежский епископ неоднократно прибегал к покровительству московского преосвященного в делах руководства семинарией[150]. Они оба в 1755–1757 гг. учились в той самой академии[151], которой позже руководил архиеп. Платон и куда направлялись два воронежских семинариста для продолжения своего образования. Оба архиерея имели достаточный опыт преподавания в духовных школах и успешного руководства ими[152], чтобы разглядеть способности своих подопечных к наукам и учительству. Кроме того, Московская академия со времен Петра I была «рассадником учителей» для иногородних семинарий[153], за счет чего обеспечивалось совместимость их курсов, единство методов преподавания и общего направления духовного образования в целом.

Московское образование Болховитинова. В сентябре 1785 г. семнадцатилетний Евфимий Болховитинов стал студентом философского класса Московской академии. Как сообщал С.К. Смирнов, перед началом обучения на высшей ступени духовного образования учащиеся академии приносили присягу царю, согласно которой каждый из них должен был быть «готов к службе, до которой угоден есть и позван будет указом Государевым»[154]. Таким образом представители духовного сословия призывались не только к церковной, но и любой другой государственной службе, а академия должна была осуществлять их соответствующую подготовку.

При митр. Платоне (Левшине) Московская академия стала высшем учебным заведением, дававшим широкое классическое образование, базировавшееся на изучении

---

[149] Цит. по: *Смирнов С.К.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 269–270.
[150] *Никольский П.В.* История Воронежской семинарии... С. 69–70.
[151] Тихон (Малинин) учился в Академии в 1755–1763 гг., преподавал в 1763–1770, был префектом в 1770–1771 гг.; Платон (Левшин) учился в 1747–1757 гг., преподавал в 1757, руководил в качестве директора в 1775–1812. См.: *Смирнов С.К.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 211; 255–264.
[152] См.: *Никольский П.В.* Указ соч. С. 68–71; *Смирнов С.К.* Указ соч. С. 255–264.
[153] *Смирнов С.К.* Указ соч. С. 229.
[154] Там же. С. 224.

античной литературы и риторической традиции. В своем стремлении приблизить образование своих воспитанников к реальным условиям их будущего служения митр. Платон ввел в курс обучения семинаристов новые предметы и способы обучения. Существенным нововведением стало утверждения русского как полноправного языка преподавания теоретических предметов, письменных работ учащихся и проведения диспутов.

Отличительной особенностью Московской академии этого периода стала новая образовательная среда, в которой «дух схоластики потерял силу и уступил место светлому воззрению на предмет»[155]. В духовной школе стали возможны занятия на свежем воздухе, театральные представления, вокальная и инструментальная музыка, которые могли способствовать развитию «вкуса и дарований»[156] воспитанников. Вот как описывал общение митр. Платона со своими подопечными И.М. Снегирев: «Сады, луга и рощи превращались им в Академии, где юноши учились рассуждать со своим Платоном о разных предметах учености; что напоминало им древний Платонов учительный сад – Академию в Элладе. Богослову задавал он вопрос из богословии для разрешения, философу – какое-либо положение из области любомудрия; поэту – тему для стихов»[157]. Не известно, был ли Евфимий Болховитинов участником таких занятий, но любопытно, что и ему был свойственно подобное философско-созерцательное отношение к природе[158]. Как отмечал позже один из воспитанников митр. Платона, развитие в юношах эстетического чувства было «одним из могучих средств воспитания

---

[155] Там же. С. 259.

[156] *Снегирев И.М.* Жизнь московского митрополита Платона. Ч. I. М., 1890. С. 62.

[157] Там же. С. 57.

[158] В 1804 г. Евгений писал профессору Г.Н. Городчанинову: «Я живу попеременно то в Новгороде, то в Хутыни. Но охотнее в последнем, где роскошная природа живит меня своими красотами.

Мой сад ни Англинский, но фруктов в оном боле;
Они сочней Петропольских, растущих поневоле;
Театр мой – целый сад, музыка – птичек хоры;
Мой пышный двор–друзей любезных разговоры;
Мой Эрмитаж – в саду, в сгустившихся кустах;
Моя Кунсткамера – в снопах и закромах;
Вся Академия – природа предо мной;
В ней лучше учится и сердце, и ум мой».

См.: Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Г.Н. Городчанинову от 2 июля 1804 г. // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 48.

просвещенных богословов»[159] Творческая атмосфера, созданная в духовной школе митр. Платоном, формировала культурные потребности учащихся.

Зародившийся у студента Болховитинов еще в семинарии интерес к истории мог укрепиться под сенью академии Платона. Известно, что он сам «знание истории приобрел всегдашним читанием исторических книг, к чему прилежал через всю свою жизнь, и не было для него приятнее упражнения, как чтение истории всей вообще и своей отечественной»[160]. Эту любовь к истории он пытался привить и своим воспитанникам, для чего ввел в учебный курс академии и семинарии преподавание гражданской истории[161]. С 1786 г. всеобщая история излагалась по книге И. Фрейера[162], переведенной с немецкого Х.А. Чеботаревым в качестве учебника для университетских гимназий. В нее переводчиком были вставлены отдельные сюжеты из отечественной истории, взятые из «Краткого российского летописца» М.В. Ломоносова и дополненные профессором Московского университета И.Г. Рейхелем (1727–1778)[163]. Изложение истории в этом учебнике начинается с объяснения ее предмета. «История есть знание разных достопамятных вещей, случившихся в свете, – объяснял автор, – которыя такого состояния, что человек чрез рассудительное о них размышление час от часу в большее познание и просвещение разума приходить может»[164]. Выбор предмета и учебного пособия к нему, направленных на расширение кругозора и интеллектуальное развитие студентов, свидетельствует о стремлении Платона вывести их образование за рамки узкопрофессиональной подготовки. Однако практика преподавания истории не способствовала достижению этих целей. Смирнов сообщал, что на эту учебную дисциплину уделялось послеобеденное время два раза в неделю по средам и субботам и этого было не достаточно для ее усвоения, знания студентов по истории оставались поверхностными[165].

---

[159] *Беляев А.А.* Митрополит Платон [Левшин] как строитель национальной духовной школы // Богословский вестник 1912. № 12. С. 678.
[160] *Смирнов С.К.* Указ соч. С. 256.
[161] *Знаменский П.В.* Указ соч. С. 781–782; *Смирнов С.К.* Указ соч. С. 304.
[162] *[Фрейер И.]* Краткая всеобщая история, с продолжением оной до самых нынешних времен и присовокуплением к ней российской истории. М., 1769.
[163] Там же. Предисловие.
[164] Там же. С. 1.
[165] *Смирнов С.К.* Указ соч. С. 304–305.

При митр. Платоне в курс Академии была включена история русской церкви по учебнику, написанному им самим. По свидетельству митр. Евгения, начало работы Платона над этим сочинением приходилось на время обучения студента Болховитинова в Академии, и это не оставило его равнодушным. Позже, уже являясь автором нескольких исторических трудов, епископ Старорусский Евгений, сообщая своему воронежскому приятелю о поездке митрополита Платона в Киев, писал: «Предлогом тому поставил будто собирание материалов для Российской церковной истории, которой он во весь век свой не напишет, хотя лет двадцать уже собирается. Да и писать сел только в прошлом сентябре, увидевши мою диссертацию о соборах, как сказывал мне московский преосвященный викарий[166]. Он боится, чтобы кто другой не предупредил его и не постыдил в давнем обещании, повсюду расславленном, что он сочиняет российскую церковную историю»[167]. Евгений недооценил серьезность намерений преосвященного Платона, его книга была написана и вскоре вышла в свет[168]. Известна та беспощадная критика, с которой еп. Евгений обрушился на нее. Он считал, что «это отнюдь не история, а летопись, в коей на лыко летосчисления без порядка нанизаны бытия, как будто вместе и калачи, и сайки, и бублики… Много находится парадоксов, которых и доказать нельзя… Много также тут с одной стороны хвастливого ханжества, а с другой натужного беспристрастия. По всем сим причинам, а особливо по первой, летопись сия, яко сбивчивая, для преподавания в классах не годится; да и тем самым, что в ней нет ссылок на источники… Впрочем, это мнение мое пусть останется… под завесой скромности. Ибо совестно и грешно явно отнимать славу у почтенного старца»[169]. Евгений отметил летописный характер изложения исторических событий в работе Платона и счел его главным недостатком вышедшего в свет сочинения. К оценке учебника Евгений подошел с меркой научной работы, которую привык оснащать ссылками, согласованием разночтений в источниках, разъяснением трудных мест и т. д.

---

[166] Августин (Виноградский) (1766–1819) – епископ, выпускник Славяно-греко-латинской академии, в 1804–1818 гг. викарий Московской епархии.

[167] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 16 мая 1804 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 838–839.

[168] *Платон (Левшин), митр.* Краткая российская церковная история. М., 1805. Т. 1. – 388 с., Т. 2. – 352 с.

[169] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) без указания адресата от 8 апреля 1806 г. // Москвитянин. 1848. №. 8. С. 171–172.

Между тем, учебник, составленный митр. Платоном, отвечал представлениям автора об истории и знаниях, которые должны получить учащиеся. В инструкции, написанной им в 1806 г. для исторического класса Московской академии, он предписывал экзаменовать студентов один раз в месяц, проверяя знание «достопамятных в истории случаев, твердо ли оные памятуют... Ибо история ничего более не требует, как чтобы ученики весьма памятовали, что читали, а особливо достопамятные в церкви случаи... Когда окажут ученики, что все, особливо достопамятное, твердо помнят и безошибочно отвечают, тогда заключать можно, что они в знании церковной истории довольно успели»[170]. Кроме того, он призывал преподавателей поощрять размышления учащихся об исторических событиях, «разумную критику похвалять, неблагоразумную же поправлять... а чтобы в памяти более углубилось, то велеть всякому для себя российскую историю списать и оную для себя яко собственную навсегда беречь»[171]. Способность учащихся академии рассуждать, составлять свое собственное мнение и отстаивать его целенаправленно формировалась митр. Платоном, ставшим впоследствии объектом излишне резкой критики одного из своих выдающихся воспитанников[172].

Благодаря заботам архиепископа Платона, Московская академия стала успешным российским учебным заведением, готовившим преподавателей для семинарий. Ее выпускники получали широкое гуманитарное образование, основанное на изучении древних и современных языков, словесности, философских и богословских наук[173]. Достигалось это в том числе и за счет распространенной практики направления студентов в Московский университет с той целью, чтобы одновременно с получением духовного образования они могли «собирать мед познаний и с цветов светской учености»[174]. Одним из таких студентов в 1785–1788 гг. был Евфимий Болховитинов.

Позже в своей автобиографии митр. Евгений отмечал, что в Академии он «обучался полному курсу философии и потом богословии, а сверх того греческому и

---

[170] *Смирнов С.К.* Указ соч. С. 296–297.
[171] Там же. С. 297.
[172] О других критических и благожелательных откликах на церковную историю Платона см.: *Беляев А.А.* Отзывы современников о церковной истории митрополита Платона [Левшина] //Богословский вестник. 1895. № 7. С. 125–137.
[173] О содержании учебных курсов и практике преподавания в академии см.: *Смирнов С.К.* Указ соч. С. 291–301.
[174] Там же. С. 260.

французскому языкам; вместе с тем записался на лекции Московского университета, в коем слушал курсы всеобщей нравственной философии и политики у Шадена, опытной физики у Роста, французского красноречия у Бодуена, а немецкого языка у Гейма»[175]. Примечательно, что спустя много лет имена своих университетских, а не академических преподавателей митр. Евгений сохранил в памяти и представил читателям своего словаря[176]. Это дает нам право предположить, что их влияние могло выходить за рамки читаемых ими дисциплин. Благодаря общению с немецкими профессорами студент Болховитинов имел возможность составить представление о характере деятельности ученого.

Примером человека, имевшего разносторонние научные интересы, был преподаватель физики и математики Иоганн Иоахим Юлий (Иван Акимович) Рост (1726–1791). Его лекции, сопровождавшиеся демонстрацией опытов, отличались «логичной ясностью и приятной живостью»[177], несмотря на то, что он читал их на латыни. Лекции профессора Роста глубоко запечатлелись в памяти Болховитинова[178]. Но «главным предметом занятий почтенного профессора были однако же не математика и физика, а богатое языковедение; по преданию он знал 8 языков»[179], в число которых русский язык не входил, несмотря на то, что Рост прослужил в Московском университете более 30 лет[180].

---

[175] Биография Евгения митрополита Киевского. 1835 года. // *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей… С. 1–2. Шмурло считал ее автобиографией. См.: *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений… С. VI.

[176] Биографические статьи о них см.: *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей… С. 48, 108, 149, 245–247.

[177] *Левшин Л.В., Трухин В.И.* Очерк развития физики в Московском университете // Вестник ОГУ. 2005. № 1. С. 25.

[178] «Открытие о железе, в древних зданиях получающем магнетизацию, отнюдь не новое: нам еще в физических лекциях 1785 г. в Моск[овском] университете профессор Рост это сказывал, показывал такой отломок и примолвил, что и удар молнии иногда производит магнетизм в железе, а у магнитной стрелки переменяет направление». См.: Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 4 ноября 1819 г. // Русский Архив. 1889. Вып. 6. С. 226.

[179] Рост Иоганн Иоахим // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. Ч. I. М., 1855. С. 366–367.

[180] В личной библиотеке митр. Евгения сохранилась изданные речи профессора: *Рост И.И.* Разсуждение о проницательном действии малейших частиц, которыя из тел, особливо животных, проистекают, : Читанное в публичном собрании Императорскаго Московскаго университета, которым празднован был высочайший день рождения ея императорскаго величества, благочестивейшия великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския, апреля 22 дня, 1765 года. : Переведено с латинскаго. Переведено с латинскаго. М., 1765; *[Рост И.И.]* Слово о вредном воздухе в жилищах особливо простаго народа примечаемом и о средствах удобных к поправлению онаго в публичном собрании Императорскаго Московскаго университета на благословенный день высочайшаго рождения ея императорскаго величества, всепресветлейшия, державнейшия обладательницы Екатерины Вторыя, благочестивейшия и всемилостивейшия государыни императрицы и

Образ ученого-энциклопедиста являл собой Бергард Андреас (Иван Андреевич) Гейм (1759–1821). Он обладал глубочайшими познаниями, и пополнению их посвящал все свое время, вследствие чего «книги сделались атмосферою его жизни, второю стихиею, в которой дышал ученый»[181]. Обучая своих студентов практике разговорного немецкого языка, профессор не мог не затрагивать тем, входивших в сферу его научных интересов, главной из которых была статистика, включавшая описание природных условий России, ее населения, особенностей ведения хозяйства и т. д.[182] Митрополиту Евгению был известен главный статистический труд профессора И.А. Гейма, вышедший в Геттингене в 1789 г.[183] Более того, в своих работах, посвященных местной истории, Евгений широко использовал статистические материалы. Вряд ли здесь можно говорить о прямой связи между трудами двух ученых, однако соприкосновение с кругом интересов И.А. Гейма несомненно должно было сказаться на расширении кругозора студента Болховитинова[184].

самодержицы всероссийския, и прочая, и прочая, и прочая, говоренное коллежским советником, практической математики и экспериментальной физики публичным ординарным профессором Иоган[ном] Иоаким[ом] Юлием Ростом, апреля 22 дня, 1772 года. Переведено с латинскаго. М., 1772; *[Рост И.И.]* Слово о избрании выгодных мест для построения вновь городов, в рассуждении здравия человеческого, в высокоторжественный день Рождения Ея Величества государыни императрицы Екатерины Вторыя Самодержицы Всероссийския, всемилостивейшая матери отечества, в публичном собрании Императорскаго Московскаго Университета апреля 21 дня 1781 года говоренное Иоахимом Юлием Ростом Коллежск[им] совет[ником] и професс[ором] публич[ным] ординар[ным]. Переведено с латинскаго. М., 1781; *[Rost, Johann Joachim Iulius]*. Oratio de faciliori melioris fontium salis praeparatione qua augustissimae et potentissimae dominae Catharinae Magnae omnium Russiarum imperatricis et autocratoris sapientissimae Patriae matris etc. regiminis auspicia d. 28 Junii feliciter inchoata in solemni Universitatis Moscvensis conventu ea, qua decet, maxima submissione et devota recolit mente Johannes Joachimus Julius Rost collegior. Moscvae. 1769; *[Rost, Johann Joachim Iulius]*. Oratio solemnis qua augustissimae, potentissimae ac clementissimae dominae, dominae Catharinae Secundae, omnium Rossiarum imperatrici et autocratori, sapientissimae monarchae, optimae Patriae matri, etc. in publica celebritate Universitatis Caesareae Mosquensis ad recolenda imperii ante 25 annos feliciter inchoati auspicia d. 30 Junii, a.r. 1787. *[Rost, Johann Joachim Iulius]*.Oratio solemnis de eo quod conducit, et observari oportet ratione valetudinis in eligendo exstruendarum urbium novarum situ: Cum augustissimae ac potentissimae monarchae magnae dominae Catharinae II. omnium Rossiarum imperatricis et autocratoris clementissimae Patriae matris diem natalem Universitas Cesareo-Moscvensis anno 1781 die 21 Aprilis pia devotaque mente recoleret, dicta in celebritate eius publica a Johanne Joachimo Julio Rost. collegiorum consil. et prof. P.O. Moscvae. 1781. Последняя из перечисленных книг с собственноручной надписью митр. Евгения: «Слово о избрании выгодных мест для построения городов на латинском языке, сочин. Роста». См.: *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Київський митрополит Євгеній... С. 188, 192, 197, 198, 200.

[181] *Шевырев С.П.* История Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855. С. 453.

[182] *Андреев А.Ю.* Гейм Иван Андреевич // URL:http://museum.guru.ru/personalii/articles/67/article.htm. Дата обращения 9.04.2016.

[183] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей... С. 109.

[184] Известно, что связь Болховитинова с профессором Геймом не ограничилась годами студенчества. В личной библиотеке митр. Евгения была книга: *Мерзляков А.Ф.* Слово похвальное всемилостивейшему государю императору Александру Первому, августейшему избавителю и миротворцу Европы, произносимое в Публичном годовом собрании Императорского Московского университета июля 10 дня 1814 года. М., 1814, с надписью «Его преосвященнейшему Евгению епископу Калужскому и Боровскому и кавалеру от ректора Московского

И Рост, и Гейм были первыми выпускниками Геттингенского университета, приглашенными для преподавания в Москву. Они были учеными, привносившими в русское высшее образование «лучшие традиции западной научной мысли», открывавшими студентам новые горизонты европейской науки, в том числе путем развития научных связей между университетами Москвы и Геттингена. И.А. Гейм состоял в дружбе и вел переписку с известным историком А.Л. Шлецером[185], чей научный авторитет много значил для Болховитинова. Спустя много лет в своем словаре митр. Евгений смог оценить роль немецких ученых в создании российской исторической науки, чему, несомненно, способствовали его студенческие наблюдения.

Преподавание французского языка экстраординарным профессором Жан-Жак Стефаном Бодуэном (?–1796) в Московском университете основывалось на обращении к творчеству как классических, так и современных авторов. Студенты под его руководством переводили с латыни на французский язык отрывки из Виргилия и Горация, заучивали наизусть оды Ж.-Ж. Руссо[186], а также читали статьи из французских газет[187].

Евфимий Болховитинов практиковался во французском языке, используя полученные умения для поиска новых знаний. В свободное время он читал французские книги и делал из них выписки. Записные книжки позволяют прояснить интересы студента Болховитинова. Круг его чтения на французском языке разнообразен: от «Энциклопедии» д'Аламбера до сборника занимательных сюжетов в VI томах Variétés historiques, physiques et littéraires, ou recherches d'un sçavant, contenant plusleurs pièces

---

университета Ивана Гейма». См. *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Київський митрополит Євгеній... С. 92. В библиотеке митр. Евгения хранилась книга самого проф. Гейма: *[Гейм И.А.]* О состоянии наук в России под покровительством Павла Перваго: Слово, при торжествовании всерадостнаго дня тезоименитства его императорскаго величества, всемилостивейшаго государя императора и самодержца всея России Павла Перваго, именем Московскаго университета, говоренное на немецком языке Иваном Геймом, надворным советником, профессором и суббиблиотекарем университетским. М., 1799. См.: *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Київський митрополит Євгеній... С. 232–233. Спустя годы Евгений упоминал Гейма как своего учителя, у которого недостаточное знание русского языка не отнимало «права быть русским». См: Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 23 марта 1819 г. // Русский архив. 1889. Вып. 6. С. 181; Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 10 июня 1889 г. // Там же. С. 196.

[185] *Андреев А.Ю.* «Геттингенская душа» Московского университета. (Из истории научных взаимосвязей Москвы и Геттингена в начале XIX столетия) // URL:http://www.hist.msu.ru/Science/HisUni/GOTINGEN.htm. Дата обращения 28.03.2019.

[186] Бодуэн Жан-Жак Стефан // Биографический словарь… С. 92.

[187] *Шевырев С.П.* Указ соч. С. 236.

curieuses et interessantes (1752 г.)[188]. Наибольшее число выписок, сделанных Евфимием из французских книг, посвящено древней истории: сведения об изготовлении папируса и возникновении письменности, о раннем литье бронзы, обработке шелка и ювелирном ремесле, о древних музыкантах и философах. Чуть реже встречаются пометки, затрагивающие различные общекультурные вопросы, среди которых довольно много выписок, посвященных истории античного и средневекового французского театра, есть также множество курьезных мелочей, таких как обычай ношения бороды у разных народов или обряд обручения венецианского дожа с морем[189]. Примечательно, что во французских книгах Евфимия интересовали светские сюжеты, богословские выписки из них единичны. Французский язык становился для студента духовной академии проводником в сферу светской культуры.

Самой яркой и притягательной личностью из числа преподавателей университета, чьи занятия посещал студент Болховитинов, был профессор Иоганн Матиас Шаден (1731–1797). Он был прекрасным лектором и педагогом, ректором университетской гимназии, оказавшим большое влияние на своих воспитанников. Один из них, Д.И. Фонвизин вспоминал: «Сей ученый муж имеет отменное дарование преподавать лекции и изъяснять так внятно, что успехи наши были очевидны»[190].

Курс всеобщей философии, прослушанный Евфимием Болховитиновым у Шадена, базировался на учении Лейбница и его продолжателя Вольфа, предлагавшего рациональный метод последовательного и непротиворечивого объяснения всех явлений окружающего мира[191]. В основе нравственной философии Шадена лежало представление о здравом смысле, под которым он понимал «совесть, в виде которой Бог сам воздвиг в душе человека как бы свое зерцало или судилище»[192], ведущее его по пути истинного познания. Основную задачу морали профессор Шаден видел в

---

[188] Variétés historiques, physiques et littéraires, ou recherches d'un sçavant, contenant plusleurs pièces curieuses et interessantes. Paris. MDCCLII. – 608 p.

[189] Подробнее о записных книжках Евфимия Болховитинова см.: См.: *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений… С. 63–67.

[190] Цит. по: Шаден Иоганн Матиас // Биографический словарь… С. 564.

[191] *Савинов Р.В.* Вольфианство // URL:http://summa.rhga.ru/edin/schools/detail.php?rraz=&ELEMENT_ID=5077. Дата обращения 10.01.2020.

[192] Цит. по: Шаден Иоганн Матиас // Биографический словарь… С. 572–573.

необходимости «познать наше назначение и средства его исполнить»[193]. Идеал государственный он полагал в достижении общего блага, которое создается монархом путем устроения жизни на правовой основе, а «самое высшее право самодержца заключается… в распространении между подданными наук и художеств»[194]. По его мнению, Россия была единственной страной, в которой отсутствовали препятствия для процветания мудрости и добродетели. Таким образом, перед молодыми людьми разворачивалась стройная философская система, способная стать теоретической основой для любой эмпирической науки, адаптированная к российским реалиям и непротиворечащая христианскому миросознанию. Но еще большее влияние на студентов оказывала сама личность Шадена, жизнь которого была зримым воплощением идей, предлагаемых им своим воспитанникам. Органичное сочетание европейского образования, глубокой религиозности и нравственной жизни создавало такой образ ученого, который мог быть воспринят студентом духовной академии Евфимием Болховитиновым[195].

Смирнов подчеркивал, что «знакомство с Университетом кроме пользы в ученом отношении доставляло ученикам Академии и ту выгоду, что они приобретали знание света и общественных отношений и избавлялись от справедливых иногда упреков в неловкости и педантизме – в недостатках, которые могли быть порождаемы частию воспитанием в круге людей необразованных, частию исключительным знанием одной школы и школьных обязанностей»[196]. Расширение кругозора студентов духовной школы, по убеждению архиеп. Платона, должно было происходить за счет их приобщения к занятиям образованного светского общества. Приобретение учащимися высшей ступени обучения полезных знакомств, создание культурных связей должно

[193] Там же. С. 566.
[194] Там же. С. 569.
[195] Книга Шадена в библиотеке митр. Евгения: [Schaden, Iohann Mattias] Oratio solemnis de eo, quod naturaliter justum est, in jure parentum circa educationem liberorum, qua diem natalem augustissimae ac potentissimae totius Rossiae imperatricis ac autocratoris magnae dominae Catharinae II. Patriae matris optimae Universitas Caesarea Moscvensis devota mente recolit, postridie ejus d. 22. April A. 1773. in solemni ejusdem conventu dicta a Joanne Matthia Schaden, L.L.A.A. Magist. Philosoph. Doctor. ac practicae ejusdem Patris P.P.O. Moscvae. 1773. См. *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Указ. соч. С. 197.
[196] *Смирнов С.К.* Указ. соч. С. 351.

было способствовать преодолению замкнутости духовного сословия и повышению его общественного статуса[197].

Не менее основных аудиторных занятий Евфимия Болховитинова образовывала обстановка в университете и вокруг него, связанная с деятельностью известного в то время журналиста книгоиздателя и масона Николая Ивановича Новикова (1744–1818). Основанное им совместно с Иоганном Георгом (Иваном Григорьевичем) Шварцем (1751–1784) «Дружеское ученое общество» при Московском университете (1782–1786 гг.) ставило своей целью распространение просвещения путем издания полезных книг, как отечественных, так и переводных. При обществе была организована Филологическая или Переводческая семинария, в которой с благословения архиеп. Платона некоторые воспитанники академии изучали современные языки и приобретали переводческие навыки. Студенты семинарии и университета сотрудничали в журналах, издаваемых Новиковым. Постепенно вокруг него образовался литературный кружок, в который вошли среди прочих богослов и переводчик Иван Иванович Дмитриевский (1754–1823) и уже известный в те годы литератор Николай Михайлович Карамзин (1766–1826). Степень вовлеченности Евфимия Болховитинова в жизнь и работу кружка оценивается по-разному[198]. Тем не менее, первые литературные опыты будущего ученого обнаруживают несомненное влияние Новикова.

Переводы французских произведений Франсуа де Салиньяка де Ла Мот- Фенелона (1651–1715)[199], Луи Кокле (1676–1754)[200] и др., являлись результатом не только хорошего знания Болховитиновым языка оригинала, но и продуктом его творческих усилий, выражавшихся как в выборе произведения, так и в передаче текста. Книга Фенелона представляла собой биографии двадцати шести древнегреческих философов с

---

[197] *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII в. М., 1996. С. 459–460.

[198] Одна из точек зрения отмечает лишь общее влияние новиковского кружка в целом на первые литературные опыты Евфимия Болховитинова. См.: *Тихонравов Н.С.* Киевский митрополит Евгений Болховитинов // Русский вестник. 1869. № 5. С. 9; *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений… С. 61. Согласно другому утверждению, ученый был близок к кружку. См. *Кононко Е.Н.* Болховитинов Евфимий Алексеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1–3 // URL:http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=582. Дата обращения 13.04.2016. Третье мнение указывает на принадлежность Болховитинова к кружку и выполнение им переводов по предложению Н.И. Новикова. См.: *Глухов А.Г.* Пастырь на ниве культуры // Мир библиографии. 2005. № 4. С. 38–43.

[199] *[Фенелон Ф.]* Краткое описание жизней древних философов с присовокуплением отборнейших их мнений систем и нравоучений, сочиненное г. Фенелоном, архиепископом Кабрийским. М., 1788. – 344 с.

[200] *[Кокле Л.]* Похвальное слово чему-нибудь, посвященное от сочинителя кому-нибудь, а от переводчика никому, с присовокуплением похвального письма ничему / [Перевод Евгения (Болховитинова)]. М., 1787. – 47 с.

примечаниями переводчика, разъясняющими отдельные понятия. Это было начало работы будущего создателя словарей в русле биографического жанра, интерес к которому был задан Новиковым, чьи периодические издания были наполнены жизнеописаниями знаменитых людей прошлого[201].

Еще больший отпечаток личного творчества Болховитинова несет на себе перевод сочинения Кокле. Евфимий Алексеевич предварил предисловие автора «Письмом к Никому от переводчика», где кроме всего прочего размышлял об относительности научного познания, а также о невозможности создания «системы наук и искусств» при недостатке исходных материалов. Он писал: «Никто есть совершеннейший богослов, ибо никто истинно понимает волю Божию и проницает в его деяния; никто есть совершеннейший метафизик <…> никто есть совершеннейший физик <…> никто есть совершеннейший врач…»[202]. Переходя к изложению авторского текста, Евфимий Болховитинов изменил его и допустил собственную вставку: «*Благоразумный* всегда занимается чем-нибудь для избежания опасной праздности. *Ученый всегда старается изыскивать что-нибудь для выгоды своему отечеству и для пользы себе… Студент сидит день и ночь для того, чтобы узнать что-нибудь для своего просвещения и чести»*[203]. Интересно, что таким образом двадцатилетний Евфимий Болховитинов[204] изложил собственное видение учебного и ученого труда с точки зрения его общественной и личной пользы. Сама постановка подобного рода вопросов свидетельствует о внутренней подготовке будущего ученого к научному творчеству.

Последний год пребывания Болховитинова в стенах Московской академии был наполнен переводческими трудами. В 1788 г. напечатаны четыре его перевода. Первый из них, вышедший в свет под псевдонимом «П.Б.» и с заглавием «Прекрасная

---

[201] Подробнее о переводе сочинения Ф. Фенелона см.: *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений… С. 67–72.
[202] *[Кокле Л.]* Похвальное слово… С. VI–VII.
[203] *[Кокле Л.]* Похвальное слово… С. 22. «Выделенные курсивом слова не находят соответствия во французском оригинале и принадлежат митр. Евгению». Об этом см.: *Н.Д. Кочеткова.* Болховитинов –переводчик Луи Кокле // Западный сборник в честь 80-летия Петра Романовича Заборова. СПб., 2011. С. 208.
[204] Спустя много лет архиеп. Евгений вспоминал о «Похвальном слове...»: «Его издавал не Евгений, а Евфим Болховитинов, 20-летний еще тогда студент Моск[овской] академии, в молодости игрушками занимавшийся». См.: Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 22 октября 1820 г. // Русский архив. 1889. № 7. С. 376.

полонянка»[205], стал данью его краткому увлечению модным в 1780-е гг. литературным направлением сентиментализма[206]. В ходе работы над этим сочинением в центре внимания студента Болховитинова оказались не художественно описанные злоключения главной героини, а новые сведения о далеких африканских странах. Спустя много лет, составляя список своих работ, митр. Евгений обозначил эту работу как «Исторические примечания об Алжире, Тунисе, Триполе и Марокском государстве с несколькими анекдотами, напечат[анные] в Москве 1788 г. в 12 д[олю]. листа»[207].

В том же году была опубликована переведенная Евфимием Болховитиновым «Парнасская история»[208], ставшая первым опытом его размышлений над историей литературы. В предисловии он сообщил, что в основе сочинения лежат наблюдения самого автора, собранные им в ходе краткого путешествия на Парнас, дополненные свидетельствами лиц, проживших на нем всю жизнь, среди них упомянуты Плиний, Фест и др. Современное Болховитинову состояние словесности представлено им в форме научного трактата, в котором сатирически описана населенная поэтами воображаемая страна со своим ландшафтом, климатом, флорой и фауной[209].

Тогда же вышли в свет составленная Болховитиновым «Новая латинская азбука»[210], ставшая итогом многолетнего изучения латыни и прологом к началу преподавательской деятельности Евфимия, и поэма «Удовольствия от способности к

---

[205] *[Марешаль П.С.]* Прекрасная полонянка: истинная повесть о кораблекрушении и плене девицы Аделины, графини де Сент Фаржель, на шестнатцатом году ея возраста, в краях Алжирскаго государства, в 1782 году. М., 1787. – 56 с.

[206] *Тихонравов Н.С.* Киевский митрополит Евгений Болховитинов // Русский вестник. 1869. № 5. С. 20.

[207] *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Биография Евгения митрополита Киевскаго 1835 г. // *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Словарь русских светских писателей... С. 16.

[208] *[Болховитинов Е.А.]* Парнасская история, заключающаяся в двух книгах из которых первая содержит описание горы Парнасса, находящихся на нем строений, окрестных потоков, источников, болот, лесов и обретающихся там животных; а вторая жителей, правления, чинов, судилищ, жертвоприношений, праздников и торгов парнасских. Переведена с[тудентом]. Евф[имием] Болх[овитиновым]. М., 1788. – 72 с.

[209] *Рожкова Т.И.* «Жилище им – Парнас, свидетель – Аполлон»: к истории функционирования античного образа в русской словесности второй половины XVIII века // Пушкинские чтения – 2011. «Живые» традиции в русской литературе: жанр, автор, герой, текст. Материалы XVI Международной научной конференции. Под общей ред. В.Н. Скворцова. СПб., 2012. С. 141–142.

[210] *[Болховитинов Е. А.]* Новая латинская азбука, содержащая, кроме обыкновенных начатков латинскаго языка, обстоятельное показание произношения и правописания как древняго, так и новаго; также краткий словарь, расположенный по алфавиту, заключающий в себе все первоначальныя латинския речения и образ их грамматических перемен, с прибавлением греческих слов, употребительнейших в латинском языке, потом краткие учтивые разговоры и выражения, могущия быть употребляемы в письмах; наконец подробный и ясный римский календарь.: В пользу российскаго юношества изданная иждивением М. Петрова. М., 1788. – 64 с.

воображению»[211], представляющая собой «трактат об эстетике, изложенный в стихотворной форме»[212] в его переводе.

Занятия переводами и интерес к литературе сблизили Евфимия Болховитинова со сверстниками: студентами академии Фомой Филимоновичем Розановым (1767–1810), Василием Михайловичем Протопоповым (1770–1810) и учеником московской типографии М. П. Пономарева Семеном Иоанникиевичем Селивановским (1772–1835), составившими круг его московского общения[213]. Трех студентов академии объединяло увлечение сентиментализмом и французской литературой.[214] Они помогали друг другу в переводах и издании книг[215]. После окончания учебы Болховитинов и Розанов состояли в переписке[216], от которой сохранился черновик одного письма Болховитинова, с характеристикой адресата как «переводчика иностранной коллегии... друга и корреспондента»[217]. Известно также, что в 1802 г. Розанов целый месяц гостил у Болховитинова в Свято-Троицкой Сергиевой пустыни, архимандритом которой он был в то время[218]. С течением времени старые студенческие связи ослабевали, но каждый из них продолжал литературные труды и сотрудничество с Селивановским, ставшим впоследствии известным книгоиздателем.

Преподавание и культурная жизнь Болховитинова в Воронеже. Три года, проведенных в стенах Московской академии (1785–1788), обогатили Евфимия Болховитинова не только знаниями и новыми впечатлениями, но и культурными связями, а также опытом литературного творчества. С этим багажом он вернулся в

---

[211] *[Эйкенсайд М.]* Удовольствия от способности воображения: аглинская поэма в трех песнях, сочинения г. Акенсида;с французскаго на российской язык переведена с[тудентом] Евфимом Болховитиновым. М., 1788. – 151 с.

[212] *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений как ученый... С. 81.

[213] Шмурло определял его как «товарищеский кружок». См. : *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений как ученый... С. 61–62.

[214] *Тихонравов Н.С.* Киевский митрополит Евгений Болховитинов... С. 19–20; *Шмурло Е.Ф.* Библиографический список литературных трудов Киевского митрополита Евгения Болховитинова. Вып. 1. СПб., 1888; С. 59–60; *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Указ. соч. С. 527–533.

[215] *Тихонравов Н.С.* Киевский митрополит Евгений Болховитинов... С. 10; *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Київський митрополит Євгеній... С. 176, 440.

[216] О переписке с Ф.Ф. Розановым Болховитинов упоминал в письмах к Селивановскому и к Г.А. Петрову. См.: Письма Е.А. Болховитинова к С.И. Селивановскому // Библиографические записки. 1859. № 3. С. 65–67, 69–70; Евгений Болховитинов. Письмо к Г.А. Петрову от 12 марта 1800 г. / // Русский архив. 1873. Кн. 1. № 3. Стб. 390.

[217] Письмо Е.А. Болховитинова Ф.Ф. Розанову [1790 г.] // *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Київський митрополит Євгеній... С. 533.

[218] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 15 июля 1802 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445 (Чертковы). Д. 203. Л. 85 об.

Воронеж, поселился на казенной квартире при семинарии и 9 января 1789 г. приступил к обязанностям учителя риторики и французского языка. В последующие десять лет он преподавал в семинарии греческие и римские древности, философию, церковную историю, герменевтику и греческий язык.[219] Сформировавшиеся в годы студенчества в Московской академии представления Евфимия о характере духовного образования он реализовывал в родной семинарии. Новшеством для нее стало преподавание всех читаемых Болховитновым предметов на русском языке, широкое применение практики устной речи в изучении новых языков, развитие у учащихся навыков рассуждения[220]. Он обращал пристальное внимание на систематическое изложение предмета. Так курс церковной истории, преподаваемый им три раза в неделю, Болховитинов начинал с обзора основных источников и их критики, затем в хронологической последовательности излагал события с их объяснением и доказательствами, в качестве которых приводил «свидетельства оригинальных писателей и историков церковных сперва восточной церкви, а в пополнение и других, последуя истине и держась намерения доставить лично служителям церкви просвещение»[221]. Он представлял своим воспитанником историю как дисциплину, непосредственно связанную с их церковной практикой, что способствовало ее усвоению.

Отсутствие необходимых учебных пособий для преподавания новых дисциплин побуждало Болховитинова готовить их самому[222]. Церковную историю он читал по собственной рукописи, оставшейся неизданной[223]. Выбор сочинения немецкого

---

[219] Биография Евгения митрополита Киевского. 1835 года. // *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей… С. 2.

[220] Основной формой дидактических сочинений и переводов воронежского учителя Болховитинова, а также выполненных под его руководством ученических работ стали разного рода рассуждения и размышления: историко-физические, историко-богословские, философские, гомилетические, филогические, богослужебные. См.: *Шмурло Е.Ф.* Библиографический список... С. 18–21, 24, 29–30, 34–35, 37–38.

[221] *Николаев А.И.* Евфимий Алексеевич Болховитинов... С. 54.

[222] Для преподавания в воронежской семинарии Болховитинов подготовил пособия по герменевтике, греческой грамматике, гомилетике, догматическому богословию. См. *Шмурло Е.Ф.* Библиографический список... С. 20, 27–29, 31.

[223] *[Болховитинов Е.А.]* Церковная всеобщая история, выбранная мною из Мосгеймовой, а исправленная и пополненная из других писателей, преподанная студентам в Воронежской семинарии и Александроневской академии. 19 веков. 1790–1792. Рукопись: 27 тетрадей, 432 с. Место хранения: ОР НБУВ. Ф. 312. Д. 257/652. См.: *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Указ. соч. С. 576.

церковного историка Иоганна Лоренца Мосгейма (1693–1755)[224], взятого за основу курса, оказал влияние на формирование взглядов Евфимия Алексеевича на историю как науку.

Мосгейм был родоначальником натурально-прагматического направления в церковной историографии. В его изложении церковная история перестала быть нравоучительным предметом и стала сближаться с политической историей. Он рассматривал христианское общество как государство, имевшее своих правителей, законы, граждан, как истинных сынов отечества, так и отщепенцев. Предметом церковной истории для Мосгейма были изменения в жизни церкви, обусловленные действием внутренних и внешних причин, среди которых большую роль играли частные характеры, намерения и стремления действующих в истории людей, а также разного рода взаимодействия философских идей и христианства в каждый из исторических периодов. Он считал, что задачей историка должно стать стремление понять церковную историю такой, какой она была, что могло быть возможно только при условии освобождения от собственной сознательной или бессознательной предвзятости, продиктованной временем, людьми или мнениями[225].

Болховитинов не только перевел церковную историю Мосгейма с латинского языка, но и значительно сократил ее текст, изменил структуру и дополнил сведениями, взятыми из других книг, приспосабливая ее содержание к задачам преподавания[226]. Работа Евфимия Алексеевича над курсом этих лекций способствовала формированию приемов его будущей научной работы. Он обладал навыком внимательного чтения и размышления над прочитанным текстом: делал выписки, оставлял критические, уточняющие или дополняющие заметки на полях, сопоставляя сведения, полученные из разных источников. От Мосгейма Болховитинов перенял стремление к беспристрастности и объективности в изложении исторических явлений. В

---

[224] *Mosheim J.L.* Institutiones historiae ecclesiasticae antiguae et recentioris / Johann Lorenz von Mosheim. Helmstadii, 1764. – 956 p.

[225] Существенным достоинством истории Мосгейма профессор Московского университета и Московской академии А.П. Лебедев считал разделение ее на периоды, что, по его мнению, свидетельствовало о переходе от частностей к общим воззрениям. Об истории Мосгейма см.: *Лебедев А. П.* Очерки истории церковной историографии в протестантской Германии // Прибавления к Творениям св[ятых] отцев. 1880. Ч. 26. Кн. 3. С. 736–751. *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Указ. соч. С. 571.

[226] *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений… С. 111–112.

«Рассуждении о знаниях, пособствующих исторической науке» (1794 г.) Евгений утверждал, что «сущность истории… состоит в том, чтобы представить бытие и деяния сколько можно так, как они были, и в таком порядке, как были»[227]. Усвоенный Болховитиновым у Мосгейма подчеркнуто нейтральный стиль изложения событий и явлений, скрывающий авторские предпочтения, стал отличительной и часто критикуемой чертой его исторических сочинений.

Евфимий Алексеевич Болховитинов был энергичным и увлеченным учителем Воронежской семинарии. Ему удавалось совмещать преподавание и воспитание студентов с научными изысканиями[228], работу библиотекаря[229] с проведением годичных семинарских актов, публичных диспутов и произнесением торжественных речей на латыни и французском языке[230]. В июне 1790 г. двадцатитрехлетний Евфимий Алексеевич был назначен префектом[231] семинарии, кроме того «в небытность ректоров пять лет исполнял притом и ректорскую должность»[232]. Епископ Иннокентий (Полянский) (1751–1794), преемник еп. Тихона (Малинина) на Воронежской кафедре, человек образованный, член Российской академии (1784–1794), очень ценил учителя и префекта Болховитинова и старался удержать его в стенах семинарии. Светские преподаватели не задерживались на своих должностях надолго. Средством их поощрения было производство в чин коллежского регистратора, дававшего право на личное дворянство. По высочайшему именному указу от 16 декабря 1790 г. «О правилах производства в статские чины»[233] предусматривалось получение чина не ранее десяти лет службы. Еп. Иннокентий, нарушивший его и представивший к награде чином семинарских учителей Болховитинова и Жукова ранее установленного срока, получил в 1791 г. выговор от Синода[234].

---

[227] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Рассуждение о знаниях, пособствующих исторической науке. Это сочинение не было опубликовано. Цит по: *Полетаев Н.И.* Труды митрополита киевскаго Евгения Болховитинова по истории русской церкви. Казань, 1889. С. 529–530.

[228] О научных работах Болховитинова в период воронежского учительства см.: *Шмурло Е. Ф.* Митрополит Евгений как ученый… С. 146–170, 189–261.

[229] *Никольский П.В.* История Воронежской семинарии... С. 182–183.

[230] *Николаев А.И.* Евфимий Алексеевич Болховитинов... С. 56–57.

[231] Префект был фактическим начальником Воронежской семинарии, в его ведении находились учебная и воспитательные стороны семинарской жизни. См.: *Никольский П.В.* Указ. соч. С. 78.

[232] *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Биография Евгения митрополита Киевскаго 1835 г... С. 2.

[233] Именной указ № 16930. О правилах производства в статские чины // ПСЗРИ. Т. XXIII. СПб., 1830.

[234] *Никольский П.В.* Указ. соч. С. 119.

В том же 1791 г. Евфимий Алексеевич составил поколенную роспись и передал ее в Воронежское дворянское собрание для включения его и младшего брата Алексея в дворянские списки[235]. В 1792 г. его прошение было удовлетворено, их имена были внесены в шестую часть воронежской дворянской родословной книги, что означало причисление их к столбовому дворянству[236]. Это событие относится к периоду, когда дальнейший путь Болховитинова еще не был определен: перед ним была открыта возможность как светской, так и духовной службы[237]. Несмотря на все усилия воронежских архиереев Иннокентия, а затем и Мефодия (Смирнова) (1761–1815) привязать Евфимия Алексеевича к местной семинарии, предложив ему жалование большее, чем у других учителей[238] и высокое положение в семинарской чиновной иерархии, они не достигали желаемой цели. Культурные интересы Болховитинова выходили далеко за рамки семинарской жизни, что не способствовало налаживанию теплых отношений с другими учителями. Осложнял положение и неуживчивый характер молодого префекта, который нередко сам страдал от того, что бывал «горяч до бешенства» и своими «колкими словами»[239] мог больно ранить даже самых близких друзей, тем более сослуживцев, уступавших ему в уровне образования и широте кругозора.

Обращаясь к изучению идейных и нравственных исканий в русском обществе последней трети XVII – начале XIX вв., Б. И. Краснобаев отмечал, что знамением того времени было «стремление людей к сближению на основе общности взглядов, интересов, жизненных позиций, вкусов, возникновение различных обществ»[240]. Начиная с 1792 г. такими близкими людьми для Евфимия Алексеевича были учителя Воронежского главного народного училища Алексей Павлович Зеновьев (ок. 1762–

---

[235] *Змеев Л.Ф.* К родословной митрополита Евгения Болховитинова. СПб., 1893. С. 2.

[236] *Акиньшин А.Н.* У истоков. Об историко-краеведческих трудах Евфимия (в монашестве-Евгения) Алексеевича Болховитинова (1767–1837) // Московский журнал. 2017. № 10 (322). С. 80.

[237] Интересно, что в автобиографии 1835 г. митр. Евгений свою принадлежность к благородному сословию не указал.

[238] При поступлении на место учителя Болховитинов получал 160 р. вместо положенных 50–60 р. Впоследствии кроме жалования, выросшего до 260 р., он получал от архиерея денежные вознаграждения за труды по устроению диспутов и годичных актов от 10 до 25 р. См.: *Никольский П.В.* Указ. соч. С. 97, *Николаев А.И.* Указ. соч. С. 57.

[239] Письмо Е.А. Болховитинова С.И. Селивановскому от 3 января 1794 г. // Библиографические записки. 1859. № 3. С. 72.

[240] *Краснобаев Б.И.* Русская культура XVII – начала XIX в. М., 1983. С. 196.

после 1826), Гавриил Петрович Успенский (1765–1820), впоследствии профессор Харьковского университета, Петр Васильевич Соколовский (ок. 1763–1829), Степан Васильевич Юшков (ок. 1774–1828), директор училища Григорий Александрович Петров (ок. 1765–1841), медик Иван Никитич Еллинский (?–?), помещик Иван Никитич Черенков (ок. 1770 – после 1819), и другие. Наиболее близким товарищем и впоследствии многолетним корреспондентом Болховитинова был чиновник палаты гражданского суда Василий Игнатьевич Македонец (ок. 1751–1812)[241]. Все они составили дружеский по характеру общения и просветительский по целям и направлению своей деятельности кружок единомышленников, называемый в исследовательской литературе болховитиновский[242]. Вот как виделась обстановка внутри дружеского общества Шмурло: «Сближенные общими интересами, они образовали из себя литературный кружок, душею и вдохновителем которого был Болховитинов. Дружеская простота и откровенность были положены в основу их отношений. За стаканом пунша проводили они веселые вечера, в приятельской беседе, среди занятий, среди интересов, пересыпанных юмором и шуткой... В кружке бесспорно витала жизнь, мысль юношески здоровая. Велись горячие споры, решались жгучие вопросы...»[243].

Члены кружка живо обсуждали литературные и научные опыты друг друга. Приступая в 1792 г. к своему первому историческому сочинению, так и не вышедшему в свет, Болховитинов сообщал Селивановскому: «О “Российской истории” теперь я не могу еще сказать вам ни слова… Кажется, хочется мне ею похвалу заслужить, когда удастся. Некоторые приятели мои уже аплодируют мне; но я на них не очень полагаюсь. Теперь я весь обкладен историческими книгами»[244]. Дружеская поддержка со стороны близких по образу мыслей людей стимулировала Болховитинова к научной работе.

---

[241] Дружеская переписка эпохи Просвещения: из истории публикации писем митрополита Евгения (Болховитинова) к его воронежскому приятелю В.И. Македонцу (Вступ. ст., публ., коммент., приложения М.Ю. Клочковой) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 80. С. 135–150.

[242] Подробнее о составе и деятельности кружка см.: *Акиньшин А.Н.* Воронежский круг общения Е.А. Болховитинова // Из истории Воронежского края. Сборник статей. Вып. 8. Воронеж, 2000. С. 44–45; *Ласунский О.Г.* Интеллигентские кружки в провинциальном городе // Общественная жизнь в провинциальной России в XV–начале XX в. Воронеж, 1995. С. 197; *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений как ученый... С. 172–206.

[243] *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений как ученый... С. 179–180.

[244] Письмо Е.А. Болховитинова С.И. Селивановскому от 19 января 1793 г. // Библиографические записки. 1859. № 3. С. 68.

Общим увлечением для членов кружка стал театр. В 1787–1793 гг. в Воронеже давались регулярные спектакли в домашнем театре наместника Василия Алексеевича Черткова (1726–1793). Воронежский краевед Веселовский описывал его так: «В театре было устроено: сцена, два яруса лож, партер и парадиз, известный теперь под именем «райка» или галереи. Здесь давались спектакли детьми наместника тогдашнего вице-губернатора Ухтомского[245], отличного знатока в деле искусства и занимавшего первые амплуа в драмах и трагедиях, и приближенными к нему особами. Вход в театр был бесплатный; лучшая публика приглашаема была на каждое представление по билетам, а парадиз наполнялся чиновниками разных присутственных мест с целью познакомить их с понятиями о драматическом искусстве»[246]. Приобщение провинциальной публики к театральному искусству имело просветительские цели. Живов отмечал, что со времен петровских реформ театр как элемент публичной светской культуры стал инструментом воспитания элиты и общества в целом[247]. Во второй половине XVIII в. Просвещение как целостная система воплощалась в художественных образах, оказывавших воздействие на творчество даже тех деятелей культуры, которым просветительские идеи были чужды. Погружаясь в мир этих образов, члены общества усваивали новые модели взаимоотношений, поведения и т. д.[248]

Театр стал новым культурным явлением для Воронежа, и Евфимий Алексеевич скоро стал завзятым театралом. В 1792 г. он просил Селивановского прислать ему «какую-то трагическую историйку», которая придется ему по вкусу, и кроме того, сообщал: «В Воронеже новизна та, что театр от воскресенья до воскресенья все лучше становится, и Болховитинов не уступает ни одного спектакля»[249]. Посещая их, молодой префект духовной семинарии приобщался к светскому искусству и образу жизни провинциального общества.

---

[245] Ухтомский Роман Иванович (1754–1807) – князь, действительный статский советник, воронежский вице-губернатор, затем петербургский вице-губернатор, в конце жизни новгородский гражданский губернатор.
[246] *Веселовский Г.М.* Исторический очерк города Воронежа: 1586–1886. Воронеж, 1886. С. 156.
[247] *Живов В.М.* Указ. соч. С. 64–65.
[248] *Краснобаев Б.И.* Указ. соч. С. 174–175.
[249] Письмо Е.А. Болховитинова С.И. Селивановскому от 29 сентября 1792 г. // Библиографические записки. 1859. № 3. С. 67.

1793 г. стал поворотным в жизни Болховитинова. В свои двадцать шесть лет он достиг предела карьерного роста в семинарии[250], приобрел в Воронеже общественный вес[251], объединил вокруг себя наиболее образованных и деятельных друзей и единомышленников, к этому времени сложился основной круг его общения и интересов. Несмотря на внешнюю определенность и видимое благополучие, Евфимий Алексеевич переживал внутренний кризис. Обращаясь к Селивановскому, всегда живой и неутомимый Болховитинов писал: «Сердце у меня так пусто, так пусто, что от скуки ничем и заниматься не хочется; по половине дня в унынии лежу на канапе, занимаясь только воображением вас»[252]. В это время привыкший размышлять над книгами в поисках ответов на важные для себя вопросы Евфимий Алексеевич начал работу над переводом поэмы английского просветителя Александра Поупа (1688–1744) «Опыт о человеке»[253], в которой он увидел «ясную метафизику, украшенную прелестями поэзии; трогательное нравоучение, коего правила досязают до сердца и убеждают ум; живыя картины, в коих человек учится познавать себя, дабы научиться как сделаться лучшим»[254]. Книга Поупа давала ему обильную пищу для внутренней работы. Вопросы отношения человека к мирозданию, к себе самому, к обществу, исследование природы добра и зла, возможности человеческого счастья рассматривались в произведении Поупа в духе теории Лейбница о предустановленной гармонии. Несмотря на то, что по справедливому замечанию Шмурло, «с точки зрения строгого православия в “Опыте о человеке” было не мало мест, под которыми ни одна русская семинария никогда не подписалась бы», эта книга несла важные для префекта Болховитинова идеи о том, что «любовь... основа истинной религии и общественности», что «истинное блаженство

---

[250] Исполняя в 1796–1798 гг. обязанности ректора семинарии, Болховитинов не мог занять эту должность без принятия монашества. См.: *Никольский П.В.* Указ. соч. С. 120.
[251] *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений как ученый... С. 277.
[252] Письмо Е.А. Болховитинова С.И. Селивановскому от 3 августа 1793 г. // Библиографические записки. 1859. № 3. С. 69.
[253] Письмо Е.А. Болховитинова С.И. Селивановскому от 27 июля 1793 г. // Библиографические записки. 1859. № 3. С. 69.
[254] Опыт о человеке. Поэма г-на Попе. М., 1806. Предисловие. XIX. В рукописном предисловии, не вошедшем в печатную книгу, Евгений сообщал, что перевод осуществлялся не с оригинала, а с пяти французских изданий поэмы. См.: *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений как ученый... С. 194.

заключается ни в чем ином, как только в добродетели и познании самого себя» и что «только здесь почерпнет он истинное счастие и наслаждение»[255].

Решение Ефимия Алексеевича жениться и стать приходским священником казалось естественным выходом из внутреннего кризиса. Он писал Селивановскому: «Итак, Фома Филимонович[256] не нашей уже сотни? Ей Богу, завидую ему, а наипаче потому, что вы мне хорошо описали портрет его Лизы. Право сам бы теперь женился я, как бы только попалась хорошенькая невеста. Пора, пора, любезной друг, ей Богу – пора!»[257] Уже через три месяца после этого письма 4 ноября 1793 г. Болховитинов вступил в брак с купеческой дочерью Анной Антоновной Расторгуевой (1778–1799). Сохранилось свидетельство о том, что правитель Воронежского наместничества Осип Иванович Хорват (ок. 1750–1814/1815), узнав о женитьбе Евфимия Алексеевича, укорял Македонца в том, что тот допустил ее и этим «отнял у Церкви великого пастыря»[258]. Женитьба закрывала Болховитинову путь к высшей церковной иерархии.

25 марта 1796 г. двадцативосьмилетний Евфимий Алексеевич принял священство. Как позже он указал в автобиографии, он был «произведен в протоиерея уездного города Павловска с оставлением при семинарии в прежних должностях, и с тех же пор определен присутствующим в Воронежской консистории»[259]. Никольский отмечал, что для правящих архиереев зачисление за учителями семинарии священнических мест было средством упрочить их материальное положение и удержать на должности преподавателя[260]. Любопытен тот факт, что Евфимий Алексеевич был поставлен сразу в

---

[255] *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений как ученый... С. 188–189.
[256] Розанов.
[257] Письмо Е.А. Болховитинова С.И. Селивановскому от 3 августа 1793 г. // Библиографические записки. 1859. № 3. С. 69.
[258] *Данский А.А.* Очерк жизни и ученых трудов Евгения... С. 227.
[259] *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Биография Евгения митрополита Киевскаго 1835 г. // *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Т. I. М., 1845. С. 2.
[260] *Никольский П.В.* Указ. соч. С. 119.

протоиерея, миновав посвящение в иерея[261]. Змеев объяснял это, ссылаясь на распространенную практику поставления в протоиереи выпускников академий[262].

Вступление в брак внесло в жизнь Евфимия Алексеевича некоторую размеренность, вернуло ему работоспособность, но не изменило уже сложившегося образа жизни. Через полтора месяца после женитьбы он писал Селивановскому: «Обо мне не думайте как о женатом, ибо я и сам иногда это забываю. Жена у меня не более четверти часа отнимает времени в целые сутки, и я всегда занимаюсь в своем кабинетишке»[263].

Болховитинов по-прежнему много времени проводил в общении со своими друзьями, они были увлечены организацией воронежской типографии, открытой 14 мая 1798 г. при губернском правлении попечением губернатора Александра Борисовича Сонцова (1750–1811)[264], о котором сохранилось свидетельство как о человеке, «любившем просвещение и заботившемся о его преуспеянии в Воронежской губернии»[265]. Общее руководство типографией осуществлял член болховитиновского кружка директор народного училища Г.А. Петров, корректорские обязанности выполнял С. В. Юшков. В подготовке издания первой воронежской книги, представлявшей собой стихотворный сборник российских поэтов, приняли участие Е.А. Болховитинов и А.П. Зеновьев[266]. Общее число книг, изданных воронежской типографией в к. XVIII – нач. XIX в., составляет около трех десятков, из которых не менее трети принадлежит членам болховитиновского кружка, публиковавшим как переводные работы, так и собственные сочинения[267]. В 1799–1800 гг. в воронежской типографии вышли несколько работ

---

[261] Этот факт оспаривается в работах А.Н. Акиньшина и Е.В. Рукавицыной-Гордзиевской, утверждающих, что Е.А. Болховитинов в 1793 г. был рукоположен в иереи Спасо-Преображенской церкви села Репьевка Коротоякского уезда. К сожалению, ссылку на документальное свидетельство эти авторы не приводят. См.: *Акиньшин А.Н.* У истоков... С. 80; *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Указ. соч. С. 29.

[262] Змеев называл свидетельство о служении Е. А. Болховитинова в Репьевке легендой. Он писал: «Да и иереем Евгений не был, а пострижен, как академик, прямо в протоиереи, что не было вовсе скачком, как предполагает Шмурло, а и теперь обычно». См.: *Змеев Л.Ф.* Указ. соч. С. 7

[263] Письмо Е.А. Болховитинова С. И. Селивановскому от 22 декабря 1793 г. // Библиографические записки. 1859. № 3. С. 71.

[264] *[Болховитинов Е.А.]* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии... С. 78.

[265] *Веселовский Г.М.* Указ. соч. С. 161.

[266] Подробнее об этом издании см.: *Гайворонский А.И.* Золотые архивные россыпи. Из истории культуры Воронежского края (конец XVIII–начало XIX в.). Воронеж, 1971. С. 63–66.

[267] *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений как ученый... С. 181–186.

Болховитинова[268]. Большая часть этих изданий оказались дорогими и остались нераспроданными, что нанесло типографии большой убыток[269]. О способах его покрытия Евфимий Алексеевич позже писал своим товарищам из Петербурга[270]. Первый коммерчески несостоятельный опыт участия в книгоиздательском деле не отвратил Болховитинова от последующих более успешных попыток наладить типографское дело как средство распространения научных знаний в провинции.

По мнению Краснобаева, интерес к литературе, науке, театру как средствам воспитания человека и усоврешенствования общественных отношений являются характерными чертами просветителей[271]. К концу воронежского периода своей жизни Болховитинов сформировался как человек просветительских взглядов, культурных потребностей, форм общения и характера деятельности.

---

[268] *[Болховитинов Е.А.]* Историческое рассуждение вообще о древнем христианском богослужебном пении, и особенно о пении российския церкви с нужными примечаниями на оное и с присовокуплением другаго краткого рассуждения о том, что алтарныя украшения нашей церкви сходны с древними, оба читанныя в публичных собраниях. Воронеж, 1799. – 26 с.; *[Болховитинов Е.А.]* Слово надгробное преосвященному Иннокентию епископу Воронежскому, преставльшемуся в бозе сего 1794 года апреля 15 дня то есть в субботу светлыя недели, говоренное по совершении божественныя литургии при начале погребательнаго молитвословия в Воронежском Благовещенском соборе, того же апреля 19 числа, с присовокуплением к тому речи и разговора стихами, говоренных также над гробом пред последним целованием тела, и с приложением Краткаго летописца преосвященных воронежских от основания епископскаго престола в Воронеже до нынешняго времени. Воронеж, 1799. – 50 с.; *[Болховитинов Е.А.]* Избранныя поучения преосвященнаго Иннокентия бывшаго епископа Воронежскаго, проповеданныя им во время своего правления епархиею с 1788 года сентября 17 по 1794 года апреля 15, с приобщением Краткаго начертания жизни и кончины его. Собрал и издал Воронежской семинарии префект, павловский протоиерей Евфимий Болховитинов. Воронеж, 1799. – 159 с.; *[Болховитинов Е.А.]* Полное описание жизни преосвященнаго Тихона, бывшаго прежде епископа Кегсголмскаго и Ладожскаго и викария Новогородского, а потом Воронежскаго и Елецкаго, собранное из устных преданий и записок очевидных свидетелей с некоторыми историческими сведениями, касающимися до Новогородской и Воронежской иерархий, изданное особенно для любителей и почитателей памяти сего преосвященнаго. Воронеж, 1796. – 78 с.; *[Болховитинов Е.А.]* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из историй, архивских записок и сказаний В[оронежской] с[еминарии] п[рефектом] п[авловским] п[ротоиерем] Е[вфимием] Болховитиновым Воронеж, 1800. – 229 с.; *[Болховитинов Е.А.]* Рассуждение о надобности греческаго языка для богословии и об особенной пользе его для российскаго языка. Читано в публичном собрании 1793 года июля 13 дня в Воронежской семинарии. Воронеж, 1800. – 17 с.; *[Болховитинов Е.А.]* Три рассуждения. I. О греческом языке. II. О церковном пении. III. Об алтарных украшениях. Воронеж, 1800. – 48 с.

[269] *Гайворонский А.И.* Золотые архивные россыпи... С. 70–77.

[270] «На Иннокентиевы проповеди в Москве велик расход. То же думаю будет и в Петербурге. Итак, не худо бы в Москву к Фоме Филимоновичу препроводить вам еще экземпляров 100, а из оных я от него выпишу до 30. Этою книгою можно поправить типографские ваши убытки посредством вымена книг для училища и на продажу. А больше всех поправит вас история Воронежская. Ее также в Москве и Петербурге выйдет до 150 экземпляров. Вы между тем настройте Александра Борисовича, чтобы он уговорил преосвященного Арсения разослать ее по всей воронежской епархии церквам, для того, что там есть история воронежской епархии. А вместе с сим прибавком из церквей заплатят деньги и за все экземпляры. И так вы в полгода сбудете все экземпляры с рук. То же точно сделать и со словарем российских государей. Кажется, можно вывести типографию из долгу. Только смотрите внимательнее за мастеровыми, чтобы не гуляли. От них больше всего может быть подрыв типографии». См. Письмо арх. Евгения (Болховитинова) Г.А. Петрову от 12 марта 1800 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 203. Л. 3–3 об.; Русский архив. 1873. Кн. 1. № 3. Стб. 390–391.

[271] *Краснобаев Б.И.* Русская культура... С. 179.

1.2 Ученый монах в столице

Вступление в монашество. В 1799 г. Евфимий Алексеевич переживал новый кризис. Его семейная жизнь не состоялась. Его юная жена, дочь провинциального купца, которой на момент заключения брака едва ли исполнилось шестнадцать лет, не была способна разделять культурные интересы своего образованного супруга. Трое их детей умерли во младенчестве: Адриан (1794–1795), Николай (1797–1798), Пульхерия (1798–1799), а вслед за ними 21 августа 1799 г. скончалась и Анна Антоновна[272]. Об этих утратах он вспоминал впоследствии с большой горечью[273].

В этот трудный для себя период Болховитинов вновь обратился к незаконченному переводу «Опыта о человеке». Позже в письме к Македонцу, дружбе с которым он посвятил эту работу, Евгений вспоминал: «Я переводил ее в последние скучные месяцы моего пребывания в Воронеже для утешения себя»[274]. Скорбные обстоятельства вызвали в нем размышления о неизбежности смерти, и Болховитинов нашел в книге Поупа доказательство того, что «все к лучшему. По крайней мере эта мысль утешительнее всех для страждущего, и с нею можно даже спокойно умирать»[275].

Потеря семьи поставила Евфимия Алексеевича перед необходимостью выбора дальнейшего жизненного пути, так как оставаться на приходе в прежнем качестве он уже не мог[276]. Его служба в семинарии осложнялась напряженными отношениями с новым архиереем Афанасием (Ивановым) (1746–1805), который за пять месяцев

---

[272] Анна Антоновна и Пульхерия были похоронены в пригороде Воронежа в слободе Чижевка близ алтаря церкви Иоанна Предтечи. На памятнике Евфимий Алексеевич поместил эпитафию собственного сочинения: «Здесь погребены Анна и Пульхерия, супруга и дщерь Болховитиновы, скончавшиеся первая на 22-м году жизни августа 21-го дня 1799 года, вторая на 1-м году от рождения, июля 9-го того же года, которым супруг и отец от скорби сердца с надгробным рыданием взывает вечную память. Прот. Евфимий Болховитинов. Покойтесь, милые, до вечного свиданья, болезней где уж нет, ни скорби, ни воздыханья. Прот. Евфимий Болховитинов». См.: *Данский А.А.* Очерк жизни и ученых трудов Евгения... С. 227–228.

[273] «Кончина Авдотьи Степановны припомнила мне живее, нежели обычно, смерть покойной моей жены, и я – признаюсь – выронил десятка два слез. благодарю Бога, что не осталось у меня детей. Это было бы продолжение и продолжение беспрестанных слез, а теперь – omnia mea mecum porto [«Все мое – при мне» – лат.]». См.: Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 28 июня 1800 г. // Русский архив. 1870. № 4–5. С. 781, и др.

[274] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от ... [июля] 1806 г. // Русский архив. 1870. № 4–5. С. 850.

[275] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 24 октября 1806 г. // Русский архив. 1870. № 4–5. С. 852.

[276] Подробно о положении овдовевших представителей белого духовенства см.: *Лавров А.Ф.* Вдовые священнослужители // Христианское чтение. 1871. № 2. С. 343–382.

пребывания на Воронежской кафедре своей строгостью настроил против себя все семинарское начальство и духовенство епархии[277].

Чтобы лучше понять, каковы могли быть размышления Евфимия Алексеевича в этой ситуации, обратимся к его реакции на известие о кончине супруги знакомого воронежского священника. «Боже мой! – писал он Македонцу из Петербурга. – И Мария Епифановна уже во гробе! И бедный Яковлев, конечно, должен идти в монахи. Пусть скорее стрижется»[278]. Спустя некоторое время архимандрит Евгений снова вернулся к судьбе вдовца иерея Яковлева, советуя ему «постричься при семинарии… Нет нужды, что дарования его не пылки. Немного ума нужно, чтобы быть учителем поэзии, а уча, вдвое сам научится, и года через три годится и в Петербург… Ученых монахов ныне везде столько мало, что гоняются и за полуучеными, только чтобы они были трезвы и скромны»[279]. Евфимий Алексеевич воспринимал пострижение как неизбежный выход из сложившейся ситуации, а пополнение рядов ученого монашества как наиболее приемлемый путь.

В перемене его собственной судьбы большую роль сыграл митр. Санкт-Петербургский Амвросий (Подобедов) (1742–1818), который в это время подбирал преподавателей для Александро-Невской академии[280]. По утверждению Д.Н. Бантыш-Каменского, кандидатуру воронежского префекта Болховитинова предложил его отец историк и архивист Николай Николаевич Бантыш-Каменский (1737–1814), состоявший с митрополитом «издавна в теснейшей дружбе», хорошо знавший Евфимия Алексеевича со времен его учебы в Москве и покровительствовавший ему[281]. Как позже митр. Евгений сообщал в своей биографии, он «по овдовении в 1799 г. вытребован преосвященным С[анкт]-Петербургским митрополитом Амвросием в С[анкт]-Петербург

---

[277] *Никольский П.В.* История Воронежской семинарии. Воронеж, 1898. С. 74.

[278] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 19 марта 1803 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 203. Л. 102.

[279] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 21 марта 1806 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 203. Л. 161–161 об.

[280] *Малкин С.А.* Митрополит Новгородский Амвросий (Подобедов) и митрополит Киевский Евгений (Болховитинов) // Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции. XXIII. М., 2018. С. 30.

[281] *Бантыш-Каменский Д.Н.* Евгений Болховитинов // Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. II. СПб., 1847. С. 2–4. По другим данным Петр Иванович Литке (1750 – 1808), арендовавший воронежское имение князя Н. В. Репнина и находившийся с Болховитиновым в приятельских отношениях, убедил его принять монашество и переехать в Петербург. Есть также сведения об участии Дмитрия Петровича Бутурлина (1763–1829) в изменении участи Евфимия Алексеевича, достоверность которых спорна. См.: *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений... С. 272–273.

и с 3 марта 1800 г. определен в Александроневской академии префектом, философии и высшаго красноречия учителем; 9 числа того же марта пострижен в Александроневской лавре и того же месяца 11 числа посвящен во архимандрита Зеленецкаго монастыря, а 15 марта определен присутствующим в С[анкт]-Петербургской консистории»[282]. Жизнь Болховитинова вновь переменилась, он стал ученым монахом.

К началу XIX в. в среде духовенства сформировалась особая группа образованных монахов, занимавшихся переводами, писательскими трудами, проповедничеством и преподаванием в духовных школах. Ее закреплению способствовали законодательные меры государства и церкви, предписывающие части монашества вести ученую и образовательную деятельность[283]. Положение ученых монахов, живших вне монастырей, владевших личным имуществом и со временем становившихся высшими церковными иерархами, выделяло их из основной массы иноков. Это позволило современным авторам увидеть в самом словосочетании «ученое монашество» своего рода оксюморон, так как представители этой группы «лишь с оговорками могут быть названы как учеными, так и монахами», являясь по сути церковно-номенклатурной кастой[284]. Другие исследователи склонны рассматривать деятельность ученых монахов как жертвенное служение науке и церкви, оказавшее созидательное воздействие на русскую культуру.[285]

Московская академия, которую закончил Болховитинов, была одним из центров формирования российского ученого монашества. Ее директор архиеп. Платон не только не видел противоречий между научной работой и церковным служением, напротив,

---

[282] *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Биография Евгения... С. 2–3.

[283] Регламент или Устав Духовной коллегии. 25 генваря 1721 г. № 3718. Дела епископов // ПСЗРИ. Собр. первое. Т. VI. СПб., 1830. С. 323–324, 330–336; Указ именной, данный Синоду О звании монашеском, об определении в монастыри отставных солдат и об учреждении семинарии и госпиталей. 31 января 1724 г. № 4450 // ПСЗРИ. Собр. первое. Т. VII. СПб., 1830. С. 232–233.

[284] *Черняев А.В.* Русское «ученое монашество»: архимандрит Киприан (Керн) и прот. Георгий Флоровский // Вестник славянских культур. 2013. № 1 (27). С. 7. Схожую точку зрения высказывал прот. Георгий Флоровский. См.: *Флоровский Г.В., прот.* Указ. соч. С. 431–432.

[285] *Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX в. М., 2002. С. 29–38, 170–173; *Карпук Д.А.* Александро-Невская Лавра – центр ученого монашества в начале XX в. // Сборник материалов конференции «300 лет Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры». СПб., 2013. С. 218–228; *Сухова Н.Ю.* Ученое монашество в России: научно-богословская деятельность и проблема консолидации // Вертоград наук духовный: сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. М.: ПСТГУ, 2007. С. 304–325; *Шафажинская Н.Е.* Русское ученое монашество XIX века: историко-культурное значение // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 2. С. 53–59.

считал монашеское уединение и духовное сосредоточение наиболее благоприятными условиями для ученых трудов. Известно, что на вопрос Екатерины II о том, зачем он пошел в монахи, Платон отвечал, что «избрал монашескую жизнь по особой любви к просвещению»[286]. Он настойчиво склонял к монашеству тех воспитанников, в которых замечал необходимые качества для научной работы, и отказывал в просьбах о пострижении менее способным в научном отношении студентам. Питомцы архиеп. Платона занимали важные церковные посты и продолжали дело своего наставника по развитию системы духовного образования в разных частях России[287]. Не миновал этого пути и Евфимий Болховитинов, с той лишь оговоркой, что монашество он принял не в академии, а спустя десять лет после ее окончания. Его постриг совершил другой ученый монах, митр. Амвросий (Подобедов), ученик «образованнейших людей своего времени митрополитов Гавриила[288] и Платона»[289].

Сохранился предназначенный для ближайших воронежских друзей рассказ Болховитинова о произошедших в его жизни изменениях. «Марта 1-го приехал я в Петербург. 2-е число употребил на то, чтобы инкогнито потаскаться по Петербургу, 3-го явился я в Невской и того же числа определен Академии префектом и учителем философии и красноречия; а 4-го переселился я в монастырь и вступил в должность. Четыре дня только я погулял бельцом, – писал он из спустя три дня после пострижения,– а 9 Марта монахи, как пауки, в утреню опутали меня в черную рясу, мантию и клобук. Имя я себе выбрал Евгений. 11-го, владыка наш в обедню возложил на меня митру, крест и палицу. И так я теперь Евгений, архимандрит Зеленецкаго монастыря. Вот что сделали из вашего друга Евфима»[290]. Прот. Георгий Флоровский, видевший в ученом монашестве бюрократический слой, для которого иночество было лишь «путем ко власти и чести», считал, что это описание пострижения произведено «с

---

[286] *Знаменский П.В.* Духовные школы… С. 698.
[287] Там же. С. 697–704.
[288] Гавриил (Петров) (1730–1801) – митрополит Новгородский и Олонецкий, просветитель, богослов, член Российской Академиии.
[289] *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений как ученый... С. 277.
[290] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) Г.А. Петрову от 12 марта 1800 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 203. Л. 2 А. См. также: Русский архив. 1873. № 3. С. 389.

какой-то неопрятной развязностью»[291], неподобающей самому событию, и свидетельствует о карьерных мотивах Болховитинова. С нашей точки зрения, фрагмент этого письма скорее демонстрирует стиль дружеского общения, характерный для сверстников, расставшихся чуть более чем месяц назад, и отсылающий их ко временам совместных занятий, не лишенных некоторой игры и юношеских вольностей[292]. Новоиспеченный архимандрит Евгений не мог со всей торжественностью описывать событие, изменившее его жизнь, не пытаясь при этом снизить пафос повествования. Оно показывает, что произошедшее с ним, совершалось над ним при его почти полной безучастности. Еще через три дня в письме к другому своему воронежскому товарищу он сообщал, что указ из Синода о его постриге пришел так скоро, что он не успел должным образом подготовиться, но был вынужден согласиться по настоянию ректора академии архим. Амвросия (Протасова) (1762–1831), снабдившего его для этого монашеским облачением. Евфимий Алексеевич желал, чтобы пострижение было совершено при отсутствии публики. Он писал, что при приближении ответственного момента сердце у него дрогнуло, он был как без памяти и насилу дождался конца[293]. В этом описании представлены те же переживания автора, что и ранее, но в ином изложении. Приняв необходимость поступления в монашество при академии, Болховитинов не успевал осознавать стремительно происходивше с ним перемены. Переезд в Петербург, который сразу показался ему неприветливым и так и остался единственным местом церковного служения, которое Евгений так и не полюбил и всегда тяготился необходимостью задерживаться в нем на продолжительное время, смена привычного окружения на монастырскую жизнь, в которой «обходиться кроме ректора не с кем; все скрытны и не очень сговорчивы, не так как в Воронеже или матушке Москве»[294], новые обязанности, отнимавшие много сил и времени, – все это заставляло его чувствовать себя чужим. В течение первых двух лет после принятия монашества он привыкал к своему новому положению, скучал по дому, много писал воронежским

[291] *Флоровский Г.В., прот*. Указ. соч. С. 432, 186.
[292] *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений… С. 179–180.
[293] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 15 марта 1800 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 771–772.
[294] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) Г.А. Петрову от 12 марта 1800 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 203. Л. 2 А. См. также: Русский архив. 1873. № 3. С. 389.

приятелям, интересовался воронежскими делами и радовался каждому приезжающему из родных мест. Только в феврале 1802 г. он смог, наконец, сказать о себе: «Я теперь чужеземец»[295].

Нельзя согласиться с прот. Георгием Флоровским, утверждавшим, что Евгений «не скрывал, что монашество принял ради служебного движения»[296]. Прямых высказываний митр. Евгения, подтверждающих это, обнаружить не удалось. Архим. Евгений прекрасно понимал, к какому пути он призван, и, примеряя на себя будущее епископское служение, таким образом, готовился к нему. Однако достижение высших церковных должностей его не привлекало. Имея возможность наблюдать положение митр. Амвросия (Подобедова), он отмечал не только «лестны отличия» его сана и сопутствующих ему монарших милостей, но и «его вздохи от тяжести их»[297]. Евгений писал, что митрополит «с добрым своим сердцем желал бы покойного уголка. Но пост его так высок, что с него сдвинуться нельзя иначе, как вниз»[298]. Сам он держался того мнения, что «архимандритам (NB: однако ж не петербургским) лучше жить, нежели епархиальным архиереям»[299], а провинциальным епископам живется покойнее, чем петербургским[300]. Себя он не мыслил в рядах синодальных членов и высших церковных иерархов. «Боже, избави от Петербурга! – писал Евгений Македонцу. – Завиден он только издали. И то тем, которые интриг здешних близко не видали. Я хоть недавно здесь, но азбуку здешней жизни почти познал. А до грамматики нескоро можно достигнуть, философию же немногие знают»[301].

Пропустив положенный перед постригом период послушничества, необходимый для сознательной подготовки к принятию монашеских обетов, архим. Евгений переживал перемены во внутренней жизни в начальные годы своего монашества. Он

---

[295] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 20 февраля 1802 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 203. Л. 71.
[296] *Прот. Георгий Флоровский*. Указ. соч. С. 186.
[297] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 13 августа 1800 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 203. Л. 21.
[298] Там же. Л. 21.
[299] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 26 апреля 1802 г. // Там же. Л. 77.
[300] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 13 декабря 1805 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 847.
[301] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 13 августа 1800 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 203. Л. 21.

пересматривал не только свое отношение к людям, но и само основание, на котором оно строилось. Особенно отчетливо это видно на примере истории его взаимоотношений с еп. Амвросием (Клембетом).

Архим. Амвросий был назначен ректором воронежской семинарии в то время, когда ее префектом был Евфимий Болховитинов. Простоватый, неловкий в обращении, угловатый ректор, к тому же с малопонятным малороссийским говором, стал объектом постоянных и довольно острых насмешек со стороны образованного префекта, и, не выдержав их, тайно бежал в Петербург, откуда после проведенного расследования был направлен в Новгород на должность ректора семинарии. При получении архиерейского назначения в Оренбург он наделал в столице такой переполох своим неловким поведением, что само имя его стало нарицательным обозначением простака, о чем архимандрит Евгений поведал Македонцу[302]. Вскоре новоиспеченный монах, вновь припоминая в письме к товарищу чудачества Клембета, все же отметил доброту как драгоценное его качество[303]. Архим. Евгений, чувствуя свою прошлую неправоту и желая ее загладить, отправил письмо оренбургскому владыке. Томительное ожидание ответа даже заставило его пожалеть о своем примирительном шаге, да и полученное письмо, состоявшее всего из нескольких строк, не развеяло его тяжелого чувства. Далее в своих письмах к Македонцу Евгений постоянно спрашивал об оренбургском архиерее, жаловался, что он никому не пишет, с сочувствием рассматривал его трудные обстоятельства и отзывался о нем только благожелательно[304]. Внутренние изменения, произошедшие с архим. Евгением, заставили его добиваться общения с человеком, бывшим ранее удобной мишенью для его острот. Теперь его внимание сосредотачивалось не на внешней неловкости, а на добродетелях оренбургского владыки: его скромности, простоте, доброте, незлобии.

К первым годам монашества относятся письма архим. Евгения к воронежскому приятелю А.С. Страхову. Они раскрывают перед нами его проникнутые глубоким христианским чувством размышления о монашеских и мирских добродетелях, о

[302] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 26 апреля 1800 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 774.
[303] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 6 мая 1800 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 203. Л. 10.
[304] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 203. Л. 38, 41, 74 об., 135, 145 об., 163, 165, 169 об., 172.

молчании и уединении, о жизни и смерти, о призвании и талантах. Он писал: «Жить на земле только что для жизни – очень низок предмет. Бог произвел нас с желанием к будущему чему-то и бесконечному. Неужели тщетно и суетно сие желание, вложенное в нас самим премудрым и преблагим Богом? Нет»[305]. И в другом письме: «Чаяный, непонятный ясно – глас в сердце нашем манит нас в будущее. Неужели сей от рождения эхом отзывающийся глас в душе нашей, сотворенной премудрым Богом, есть мечта? Нет – я хочу умереть, веря, что и по смерти я буду любоваться добром, сделанным мною в жизни, и надеюсь даже, что душа моя будет улыбаться, взирая на приходящих к могиле моей добрых людей, припоминающих о моем каком-нибудь добре»[306]. Подобные размышления Евгения никак не вяжутся со образом рационалиста-скептика и расчетливого карьериста, сложившимся в научной литературе.

В первые годы монашества архимандрит Евгений пытался понять произошедшие с ним изменения и свое новое положение. «Вы спросите, какое ж кому собственно звание, и почему узнать, к чему кто призван или призывается? – писал он Страхову. – Вопрос важен и заслуживает внимательного рассмотрения… Первый, мне кажется признак звания Божия есть то состояние, в котором мы родимся. Тот, кто меня поставил по породе в каком-нибудь состоянии, предвидел лучше меня мою пользу из сего состояния, и, будучи всеблаг, не мог меня предопределить на несчастие. И так непростительно выходить из родового состояния самопроизвольно и без вторичного звания Божия. А вторичное звание бывает двоякое: внутреннее и внешнее. Первым Бог зовет тогда, когда Бог одаряет способностью и склонностью, влекущею к какому-нибудь преимущественно званию, ибо Бог каждому различные вселяет дарования (1 Кор. XII). Имея к чему-нибудь природную склонность при природной еще к тому же и способности, должно несомненно верить, что эти суть таланты, врученные от Бога; за пренебрежение и неупотребление коих он, конечно, истяжет в день отчета. – Внешнее вторичное звание Божие есть то, которое изображено у Иоанн. XXI, 18, когда нечаянно, без воли моей, а иногда и против воли еще вовлекают меня к исполнению чего, только

[305] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) А.С. Страхову от 25 апреля 1801 г. // Русское обозрение. 1897. Кн. 4. С. 748.
[306] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) А.С. Страхову от 22 апреля 1803 г. // Там же. С. 772.

бы не бесчестного, то это звание Божие»[307]. В этих размышлениях архим. Евгения выражено его отношение к церковному служению, ставшему его первым призванием по рождению, к своему внутреннему призванию к научной деятельности, к которому он имел одновременно и способности, и склонность, к своему монашеству, или второму внешнему призванию, совершившемуся без его воли, но для его же блага. Свое монашеское состояние, церковное служение, соединенное с ученой деятельностью он рассматривал как предназначение, в следовании которому он видел основное содержание своей жизни.

Болховитинов в Петербургской академии. Основную часть времени и сил архим. Евгения поглощали академические обязанности. Через месяц с небольшим после пострига он писал Македонцу: «Верю, что известие о мне истинно вас порадовало. Так, конечно, я чувствую свое счастие и сам: но оно очень тяжко. От должностей редко высыпаюсь, и от того чувствую даже боль в груди, в спине, в голове. Вся академия взвалена на мои плечи, и в ней 200 человек на всем содержании, а там еще два класса, консистория, церковь и проч. Только и отдыху после обеда в субботу и в воскресенье»[308].

Ректор архим. Амвросий (Протасов) (1762–1831) и префект архим. Евгений в 1800–1804 гг. составляли академическое правление, осуществлявшее управление учебным заведением под общим руководством правящего архиерея митр. Амвросия. В ведении префекта находились воспитательная и хозяйственная части академии[309]. Несмотря на помощника в лице эконома из числа братии Александро-Невского монастыря и большую загруженность Евгению приходилось брать на себя лично различные хозяйственные заботы[310], в том числе о благоустройстве территории академии. «Теперь вместо отдыху занимаюсь я копанием каналов и выкладкой подземных труб по

---

[307] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) А.С. Страхову от 14 ноября 1801 г. // Русское обозрение. 1897. Кн. 4. С. 755–756.

[308] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 26 апреля 1800 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 774.

[309] По особому распоряжению правящего архиерея иногда назначались члены правления из числа наставников академии. См.: *Чистович И.А.* История С[анкт]-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 129.

[310] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 15 июля 1802 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445 (Чертковы). Д. 203. Л. 85 об.; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 17 февраля 1804 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 835.

академическому двору, – писал он Македонцу. – Ко мне на работу присылает владыка и консистория попов да причетников, и так их мучаю и сам вместе с ними будучи на дворе мучаюсь. Не знаю я как здесь прежде начальники наши или бишь предшественники живали. Академический двор сущее было болото и при таком дожде весь преисполнен бывал водою, а весною ужаснулся я потопу. И потому как для собственного здоровья, так и для учеников решился я копать каналы и делать трубы для осушения двора с позволения владыки. Вчера один канал уже кончил. Но работы еще много»[311]. Хозяйственный опыт, полученный в годы управления академией, оказался впоследствии востребованным в годы епископского служения Евгения.

Основное внимание префект Евгений уделял надзору за нравственным состоянием учащихся. Исполнение этой обязанности становилось настоящим испытанием для него, о чем он жаловался Македонцу: «Хлопоты душат, да случились еще и огорчения. Владыка требует строгости. Я принялся было, но раздражил вольных здешних студентов. За то хочу бросить все тщание. Скорее самому лопнуть можно, нежели упрямых исправить»[312]. Евгений, привыкший совмещать строгость начальника и гуманность воспитателя по отношению к провинциальным семинаристам, столкнулся с сопротивлением своим мерам, которые сам же определял как «мелочныя смотрения за академистами»[313], со стороны столичных студентов, имевших более широкий кругозор и привыкших к самостоятельным суждениям и вольному поведению. Академисты принимали участие в светских церемониях и должны были учиться соответствующему обращению, приличному в то же время для представителей духовного сословия. Евгений писал Македонцу об участии своего племянника Алексея Болховского, обучавшегося в это время в академии, в обеде у митр. Амвросия по случаю праздника Перенесения мощей Александра Невского (30 августа/12 сентября): «За столом у владыки нашего был весь Синод, Евгений грек, Сестренцевич[314] и многие из светских, а

[311] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 26 июля 1800 г. // НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238 (Коллекция Н.П. Лихачева). Оп. 2. Карт. 136. Д. 4. Л. 120–120 об.
[312] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 20 марта 1801 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 791–792.
[313] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 9 декабря 1800 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445 (Чертковы). Д. 203. Л. 35.
[314] Богуш-Сестренцевич Станислав (1731–1826) – католический епископ, первый председатель Римо-католической духовной коллегии (1801–1810), член Российской академии с 1807 г.

при них мы с ректором. Для посмотрения был в числе прислуживающих за столом и Алексей мой. Он зевать на людей любит, да это кажется и не худо. А я его нарочно посылаю в те места, где он увидеть что-нибудь может. За то он сделался посмелее и подальновиднее. Надеюсь, что он скоро будет настоящий петербуржанин»[315] Приобретение определенной свободы поведения Евгений считал полезным и даже необходимым для провинциала, желающего стать столичным жителем.

Учебная часть академии находилась в ведении ректора, но митр. Амвросий входил во все ее дела и составил подробные инструкции для учителей с указанием методов преподавания и учебных пособий по изучаемым предметам[316]. Согласно этим инструкциям архим. Евгений должен был преподавать красноречие и всеобщую историю по руководствам французского педагога Шарля Роллена (1661–1741)[317], российскую историю по учебнику российского автора сербского происхождения Федора Ивановича Янковича де Мириево (1741–1814)[318] с использованием выписок из сочинений Татищева и Щербатова. Философию следовало излагать по книгам немецкого ученого, последователя Лейбница и Вольфа Фридриха Христиана Баумейстера (1708–1785)[319]. Сохранились рукописные дополнения к этому курсу на

---

[315] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 6 сентября 1800 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445 (Чертковы). Д. 203. Л. 25 об.

[316] *Чистович И.А.* История С[анкт]-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 106.

[317] *Роллен Ш.* Способ, которым можно учить и обучаться словесным наукам. Сочинен г. Ролленом, а с французскаго на российской язык переведен Иваном Крюковым. СПб., 1783. – 231 с.; *Роллен Ш.* Древняя история об египтянах о карфагенянах об ассирианах о вавилонянах о мидянах, персах о македонянах и о греках ,сочиненная чрез г. Ролленя бывшаго ректора Парижскаго университета, профессора элоквеции и прочая, а ныне с французскаго переведенная чрез Василья Тредиаковскаго профессора элоквеции и члена Санкт-Петербургския Имп[ераторской] Академии наук. СПб., 1749–1762. – 3900 с.; *Роллен Ш.* Римская история от создания Рима до битвы Актийския то есть по окончание Республики [в 16 т.] / сочиненная г. Ролленем, преждебывшим ректором Парижскаго университета, профессором красноречия, и членом Королевския академии надписей и словесных наук; с французскаго переведенная тщанием и трудами Василья Тредиаковскаго профессора и члена Санкт-Петербургския имп. Академии наук. СПб., 1761–1767. – 3587 с.

[318] *Янкович де Мириево Ф.И.* Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи. СПб., 1799. – 191 с.

[319] *[Баумейстер Ф.Х.]* Христиана Баумейстера Метафизика. Перевод с латинскаго [Александра Павлова] вновь высмотрен и на многих местах исправлен профессором Дмитрием Синьковским. Издание 2-е. М., 1789. – 251 с.; *[Баумейстер Ф.Х.]* Християна Бауместера Логика. Перевод с латинскаго [Александра Павлова]. Изд. 2-е. М., 1787. 240 с.; *[Баумейстер Ф.Х.]* Нравоучительная философия, содержащая естественное право, этику, политику, экономию и другия вещи, для знания нужныя и полезныя. Перевел с латинскаго языка профессор Дмитрий Синьковский. М., 1788. – 324 с.

латинском языке, составленные архим. Евгением[320]. Наибольшее число его заметок относится к области физики, а также к нравственной философии, а именно к вопросу о происхождении зла в мире, что созвучно общему настроению его размышлений над «Опытом о человеке» Поупа, перевод и редактирование которого Евгений завершил в Петербурге[321]. Шмурло установил основные сочинения, ставшие источником для дополнений философии Баумейстера: «Наставления в догматическом богословии» немецкого философа и лютеранского богослова Иоганна Франца Будде (1667–1729)[322] и «Новое киронаставление» христианского универсалиста и французского масона шотландского происхождения Эндрю Майкла Рамзая (1686–1743)[323]. Евгения интересовал христианский взгляд на философию, и он черпал в работах этих авторов аргументацию против созданного эпохой Просвещения образа «добродетельного атеиста», способного руководствоваться нерелигиозными этическими нормами в общественной и частной жизни, ключевая роль в формировании которого принадлежала влиятельнейшему французскому философско-богословскому критику Пьеру Бейлю (1647–1706)[324].

За два года службы в академии архим. Евгений достиг высшего положения в преподавательской иерархии. Он писал Македонцу: «Я с 6-го апреля учу уже не философию, а богословию. А ректор только ректором остался»[325]. Высшая ступень академического образования требовала от Евгения чтения в числе богословских дисциплин курса всеобщей церковной истории, опыт преподавания которой по учебнику Мосгейма он приобрел в Воронежской семинарии. Известно также, что в Петербурге Евгений преподавал курс истории русской церкви. Учебного пособия по этой дисциплине еще не существовало, поэтому можно предположить, что хранившаяся

---

[320] *[Евгений (Болховитинов), архим.]* Выписки для философских лекций в дополнение к Баумейстеровой философии, преподаванныя мною в Александроневской академии 1801 и 1802 года. Рукопись. Место хранения: ОР НБУВ. Ф. 312. Д. 638/413. См.: *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Київський митрополит Євгеній... С. 576.

[321] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от [... июля 1806 г.] // Русский архив. 1870. № 4–5. С. 850.

[322] *[Buddeus J.F.]*. Institutiones theologicae dogmaticae. Lpz., 1723. – 1320 с.

[323] *[Рамзай Э.М.]* Новое Киронаставление или путешествия Кировы с приложенными разговорами о богословии и баснотворстве древних, сочиненная г. Рамзеем. С французского на российский язык перевел Авраам Волков. М., 1765. – 212 с.

[324] *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений... С. 4; Мир Просвещения. Исторический словарь. М., 2003. С. 16, 80–82, 97.

[325] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 13 мая 1802 г. // Русский архив. 1870. № 4–5. С. 815.

в библиотеке академии рукопись Евгения с его собственноручными авторскими правками, была основой этого учебного курса, работу над которым он начал в этот период[326].

Одной из задач академического образования была подготовка наставников для провинциальных семинарий, для чего им давалась основательная гуманитарная подготовка, включающая знание древних и новых языков. Архим. Евгений, имевший опыт преподавания греческого языка, старался привлечь к нему внимание студентов, чтобы облегчить им доступ к греческому богословию и другим научным трудам. Для этого он, по наставлению находившегося на покое в монастыре почетного петербургского академика и известного богослова архиеп. Славенского и Херсонского Евгения (Булгара) (1715–1806) и заручившись позволением митр. Амвросия, «завел в академической церкви... служение литургии на греческом языке». «Служу сам с иеродиаконом, обучающим у нас греч[еский] класс, – писал он Македонцу, – и даже певчие у меня поют на греческом. Сего в Петербурге искони не бывало, и стечение любопытствующего народа великое, а между тем академисты большую чувствуют охоту к греческому языку, который доныне был в пренебрежении»[327]. Библиотека Евгения (Булгара) после его кончины в 1806 г. вошедшая в состав академической и включавшая книги на греческом, латинском, итальянском и французском языках, была значительным подспорьем студентам в подготовке их выпускных сочинений[328].

В обязанности преподавателей философского и богословского класса входила организация ежегодных диспутов, становившихся торжественным смотром достижений учащихся. Об одном из них Евгений писал Македонцу:«Вчера у нас приготовлены были диспуты в одно время, богословские и философские. Зван был весь Синод и обещался.

---

[326] *[Евгений (Болховитинов), архим.]* История славяно-русской церкви от начала оныя до настоящего времени. Сочинение м. Евгения Болховитинова. Рукопись. Место хранения: ОР НБУВ. Ф. 312. Д. 363/158. См.: *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Київський митрополит Євгеній... С. 571. Шмурло относил начало работы над ней ко времени после 1812 г., Полетаев определял его ранее 1812 г. Точное время начала составления этого сочинения не установлено. См.: *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений как ученый... С. 321; *Полетаев Н. И.* Труды митрополита Киевскаго Евгения... С. 436–526; *Родосский А.* Описание 432-х рукописей, принадлежащий С[анкт]-Петербургской духовной академии и составляющих ея первое по времени собрание. СПб., 1894. С. 241–242.

[327] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от ... октября 1800 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 786.

[328] *Чистович И.А.* История С[анкт]-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 127–128.

Все приготовлено было, и обед у владыки»[329]. Евгению вменялось в обязанность готовить собственные диссертации и выступать с ними перед публикой. Он сообщал своему воронежскому корреспонденту: «9-го июля были у нас диспуты богословские, а 10 философские. Все хорошо. Присутствовали митрополит, грузинский и почтенный старец Евгений на обоих. После моих диспутов были и у меня на вечеринке... Посылаю вам мои тезисы»[330]. Из диссертаций, подготовленных Евгением для академических диспутов, известны: «О врожденных идеях, неверно допускаемых» (1800), «Рассуждение о совершенстве и доброте мира» (1801), «О существовании духов, легко доказуемом при помощи разума» (1801), «О символических книгах русской церкви (1802)».[331] Чаще всего они произносились на латыни. Выбор тем свидетельствует о размышлениях Евгения над вопросами соотношения природы и духа, созидающих совершенное мироздание, об ограниченности чувственного и рационального познания[332].

Итогом преподавательской деятельности префекта Евгения стали подготовленные под его руководством кандидатские сочинения воспитанников академии. Из пяти академических диссертаций две были посвящены вопросам всеобщей церковной истории, три – российской[333]. Сохранилось описание публичных диспутов выпускников

---

[329] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 11 июля 1800 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 786–787.

[330] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 14 июля 1801 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445 (Чертковы). Д. 203. Л. 58 об.

[331] *[Евгений (Болховитинов), архим.]*. De ideis innatis perperam admissis. О врожденных идеях, неверно допускаемых. 1800. Рукопись. Место хранения: ОР НБУВ. Ф. 312. Д. 646/592(4); *[Евгений (Болховитинов), архим.]*. Рассуждение о совершенстве и доброте мира. 1801. Рукопись. Место хранения: ОР НБУВ. Ф. 312. Д. 646/592 (6); *[Евгений (Болховитинов), архим.]*. Dissertatio de existentia spirituum. О существовании духов, легко доказуемом. 1801. Рукопись. Место хранения: ОР НБУВ. Ф. 312. Д. 646/592(13); *[Евгений (Болховитинов), архим.]*. Dissertatio de libris symbolicis ecclesiae Rossicae. О символических книгах русской церкви. 1802. Рукопись. Место хранения: ОР НБУВ. Ф. 312. Д. 646/592(11); *[Евгений (Болховитинов), архим.]*. См.: *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Указ. соч. С. 575, 577.

[332] См.: *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений как ученый... С. 304–310.

[333] Историческое исследование о соборах Российския церкви, читанное в публичном собрании Санкт-Петербургской Александроневской академии 1803 года, генваря 8 дня кандидатом богословии и информатором нижшаго немецкаго класса Михаилом Сухановым, при отпуске его из академии в Иркутскую семинарию, из коей прислан он был для образования к учительской должности. СПб., 1803. – 37 с.; Рассуждение о начале, важности и знаменований церковных облачений, читанное 1803 года сентября 29 дня в публичном собрании Санкт-Петербургской Александроневской академии кандидатом богословии Константином Китовичем, при отправлении в Белорусскую семинарию, из коей он был прислан для образования к учительской должности. СПб., 1804. – 36 с.; Рассуждение о соборном деянии, бывшем в Киеве 1157 года на еретика Мартина, читанное в публичном собрании Санкт-Петербургской Александроневской академии 1804 года, генваря 21 дня кандидатом богословии Иваном Лавровым, при отпуске его из академии во Псковскую семинарию, из коей прислан он был для образования к

богословского класса академии 1803–1804 гг. На них присутствовали почетные гости, как светские так и духовные лица. Студент читал подготовленную диссертацию, затем произносил приветствия гостям на латинском, греческом, французском и немецком языках и отвечал на вопросы собравшихся. По результатам диспута студенту присваивалась степень кандидата богословия, что свидетельствовало о завершении его образования и готовности к самостоятельной преподавательской и научной деятельности[334]. Публичная защита первых академических диссертаций стала новшеством в научной и культурной жизни Петербурга, о чем Евгений писал Македонцу, посылая экземпляр вышедших в печати сочинений своих подопечных: «До нас в Петербурге этого не бывало, а если правду митрополит и другие говорят, то де и впредь нескоро будет»[335].

Кроме преподавания префект Евгений был обязан выполнять специальные ученые поручения митр. Амвросия, одним из которых стало «Каноническое исследование о папской власти в христианской церкви на латинском и российском языке»[336]. Поводом к нему стало запрос Павла I через президента Коллегии иностранных дел Федора Васильевича Ростопчина (1763–1826) к митр. Амвросию об инициативе объединения католической и православной церквей, предложенной императору его приближенным иезуитом Габриэлем Грубером (1740–1805). Осенью 1800 г. сочинение Евгения было представлено Павлу I, и проект Грубера не был реализован. Евгений был склонен несколько переоценивать значение собственного труда. Возможно, причиной тому послужило резкое изменение его положения: он стал заметной фигурой в Петербурге как ученый человек и защитник церкви[337]. Последующие задания митр. Амвросия

учительской должности. СПб., 1804. – 43 с.; Рассуждение о книге, именуемой Православное исповедание веры соборныя и апостольския церкве восточныя, сочиненной киевским митрополитом Петром Могилою, читанное в публичном собрании Санкт-Петербургской Александроневской академии 1804 года, генваря 25 дня кандидатом богословии Алексеем Болховским, при отпуске его из академии в Воронежскую семинарию, для коей образован он был к учительской должности. СПб., 1804. – 32 с.; Историческое рассуждение о чинах грекороссийския церкви, читанное в публичном собрании Санкт-Петербургской Александроневской академии 1805 года, февраля 16 дня кандидатом богословии и информатором греческаго, латинскаго и французскаго языков Димитрием Малиновским, присланным из Тверской семинарии для образования к учительским должностям. СПб., 1805. – 93 с.

[334] *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 141–142.

[335] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 7 декабря 1804 г. // Русский архив... С. 841.

[336] *[Евгений (Болховитинов), митр.].* Биография Евгения митрополита Киевскаго... С. 15. Русский текст см.: Руководство для сельских пастырей. 1867, № 34. С. 568–580.

[337] *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений как ученый... С. 284–289.

выполнялись префектом также тщательно[338], и его положение становилось все более видным. Его известность в Петербурге росла по мере публикации его самостоятельных исторических исследований[339], для которых он умел выкраивать время. «Мы пишем для удовольствия»[340], – признавался Евгений Македонцу.

Кроме службы в академии Евгений состоял членом консистории, а также в течение двух лет «исправлял чреду священнослужения и проповеди Слова Божия в Санкт-Петербурге и был членом С[анкт]-Петербургскаго Комитета Благодетельнаго общества, с 10 мая 1802 г. по именному указу составленного»[341]. Различные обязанности отнимали так много времени и сил, что он не чувствовал себя свободным даже в каникулярное время. «Теперь уже вакация, разумеется от академии, – писал он Македонцу в июле 1802 г., – а впрочем, все рабочие дни»[342]. Вслед за исполнением одних обязанностей надвигались новые. «Я думал, что отделавшись от чреды буду иметь больше досугу. Ни чуть! Дела также душат, как и прежде»,[343] – жаловался он своему воронежскому

---

[338] *[Евгений (Болховитинов), еп.]*. Исследование исповедания духоборческой секты, представлено чрез того же преосвященнаго в Св. Синод 1806 г., по случаю явившагося 1791 г. в Екатеринославле исповедания их, по случаю присланных в 1803 г. в Александроневскую лавру для увещания двух тамбовских духоборцев, с коими и приговоры приобщены при сей же книге, которая находится в архиве Св. Синода и в библиотеке Киевской академии. См.: *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Биография Евгения митрополита Киевскаго... С. 15; *[Евгений (Болховитинов), архим.]*. Критическия примечания на рецензию моравского дворянина Ганке де Ганкенштейна // Любитель словесности. 1806. Ч. 2. Май. С. 140–153; *[Евгений (Болховитинов), архим.]*. Примечания на книгу пастера Рихтера «Учебная книга в форме катехизиса о главнейших должностях общественной жизни, собранная для низших гражданских и народных школ». См.: *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 121.

[339] *[Евгений (Болховитинов), архим.]*. Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ея состоянии. Сочинено в Александро-Невской академии. СПб., 1802. – 100 с.; Памятный церковный календарь. М., 1803. – 189 с. В автобиографии митр. Евгений обозначил его как «Церковный календарь или полный месяцеслов с означением всего, что в какие дни в православной церкви совершается, с присовокуплением разных статей до российской иерархии касающихся и историческаго словаря российских государей, императоров, императриц, царей, цариц, великих княгинь и княжен, в память коих установлены в церкви соборныя панихиды, и с месяцесловом сих панихид, напечат[ан] в Москве 1803 г. в 12 листа». См.: *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Биография Евгения митрополита Киевскаго... С. 7; *[Евгений (Болховитинов), архим.]*. Исторический отрывок о Иоанне Смере, половчанине, придворном враче Владимира I, великаго князя Киевскаго // Друг Просвещения. 1804. Ч. II. № 5. С. 137–138.

[340] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 17 июня 1802 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 816.

[341] *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Биография Евгения митрополита Киевскаго... С. 3. О работе архим. Евгения в составе Императорского человеколюбивого общества (1802–1918) см.: Голос, представленный комитету Благодетельнаго общества членом онаго архимандритом Евгением, 29 октября 1802 г. // *Ивановский А.Д.* Евгениевский сборник. Материалы для биографии митрополита Евгения. Вып. 1. СПб., 1871. С. 155–158; Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 27 ноября 1802 г. // Русский архив... С. 819–820; Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 15 января 1803 г. // Русский архив... С. 820–821.

[342] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 15 июля 1802 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 817.

[343] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 15 января 1803 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 821.

корреспонденту. Отсутствие свободного времени для чтения и научных занятий тяготило Евгения, он стремился покинуть Петербург. Он по-приятельски делился своими размышлениями с Македонцем: «Каково тут префекту и у нынешняго митрополита вникающаго во все... Я теперь на степени такой уже, что везде с голоду не умру, а скучать с книгами нельзя. Здесь же и книг читать некогда»[344]. Узнав о планах открытия университетов в Харькове и Петербурге, префект Евгений примеривал на себя преподавание в них: «Ждут, как слышно, из чужих краев профессоров, а нашими брезгуют. Желал бы и я попасть в университет на богословию. Ведь там жалованье не наше жидоморское, да и служба не наша каторжная»[345].

Материальные заботы не только не оставили Евгения с принятием монашества, но приобрели еще большую остроту в связи с дороговизной столичной жизни. Он писал Македонцу: «Вы спрашиваете о моем жалованье: от академии 250 р., да от монастыря 200 р., да на карету от монастыря 100 р. Вот все мое жалованье. Спасибо, что я запасся деньгами. Жить по-кащейски не хочется, да правда сквалыжничать не для кого. Смерть придет, все пропадет. Лучше же пожить, чем Бог послал. День наш, век наш»[346]. Кроме того, Евгений получал разовые вознаграждения: в честь коронации Александра I Евгению был пожалован золотой крест, усыпанный алмазами, стоимостью в 2000 р.[347]; за надгробную речь при погребении вице-президента военной коллегии Ивана Варфоломеевича Ламба (?–1801) Евгений получил «100 р. с спасибом»[348]. Основную статью расходов архим. Евгения составляли траты на приобретение книг. Он начал собирать библиотеку еще в годы студенчества в Московской академии, и ко времени переезда в Петербург она уже не помещалась в обычном багаже. Большая часть книг прибыла из Воронежа только весной 1802 г., о чем он сообщил Македонцу, взявшему на себя хлопоты по их отправке: «Уведомляю вас о получении книг, которых я с трепетом

---

[344] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 15 марта 1802 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 811.
[345] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 20 ноября 1803 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 832–833.
[346] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 28 июня 1800 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 780–781.
[347] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 25 сентября 1801 г. // Русский архив... С. 802; Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 14 ноября сентября 1801 г. // НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238 (Коллекция Н.П. Лихачева). Оп. 2. Карт. 136, Д. 4. Л. 130 об.
[348] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 9 января 1802 г. // Русский архив... С. 806.

ожидал. Они доехали до меня; но два больших короба несколько подмокли... по счастью, не много, да и то незавидныя книжки… но подмокли и хорошие»[349]. Евгений следил за книжными новинками и пользовался столичной жизнью для пополнения библиотеки свежими изданиями. Он писал Македонцу: «Я уже и здесь накупил вновь в библиотеку себе книг. По вольности цензуры с весны привезут нам миллионы новых книг, да ба! читать нам некогда»[350]. Евгению приходилось следить за своими расходами. В письмах к Македонцу он часто жаловался на дороговизну столичных продуктов и дров[351]. Воспитанная годами небогатой жизни расчетливость позволила ему делать сбережения[352].

Особое положение ученого монаха, владеющего имуществом и исполняющим свое церковное служение при академии, состоящее по большей части в преподавании, участии в академическом управлении и научной работе, признавалось священноначалием естественным. Сан архимандрита третьеклассного Троицкого Зеленецкого мужского монастыря был номинальным не только для Евгения, но и для многих его предшественников, среди которых было пять ректоров Александро-Невской семинарии или академии[353]. Он писал Македонцу: «Да правда, где настоятели не живут, всех тех монастырей состояние несчастное. Я тоже могу сказать и о своем. Лет десять уже не бывали в нем настоятели, да за болотами туда и ездить нельзя иначе, как зимою. От Петербурга он в 100 верстах близ Тихвина»[354]. Евгений предпринял одну попытку посетить свой монастырь на обратном пути из поездки по монастырям епархии, осмотр

---

[349] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 2 апреля 1802 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 203. Л. 75.
[350] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 15 марта 1802 г. // Русский архив... С. 811.
[351] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 23 августа 1800 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 203. Л. 23; Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 13 июня 1801 г. // Русский архив... С. 800; Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 14 июля 1801 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 203. Л. 58; Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 23 января 1802 г. // Русский архив... С. 807; Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 16 июля 1803 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 203. Л. 111 об.
[352] В 1804 г. готовясь к переезду в Новгород и завершая свои хозяйственные расчеты в академии, он для восполнения недостающего воспользовался собственными средствами, из которых одна тысяча была пожалована государем, а вторая накоплена Евгением в Петербурге, после чего «с малыми остатками» покинул столицу. См.: Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 17 февраля 1804 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 835.
[353] История российской иерархии, собранная Новгородской семинарии ректором и богословии учителем, бывшим Антониева, а ныне Юрьевскаго Новгородскаго монастыря архимандритом Амвросием [Орнатским]. Ч. IV. М., 1812. С. 175–180.
[354] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 11 июля 1800 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 782–783.

которых он совершал как благочинный, но у Петербургской заставы узнал от караульного о кончине Павла I и поехал к митрополиту, который велел остановить этот вояж, чему Евгений нисколько не огорчился[355]. Интерес к монастырю, служившему обителью исправления и прибежищем для умалишенных[356], у архим. Евгения был чисто исторический. Он собрал материалы о прошлом монастыря и составил его описание[357].

Тем не менее Евгения не оставляло желание приобщиться к настоящей монастырской жизни, о чем он писал Македонцу: «Я горел нетерпением оставить опасный Петербург хоть бы навсегда, а силы в службе уже ослабевают при бесчисленных здешних должностях и делах. Но митрополиту еще не угодно было это. Из Зеленецкаго монастыря меня перевели в Сергиеву пустынь, что на Петергофской дороге. Вы место сие знаете. Оно прекрасно и раю подобно, но мне больше имени наслаждаться им не дают. Зеленецкаго я и не видал; а пустынь хотя и часто видеть может быть случится, но с тем, чтобы отдохнув в ней на полсутки, с большим вздохом оставлять ее. Sic nos in scepira reponis?[358] – скажу по Вергилиеву. 2-го февраля я со звоном туда въехал, служил и монастырь принял в управление, разумеется по титлу. Поглядел на море из настоятельских прекрасных покоев; посидел в том покое, где в 1762 г. июня 28 сидела Екатерина II... – Там доныне весит ея портрет и надпись из Рим. XVI. 1.2. Из окон осмотрел все прелестныя окружающия мызы; увидел из спального окна и Петербург, и – к вечеру опять в него должен был ехать».[359] Второклассный мужской монастырь Свято-Троицкая Сергиева Пустынь был любимым местом пребывания архим. Евгения. Благодаря своему местоположению вблизи Петербурга[360]

---

[355] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 20 марта 1801 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 792–794.

[356] История российской иерархии, собранная Новгородской семинарии ректором и богословии учителем, бывшим Антониева, а ныне Юрьевскаго Новгородскаго монастыря архимандритом Амвросием [Орнатским]. Ч. IV. М., 1812. С. 172–173.

[357] Составленное Евгением описание было опубликовано в Истории российской иерархии. См:. История российской иерархии, собранная Новгородской семинарии ректором и богословии учителем, бывшим Антониева, а ныне Юрьевскаго Новгородскаго монастыря архимандритом Амвросием [Орнатским]. Ч. IV. М., 1812. С. 155–182; *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений как ученый... С. 282.

[358] «Так-то опять венчаешь ты меня на царство?» (лат.). См. Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 809. Прим. 4.

[359] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 6 февраля 1802 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 808–809.

[360] «Сергиева Троицкая, что по Петергофской дороге пустынь мужеская 2-го класса Санкт-Петербургской епархии находится на южном берегу Финскаго залива, расстоянием от Санкт-Петербурга к западу от заставы в 15, от Стрельней мызы в 1 версте, а от Петергофа к востоку в 10 верстах». См.: История российской иерархии, собранная Новгородской семинарии ректором и богословии учителем, бывшим Антониева, а ныне Юрьевскаго

он был доступен для частых посещений. Евгений жаловался Македонцу: «Не выпускают из Питера и воли не дают; да и в пустыню только на несколько часов отпускают, а редко на ночь. Вот уже три недели я там не был»[361]. Спустя несколько недель он вновь писал воронежскому приятелю: «Нас бедных редко и в пустыню отпускают: представьте, только дважды со Святой был я там»[362]. Нередко на правах хозяина Евгений принимал посетителей, нарушавших его монастырское уединение. Об одном из таких посещений мы читаем в его письме к Македонцу: «Я теперь два дни уже в отпуске на семидневную вакацию, в своей пустыни живу, и после городского шуму восхищаюсь уединением своим. По всем многочисленным покоям настоятельским хожу один и не чувствую пустоты. Так-то надоел мне шум петербургской жизни... Взял я сюда с собою несколько книг и приятельския письма и на них отвечаю на досуге. Прошедшие дни для меня были крайне заботны, потому что 5 июля был у меня здесь праздник, и обедали члены синодальные, а митрополит служил. 11-го же числа я исправлял в академии диспуты. Все сие измучило меня»[363].

Стремление Евгения к уединению, более соответствующему иноческому состоянию, чем весь тот образ жизни, который он был вынужден вести в Петербурге, иногда нарушался неожиданными вестями из Воронежа, возвращающими его к тем событиям и связям, которые должны были с принятием монашества уйти в прошлое. Он с нескрываемой досадой писал Македонцу: «Письмо ваше несколько встревожило меня. Кажется самый злой какой-нибудь адский дух силится и ушедшему уже мне от мира делать мерзкие беспокойства»[364]. Неприятное известие, полученное от воронежского корреспондента, касалось дела о винокуренных недоимках, наложенных на

Новгородскаго монастыря архимандритом Амвросием [Орнатским]. Ч. VI. М., 1815. С. 86. Сегодня монастырь располагается в черте Петербурга.

[361] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 15 марта 1802 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 811.

[362] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 13 мая 1802 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 814.

[363] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 16 июля 1803 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 827. О других посещениях гостей монастыря см.: Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 17 июня 1802 г. // Русский архив... С. 816; Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 8 мая 1803 г. // Русский архив... С. 823; Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 16 июля 1803 г. // Русский архив... С. 828–829 и др.

[364] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 12 февраля [1803] г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 203. Л. 96.

родственников почившей супруги Болховитинова купцов Расторгуевых, требовавшего хлопот Евгения в Петербурге. Дело осталось без последствий, но вывело его из равновесия своим напоминанием об оставшихся в прошлом связях и горьких переживаниях[365].

Евгений и культурная жизнь Петербурга. Новая жизнь Евгения помимо множества обременительных обязанностей доставляла ему новые впечатления и знакомства. Он сообщал Македонцу о многочисленных светских и церковных церемониях, участником которых являлся, обедах с заморскими кушаньями у митрополита и высших сановников, посещении Кронштадта и военных кораблей, прогулках по морю, празднике в Петергофе с участием императора, первом полете на воздушном шаре над Петербургом, совершенном с высочайшего позволения французским воздухоплавателем и парашютистом Андре-Жаком Гарнереном (1769–1823), которого он на русский манер назвал Гарнериным и многом другом[366].

С нескрываемым удовольствием передавал архим. Евгений своему воронежскому приятелю свои первые впечатления от знакомства с культурными богатствами Петербурга. «В новой Невской церкви некоторыя картины так хороши, – писал он Македонцу, – что в сравнении с натурою недостает им только души. На картину Введения Богородицы во храм смотрел я с полчаса и все еще недосыта нагляделся. Удивительная живопись!»[367]. Вот как описывал Евгений посещение столичных музеев: «3 июля был я в Академии художеств после обеда, а по утру в Кунсткамере. Глаза все растерял и за множеством предметов не припомню всего... В Кунсткамере все для меня было чудесно. Были в гостях и у Петра Великаго. Там видели и оригинал Наказа

---

[365] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 203. Л. 96–105.

[366] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 11 июля 1800 г. // Русский архив... С. 783–784; Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 2 августа 1800 г. // НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238 (Коллекция Н. П. Лихачева). Оп. 2. Карт. 136. Д. 4. Л. 122–123 об.; Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 9 января 1801 г. // Русский архив... С. 788–789; Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 27 марта 1801 г. // Русский архив... С. 795–796; Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 14 мая 1801 г. // НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238 (Коллекция Н.П. Лихачева). Оп. 2. Карт. 136. Д. 4. Л. 127–127 об.; Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 17 июня 1802 г. // Русский архив... С. 816; Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 11 июня 1803 г. // Русский архив... С. 826–827 и др.

[367] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 12 апреля 1800 г. // Русский архив.... С. 773. Скорее всего Евгений упоминает здесь ныне утраченные росписи Ф.Д. Данилова в Троицком соборе Александро-Невской лавры.

Екатерины II, весь на франц[узском], а изредка кое-где есть и по-русски; посмеялись, глядя на сапожную сбрую Петра Великаго, на его шляпу, кафтаны и токарки. В Академии художеств все убрано было напоказ публике. Вице-президент сам нас везде водил между множеством зрителей. Видел я там славную сетку с рыбой, раком и пауком; видел еще славнейшую Ломоносова мозаическую картину, а и еще лучше его мозаическая картина Петра апостола, составленная одним французом»[368]. Увиденное в Петербурге соответствовало эстетическим предпочтениям Евгения, сделав его глубоким почитателем имперского стиля в художественном творчестве. Он понимал, что свершившийся без его воли переезд в столицу давал ему неоценимый опыт научной, культурной и светской жизни. «Спасибо митрополиту! – писал он Македонцу. – В Воронеже я бы всего этого не видел!»[369]

В Петербурге Евгений возобновил прежние и приобрел новые полезные знакомства. Одним из его покровителей еще с воронежского времени был поэт и библиофил граф Дмитрий Петрович Бутурлин (1763–1829). По мнению Шмурло, он принимал большое участие в устройстве Евгения в Петербурге, «связями своими облегчив Евгению первые шаги на новом пути»[370]. В письмах Македонцу Болховитинов называл его «мой граф Бутурлин» или «мой приятель Бутурлин»[371]. Евгений писал: «Граф Бутурлин и здесь меня отыскал. Он сам ко мне вчера приехал, а я за то ему часто плачу посещениями. Он сюда переселился и со всею своею библиотекою. Квартирует против самого дворца на Исакиевской площади и имеет уже придворную должность»[372]. Доступ к знаменитой библиотеке Бутурлина, а также общение с просвещенным, хотя и не слишком практичным человеком были одновременно и полезным и приятным способом проведения редких часов досуга Евгения[373].

---

[368] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 11 июля 1800 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 784.
[369] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 11 июня 1803 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 826–827.
[370] *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений... С. 272.
[371] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 27 мая 1800 г. // Русский архив... С. 780; Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 22 октября 1803 г. // Русский архив... С. 831.
[372] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 15 марта 1802 г. // Русский архив... С. 812.
[373] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 22 октября 1803 г. // Русский архив... С. 831.

Значительную роль в дальнейшей судьбе архим. Евгения оказало его знакомство с известным меценатом и просветителем графом Николаем Петровичем Румянцевым (1754–1826). Их сближение началось с совместного участия в Благотворительном обществе для призрения бедных (1802–1803 гг.)[374]. Благодаря вмешательству графа архимандрит Евгений избежал нежелательного участия в морской экспедиции к берегам Японии[375]. Румянцев представил Евгения ко двору. «Похвалюсь вам, – писал Евгений Македонцу, – что 31 мая досталось мне с митрополитом быть в Павловске и с государынями и прочею высочайшею фамилею обедать. За столом было человек около 100, а мы с митрополитом сидели против самих государынь. Признаюсь, сперва показалось дико, а после осмелясь, я говорил за столом столь же громко, как и другие; а особливо сидевший возле меня граф Румянцов много придавал мне духу фамильярностью своею. Он меня тут же за столом рекомендовал государыням как приятеля своего и ученого человека, а я краснел от его рекомендаций и при том от рекомендаций еще митрополичьих. Он перед столом поднес всей фамилии по экземпляру церковного церемониала и, указав на меня, донес, что я говорил проповедь. Румянцов тут примолвил, что я же сочинял и Грузинскую историю, и проч. Я от стыда всего упомнить не могу. Государыня вдовствующая спрашивала меня, бывал ли я прежде в Павловске, обходил ли я весь его и нравится ли он мне? На все то я кое-как отвечал»[376]. Евгений упоминает здесь проповедь, произнесенную им в день столетнего юбилея Петербурга и описание церковной церемонии этого празднования, а также «Историческое изображение Грузии», на титульном листе которого было помещено посвящение: «Великому Государю Александру I, Императору Всероссийскому, основавшему и устроившему благоденствие Грузии, сие описание оныя всеподданейше

[374] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 15 ноября 1802 г. // Русский архив.... С. 818.
[375] «В половине июня три наши корабля отправлены будут в Японию и восточные острова около всего света. Флотилия сия поедет под начальством сенатского прокурора Никол. Петр. Рязанова по собственному его вызову. Ему даются полные кредитивныя грамоты ко всем восточным державам от имени нашего Государя. Рязанов, будучи мне коротко знаком, звал меня в сию экспедицию. Но Бог с ним! Пусть он один Куком будет. Не завидны мне все его азиатские почести. Он даже Государю докладывал обо мне. Но, спасибо, граф Румянцев отклонил сие внимание на бедную мою голову. Лучше с вами поживем в России». Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 29 мая 1803 г. // Русский архив... С. 825–826.
[376] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 11 июня 1803 г. // Русский архив... С. 826–827.

посвящает С[анкт]-Петербургская Александро-Невская академия»[377]. Авторство архим. Евгения в сочинении не было указано, тем ценнее для него была личная рекомендация императорского вельможи, столь щедро расхваливавшего его перед государынями. С этого времени возникла прочная связь между графом Румянцевым и архим. Евгением, переросшая впоследствии в длительное научное сотрудничество.

1.3 Просветитель в провинции: епископское служение Евгения

Евгений в Новгороде. Петербургский период жизни архим. Еавгения (Болховитинова) закончился также стремительно, как и начался. В конце второго года службы в академии он писал Македонцу: «Вы желаете мне панагии. Далеко еще куцому до зайца. Подвиг, как вижу я, велик мне лежит. Милости обыкновеннее всего бывают оковами»[378]. Однако еще через два года тридцатисемилетний Евгений (Болховитинов) «в 1804 г. января 1 Высочайше пожалован, а января 17 хиротонисан в Александро-Невской лавре во епископа Старорусскаго, викария Новгородскаго»[379]. О перемене своего статуса он писал Македонцу: «Признаюсь, что я не ожидал столь скоро выдти из послушников; да и не вышел бы, если бы благоволение архипастыря нашего не было ко мне особенное. Владыка выбрал меня, и я сердечно готов ему жертвовать всем собою. В конце сего месяца по посвящении, думаю, успею и выехать в Новгород, дабы там не запустить епархиальных дел; а владыка всю епархию в полную мне власть вручает»[380].

О том, как понимал Евгений епископское служение, мы узнаем из его речи, сказанной Синоду при наречении. В нем прозвучала та же тема Божьего призвания, над

---

[377] *[Евгений (Болховитинов), архим.]*. Слово на случай торжества о совершившемся первом столетии от основания царствующаго града С[анкт]-Петербурга, говоренное в С[анкт]-Петербургском Исакиевском соборе, 1803 г. мая 16 // Собрание поучительных слов, в разные времена и в разных епархиях проповеданных, святейшаго правительствующаго Синода и Комиссии духовных училищ членом Евгением митрополитом Киевским и Галицким, Киево-Печерской лавры Священно-архимандритом и разных орденов кавалером. Часть IV. Киев, 1834. С. 100–101. Об обстоятельствах сочинения проповеди см.: Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 29 мая 1803 г. // Русский архив... С. 824. Описание церемониала см.: *Ивановский А.Д.* Евгениевский сборник. Материалы для биографии митрополита Евгения. Вып. 1. СПб., 1871. С. 43–46. *[Евгений (Болховитинов), архим.]* Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ея состоянии. СПб., 1802. – 100 с.

[378] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 10 октября 1801 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445 (Чертковы). Д. 203. Л. 61 об.

[379] *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Биография Евгения митрополита Киевскаго... С. 3.

[380] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 8 января 1804 г. // Русский архив... С. 834–835.

которой он размышлял в первый год своего монашества. Он говорил: «Избрание сие есть звание Божие, давно на мне явленное»[381].Таким образом, Евгений рассматривал свое епископство как итог всего предыдущего пути, включающего обстоятельства рождения, воспитания, полученного духовного образования, священства и монашества, развившего его способности и подготовившего его «на предлежащий... подвиг», пастырства и послушания священноначалию и монарху, через которых совершилось действие Божьего промысла[382].

Митр. Амвросий едва дал своему викарию освоиться в Новгороде, как вскоре затребовал его вновь в столицу. «Митрополит зовет меня на святки в Питер для совету о затеваемой реформе духовных академий, – писал Евгений Македонцу. – Еще в прошлом году натолковал я ему сию идею, а он только в прошедшем ноябре доложил государю и ему велено сделать предначертание»[383]. Прежде, чем представить эту идею Александру I, митр. Амвросий предпринял ряд усовершенствований в подведомственной ему Александро-Невской академии. К разработке нового плана преподавания и распределения по классам, приближенного к методу, принятому в народных училищах[384], было привлечено не только академическое правление, но и весь учительский состав академии, рассматривавший его на общем собрании, после чего 14 октября 1804 г. он был утвержден митрополитом, предписывающим после начала его практического освоения «в конце сего года подать мнение от всех (и каждого) г[оспод] учителей: благонадежно ли продолжать по сему, или что прибавить или убавить надобно будет»[385]. Для митрополита было важно получить мнение бывшего префекта Александро-Невской академии о произошедших после его отъезда изменениях. Первое поручение, которое было дано еп. Евгению по приезду в столицу, касалось ревизии

---

[381] Речи, говоренные Святейшему Правительствующему Синоду архимандритами при наречении во епископов: в Тульскую епархию первоклассnаго Новгородскаго Юрьева монастыря и Александроневской академии ректором и кавалером Амвросием; Новгородской митрополии в викарнаго Старорусскаго Санкт-Петербургской епархии второклассной Сергиевой пустыни, что по Петергофской дороге и той же академии префектом Евгением; Московской митрополии в викарнаго же Дмитровскаго, ставропигиальнаго Заиконоспасскаго училищнаго монастыря и Московской Славяно-греко-латинской академии ректором и кавалером Августином. СПб., 1804. С. 3.
[382] Там же. С. 3–4.
[383] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 7 декабря 1804 г. // Русский архив... С. 841.
[384] Высочайше утвержденный Устав народным училищам в Российской империи. 5 августа 1786 г. № 16421. // ПСЗРИ. Собр. первое. Т. XXII. СПб., 1830. С. 646–669.
[385] *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 109–110.

академии. «Я с 28 декабря по 9 марта прожил в Петербурге... – писал Евгений в Воронеж. – Признаюсь, хотя и самохвально несколько, что митрополит встретил меня с отеческой нежностию. Ибо по выезде нашем с Тульским[386], у него не то все пошло и по академии, и по лавре. Кроме многих других дел мне поверил он обревизовать все академические классы, дела правления, счеты и весь порядок. Скажу правду, нет у него людей»[387]. Евгений был склонен переоценивать свою незаменимость, отнеся к ней тот отеческий прием и ласку, которую встретил со стороны митрополита. Его отзыв о результатах осмотра свидетельствует о хорошем состоянии дел в академии. Евгений отметил «по всем частям порядок и устройство, в учителях отличную способность и прилежание, в учениках очень довольныя успехи, благопристойность и нравственность, метод преподавания наук ясный и сообразный методу народных училищ и везде – порядок и опрятность»[388], чем очень утешил митр. Амвросия, выразившего свое удовольствие и признательность академическому правлению и учителям, и пожаловавшего им денежные награды.

Основная цель приезда Евгения в Петербург касалась разработки высказанной им ранее идеи переустройства духовного образования. «Важнейшее мое занятие в Петербурге, – писал он Македонцу, – было планы о реформе и новых штатах всех духовных училищ. Проект мой читан государю и отменно уважен. Теперь он в Синоде, и Синодальные (кроме митрополита) оспаривают один только пункт: подчинение семинарий академиям. Это не по сердцу епархиальным. Но кто ж виноват, что многие епархиальные не радят о успехах в своих семинариях, и жалованьем располагают по самопроизволу, а о достоинстве определяемых ими учителей многие и понятия не имеют. Впрочем, жалованье на семинарии положится по крайней мере вдвое. Следовательно будет из чего содержать хороших учителей»[389].

Следуя за университетской реформой 1804 г., проект предусматривал создание учебных округов, научными и образовательными центрами которых должны были стать академии. Таким образом, духовные семинарии переставали быть заботой

---

[386] Амвросий (Протасов), бывший ректор академии.
[387] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 31 марта 1805 г. // Русский архив... С. 841–842.
[388] Цит. по: *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 110.
[389] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 31 марта 1805 г. // Русский архив... С. 842–843.

епархиального начальства и поступали в ведение одной из четырех академий: Петербургской, Московской, Киевской или Казанской. Эти изменения затрагивали не только сложившийся порядок образования духовного юношества, но и систему епархиального управления, что и встретило сопротивление епископата.

Превращение академий в центры духовного просвещения с множеством разнородных функций – научных, образовательных и административных – ставило на повестку дня проблему обеспечения их кадрами. Евгений и ранее считал ее ключевой для просвещения в целом. В 1803 г., сообщая Македонцу новость о утверждении штатов для недавно созданных министерств, в том числе Министерства народного просвещения (1802–1817, 1824–1917), он замечал: «Предварительные правила о просвещении хороши, но исполнение еще далеко. Вспомните, что еще в 1788 году был также указ о учреждении университетов, но и о сию пору они не учреждены. Безделицы недостает – людей, могущих учить, да денег, могущих ободрить людей»[390]. Евгений внимательно следил за реализацией университетской реформы и за состоянием дел в новообразованных университетах, которые по его мнению «едва дышат о сю пору. Ни учить, ни учиться некому»[391]. «Дай Бог только, чтобы новые наши университеты устояли, – писал он Македонцу. – Отвсюду пишут, что профессоры сбились с кругу и от большаго жалованья не хотят и думать об успехах. Даже и на Московский университет в этом же жалуются. А в журналах все славят распространение просвещения. Сам министр просвещения этому не верит»[392]. Обдумывая реформирование духовного образования, Евгений наблюдал за тем, как решались кадровые и материальные проблемы в ведомстве народного просвещения. Помимо этих вопросов в проекте Евгения была сформулирована необходимость приведения учебных программ

[390] См: Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 19 мая 1803 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 821; Именной указ О Высочайше утвержденных штатах департаментов: министра военных сухопутных сил, министра юстиции, министра внутренних дел, министра финансов, министра коммерции и министра народнаго просвещения. 7 генваря 1803 г. № 20582 // ПСЗРИ. Собр. первое. Т. XXVII. СПб., 1830. С. 424–425; Именной указ О составлении плана для заведения университетов в Пскове, Чернигове и Пензе. 29 генваря 1786 г. № 16315 // ПСЗРИ. Собр. первое. Т. XXII. СПб., 1830. С. 526–527; Рескрипт Екатерины II П.В. Завадовскому о подготовке учителей для Главных народных училищ. 1788 г. // *Рыжов А.Н., Гончаров М.А.* История российского образования в документах и материалах (XI–XVII вв.). М., 2012. С. 384; Решение Комиссии народных училищ о подготовке учителей для открытия 16 Главных народных училищ. 1788 г. // Там же.

[391] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 16 мая 1804 г. // Русский архив... С. 838.

[392] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 4 декабря 1807 г. // Русский архив... С. 861.

семинарий и академий к единой системе, а также высказано мнение о недопустимости господства в духовном образовании латинской словесности в ущерб греческому и русскому языкам[393]. Преодоление этих трудностей позволило бы создать условия не только для подготовки просвещенных священнослужителей, но и для развития научного направления в российских духовных школах.

Проект Евгения, как и все его работы, написанные им по поручению митр. Амвросия, содержали пространную историческую часть. Именно она была положительна оценена митр. Платоном, высказавшимся в целом против реформы. «Новое об училищах учреждение я читал, – сообщал он в письме митр. Амвросию. – История о духовных училищах выведена изрядно. И сие самое доказывает, что учреждение доселе было похвально и порядок учения производим был основательно... Об училищах должно рассуждать не по учреждениям, а по успехам... А ежели новый метод введется, то едва ли ожидать можно лучшаго успеха; а затруднения и запутанности больше будет»[394]. Тем не менее, подготовленный Евгением проект заинтересовал обер–прокурора Синода Александра Николаевича Голицына (1773–1844), входившего в круг доверенных лиц Александра I. Он инициировал создание Комитета о усовершении духовных училищ (1807–1808), в который вошел митр. Амвросий, товарищ министра юстиции Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) и другие лица. Комитет должен был рассмотреть проект еп. Евгения, рассчитать средства, необходимые для его осуществления и предложить пути их накопления. В июне 1808 г. Комитет представил Александру I доклад, содержащий основные идеи будущей реформы. Составленный Сперанским текст доклада существенно отличался от проекта Евгения по содержанию учебных программ духовных школ, кроме того, он содержал практические меры по его реализации, но общие идеи о создании системы духовного образования, об академиях как центрах духовного просвещения и их связях с семинариями не были утрачены[395].

---

[393] *Полетаев Н.И.* К истории духовно-учебной реформы 1808–1814 гг. // Странник. 1889. № 8. С. 517–527.

[394] Цит. по: *Чистович И.А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. Комиссия Духовных училищ. СПб., 1894. С. 20–21.

[395] См.: Именной указ О усовершении Духовных училищ; о начертании правил для образования сих училищ и составлении капитала на содержание духовенства. 26 июня 1808 г. № 23122. // ПСЗРИ. Собр. первое. Т. XXX. СПб., 1830. С. 368–395. О разработке реформы и ее реализации см.: *Сухова Н.Ю.* Духовно-учебная реформа 1808–

Дальнейшая разработка реформы происходила без участия еп. Евгения. За «отличные труды... оказанные по ученой части духовного ведомства» 5 марта 1805 г. он был награжден орденом Святой Анны 1-ой степени[396], за время пребывания в Петербурге «четырежды был... представлен Государю и высочайшей фамилии... осыпан ласками всех прежних... благодетелей»[397] и отпущен в Новгород, где продолжил труды по совершенствованию духовного образования уже на практическом уровне.

В ведении новгородского викария находилось несколько духовных школ. Новгородская духовная семинария (1740–1918), располагавшаяся во второклассном Антониевом монастыре[398], имела богатую библиотеку и давние традиции духовного просвещения, шедшие от греко-славянского училища братьев Лихудов[399]. Евгению предстояло произвести изменения в учебном плане семинарии, чтобы приблизить его «к методу Народных училищ», что и было сделано в 1806 г[400]. В подчинении семинарии находилось три уездных духовных училища: Кирилло-Белозерское, Тихвинское и Александро-Свирское. К ним при Евгении добавились еще Новгородское домовое при митрополичьем доме (1805), Старорусское (1806), Каргопольское (1806) и Петрозаводское (1806)[401]. В задачи Евгения входило обеспечение единообразия принципов обучения в школах уездного и епархиального уровня. Митр. Амвросий руководил созданием сети уездных училищ из Петербурга, отправляя викарию инструкции, касающиеся надзора за поведением учащихся, организации делопроизводства и учебного процесса, обеспечения его необходимыми пособиями, поощрений студентов и преподавателей, и др[402]. За время викариатства Евгения

1814 гг. и становление высшей духовной школы в России // Вертоград наук духовный: сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. М.: ПСТГУ, 2007. С. 15–52.

[396] Копия рескрипта Александра I о награждении еп. Старорусского Евгения орденом св. Анны 1-го класса // ОПИ ГИМ. Ф. 445 (Чертковы). Д. 203. Л. 146.

[397] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 31 марта 1805 г. // Русский архив... С. 843.

[398] Антония Римлянина в честь Рождества Пресвятой Богородицы мужской монастырь (1106–1920) располагался в Новгороде на правом берегу р. Волхов.

[399] Иоанникий Лихуд (1633–1717) и Софроний Лихуд (1652–1730) – греческие монахи, первые преподаватели Славяно-греко-латинской академии в Москве, в 1706–1716 гг. создали греко-славянскую новгородскую школу по образцу московской, упраздненную Феофаном (Прокоповичем) в годы его архиепископства в Новгороде (1725–1736).

[400] Новгородская духовная семинария // История российской иерархии... Ч. I. М., 1807. С. 611.

[401] Там же. С. 612–616.

[402] *Малкин С.А.* Митрополит Новгородский Амвросий (Подобедов) и митрополит Киевский Евгений (Болховитинов) // Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции. XXIII. М., 2018. С. 32–34.

митрополит несколько раз посещал Новгород лично. «Митрополит гостит у нас с 15 июня и завладел всем моим временем, всеми мыслями и даже чувствами»,[403] – сообщал Евгений летом 1804 г. своему давнему приятелю Григорию Николаевичу Городчанинову (1772–1852). Деятельный Евгений не только осуществлял общее руководство новгородскими духовными школами, но заботился об улучшении обучения в них доступными ему способами. Для совершенствования навыков чтения на иностранных языках еп. Евгений выписывал из-за границы латинские и французские газеты, которые предназначались как учителям, так и студентам[404]. Пользуясь личными знакомствами, он заказывал из Петербурга физические приборы и учебные пособия для семинарии, пополнял ее библиотечный фонд[405], устраивал публичные экзамены для студентов, на одном из которых «учениками учрежденнаго при Новгородском Митрополичьем доме Русскаго духовнаго училища во время открытаго их испытания в успехах 1807 года декабря 7»[406] было представлено сочинение Евгения «Исторические разговоры о древностях Великого Новогорода», имевшее большой успех у новгородцев и высоко оцененное митрополитом Амвросием, взявшим на себя расходы по его изданию[407]. По инициативе и под руководством еп. Евгения префект Новгородской семинарии архим. Амвросиий (Орнатский) начал работу над «Историей российской иерархии», сделавшей семинарию одним из центров собирания и изучения российской церковной истории[408]. Митр. Амвросий был очень доволен трудами своего викария по обустройству духовных школ и неоднократно выражал ему свою благодарность[409].

---

[403] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Г.Н. Городчанинову от 30 июня 1804 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 529. Ч.1. Л. 18; о следующем приезде митрополита см.: Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Г.Н. Городчанинову от 13 июля 1805 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 529. Ч.1. Л. 60; Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 4 августа 1805 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445 (Чертковы). Д. 203. Л. 149. Кроме того, есть упоминания об ожидании приезда митр. Амвросия в Новгород. См.: Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 6 сентября 1806 г. // Русский архив... С. 851.

[404] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 19 января 1807 г. // Русский архив... С. 855; Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 19 октября 1807 г. // Русский архив... С. 859; Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 17 января 1808 г. // Русский архив... С. 863.

[405] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Г.Н. Городчанинову от 11 августа [1804 г.] // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 529. Ч.1. Л. 23 об.; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Г.Н. Городчанинову от 17 сентября 1804 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 529. Ч.1. Л. 28 об.; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Г.Н. Городчанинову от 29 сентября 1804 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 529. Ч.1. Л. 29; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Г.Н. Городчанинову от 9 апреля [1806 г.] // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 529. Ч.1. Л. 115.

[406] *[Евгений (Болховитинов), еп.]*. Исторические разговоры о древностях Великаго Новагорода. М., 1808. Титульный лист.

[407] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 25 мая 1808 г. // Русский архив... С. 865.

[408] История российской иерархии, собранная Новгородской семинарии ректором и богословии учителем, бывшим Антониева, а ныне Юрьевскаго Новгородскаго монастыря архимандритом Амвросием [Орнатским]. Ч. I–VI. М.,

Другой обязанностью новгородского викария Евгения было управление епархией. «В своем Неаполе, – называя на греческий манер новое место своего служения, писал он Македонцу, – под рукою милостиваго моего благодетеля я совершенно покоюсь. О всех трудных делах я имею дерзновение спрашиваться его. Ибо он приказал мне отсюда к нему каждую почту писать»[410]. Евгений не был совершенно самостоятельным в епархиальных делах, и на первых порах его это не тяготило. Краткий опыт предшествующей монашеской жизни привел его к убеждению, что «быть довольну настоящим есть истинное наше счастье»[411].

Вырвавшись из Петербурга, еп. Евгений наслаждался своим новым положением и с радостью выполнял возложенные на него обязанности. «Вместо увеселения служу я в соборе каждое воскресенье и всегда с проповедью»[412], – сообщал он Македонцу. Считая частое богослужение основной добродетелью священника, еп. Евгений свидетельствовал об этом своим примером. «Не знаю, кто писал в Воронеж о частом моем служении, – делился он с давним приятелем, – но это правда. Весь пост все обедни преждеосвященныя и воскресныя, а страстную всю сряду служил я. Ни однаго воскресенья не упускал также я без проповеди, и ныне это продолжаю, ибо тягости не нахожу в этом, да и новгородцы любят архиерейское служение и проповедывание, а тем самым обязывают меня к оному»[413].

В Новгороде сформировался такой образ жизни еп. Евгения, в котором научные изыскания переплетались с трудами по управлению епархией, занимавшими большую часть времени. Объезд епархии и инспекции ближних и дальних монастырей совмещались с обследованием их библиотек и архивных хранилищ, делопроизводственная документация консисторий становилась источником статистических сведений, пополнявших церковно-исторические сочинения Евгения, общение с паствой позволяло произвести этнографические наблюдения, собрать

1807–1827. О роли Евгения в подготовке и издании этого труда см.: *Полетаев Н.И.* Труды митрополита киевскаго Евгения Болховитинова по истории русской церкви... С. 42–130.

[409] *Малкин С.А.* Митрополит Новгородский Амвросий (Подобедов)... С. 32–34.

[410] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 23 марта 1804 г. // Русский архив... С. 836.

[411] Письмо архим. Евгения В.И. Македонцу от 10 октября 1801 г. // Русский архив... С. 803.

[412] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 23 марта 1804 г. // Русский архив... С. 836.

[413] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 16 мая 1804 г. // Русский архив... С. 837.

свидетельства старожилов о прошлом и познакомиться с местными преданиями[414]. Это впоследствии дало основания историку Михаилу Петровичу Погодину (1800–1875), лично знавшему Евгения, охарактеризовать его как «неутомимого бенедиктинца»[415], подчеркивая тем самым неразрывную связь церковной и научной деятельности, обусловившую обилие его ученых трудов.

Новгородский викарий был вдохновлен городом и Митрополичьими покоями (сооружены в 1775–1780 гг., арх. П.Р. Никитин, стиль – ранний классицизм), ставшими местом его пребывания. «Ветхий днями Новгород» нравился Евгению «самыми сединами и меланхоличекою унылостию». «Я часто с вздохами взираю на место Ярославля двора, на руины княжеского дому, на щебень Марфиных палат, на месте коих, кажется, никто со времени смерти ея не осмелился еще ставить своего покоя, – писал он Городчанинову через несколько дней после приезда. – А Софийский собор! – Palladium древних новгородцев. Он много видел около себя происшествий славных и позорных, радостных и плачевных. Он все их пережил, был увешиваем и трофеями, и омываем слезами. Такой старец достоин низкого поклона от всякого мимоходящего. И он-то у меня перед окнами! Я часто развертываю глядя на него Новгородскую летопись, писанную точным старинным языком новгородцев; возобновляю в сердце моем при оригинальных их фразах оригинальные их чувствования, и сам себе кажусь существующим за несколько веков перед сим. Вот мои упражнения на досуге, которого однако ж у меня не много, к сожалению моему. Иначе я бы мог открыть здесь многое сокровенное от русских историописателей»[416]. Эту любовь к Новгороду, его истории и святыням встретила признательность со стороны горожан. «Новгородцы ко мне ласковы»[417], – писал Евгений Македонцу.

Излюбленным местом жительства новгородского викария стала его загородная резиденция. «Хутынский Варлаамиев Спасопреображенский Новгородский I класса

---

[414] *Ивановский И.Д.* Памяти Высокопреосвященного Евгения митрополита Киевского // ЖМНП. 1867. № 12. С. 750–751.
[415] *Погодин М.П.* Судьбы археологии в России // ЖМНП. 1869. Ч. CXLV. С. 42.
[416] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Г.Н. Городчанинову от 14 апреля 1804 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 529. Ч.1. Л. 11–11 об. Выдержки из этого письма с искажениями текста были опубликованы Ивановским. См.: *Ивановский А.Д.* Евгениевский сборник... С. 21.
[417] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 23 марта 1804 г. // Русский архив... С. 836.

мужеский монастырь, – читаем мы о ней в «Истории Российской иерархии», – находится в уезде Великаго Новагорода вниз по течению реки Волхова к северу от Кремля по большой Московской дороге в 10 верстах по левую сторону дороги, а на правом берегу Волхова. Местоположение монастыря сего вообще самое красивое и наилучшее из всех окрестностей Новгородских: ибо, находясь на возвышенном месте, как сам монастырь отовсюду виден, так и окружающие места на довольно великое расстояние от себя представляет взору зрителя»[418]. Евгений называл монастырь, настоятелем которого являлся, «прекрасный мой Хутынь», считал, что он «как Сион возвышается над новгородскими окрестностями»[419], и что его бывшая петербургская резиденция «Сергиева Пустынь в подметку не годится сему прекрасному месту»[420]. Еп. Евгений проводил в своем монастыре свободное время, наслаждаясь «роскошью сельской природы», в уединении работая над историческими сочинениями или принимая гостей, среди которых бывал и поэт Гавриил Романович Державин (1743–1816), живший в тридцати верстах от Хутыни в своем имении Званка[421].

Именно в Хутыни новгородский викарий приобрел навыки ведения монастырского хозяйства, необходимые архиерею. «Есть у меня монастырская пашня, покос и под окнами рыбная ловля... – сообщал Евгений Македонцу. – Я сам работаю в саду и режу ветви, а кроме того прорезываю и дорожки. Ибо весь сад зарос. Скоро примусь чистить пруды. И правду сказать, теперь-то начинаю быть хозяином. Но все воображается: sic vos non vobis... – Да правда, и все люди хозяйствуют не для себя, а и для наследников. По крайней мере, я не скажу того, что сказал соломон[ов] Екклесиаст. Гл. 2, ст. 18 и 19»[422]. Как представитель ученого монашества Евгений обладал интеллектуальными средствами, чтобы придавать материальной деятельности высший

---

[418] История российской иерархии... Ч. VI. М., 1815. С. 608–609. Монастырь действовал в 1192–1920 гг., был возобновлен как женский в 1994 г.

[419] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 23 марта 1804 г. // Русский архив... С. 836.

[420] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 17 февраля 1804 г. // Русский архив... С. 836; Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 23 марта 1804 г. // Русский архив... С. 836.

[421] Переписка Евгения с Державиным. Чтение Я.К. Грота. С приложением писем преосвященнаго к графу Хвостову и К.К. Гирсу. СПб., 1868. С. 71.

[422] «Да ты работаешь не для себя» – (лат.). Еккл. 2: 18–19: «И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, который будет после меня. И кто знает: мудрый ли будет он, или глупый? А он будет распоряжаться всем трудом моим, которым я трудился и которым показал себя мудрым под солнцем. И это – суета!». См.: Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 25 мая 1804 г. // Русский архив... С. 839.

смысл, оправдывая, таким образом свои далекие от аскетических устремлений заботы о монастырских покосах, урожае, постройках и ценах на хлеб и дрова[423].

Свое материальное положение новгородский викарий оценивал как достаточное. Он писал Македонцу: «Содержание мое здесь довольное, ибо около 2400 р. придет всего»[424]. Его не подорвала даже кража в декабре 1805 г. монастырской суммы и личных денег Евгения, об утрате которых с огорчением, но без досады сообщал он Городчанинову[425]. Монастырское хозяйство исправно снабжало своего настоятеля свежими овощами, фруктами и рыбой[426]. Основной статьей расходов по-прежнему оставалась покупка книг, дороговизна которых заставляла Евгения быть расчетливым[427].

Круг общения новгородского викария составляли, в основном, духовные лица. «Я большую часть досуга делю с здешними монастырскими настоятелями, – сообщал Евгений Македонцу, – коих здесь очень довольно... Май месяц расположен у нас весь на посещение сих монастырей в виде рекреаций. Собирается куча добрая, и поелику весь Новгород теперь облит полою водою, то мы разъезжаем по гостям большею частью на лодках»[428]. Контакты еп. Евгения со светскими властями не выходили за рамки обычной учтивости, он старался держаться на расстоянии от неспокойного новгородского общества. «К здешним боярам я редко выезжаю, – сообщал он Македонцу, – ибо все они разбились на несогласныя партии и друг друга едят, а беднаго губернатора

---

[423] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 12 июня 1805 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445 (Чертковы). Д. 203. Л. 147 об.; Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от ... [июля]1806 г. // Русский архив... С. 849–850; Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 24 октября 1806 г. // Русский архив... С. 852; Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 27 апреля 1807 г. // Русский архив... С. 856; Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 18 июня 1807 г. // Русский архив... С. 857; Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 4 октября 1807 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445 (Чертковы). Д. 203. Л. 187–187 об; Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 17 января 1808 г. // Русский архив... С. 862.

[424] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 23 марта 1804 г. // Русский архив... С. 836.

[425] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Г.Н. Городчанинову от 18 декабря 1805 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 529. Ч.1. Л. 92.

[426] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Г.Н. Городчанинову от 2 июня 1804 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 529. Ч.1. Л. 15 об.–16; Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 4 декабря 1807 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445 (Чертковы). Д. 203. Л. 187 об.; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Г.Н. Городчанинову от 11 августа [1804 г.] // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 529. Ч.1. Л. 23 и др.

[427] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Г.Н. Городчанинову от 28 июля 1804 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 529. Ч.1. Л. 21 об.–22; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Г.Н. Городчанинову от 24 марта 1806 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 529. Ч.1. Л. 142; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Г.Н. Городчанинову от 1 июля 1806 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 529. Ч.1. Л. 132; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Г.Н. Городчанинову от 19 августа 1806 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 529. Ч.1. Л. 142 и др.

[428] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 16 марта 1804 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445 (Чертковы). Д. 203. Л. 136 об.

оклеветали»[429]. И спустя несколько месяцев Евгений вновь жаловался на новгородцев: «Здесь все грызутся, и ни с кем нельзя завести разговора, в которой бы не вмешивали критики, осуждения и даже ругательства своим собратьям. Дворяне восстают на губернатора, губернатор на них, купцы на тех и других. Ни с кем коротко знакомым быть нельзя, дабы не приплели в партию. То и дело бегают в Петербург с ябедами и вывозят оттуда указы»[430]. Близость столицы только усугубляла нездоровые отношения в новгородском обществе, что сказывалось и на беспорядке в служебных делах. В результате известный Евгению по Воронежу новый новгородский губернатор князь Роман Иванович Ухтомский предпочел ни во что не вмешиваться и проводил почти все время за карточным досугом, пока не слег от болезни[431]. В 1807 г. ему на смену был назначен Алексей Васильевич Васильчиков (1780–1833), не имевший опыта статской службы. «Таково счастие нашей губернии, – сокрушался Евгений, – что ни год, то губернатор, но ни один не был деятелен. Думаю, нет губернии, которая бы столько запущена была и запутана как наша. Все дела чуть-чуть валятся как через колоду, а лихоимство!.. Вопиет на небо к Богу. Начал я уже твердить это и в проповедях»[432]. Евгений понимал ограниченность возможностей викарного архиерея и пытался исправить положение, воздействуя на местное общество силой церковного поучения, но этого оказалось недостаточно. Ситуация осложнялось военными событиями, затронувшими новгородскую жизнь и добавившими Евгению тревоги. От прежнего благодушия и воодушевления не осталось и следа. Если после приезда в Новгород он и не мыслил о своей епархии[433], то в конце своего викариатства он писал Македонцу: «Мне кажется, едва ли еще достанется выезжать из Новгорода. Митрополит твердит, что далеко меня не отпустит от себя. А по мне бы, что дальше от столиц, тем лучше в нынешнее время. Сибирь самое безопаснейшее убежище будет, может быть для наших потомков»[434].

---

[429] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 16 мая 1804 г. // Русский архив... С. 837.
[430] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 7 декабря 1804 г. // Русский архив... С. 840–841.
[431] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 21 марта 1806 г. // Русский архив... С. 849; Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 21 мая 1806 г. // Русский архив... С. 849; Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 13 декабря 1806 г. // Русский архив... С. 853.
[432] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 3 апреля 1807 г. // Русский архив... С. 849.
[433] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 23 марта 1804 г. // Русский архив... С. 836.
[434] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 19 октября 1807 г. // Русский архив... С. 861.

Евгений – епископ Вологодский. В январе 1808 г. еп. Евгений сообщал Македонцу об итогах своего двухнедельного пребывания в Петербурге: «Там выхлопотал я себе и епархию в Вологде – уголок очень тепленький и 100 верстами ближе теперешняго к вам»[435]. 24 января 1808 г. Евгений был назначен правящим Вологодским архиереем[436].

Устроившись на новом месте, Евгений писал Македонцу: «Это, могу сказать, северная Украина, не поврежденная еще развратом больших дорог, никогда не отягчавшаяся войсками и безопасная от всех соседних вражиих наветов, которые ныне отечеству нашему со всех сторон опасны... Епархия триста лет уже существует. Дом всем преизобильной, зданием в три этажа огромной, весь и со двором каменный, снабденный всеми экономическими выгодами... Вологда не отделена и от столиц... Все заморское можно получать удобнее всего из Архангельска, куда из Вологды летом беспрестанное судоходство. Климат не хуже Новгородского, а суше Петербургского. Вот вам описание Вологды»[437]. Евгений выбирал себе епархию из соображений безопасности и материальной обеспеченности. Поначалу он видел в удаленном от столиц и границы местоположении епархии только преимущества, но довольно скоро он ощутил на себе суровость северного климата, отразившуюся на его здоровье[438].

Несмотря на то, что по решению Комиссии духовных училищ при Святейшем Синоде (1808–1839) семинарии и уездные училища выводились из епархиального подчинения, Евгений продолжал заботиться о духовном образовании. Вологодская духовная семинария (1730–1918), располагавшаяся ранее в Архиерейском доме[439], при Евгении получила собственное здание. Для его благоустройства а также для содержания семинарии в целом требовались средства. Они были предусмотрены Комиссией из доходов, получаемых церквями от продажи свечей. Указом вологодской духовной

---

[435] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 17 января 1808 г. // Русский архив... С. 862.
[436] *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Биография Евгения... С. 3.
[437] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 23 марта 1808 г. // Русский архив... С. 863–864.
[438] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 26 ноября 1808 г. // Русский архив... С. 866; Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 4 июля 1810 г. // Русский архив... С. 870.
[439] Вологодский архиерейский дом – комплекс сооружений церковного назначения в центре Вологды, сформировавшийся во второй половине XVIII в. Включает в себя Архиерейские палаты, Экономский и Коонсисторский корпуса, домовые церкви и т. д. См.: *Лукомский Г.К.* Вологда в ее старине. Пг., 1914. С. 83–102.

консистории, составленным Евгением, давались подробные разъяснения о выполнении этого предписания, а также определялись наказания его нарушителям[440].

Основное внимание еп. Евгений уделял состоянию учебной части семинарии, регулярно просматривал списки учеников, следил за их успехами и поведением, принимал участие в комплектовании семинарской библиотеки[441], лично присутствовал на семинарских испытаниях. В памяти вологжан сохранилось происшествие, случившееся на одном из таких экзаменов, и продемонстрировавшее не только быстроту реакции и решительность архипастыря, но и знание физических явлений, отсутствие которого могло бы стоить жизни семинаристам и их преподавателям[442].

В управлении епархией главной заботой архиерея были вопросы материального обеспечения духовенства, просветительской деятельности священнослужителей, а также нравственного благочестия, приличного духовному званию. Евгений «в штрафах за беспорядки и злоупотребления церковнослужителей был правдив, к администраторам, допустившим беспорядки и злоупотребления – строг, а к низшим за обыкновенныя слабости – снисходителен и милостив. Ябедничества и ложных доносов не терпел»[443], – сообщал вологодский краевед, изучавший архивы консистории.

Еп. Евгений много времени и сил уделял хозяйственным заботам. Он сразу занялся переоборудованием Архиерейского дома в центре Вологды и загородной

---

[440] *Суворов Н.И.* Памяти преосвященного Евгения, бывшаго (с 1808–1813 г.) епископа Вологодскаго, впоследствии митрополита Киевскаго // Прибавления к вологодским епархиальным ведомостям. 1867. № 22. С. 747–751

[441] Письмо еп. Евгения Г.Н. Городчанинову от 4 мая 1809 г. // ЖМНП. 1857. Ч. XCIV. Отд. VII. С. 7; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 25 января 1813 г. // Русский архив. 1889. № 5. С. 22–23; *Фарутина Н.Н.* Библиотека Вологодской духовной семинарии и ее дарители // Книжные собрания Русского Севера: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Архангельск, 2001. С. 76–82.

[442] «Испытание происходило в той самой зале семинарскаго корпуса, обращенной окнами к плац-параду, в которой постоянно производились таковыя испытания до 1850-х годов... День был удушливо-жаркий; окна в зале по причине наступавшей грозы были все затворены, но, вероятно, не все были в надлежащей целости. После одного из сильных ударов грома, мгновенно следовавшего за блеском молнии, вдруг под потолком залы появился огненный шар, “величиной с кулак” (говорил наш рассказчик – очевидец). Блеск, предшествоваший удару молнии, был так ослепителен, а треск грома так силен, что большая часть воспитанников попадали ниц, и все поражены были сильным страхом. Преосв. Евгений во время упомянутаго явления, быстро скрыв под полою своей шелковой рясы бывшие на нем панагию и кресты, велел то же сделать сидевшему близ него с крестом на груди префекту – архимандриту, а тем наставникам, которые имели на сюртуках металлическия пуговицы, велел снять сюртуки. Потом громко сказал стоявшему у дверей залы прислужнику, чтобы он отворил окно, близ которого стоял. Не успел служитель отворить и половины окна, как огненный шар в одно мгновение устремившись к этому окну, вылетел вон, а служитель был отброшен от окна сажени на две, впрочем остался невредим. Этот рассказ мы слышали от очевидца неоднократно, и каждый раз он в заключении его прибавлял: “Бог знает, что было бы с нами, если бы шар пробыл в зале подолее и если бы преосвященный не велел отворить окно”». См.: *Суворов Н.И.* Указ. соч. С. 746–747.

[443] *Суворов Н.И.* Указ. соч. С. 752.

резиденции, в которой «насадил... регулярный сад – разумейте не фруктовый, а березовой, сосновой и проч. Посадил однако и пять кедров, коих праправнуки наши разве дождутся орехов»[444]. Он живо интересовался хозяйством вологодского края и особенно торговлей[445]. Евгений писал Македонцу: «Теперь коммерция заморская от Петербурга склонилась к Архангельску и беспрестанные идут чрез Вологду обозы из Москвы и прочих ваших городов с пенькою, льном, горохом и проч. Все это целится к Архангельску. Но думаю, что Бонапарте пронюхает и помешает. Теперь в Вологде скупаются все барки, и новые строятся для спуску весною многих идущих еще товаров. Если бы так года три продолжилось, то Вологда наша опять воскресла бы и сделалась знатным коммерческим городом, как была лет за 50, пока Петербург не оттянул к себе всех торгов»[446].

Еп. Евгений совершал длительные поездки по епархии, совмещая знакомство с состоянием церковной жизни на местах с научными изысканиями. «Все лето, – писал он Македонцу, – проездил по восточным полуазиатским краям своей епархии. Тысячи две верст объехал по рекам, а сот пять сухим путем. Доезжал почти до Печоры и проехал всю зырянскую землю, в которой и по-русски, кроме попов, мало кто знает. Сверх того насмотрелся преузорочной во всех предметах природы и набрал целый ящик редких раковин, кремней и окаменелостей»[447]. Естественно-научные интересы Евгения реализовались в составлении минералогической коллекции, а этнографические наблюдения легли в основу статьи о зырянских древностях[448]. Следующим летом Евгений совершил инспекцию монастырей: «Я, чтобы укрепить здоровье на осеннее сиденье, в августе и сентябре объездил на открытой линейке верст 200 по разным монастырям... и только вчера возвратился... А теперь с сих пор засяду за вечерния

---

[444] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 26 ноября 1808 г. // Русский архив... С. 866. См. также: Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 25 мая 1808 г. // Русский архив... С. 864–865; Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 1 марта 1809 г. // НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238 (Коллекция Н.П. Лихачева). Оп. 2. Карт. 136. Д. 4. Л. 138.

[445] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 23 марта ноября 1808 г. // Русский архив... С. 864; Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 25 сентября 1809 г. // Русский архив... С. 864.

[446] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 1 марта 1809 г. // НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238 (Коллекция Н.П. Лихачева). Оп. 2. Карт. 136. Д. 4. Л. 138.

[447] Письмо еп. Евгения В.И Македонцу от 20 сентября 1808 г. // Русский архив... С. 869.

[448] *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. О древностях вологодских и зырянских // Вестник Европы. 1813. № 17. С. 27–47.

работы»[449]. Результатом осмотра монастырских архивов и библиотек и обобщения сведений, привезенных из научно-административной поездки стало описание церковного почитания местных святых, а также более восьмидесяти как существовавших, так и упраздненных вологодских монастырей, вошедшее в состав «Истории Российской иерархии»[450].

«Всесветная война»[451], окончания которой еп. Евгений ожидал от Эрфуртской встречи (27 сент.–14 окт. 1808 г.), затронула и вологжан. «Наши вологодские дворяне, – писал Евгений Македонцу, – то и дело возвращаются из армии. А многие и не возвращаются совсем!»[452] Несмотря на отдаленность от театра военных действий, в 1812 г. Вологда приняла на себя часть общих трудов и бедствий. Вологодская консистория осуществляла сбор церковных пожертвований на организацию народного ополчения. По данным Л. В. Мельниковой, вологодское православное духовенство пожертвовало на создание ополчения 23 765 р. ассигнациями, 272 р. 75 к. серебром, 60 р. золотом, 44 р. 93 медью, кроме того серебряные изделия весом 28, 5 ф. 30 зол. Большое значение в этот период имело пастырское слово, вдохновлявшее горожан на противостояние неприятелю. В своих проповедях архиеп. Евгений призывал сограждан не медлить с исполнением общественного долга и встать «на защиту веры, Отечества и чести России»[453]. Вологодское духовенство личным примером показывало готовность следовать этим призывам, направив восьмерых своих добровольцев в состав ополчения[454].

---

[449] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 25 сентября 1809 г. // Русский архив... С. 869–870.

[450] *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Краткое сведение об угодниках Божиих в пределах Вологодской епархии почивающий, прославленных церковью и местночтимых // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1864. № 1. С. 9–23; *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Список монастырей, прежде бывших и ныне существующих в Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости. 1864. № 3 С. 68–77, 103–108; № 5. С. 138–143; № 6. С. 164–173. См.: *Полетаев Н.И.* Труды митрополита киевскаго Евгения Болховитинова... С. 100–122.

[451] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 20 сентября 1808 г. // Русский архив... С. 866.

[452] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 10 мая 1809 г. // Русский архив... С. 867.

[453] // Собрание поучительных слов, в разные времена и в разных епархиях проповеданных, святейшаго правительствующаго Синода и Комиссии духовных училищ членом Евгением митрополитом Киевским и Галицким, Киево-Печерской лавры Священно-архимандритом и разных орденов кавалером. Часть IV. Киев, 1834. Часть IV. С. 222.

[454] *Мельникова Л.В.* Вклад православного духовенства в организацию и деятельность народного ополчения в 1812 году // Церковь в истории России. Сборник 5. М., 2003. С. 117, 120.

Размеренная провинциальная жизнь вологжан была нарушена появлением в городе соотечественников, спасавшихся от войны, а позже и пленных французов. 3 октября – 12 декабря 1812 г. в Спасо-Прилуцком монастыре[455] размещались привезенные из Москвы Патриаршая ризница и библиотека, дела Московской консистории и Синодальной конторы[456]. Евгений писал Македонцу: «Военные наши обстоятельства хотя несравненно лучше прежних, но всё ещё не кончены... Пленных и у нас множество и в отчаянном положении: ежедневно по нескольку мрет от холоду и болезней. Хлеба у нас ныне, слава Богу, довольно, но и едоков со всех сторон набежало множество. Я кормлю в своем дому ректора Московской академии с префектом и учителями. Их еще не отзывают в Москву, а следовательно там не [ожидают] ещё безопасности»[457].

Вологодский круг общения Евгения, состоявший из губернского прокурора, поэта и переводчика, члена Вольного общества любителей российской словесности Николая Федоровича Остолопова (1783–1833), и почетного опекуна Императорского Воспитательного дома (1770–1918) поэта Юрия Александровича Нелединского Мелецкого (1751–1828)[458], в 1812 г. пополнился приехавшим в город и поселившимся поблизости от Архиерейского дома поэтом и переводчиком, участником Бородинского

---

[455] «Спасо-Прилуцкий Вологодский второго класса Вологодской епархии монастырь находится от города в 5 верстах при большой Архангелогородской и Белоезерской дороге, на левом берегу реки Вологды, которая подтекает под ее излучиною». См.: История российской иерархии... Ч. VI. М., 1815. С. 215–216. Монастырь действовал в 1371–1926 гг., возобновлен в 1992 г. Сейчас располагается в черте города.

[456] *Фортунатов Ф.[Н.]* Памятные записки вологжанина (Вологда в 1812 году, Сперанский, Магницкий, Трощинский, Макшеев, Монаков, Каразин, Словцов и др.) // Русский архив. 1867. № 12. С. 1646–1707.

[457] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 18 ноября 1812 г. // НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238 (Коллекция Н.П. Лихачева). Оп. 2. Карт. 136. Д. 4. Л. 139. Ректором Славяно-греко-латинской академии (с 1814 г. Московской академии) с 1810 г. был архимандрит Симеон (Крылов-Платонов), впоследствии архиеп. Ярославский и Ростовский. См.: *Смирнов С.К.* Указ. соч. С. 362. Парфений (Чертков), архимандрит, впоследствии архиеп. Воронежский и Задонский, префект академиии с 25 ноября 1811 г. См.: *Смирнов С.К.* Указ. соч. С. 365–356. Подробнее о пребывании в 1812 г. в Вологде московского духовенства, сопровождавшего вывезенные из Москвы церковные документы и ценности, см.: *Фортунатов Ф.* Памятные записки вологжанина (Вологда в 1812 году, Сперанский, Магницкий, Трощинский, Макшеев, Монаков, Каразин, Словцов и др.) // Русский архив. 1867. № 12. С. 1654–1663; *[Савваитов П.И.]*. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Вологда, 1902. С. 34–36; Вологда в минувшем тысячелетии: Очерки истории города. Вологда, 2006. С. 83–88.

[458] Сохранился сборник стихотворений Нелединского-Мелецкого с дарственной надписью: «Вашему Преосвященству подносит Нелединский несколько им написанных и других им переведенных стихов с желанием, чтобы они послужили некогда вам напоминовением о тех для него поучительных и приятных минутах, кои с сладчайшим удовольствием провел он в собеседовании с Вашим Преосвященством. В Вологде. Ноябрь 1812». См: Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович. Сборник стихотворений с дарительной надписью – автографом Евгению (Болховитинову) // РНБ ОР. Ф. 558. Д.280. Погодинские автографы. Л.1.

сражения Петром Андреевичем Вяземским (1792–1878).[459] Вспоминая о частых встречах с давним другом и вологодским соседом Нелединским, Вяземский писал: «Третьим литературным посредником между нами был в это время преосвященный Евгений. Часто собирались мы у него по вечерам. Ум его разносторонний, многие и обширные сведения, редкое добродушие придавали этим беседам особенную прелесть. Вообще литература была любимым развлечением нашим в тяжкую осень 1812 года. Особенно, когда военные действия приняли лучший оборот и с освобождением Москвы от неприятеля сердце у нас отлегло и чувство уныния заменилось чувством какого-то самодовольствия и торжественности, прежние испытания были забыты, а безопасность и слава отечества просвечивалась нам в несомненном и близком будущем»[460]. Можно утверждать, что еп. Евгений, скучавший по литературному общению, был рад новым вологодским знакомствам.

Еп. Евгений стал полноправным членом вологодского просвещенного общества, общественным деятелем, пережившим с вологжанами трудные события 1812 г., сочувствовавшим хозяйственному и культурному развитию края. Но отдаленность Вологды от столиц[461], считавшаяся им ранее залогом безопасности, после войны перестала быть преимуществом. Кроме того, Евгений страдал от северного климата. В конце мая 1813 г. он писал Анастасевичу: «Я действительно четыре года уже болел в Вологде ревматизмом от болотнаго климата и не надеюсь исцелеть, пока не переменю места. Но это не в нашей воле, а в Божией»[462]. А еще через три месяца сообщал ему, что укладывает в короб свою библиотеку и готовится в дорогу[463]. 19 июля 1813 г. Евгений

---

[459] *Тихомиров С.А*. Князь П.А. Вяземский в Вологде: (Очерк из истории эвакуации в эпоху наполеоновского нашествия) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы X Всероссийской научной конференции. М., 2002. С. 196–201.

[460] *Вяземский П.А.* Ю.А. Нелединский-Мелецкий // Вяземский П.А. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М., 1982. С. 383.

[461] «От Москвы 420, а от Питера 720, а не 1150, как в календаре напечатано по счету старинных почтовых дорог через Москву. Почта сюда приходит в 4 сутки, а из Москвы в 2». См. Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 23 марта 1808 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445 (Чертковы). Д. 203. Л. 191. На деле почта нередко задерживалась. «Дивлюсь, каким образом письмо ваше от 9 апреля через 400 только верст дошло до меня уже 30 апреля. А надобно бы поспеть ему в Вологду дня в три». См. Письмо еп. Евгения Г.Н. Городчанинову от 4 мая 1809 г. // ЖМНП. 1857. Ч. XCIV. Отд. VII. С. 7.

[462] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 22 мая 1813 г. // Русский архив. 1889. № 5. С. 28.

[463] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 21 августа 1813 г. // Русский архив. 1889. № 5. С. 30.

был назначен на освободившуюся в связи с кончиной предшественника Калужскую кафедру[464].

Евгений в Калуге. Еп. Евгений прибыл в Калугу 12 сентября. Воспользовавшись тем, что его путь пролегал через Москву, он задержался там на 8 дней, встретился со старыми знакомыми. Евгений посетил Бутурлина в его калужском имении Белкино[465], осмотрел его знаменитую библиотеку, получил ее каталог и несколько книг[466]. Совмещая приятное с полезным, навестил Н.Н. Бантыш-Каменского в Московском архиве Коллегии иностранных дел, где «многое записал любопытнаго, особенно в рукописях бездна»[467]. Выписки эти касались преимущественно церковной истории[468]. В целом он нашел Москву и ее окрестности разоренными, особенно сокрушался об утрате книг, отмечая, что «надолго ничем будет дополнить сию пустоту»[469].

Выбирая для себя свою первую самостоятельную епархию, Евгений отдавал предпочтение Вологде, а не Калуге. Тогда он писал Македонцу: «Калужское место, по новости епархии ничем еще не обзаведенное, несравнимо хуже Вологды, где епархия уже 300 лет существует»[470]. Теперь же он сообщал петербургскому адресату: «Сердечно благодарю вам за поздравление и желания благия мне на новоселье. Калуга от вас далее Вологды 160 верстами: но для меня она лучше севера»[471].

---

[464] *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Биография Евгения митрополита Киевскаго... С. 3.

[465] Дворянское имение, известное с XV в., принадлежавшее в разное время известным боярским и дворянским родам: Годуновым, Долгоруким, Воронцовым, Бутурлиным и т. д. Сейчас в составе г. Обнинск Калужской области.

[466] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 28 сентября 1813 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 337.

[467] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 15 марта 1814 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 343.

[468] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 23 августа 1814 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 352. Позже Евгений воспользовался результатами осмотра московского архивного хранилища для того, чтобы запросить списки необходимых для киевских исследований документов из реестра Малороссийских дел. Прося о содействии в этом, он писал Румянцеву: «В проезд мой из Вологды в Калугу по дозволению Вашего Сиятельства я осматривал всю архиву, имел в руках каталоги и видел некоторые акты, но по краткости моего пребывания в Москве, успел только списать реестры рукописям». См.: Письмо митр. Евгения (Болховитинова) Н.П. Румянцеву // Переписка митрополита Киевскаго Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым... Вып. 2... С. 95.

[469] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 28 сентября 1813 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 336.

[470] Письмо еп. Евгения В.И. Македонцу от 23 марта 1808 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445 (Чертковы). Д. 203. Л. 191–191 об.

[471] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 28 сентября 1813 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 336.

Деятельный сорокапятилетний архиерей сразу же принялся за обустройство своей епархии по уже привычным направлениям. За первые две недели после приезда он уже успел посетить Калужскую духовную семинарию (1776–1917), вернувшуюся из эвакуации и располагавшуюся неподалеку от еще не освященного Свято-Троицкого собора в здании бывшего архиерейского дома[472]. «Семинарию свою я успел уже обозреть, – сообщал Евгений Анастасевичу, – и нашел дарования и в учителях, и в учениках. Есть и библиотека порядочная, наипаче старых книг; ваше рассуждение справедливо, чтобы муз занимать больше учением, нежели отчетами, ведомостями и расходами. Но, вникнув по-начальнически, не могу не признаться, что подобает и сие творити, и оных не оставляти. По ведомостям самим больше можно взыскивать, ибо совесть наших муз не так нежна, как парнасских, без принуждения работающих. Издание повременных сочинений от училищ также по моему мнению не годится, ибо они отняли бы время у лекций. На это потребны свободные люди. Переводы классических творений в целости требуют также долговременнаго, сплошнаго занятия и опытнаго ума, а наши учители способны только образчики разбирать, и то с поправкою от опытных, вообще все училища производят только цветы, а плоды созрелые поспевают уже по выходе из оных в уединенных упражнениях. Не всегда и наилучшия словесныя лекции достойны бывают издания в свет, ибо то, что на словах казисто, часто на бумаге неосновательно или посредственно»[473]. Еп. Евгений, всегда требовавший порядка и ясности в делопроизводстве и отчетах, основное значение придавал учебному процессу и научному направлению деятельности духовных школ. Он замечал, что даже одаренные учащиеся и преподаватели по большей части не способны совмещать научные изыскания с повседневной учебной работой, и искал наиболее подходящие формы соединения этих направлений. Он был убежден в том, что только систематические уединенные упражнения могут сформировать навык такого рода деятельности и принести научные результаты при условии достаточного образования и

[472] Свято-Троицкий кафедральный собор был построен в 1786–1819 гг. по проекту арх. И.Д. Ясыгина, в 1924 г. закрыт, богослужения возобновлены в 1991 г. Здание архиерейского дома не сохранилось.
[473] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 28 сентября 1813 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 336–337.

наличии необходимых пособий. Образ жизни ученого монаха, «окруженного одними стенами да книгами», ему казался наиболее подходящим для «сплошного занятия» самостоятельной научной работой. Однако Евгений недооценивал такого важного фактора творчества как стремление к научному познанию, присущему далеко не всем даже способным учащимся и их наставникам, хотя и признавал, что «науки мысленныя у нас еще не в моде», и что «родимся же мы на свет не умствовать, а действовать»[474].

Пополнение библиотеки семинарии было для еп. Евгения способом создания необходимых пособий для научных занятий учеников и учащихся. Он воспользовался услугами библиографа Анастасевича, знакомого со всеми петербургскими новинками, и приобретал только те издания, которые были по средствам семинарии. «По реестру книг ваших, – писал ему Евгений, – пришлите для калужской семинарии по одному экземпляру на простой бумаге и в бумажном переплете»[475]. И позже: «31-го книги получены и я отдал их префекту в семинарию. По его счету приходится за них около 28 рублей. Ибо не на лучшей бумаге»[476].

Существенным препятствием для развития духовных школ был недостаток денежных средств. Калужское духовное училище, в то время отделенное от семинарии, при еп. Евгении получило собственное здание в черте города, но ремонт и переоборудование его затянулись на десятилетия. «Ваши размышления,– делился он с Анастасевичем, – о бесплодности наших учебных заведений справедливы, но каковы будут наши духовныя, еще не известно. На деле открывается много затруднений и первое то, что денежные оклады недостаточны у нас. За что не примемся – денег мало, а без денег все мертво»[477].

---

[474] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Г.Н. Городчанинову от 29 марта 1805 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 529. Ч.1. Л. 41; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 28 сентября 1813 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 336; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 16 мая 1804 г. // Русский архив. 1870. № 4–5. С. 838.

[475] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 6 января 1814 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 338.

[476] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 27 января 1814 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 340. См. также: Письмо еп. Евгения Г.Н. Городчанинову от 25 сентября 1813 г. // ЖМНП. 1857. Ч. XCIV. Отд. VII. С. 16; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 2 марта 1814 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 342; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 19 апреля 1814 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 344.

[477] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 11 августа 1814 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 356.

Средства требовались еп. Евгению на содержание своей загородной резиденции в древнем Лаврентьевом монастыре (1515–1918)[478], в котором он бывал лишь изредка из-за холода в его покоях, обострявшего застарелый ревматизм, и на поездки по епархии, в которых проводил много времени.[479] Он увидел разоренную войной губернию, о чем писал своему давнему корреспонденту поэту и издателю журнала «Друг просвещения», в котором публиковал свои статьи, графу Дмитрию Ивановичу Хвостову (1757–1835): «На предложение Вашего сият[ельства], чтобы описать военные действия в моей епархии, ответствую отказом. Ехавши из Москвы по следам разрушения через Боровск и Малоярославец (а Тарутино, хотя в моей епархии, но оставалось в стороне), слышал я от тамошних совсем другие рассказы, нежели какие мы читали. Все твердят, что Бог невидимою силою спас, а не армия наша. И так приличнее о сем написать проповедь, а не историю»[480]. Евгений не хотел вступать в публичную полемику с официальной точкой зрения, но в письмах Анастасевичу с возмущением замечал: «Чудно и мне, что адъютант Кутузов называет план о Москве обдуманным. Я проехал все места сражений по Калужской губернии и везде находил только отступление и готовность отступить до Калуги и за Калугу к югу. А если бы в Мядынь прорвался неприятель, то бы мы отрезаны были и от Калуги и остались бы в середине неприятеля. Но Мядынь чудесно спасена 1500 человеками от 6000 гордых завоевателей. Кутузов забыл было сию прореху и после счастливаго отпору мог бы назвать и это обдуманным, между тем как

[478] «Лаврентиев Калужский Калужской епархии 3-го класса мужеский монастырь находится в Калужском уезде на гористом, окруженном рощами месте, на левом берегу речки Яченки, расстоянием от Калуги к Северо-западу в двух , а от большей дороги к городу Гжадску в 20 верстах». См.: История российской иерархии... Ч. V. М., 1813. С. 1–2. Сейчас монастырь располагается в черте города. О пребывании там Евгения см.: Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 3 мая 1814 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 345.

[479] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 15 июля 1814 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 350. См. таже: Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 15 июля 1814 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 349; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 2 августа 1814 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 350; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 16 августа 1814 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 351; Письмо еп. Евгения Г.Н. Городчанинову от 25 сентября 18014 г. // ЖМНП. 1857. Ч. XCIV. Отд. VII. С. 17; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 27 января 1815 г. // Русский архив. 1889. № 5. С. 34.

[480] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Д.И. Хвостову от 28 сентября 1813 г. // Переписка Евгения с Державиным. Чтение Я.К. Грота. С приложением писем преосвященнаго к графу Хвостову и К.К. Гирсу. СПб., 1868. С. 153.

горели уже фитили для сожжения в Калуге магазинов и часть артиллерии ретировалась уже за Оку в самой Калуге от боязни врага»[481].

Отдавая долг защитникам отечества и сочувствуя страданиям, выпавшим на долю калужан, Евгений действительно написал и произнес 12 октября 1813 г проповедь, ставшую, по мнению В. Г. Пуцко, «одним из первых актов церковного осмысления победы русского оружия в Отечественной войне 1812 г.»[482]

Утрата ценных книг и рукописей, а зачастую и целых библиотек в результате наполеоновского нашествия обострила проблему выявления и сохранения оставшихся памятников письменности. Еп. Евгений знал не понаслышке, что «архивские подлинники время от времени погибают, и потому нужно не упускать всего, что спасти можно»[483]. Он считал необходимым готовить к публикации архивные документы, компилируя их тематически. Евгений писал Анастасевичу: «Вы думаете, что можно бы такими делами заняться духовным и семинарским учителям. А я думаю, что ни тем, ни другим неудобно. Архиереи все обременены приказными делами по нынешней всеобщей охоте к оным. Священники заняты приходами и доставлением в них пропитания своему семейству. Учители – уроками и чтением ученических задач, коих оному приходится в неделю прочитать до 300. Монахов, пристальных к досужному учению, мы еще не имеем; а как скоро кто покажется к сему способным, то его тотчас производят в чины и приставляют к многим должностным делам. Кто же рыться будет в архивах. У иностранцев много свободных ученых; и потому-то много и успешно трудящихся над открытиями. При том и способы к приобретению запасных знаний у нас очень скудны, особливо для бедных ученых. Одни архиереи разве в состоянии иметь у себя достаточные библиотеки, но им нет досугу пользоваться ими»[484]. Евгений, много

---

[481] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 23 августа 1814 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 353.

[482] Слово на день торжественного воспоминания и Господу Богу благодарения о поражении врагов Отечества нашего, и о прогнании их из пределов Калужския губернии, проповеданное в Калужской Иоаннопредтеченской церкви окт[ября] 12 1813 года епископом Калужским и Боровским и Кавалером Евгением. М., 1813; См.: *Пуцко В.Г.* Митрополит Евгений Болховитинов об Отечественной войне 1812 г. // М. И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1995. С. 144.

[483] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 16 августа 1814 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 351.

[484] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 23 августа 1814 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 353.

делавший для развития духовного образования, понимал, что занятия наукой трудно совместимы как с учительскими, так и со священническими трудами. Он без оптимизма смотрел на научные перспективы малочисленных ученых монахов, не успевавших принести научных плодов, как тут же становившихся церковными иерархами, и архиереев, имевших нужную подготовку и пособия к научным занятиям, но загруженных административными делами, зачастую лишающих их необходимого для этого досуга. Во многом, Евгений думал так и о себе самом и часто жаловался в письмах на многочисленные хлопоты и недостаток времени и сил для научной работы[485].

Краткое пребывание еп. Евгения в Калуге обогатило Евгения знакомством с местным помещиком и библиофилом Дмитрием Марковичем Полторацким (1761–1818), переросшим в глубокую взаимную привязанность. Полторацкий устроил образцовое усадебное хозяйство в своем калужском имении Авчурино, там же располагалась известная Евгению Хлебниковская библиотека[486]. Переписка Евгения и Полторацкого (1814–1815) свидетельствует об их теплых дружеских взаимоотношениях, частых встречах, сходстве интересов. Евгений внимательно следил за тревожными военными известиями, выражая недоверие к союзникам и уповая на сверхъестественную помощь сражающимся. «Бог наш фельдмаршал, – писал он Полторацкому. – Кажется, в настоящую войну Он с премудрым намерением отнимал у нас самых нужнейших предводителей, каковы Кутузов и Моро[487], дабы показать, что Он и без них умеет нам подавать успехи; а мы чтобы не надеялись мимо Его ни на какие человеческие пособия. Иначе натуралисты все бы приписали мудрости человеческой, с которою и Наполеон ничего не успел»[488]. Они обсуждали новости из «обветшавшей Москвы» и

[485] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 2 августа 1814 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 350; Письмо еп. Евгения Г.Н. Городчанинову от 25 сентября 1814 г. // ЖМНП. 1857. Ч. XCIV. Отд. VII. С. 17; Письмо еп. Евгения Г.Н. Городчанинову от 24 ноября 1814 г. // ЖМНП. 1857. Ч. XCIV. Отд. VII. С. 18 и т. д.

[486] См.: Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Д.И. Хвостову от 16 нотября 1805 г. // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 16; Письмо архиеп. Евгения (Болховititнова) В.Г. Анастасевичу от 9 августа 1820 г. // Русский архив. 1889. Вып. 7. С. 364; *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Київський митрополит Євгеній... С. 161. Переписка Евгения с Д.М. Полторацким не содержит сведений о посещении Евгением Авчурина и работе с библиотекой.

[487] Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813) – генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией в Отечественной войне и Заграничном походе (17(29) августа 1812–16(28) апреля 1813); Моро Жан Виктор (1763–1813) – генерал-фельдмаршал, советник союзников в борьбе с Наполеоном, скончался от ранения, полученного в сражении при Дрездене.

[488] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Д.М. Полторацкому от 27 марта 1814 г. // РНБ ОР. Ф. 603. Д. 303. Л. 8.

разнообразные планы ее восстановления. Евгений преподавал своему старшему товарищу пастырское утешение и с дружеским участием сопереживал ему в болезнях, утрате сгоревшего московского имущества, потере дочери.

Архиеп. Евгений на Псковской кафедре. В начале 1815 г. Евгений сообщал Анастасевичу о сильном нездоровье, а спустя несколько недель писал: «Судьба, устрояющая все к лучшему, назначает мне другое место, потеплее для моего ревматизма, в блаженной коренной Малороссии гетманской. Скучны частые переезды и перевозки, особливо с книгами. Но нам не надобно искать своей воли в служении церкви»[489]. Вскоре планы изменились, через три месяца Евгений сообщал: «Я все еще в Калуге и не надеюсь скоро выехать к северу поближе к вам. Доклад о нас послан к Государю, а ему теперь не до нас» [490]. О своей будущей Псковской кафедре Евгений писал Анастасевичу: «Меня назначают в сию епархию расстроенную для поправки пребыванием в ней, и это мне самому приятнее вашего столичнаго болота»[491]. Указ о назначении Евгения архиепископом Пскова и всей Лифляндии и Курляндии был подписан 7 февраля; 20 марта 1816 г он прибыл в епархию[492].

На новом месте Евгению предстояли масштабные труды по наведению порядка в епархиальных делах. «Переселясь во Псков, – писал он Хвостову, – и окружен будучи со всех сторон и во всех частях беспокойствиями, недостатками по дому и проч., не успел я еще и уведомить ваше сиятельство о переселении моем... С губернатором здешним я только что познакомился. Он живет очень уединенно и почти никуда не выезжает. Прочие помещики и меня часто навещают. Обживусь, могу прожить здесь с

---

[489] Возможно, речь идет о Черниговской епархии, которой в это время номинально управлял архиеп Михаил Десницкий) (1761–1722), находящийся во Пскове. См.: Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 17 февраля 1815 г. // Русский архив. 1889. № 5. С. 38; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 28 февраля 1815 г. // Там же.

[490] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 19 мая 1815 г. // Русский архив. 1889. № 5. С. 49. В это время Александр I был занят послевоенным урегулированием и представлял Россию на Венском конгрессе (18.09.1814–9.06. 1815).

[491] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 23 мая 1815 г. // Там же.

[492] *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Биография Евгения митрополита Киевскаго... С. 3; Собственноручные заметки преосвященного Евгения, митрополита Киевского, на книгах, поступивших по его завещанию в киевскую семинарскую библиотеку // Маяк. 1843. Т. VII. Кн. XIV. Гл. III. С. 96.

удовольствием. Надобно только на первый случай много перенести нужд в заведении всего хозяйства, по всем частям расстроенного»[493].

Архиерею приходилось одновременно действовать во всех направлениях: упорядочивать работу консистории, организовывать делопроизводство[494], надзирать за деятельностью благочинных, исправлять поведение пастырей, обустраивать Архиерейский дом[495]. При этом, как сообщал псковский краевед, архиеп. Евгений часто служил[496], много проповедовал, утверждая таким образом «христианское благочестие», «восстановлял древние добрые обычаи, возбуждал благоговение к местным святым»[497]. Он, как и прежде сам входил во все дела, следил за уровнем образования духовенства, лично испытывал будущих священников, неисправных отправлял доучиваться в духовное училище. «Когда же мы заведем у себя ученое духовенство! – сокрушался Евгений. – А неученых попов в нынешнем ученом свете стыдно нам уже и посвящать»[498].

Псковская духовная семинария (1738–1918) была объектом особого внимания архиепископа. Сохранился отчет Евгения об инспекции Псковской семинарии 26 июня – 6 июля 1817 г., произведенной им по заданию Комиссии духовных училищ, в нарушение собственных установлений отказавшейся присылать для этого внешнего ревизора. Проверка работы семинарии проводилась архиеп. Евгением в два этапа. Сначала он изучил конспекты семинарских лекций, ученические списки, хозяйственную

---

[493] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) Д.И. Хвостову от 6 мая 1813 г. // Переписка Евгения с Державиным... С. 161.

[494] «На праздниках церковные и общежительные недосуги замедляли мои вам ответы, – писал Евгений Анастасевичу, – а после праздников тоже действуют подъяческие годовые отчеты, которых требуют от нас строже, нежели пастырских дел». См.: Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 16 января 1820 г. // Русский архив. 1889. № 7. С. 323.

[495] Псковская приказная палата – памятник архитектуры XVII в., входит в состав Псковского кремля. С 1761 приказная палата перешла во владение Псковского архиерейского дома, там располагалась духовная консистория. См:. *Емелина О.В., Изотова Л.Е.* Приказная палата в Пскове. История строительства. Реставрация // Псков. 2011. № 34. С. 10, 15. О хозяйственной и административной деятельности архиеп. Евгения во Пскове см.: *Лебедев М.Е.* К биографии Евгений Болховитинова, бывшаго (с 1816–1822 гг.) Псковскаго архиепископа, впоследствии митрополита Киевскаго // Псковские епархиальные ведомости. 1916. № 6. С. 125–127. О земледелии и скотоводстве во владениях Архиерейского дома при Евгении см.: Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 5 ноября1820 г. // Русский архив. 1889. № 7. С. 379.

[496] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 13 января 1819 г. // Русский архив. 1889. № 6. С. 164; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 7 апреля 1819 г. // Русский архив. 1889. № 6. С. 182.

[497] *Лебедев М.Е.* Указ. соч. С. 126.

[498] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 7 апреля 1819 г. // Русский архив. 1889. № 6. С. 182.

документацию. Затем провел испытания учеников по всем предметам и публичный экзамен в присутствии начальствующих губернских лиц. По результатам проверки в Комиссию был представлен доклад Евгения о состоянии делопроизводства, об исполнении обязанностей преподавателями, ректором и инспектором семинарии, о сохранности семинарских сумм. Евгений лично проверил столовую, попробовал пищу, предлагаемую семинаристам, опросил их самих, осмотрел жилые комнаты, больницу, классные помещения, отметил недостаток белья, мебели и необходимость ремонта. В библиотеке обнаружил беспорядок, отсутствие каталога и недостаток учебных книг[499]. Знания учащихся признал удовлетворительными, отметил лучшие успехи в историческом и философском классах. Им было вынесено определение в отношении двух преподавателей, не посещавших классы, с рекомендацией их замены.

За совершение ревизии и обстоятельный доклад архиеп. Евгений получил благодарность от Комиссии и лично от митр. Амвросия, а в семинарию пришло распоряжение об исправлении всех вскрытых ревизией нарушений[500].

Архиеп. Евгений считал, что Комиссия духовных училищ, действуя посредством лиц, не погруженных в реальные проблемы конкретной семинарии, управляет не очень эффективно. Евгений критиковал меры Комиссии по комплектованию семинарской библиотеки и невозможность их скорректировать на месте: «Я не имею даже власти принуждать ее покупать книги, а снабжает комиссия наша, какими заблагорассудит, даже и по прошению издателей, кое-как сбывающих свои книги. От сего, напр[имер], произошло, что комиссия разослала по семинариям Образцовыя русские сочинения в 12 томах; а после указами предписывали некоторые из тех томов не показывать ученикам, яко соблазнительные»[501]. Определяя учебный план семинарии, Комиссия не проявляла должного внимания к обеспечению классов нужными пособиями, что вызывало возмущение архиеп. Евгения и вынуждало его к вмешательству. Обращаясь за

---

[499] Об участии Евгения в пополнении семинарской библиотеки см.: Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 1 августа 1819 г. // Русский архив. 1889. № 6. С. 208; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 24 октября 1819 г. // Русский архив. 1889. № 6. С. 225.

[500] *Лебедев М.Е.* Указ. соч. С. 70–75.

[501] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 4 мая 1820 г. // Русский архив. 1889. № 6. С. 246. Скорее всего упоминается: Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, изданое Обществом любителей отечественной словесности. [Ч.1–6]. СПб., 1815–1817.

содействием в доставлении необходимого школьного оборудования, он писал Анастасевичу: «Вы подивитесь, что в училище, где предписано учиться и математической географии, нет глобусов. Но наше начальство таково»[502].

Занимаясь развитием духовного образования в своей епархии, Евгений живо интересовался состоянием новых университетов. Ко времени назначения во Псков он уже являлся почетным членом Харьковского и Казанского университетов, а также целого ряда научных и академических сообществ[503]. Вот как описывал Евгений свое посещение Дерптского университета: «8-го июня на своих лошадях выехал я в Дерпт и доехал туда 10-го около полуночи. Встречен и русскими, и немцами. Осмотрел свою церковь, а с утра университетскими профессорами приглашен смотреть их университет. Но сей осмотр, по множеству любопытных предметов, продолжался три дня, и я не успел всего подробно осмотреть. Один физический кабинет при рассказах весьма умнаго и славнаго профессора физики Паррота[504], занял меня на 3 часа: машин редких и новейших бесчисленное множество; и все это от щедрот нашего монарха, некогда особенно благоволившаго к Парроту... Натуральный кабинет также довольно богатый. Химический имеет только нужное. Библиотека из 27 т. книг занимала меня часа 4; но я успел осмотреть только класс литературы древней, весьма богатый; а прочаго не успел. Клиника обширнее зданием, нежели заведениями. Ботанический сад достаточнее землею, нежели растениями. О профессорах нечего сказать. Два только могли говорить кое-как по латыни; прочие отделывались французским языком; а есть некоторые, кроме немецкого не знающие никакого. Об русском они и не думают: ибо, получая по 5500 р. жалованья, надеются с капиталом возвратиться в Германию; а живут с немецкою экономиею. Студентов и классов их я уже не застал, ибо за двое суток до приезда моего распущены на вакацию»[505]. Архиерей был очень доволен состоянием учебного оборудования и библиотеки, но преподавательский состав университета не развеял его прежнего мнения о том, что кадровая проблема остается ключевой для российского

---

[502] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 1 августа 1819 г. // Русский архив. 1889. № 6. С. 208.
[503] *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Биография Евгения митрополита Киевскаго... С. 4–5.
[504] Паррот Георг Фридрих (1767–1852) – профессор физики и ректор Императорского Дерптского университета.
[505] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 21 июня 1820 г. // Русский архив. 1889. № 7. С. 352–353.

образования в целом. В случае с Дерптским университетом даже высокое жалование профессоров не решало ее, являясь скорее паллиативной мерой, направленной на обеспечение учебного процесса временными преподавателями-иностранцами в условиях недостатка собственных кадров.

Ставшие уже привычными для архиеп. Евгения поездки по епархии приносили не только интересные наблюдения, но и обильные научные плоды. «С самого приезда моего во Псков, писал Евгений Румянцеву, – я занялся собиранием монастырских грамот и других известий... Прошлаго лета ездил я и в Изборск, и своими глазами уверился, что ложны все до селе расславляемыя сказки о Труворовой высокой насыпной яко бы могиле и о лежащем на ней камне с надписью... При самом первом прошлаго лета моем осмотре сего места мне пришла мысль, каким образом мореходец норманн Трувор поселился в 15-ти верстах от озера Псковскаго, когда и товарищи его один сел у Ладожскаго, а потом у Ильменскаго, а другой у Белаго озера? Но старожилы мне сказали, что протекающий под горою до самого озера поток, ныне уже заросший, был некогда небольшой рекой, по коей до озера и обратно ходили суда»[506]. Евгений относился к исследованиям как к сугубо практической деятельности, в которой большое значение имели личные наблюдения, сопоставление топографических сведений, с данными письменных источников и устными свидетельствами. Кабинетная работа в библиотеках и архивах предшествовала полевым исследованиям и направляла их. Оформленные в виде статей и книг результаты публиковались[507].

Как и прежде архиеп. Евгению удавалось сочетать служебное и научное содержание своих поездок. 14 мая 1818 г. он был в Риге, освящал сожженную в 1812 г. и отстроенную вновь Благовещенскую церковь (1814–1818, арх. Т. Г. Шульц), проповедовал[508], а 25 мая писал Румянцеву: «В Рижской кафедральной лютеранской

---

[506] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) Н.П. Румянцеву от 9 апреля 1817 г. // Переписка митрополита Киевскаго Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 г. включительно). Вып. 1. Воронеж, 1868. С. 5–6.

[507] *[Евгений (Болховитинов), архиеп.]* Летопись древняго славено-русскаго города Изборска. СПб., 1825; См. также: Отечественные записки. 1825. № 61. С. 189–250; Труды и летописи ОИДР, учрежденного при Московском университете. Ч. V. Кн. I. СПб, 1830. С. 131–162.

[508] *[Евгений (Болховитинов), архиеп.]*. Слово на освящение храма Господня // Собрание поучительных слов, в разные времена и в разных епархиях проповеданных, святейшаго правительствующаго Синода и Комиссии духовных училищ членом Евгением митрополитом Киевским и Галицким, Киево-Печерской лавры Священно-

библиотеке видел я великое собрание Лифляндских хроник. Нашел там также много лифляндцами изданных книг в Лифляндии, Эстляндии, Курляндии. Некоторыя и купил. Но для Псковской истории мало в них пользы»[509]. Целая сеть корреспондентов, поставлявших ему необходимые материалы, восполняла то, что не удавалось найти самому[510]. В итоге за время своего псковского архиерейства Евгению удалось составить четырехтомную псковскую историю, а также описание нескольких монастырей, один из которых – Снетогорский – был архиерейской загородной резиденцией, а в другом – Крыпецком – Евгений много потрудился, думая в старости проживать там на покое[511].

Архиеп. Евгений был доволен своей жизнью во Пскове. На полученное от Анастасевича известие, что Румянцев строит планы добиться его перевода, он отвечал: «Но скажите мне, что за охота ему была хлопотать о переведении моем, когда я и сам не почитаю оное выгодным ни для житья моего, ни для упражнений, требующих уединения?.. Но как бы то ни было, а я рад покою и досугу с музами. Без сего не услужил бы я Пскову изданием служеб и житий здешних угодников и собиранием

архимандритом и разных орденов кавалером. Часть IV. Киев, 1834. С. 128–138. В конце текста указано: «Проповедано в Риге 1818 года мая 14».

[509] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) Н.П. Румянцеву от 25 мая 1818 г. // Переписка митрополита Киевскаго Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым... Вып. 1... С. 12. О других научных результатах поездок Евгения см.: Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 13 января 1818 г. // Русский архив. 1889. № 5. С. 60; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 20 сентября 1818 г. // Русский архив. 1889. № 5. С. 71.

[510] Оценить рост объема переписки, сохранившейся лишь частично, можно по свидетельству Евгения: «Я, долженствующий писать и по воле, и по неволе, в прошлый год заплатил 80 р., следоват[ельно], в будущий год выйдет 150 р. Вот подать!» См. : Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 13 января 1819 г.// Русский архив. 1889. № 6. С. 165. Позже он писал: «Дай Бог, чтобы понизили почтовую таксу посылок. Это мука наипаче для ученых». См. : Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 28 мая 1820 г.// Русский архив. 1889. № 7. С. 350

[511] *[Евгений (Болховитинов), архиеп]* Описание Благовещенско-Никандровой пустыни. Дерпт, 1821. – 32 с.; *[Евгений (Болховитинов), архиеп]* Описание Псково-Печерскаго первоклассного монастыря. Дерпт, 1821. – 60 с.; *[Евгений (Болховитинов), архиеп]* Описание монастырей Иоанно-Богословскаго Крыпецкаго и Рождество-Богородицкаго Снетогорского с прибавление списка преосвященных архиереев Псковских. Дерпт, 1821. –114 с.; *[Евгений (Болховитинов), архиеп]* Описание Иоанно-Предтеченскаго женскаго монастыря. Дерпт, 1821. – 15 с. ; *[Евгений (Болховитинов), митр.]* История Княжества Псковскаго с присовокуплением плана города Пскова. Ч. 1–4. Киев, 1831. Ч. 1. – 322 с., Ч. 2. – 144 с., Ч. 3. – 172 с., Ч. 4. – 192 с.; *Левин Н.Ф.* Святыни и древности Псковского уезда. По дореволюционным источникам. Псков, 2006. С. 16–17. О поездках по монастырям епархии см: Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 24 февраля 1820 г.// Русский архив. 1889. № 7. С. 331; Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 2 марта 1820 г.// Русский архив. 1889. № 7. С. 333; Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 9 марта 1820 г.// Русский архив. 1889. № 7. С. 337; Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 23 июля 1820 г.// Русский архив. 1889. № 7. С. 358; Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 9 августа 1820 г.// Русский архив. 1889. № 7. С. 363.

Псковской истории»[512]. Интересно, что архиеп. Евгений считал, что его труды могут принести практическую пользу. Он писал Анастасевичу: «Ваша задача сделать алфавит из Псковских селений и мне нравится. Это можно выписать из рукописей о приходах, в коих и малыя деревеньки означены у нас: но хлопотно... Впрочем, такой словарь для приискания полезен был бы и консистории и губ[ернскому] правлению»[513]. Ученая и административная составляющие деятельности Евгения были неразделимы.

Памятным событием в жизни псковичан и лично архиеп. Евгения, сохранившего его в псковской истории, стало посещение города Александром I.[514] Евгений писал об этом Анастасевичу: «8-го числа мы встретили добраго нашего Государя; он проехал прямо в собор, пригласив меня приехать к нему и долго наедине говорил со мною. Он преисполнен благочестия и желания добродетелей своим подданным»[515]. Для архиеп. Евгения это была не первая, но самая длительная беседа с Александром I, в описании которой нет и тени былого стеснения и скованности в присутствии высочайших особ. Псковский архиерей все больше ощущал свою принадлежность к высшему общественному слою, его интересовали политические события, он чувствовал ответственность за то, что происходило в стране.

Круг общения архиеп. Евгения во Пскове был довольно узок. В него входили губернатор Борис Антонович фон Адеркас (1775–1831), спутник Евгения по полевому изучению Изборска, член городского магистрата купец Иван Иванович Шарин (?–?), интересующийся историей родного края, игумен Крыпецкого монастыря и эконом Архиерейского дома Серафим (Покровский) (?–?), бывший доверенным лицом Евгения и верным помощником во всех хозяйственных делах[516]. К концу своего архиепископства Евгений все чаще жаловался Анастасевичу на культурный уровень псковского общества: «Кроме газет у нас никто ничего не читает, и Карамзина знают только по

---

[512] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 18 октября 1818 г. // Русский архив. 1889. № 5. С. 75.
[513] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 21 октября 1819 г. // Русский архив. 1889. № 6. С. 222.
[514] *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. История княжества Псковского. Псков, 2009. С. 401.
[515] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 12 сентября 1819 г. // Русский архив. 1889. № 6. С. 215.
[516] *Егорова Т.В.* Митрополит Евгений (Болховитинов) и Псков // Земля Псковская, древняя и современная. Тезисы докладов к научно-практической конференции. Псков, 1994. С. 70; Письма киевскаго митрополита Евгения к игумену (впосл[едствии] архимандриту) Серафиму Покровскому. (1822–1837). Киев, 1913. С. 3–4.

извещению газет»[517]. И через некоторое время вновь: «Ныне столько журналов, что всех и искупить не можно. А в таком городке, как Псков, нет и охотников на сии издержки»[518]. Евгению не хватало литературного общения, к которому он так привык, и которое почти полностью переместилось в эпистолярную сферу: в это время корреспондентами Евгения были поэты, ученые, книгоиздатели, коллекционеры, дававшие Евгению обильную пищу для размышлений. Однако на пожелание Румянцева добиться перевода Евгения поближе к столице, чтобы он мог воспользоваться его богатой библиотекой, он замечал: «Но все сие сокоровище... не стоит моей свободы и досуга псковскаго»[519].

Однако канцлер и известный меценат Румянцев продолжал свои хлопоты о переезде архиеп. Евгения. Осенью 1820 г. Евгений писал Анастасевичу: «Спасибо вам и за преждевременную радость о Киеве для меня. Я чувствую, что публика ваша ко мне благосклонна назначением меня на каждую открывающуюся вакансию... Но сам я доволен и спокоен на теперешнем месте»[520]. И все же 24 января 1822 г. был подписан указ о переводе Евгения в Киев.

Евгений – митрополит Киевский. На страницах «Месяцеслова на лето 1822» Евгений оставил заметки, составляющие хронологию дальнейших событий: «Февраля 21 в 3/4 10-го часа утра выехал со Снетной горы, а из Пскова за город в 1/2 12 часа. Приехал в Петербург 23-го в 5 часов вечера... 13 в 5 часов после обеда представлялся Государю. 16-го в 1/2 10 выехал из подворья, а в 11 часов из Петербурга... Апреля 10. По утру приехал в Чернигов, а 11-го после обеда выехал. Там 10 числа получил Высочайший рескрипт с клобуком и крестом. 11-го в 10 часов по утру приехал в Киев. Мая 14, 1822 к вечерне приехал в Лавру»[521].

---

[517] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 16 марта 1820 г. // Русский архив. 1889. № 6. С. 337.
[518] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 30 апреля1820 г. // Русский архив. 1889. № 7. С. 345.
[519] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 5 ноября1820 г. // Русский архив. 1889. № 7. С. 377.
[520] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 1 октября1820 г. // Русский архив. 1889. № 7. С. 370–371.
[521] Собственноручные заметки преосвященного Евгения, митрополита Киевского, на книгах, поступивших по его завещанию в киевскую семинарскую библиотеку // Маяк. 1843. Т. VII. Кн. XIV. Гл. III. С. 100–101.

Евгений выехал из Петербурга, где пробыл три с небольшим недели, архиепископом, рескрипт о пожаловании митрополитом догнал его в Чернигове почти через месяц. В нем говорилось: «Желая воздать по заслугам вашим, я признал за благо возвести вас на степень митрополита Киевскаго. Молю Господа, да укрепит силы ваши к прохождению предлежащего поприща. Да распространяется более и более духовное просвещение в странах, где первый светильник веры возблистал на Россию... Мне особенно приятно будет видеть знаменитую некогда Академию Киевскую, воспитавшую в течение веков достойных служителей алтарю Господню, руководстве вашем, достигающею цели ею предположенной. Я удостоверен, что просвещенная опытность ваша и ученье в духе веры принесут плод во время свое в пользу Церкви и Отечества»[522] Назначение Евгения на Киевскую кафедру стало результатом его ученых трудов, признанных императором, и средством содействия духовному просвещению этого края.

Ивановский сообщал, что когда высший клир Киево-Печерской лавры, встречая новоназначенного владыку, прислал к днепровской переправе по-царски вызолоченную карету, «митрополит с неудовольствием принял такой знак почтительной предупредительности и потребовал другой экипаж для отъезда в Софийский Собор»[523]. 16 апреля митр. Евгений совершил первую службу в кафедральном Софийском соборе и тут же принялся за наведение порядка в епархиальных делах[524]. Через несколько месяцев он писал Перевощикову: «Много мне трудов в Киеве. Но если бы я уменьшил их хотя на один день, то следующий был бы вдвое, третий втрое и так далее тяжелее; ибо наша должность, не как ваша, измеряется не временем, а числом дел. А епархия Киевская втрое больше числом церквей, нежели Псковская; некогда даже газет, а тем меньше журналов прочесть»[525]. Основные направления работы Евгения по управлению епархией касались упорядочения деятельности консисторий, духовных правлений и благочиний, обустройства приходской жизни и борьбы с униатством. Как и на прошлых

---

[522] Высочайший рескрипт на звание митрополита Киевскаго. 26 марта 1822 г.// Киевские епархиальные ведомости. 1868. № 3. С. 652–653.
[523] *Ивановский И.Д.* Памяти Высокопреосвященного Евгения митрополита Киевского // ЖМНП. 1867. № 12. С. 751.
[524] *Карпов С.М.* Евгений Болховитинов как митрополит Киевский. Киев, 1914. С. 15, 17.
[525] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) В.М. Перевощикову от 6 декабря 1822 г. // Русский архив. 1890. Т. 3. С. 440.

кафедрах, в Киеве митр. Евгений наладил документооборот, составил подробные инструкции для всех органов епархиального управления и следил за их исполнением. Сохранились распоряжения митрополита в адрес учреждений и должностных лиц епархии, регламентирующих их работу[526].

Митр. Евгений видел своей задачей создание «учительного» священства, способного заботиться о духовно-нравственном состоянии своих прихожан. Для этого он строго следил за образованностью духовенства, не допуская до мест священников, диаконов и причетников малограмотных и невежественных кандидатов. Каждый из них сдавал ключарю Киево-Софийского собора экзамен на знание церковного устава, священных и богослужебных книг, нотного пения, гражданских и церковных сочинений, получал одобрение викария, затем испытывался самим митрополитом. Это касалось в том числе и выпускников семинарий и академий и даже наставников духовных школ, уровень подготовки которых не удовлетворял требованиям митрополита[527]. Евгению удалось улучшить материальное обеспечение священников, сохранив традиционный для этого края ежегодный взнос прихожанами определенного количества зерна в пользу причта, постепенно исчезавший под давлением местных помещиков, принять необходимые меры для поддержания вдов и сирот, сохранить церковные земли и оклады в соответствии со штатами[528].

Добившись перевода из Крыпецкого монастыря своего прежнего ближайшего помощника и доверенного лица иг. Серафима (Покровского) и переложив на него многие хозяйственные заботы, в том числе о содержании обветшавшего митрополичьего дома при Киево-Софийском соборе и загородных дач[529], митр. Евгений смог освободить

---

[526] *Орловский П.* Деятельность митрополита Евгения по управлению Киевскою епархиею. Киев, 1868. С. 2–30; *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Указ. соч. С. 570–572.

[527] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) протоиерею Киево-Софийского собора Каллистрату с братией от 14 января 1837 г. // НИИ СПб ИИ РАН Ф. 238 (Коллекция Н.П. Лихачева. Оп. 2. Д. 136/2. Л. 25–25 об.; *Карпов С. М.* Евгений Болховитинов как митрополит Киевский... С. 61–66.

[528] *Карпов С.М.* Указ. соч. С. 80–82.

[529] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) иг. Серафиму (Покровскому) от 12 января 1823 г. // Письма киевскаго митрополита Евгения к игумену (впосл[едствии] архимандриту Серафиму Покровскому. (1822–1837). Киев, 1913. С. 12. За время пребывания Евгения на Киевской кафедре был построен новый корпус для КДА, обновлены Братский и Екатерининский греческий монастыри, обустроены корпуса Флоровского монастыря и гостиница для паломников Лавры, возведена каменная колокольня Выдубицкого монастыря, приведена в порядок Андреевская церковь. В 1833 г. в Синод была предоставлена смета на ремонт 79 и строительство 14 сельских храмов епархии. См.: *Ананьєва Т.Б.* «Испытатель отечественной древности»: нотатки з нагоди ювілею митрополита Євгенія (Болховітінова) // Opus Mixtum. 2017. № 5. С. 10.

время для научных изысканий, начатых им по приезду в Киев[530]. Евгений считал, что «древность в священных вещах беспримерную имеет силу вдыхать большее благоговение, нежели новыя вещи»[531], и в первую очередь приступил к изучению древних киевских святынь, считая это занятие исполнением своих прямых обязанностей правящего архиерея[532]. В ноябре 1822 г. он писал Румянцеву: «Я разыскиваю о Киево-Софийском соборе для составления описания оному»[533]. Евгений осмотрел собор, описал его святыни, утварь, книги, рукописи и некрополь, изучил киевские библиотеки и архивы, а также полученные при содействии Румянцева различные изображения храмовой иконы Св. Софии из Архангельска, Тобольска, Москвы и Царского села, план и описание Константинопольского Софийского собора, списки архивных документов из Московского архива Коллегии иностранных дел. В результате труд, задуманный как описание древней киевской святыни, вырос до масштаба исследования по церковной археологии, иконографии и церковной истории юго-западной Руси, доведенной до нового времени[534].

Не могла остаться без внимания исследователя и другая древняя святыня – Киево-Печерская лавра. Митр. Евгений включил в ее описание планы дальних и ближних пещер, привлек агиографические и актовые материалы, сделавшие это сочинение источником ценных сведений для современников и последующих исследователей.

---

[530] В июле 1822 г. Евгений писал Румянцеву: «Сам я не имел еще досуга заняться разысканиями древностей. А учусь еще киевским текущим делам». См. : Письмо митр. Евгения (Болховитинова) Н.П. Румянцеву от 16 июля 1822 г. // Переписка митрополита Киевскаго Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым... Вып. 2... С. 59. Первое упоминание об изучении киевских древностей см.: Письмо митр. Евгения (Болховитинова) Н.П. Румянцеву от 26 ноября 1822 г. // Переписка митрополита Киевскаго Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым... Вып. 2... С. 66. Однако замысел описания собора мог появиться раньше. «Вашему превосходительству как любителю древностей, – писал Евгений Оленину, – со вниманием донесу, что первую древность в Киеве осмотрел я Софийскую мозаику. Она гораздо тусклее, нежели у вас на рисунке». См.: Письмо митр. Евгения (Болховитинова) А.Н. Оленину от 7 мая 1822 г. // РНБ ОР. Ф. 542 (Архив Олениных). Д. 211. Л. 6.

[531] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В И. Македонцу от 8 мая 1803 г. // Русский архив. 1870. № 4–5. С. 823.

[532] Он писал: «Я занимаюсь описанием Киево-Софийского собора, почитая сие дело даже должностию моею». См.: Письмо митр. Евгения (Болховитинова) А.Н. Оленину от 13 мая 1823 г. // РНБ ОР. Ф. 542 (Архив Олениных). Д. 211. Л. 8 об.

[533] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) Н.П. Румянцеву от 26 ноября 1822 г. // Переписка митрополита Киевскаго Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым... Вып. 2... С. 66.

[534] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Описание Киево-Софийского собора и киевской иерархии с присовокуплением разных граммат и выписок, объясняющих оное, также планов и фасадов константинопольской и киевской софийской церкви и ярославова надгробия. Киев, 1825. Подробнее об этом сочинении см.: *Сперанский Д.Н.* Ученая деятельность Евгения Болховитинова митрополита Киевскаго // Русский вестник. 1885. № 6. С. 688–693.

Признавая, что описание лавры не исчерпывает всей ее истории, Евгений передал права на свое сочинение в собственность обители, с тем, чтобы ее типография могла печатать последующие исправленные и дополненные издания этой работы и получать доход[535].

Неподалеку от Софийского митрополичьего дома, бывшего резиденцией Евгения в Киеве, располагалась полуразрушенная Десятинная церковь, основанная князем Владимиром Святославовичем в 996 г. Евгению было известно, что первый каменный храм Киева был разрушен Батыем в 1240 г. и возобновлен митр. Петром Могилой (1596–1647)[536]. Сразу же по приезду в Киев Евгений встретился с автором уже известного ему труда по истории города учителем местной гимназии Максимом Федоровичем Берлинским (1764–1848), ставшим его помощником в археологических раскопках. В сентябре 1823 г. они произвели осмотр территории церкви и выяснили, что под завалами щебня сохранился ее древний фундамент[537]. О замысле и планах археологических работ, начавшихся в 17 октября 1824 г., Евгений писал председателю ОИДР Александру Александровичу Писареву (1780–1848): «Мысль найти следы Владимировой Десятинной церкви занимала меня с самого приезда в Киев. Но недосуги меня самого не допускали приступить к сему. В прошлое лето нашел я здесь живущего статского советника Кондрата Андреевича Лохвицкого, охотника до древностей, который принял на себя под моим распоряжением и на мое иждивение раскрытие фундамента сего славного здания, не описанного нам подробно ни Нестором, ни другими древними летописателями. До времен Петра Могилы, кажется, никто и не обращал внимания на оное; да и Могила застал над оным только одну часть стены... на развалинах ея устроил маленькую нынешнюю церковь, в наружную стену коей вставил и куски найденной греческой надписи, по разрыву уже не понятной. Мы не успели еще

---

[535] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных грамот и выписок, объясняющих оное, также планов лавры и обеих пещер. Киев, 1826, 1831, 1847; О передаче Евгением прав на сочинение духовному собору лавры см.: НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238 (Коллекция Н.П. Лихачева). Оп. 2. Д. 136/2. Л. 16. Об источниках этого сочинения и содержащихся в нем ошибках см.: *Полетаев Н.И.* Труды митрополита киевскаго... С. 255–268. См. также: *Ананьєва Т.Б.* «Читайте для познания Киева…» // Митрополит Євгеній Болховітінов. Вибрані праці з історії Києва. Київ, 1995. С. 18–19. О вкладе Евгения в изучение печерских святых см.: *Дятлов В.* Внесок митрополита Євгенія (Болховітінова) в історіографію святих Києво- Печерської лаври // Opus Mixtum. 2017. № 5. С. 27–34.

[536] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое известие о Митрополите Петре Могиле // Вестник Европы. 1813. № 21. С. 36.

[537] *Ананьєва Т.Б.* Десятинна церква: коло витоків археологічних досліджень (1820–1830-ті рр.) // Церква Богородици Десятинна в Києві. Київ, 1996. С. 16–19.

открыть всего фундамента. А теперь я оставляю всю сию заботу Лохвицкому и другим. Всего лучше, если бы вы прислали кого-нибудь из своих сочленов. Ибо на догадливость Лохвицкого и других здешних я не надеюсь. Прилагаю при сем и план, Лохвицким сделанный; но за изъяснения его я не ручаюсь, ибо я не имел досуга их поправить по своему мнению. Место престола, замощенное плитами, еще не открыто, а под ними может быть найдется и надпись. Пол в алтаре мозаический мы опять завалили землею, для того, что народ начал был растаскивать оный. Да и щебень беспрестанно растаскивают как святыню. По моему мнению, надобно весь мусор просеять. Ибо и без того найдено в нем много перстней, крестов и других вещей, кои все у Лохвицкого. С сожалением оставляю я сие предприятие. Но оно достойно внимания Вашего Общества»[538].

Инициатива, замысел, организация, руководство и материальное обеспечение археологических работ принадлежали Евгению, он же позаботился о введении в научный оборот результатов исследования фундамента Десятинной церкви и сопутствующих археологических находок[539]. Необходимость привлечения помощников, в том числе «энтузиаста к древностям» Лохвицкого, Евгений объяснял Румянцеву отсутствием досуга[540]. Т.Б. Ананьева полагает, что Евгений избегал широкой огласки, опасаясь, что участие архиерея в раскрытии церковных захоронений вызовет непонимание верующих[541]. Следует признать, что место раскопок привлекло внимание горожан, так как «в щебне при копании несколько найдено крестов, перстней, колец, остатков иконных окладов, лампадных и кадильных кусков и несколько монет польских... Народ киевский ежедневно многочисленными толпами стекавшийся к сему открытию, хватал и наполнял карманы мозаикою, обломками мрамора, яшмы и мелких разных камней. Серебряники, оправляя сию мозаику и камешки в золотые и серебряные крестики, продавали народу, жаждавшему иметь их, как святыню, и рассылали по

---

[538] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) А.А. Писареву от 22 января 1825 г. // РГБ ОР. Ф. 226 (Писарев). К. 4. Д. 2. Л. 1 об–2 об.

[539] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* План первобытной киевской Десятинной Богородичной церкви с объяснением оного // Отечественные записки. 1825. Ч. 21. Кн. 59. С. 385–386.

[540] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) Н.П. Румянцеву от 4 января 1825 г. // Переписка митрополита Киевскаго Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым... Вып. 3... С. 120.

[541] *Ананьева Т.Б.* Евгений Болховитинов и изучение киевских древностей в первой половине XIX в. // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 2. М., 1998. С. 45.

России... Если бы открытие сие сделано было с весны, когда Киев во все лето наполняется со всех сторон богомольцами, тогда, может быть, весь щебень был бы разнесен по государству»[542]. Участникам раскопок приходилось учитывать отношение горожан к археологическим находкам как святыням, в то время, как перед Евгением как организатором исследования стояла задача сохранения обретенных исторических источников, что было возможно осуществить только при содействии властей. «Теперь все сие место от вандальского народного разрушения охраняет караул, мною выпрошенный у коменданта»[543], – сообщал Евгений Румянцеву.

Власти сыграли свою роль в сохранении от разорения еще одной киевской находки. Евгений, бывший в это время в отъезде, узнал о ней из письма Румянцева[544]. Позже он сообщал об этом событии в печати: «Сего 1824 года мая 25 дня в день праздника Сошествия Святаго Духа поутру в шесть часов мещанин киевский Василий Харщевский, идучи из Киевоподола на гору старого Киева тропинкою прямо к Михайловскому монастырю, и взошедши уже по тропинке возле ограды монастыря, наступил на выпуклый и из впадины обнажившийся красный кирпич, от натиска его проломившийся, и увидев, что то был горшок, разломил его покрышку, и усмотрев там блистающее серебро, вынул оное в платок. Но заметив между вещами церковные, немедленно представил сию находку в городовую полицейскую часть к приставу и потом полицмейстеру, а сей, пересмотрев у себя вещи, г[осподину] губернатору, который препроводил их для описания к известному в Киеве любителю древностей М.Ф. Берлинскому, приказав вырыть и самый горшок, в коем лежали древности»[545]. Евгений поправил и дополнил описание находки, составленное Берлинским, и опубликовал его. Возможно, то, что Берлинский, давно знавший Румянцева и

---

[542] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* План первобытной киевской Десятинной Богородичной церкви... С. 398–399.
[543] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) Н.П. Румянцеву от 4 января 1825 г. // Переписка митрополита Киевскаго Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым... Вып. 3... С. 120.
[544] Письмо Н. П. Румянцева митр. Евгению (Болховитинову) от 24 июня 1824 г. // Переписка митрополита Киевскаго Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым... Вып. 3... С. 107.
[545] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* О древностях, недавно найденных в Киеве // Отечественные записки. Ч. 19. № 51. СПб., 1824. С. 272–273.

пользовавшийся его покровительством, сообщил о найденном кладе прежде всего ему, а не Евгению, стало шагом на пути к сокращению их научного сотрудничества[546].

Одновременно с изучением киевских древностей, Евгений завершал работу над Псковской историей, готовил к изданию Синопсис, следил за последними научными известиями, получаемыми от своих корреспондентов, участвовал в их обсуждении. Кроме того, Евгений совершал длительные поездки по епархии, дававшие обильную пищу для научных наблюдений. Об одном из таких путешествий он писал Румянцеву: «Не могу утерпеть, чтобы не донести Вашему Сиятельству чего-нибудь и о моих путешественных замечаниях. Я избрал путь себе сперва по-над Днепром, – на Триполь и Ржищев, а теперь в Черкасах, городе XIII столетия. Отсюда обращусь через Чигирин к западу на Звенигородку, Умань, Липовец, а оттуду на Пятигоры, Таращу и опять до Киева. Не много еще проехал я мест: но видел уже много памятников века Владимира Великого. 1). Вал на реке Вете, простирающейся от Днепра до Белогородки. 2). Двойной вал его же от Триполя до Василькова. Неизъяснимо любовался я превысоким местоположением Триполя над Днепром. Известно, что сия крепость построена Владимиром в 996 г. от набега печенегов и служила границею Киевскаго княжества, окопанною от них валом до Василькова. Натуральное и искусственное укрепление Триполя доныне удивительно. Из крепости виден Киев за 60 верст через выпуклую дугу Днепра. Близ крепости превысокий холм с рытвинами бывших на нем зданий, служивший, вероятно, маяком для Киева. Поля около валов усеяны высокими курганами, памятниками побоищ, из коих одно 1093 г. было пагубно и для русских. За Трипольем новая граница русская XI века от Канева по славной реке Росе, текущей водопадами между гранитными утесами берегов, в коих видел я огромные, как финляндские граниты. Канев был съездным местом с половцами в XII веке, а с XIII века местопребыванием татарских баскаков. Все места преузорочныя. Но подробно их осматривать я не имел времени. В стороне от моего пути, мне сказывали, много высоких городищ, окопанных также валами и окруженными побоищными курганами. Сколько бы объяснений прибавилось к нашим летописям, если бы какой-нибудь досужий

[546] Это наблюдение принадлежит Т.Б. Ананьевой. См.: *Ананьева Т.Б.* Евгений Болховитинов и изучение киевских древностей... С. 53–55.

путешественник на готовую уже карту Киевской губерниии наложил все сии урочища и покапался бы в развалинах! Но легче желать, нежели исполнять, хотя исполнение сие стоило бы и не великаго труда, а мы не имеем еще топографических и хорографических ландкарт классических наших земель»[547].

Киевский митрополит Евгений в Синоде. Планы изучения киевских древностей были нарушены известиями из Петербурга. В декабре 1824 г. Евгений был вызван в столицу как член Синода, прибыл туда в феврале 1825 г. и не мог вырваться в Киев до начала 1827 г.[548] Он писал Серафиму из столицы: «Приехав с утомлением от денно-нощной по худой дороге езды, я думал два дня отдохнуть: но на другой же день преосв[ященный] митрополит прислал мне поздравителя с подарком белой крепы и я принужден был в тот же день к нему поехать. Старик несказанно рад моему приезду, имея затруднительныя дела. На третий день был я у Аракчеева и Шишкова министра, и с тех пор доныне еще нигде, кроме что у митрополита был уже трижды, а у Аракчеева и Шишкова дважды... О сроке пребывания моего в Петербурге не имею никаких верных сведений»[549].

«Затруднительные дела», о которых писал Евгений, касались длившегося уже два года противостояния между двумя группами, стремившимися оказывать влияние на Александра I, одну из которых представлял Голицын при поддержке Сперанского, митр. Московского Филарета (Дроздова) (1783–1867), еп. Ревельского Григория (Постникова) (1784–1860), другую – Аракчеев, опиравшийся на митр. Серафима, адмирала Шишкова и архимандрита Юрьева монастыря Фотия (Спасского) (1792–1838). Последним удалось склонить Александра I к смещению Голицына с поста руководителя Министерства духовных дел и народного просвещения (1817–1824) и члена Комиссии духовных училищ, следующей их целью было закрытие Русского библейского общества (1812–

[547] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) Н.П. Румянцеву от 28 мая 1824 г. // Переписка митрополита Киевскаго Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым... Вып. 3... С. 106.
[548] Высочайшее повеление святейшему Синоду № 1627 от 19 декабря 1824 г. // Сторник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной Его Императорскаго Величества канцелярии. Вып. 6. СПб., 1893. С. 217.
[549] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) иг. Серафиму (Покровскому) от 25 февраля 1825 г. // Письма киевскаго митрополита Евгения.... С. 35–36. Серафим (Глаголевский) (1757–1843) – митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский, первенствующий член Синода; Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) – начальник Императорской канцелярии; Шишков Александр Семенович (1754–1841) – адмирал, министр народного просвещения, президент Российской Академии.

1826), внеконфессиональной организации, созданной по инициативе Голицына и занимающейся переводом Библии на русский язык. Мотивируя свои действия необходимостью защиты православия в условиях распространившегося влияния мистицизма, они инициировали вызов в Петербург митр. Евгения, надеясь вовлечь его в борьбу с Голицыным на своей стороне. Митр. Серафим писал Александру I, что желая «иметь себе сотрудника и совещателя», он советовался с министром просвещения Шишковым и высказал мнение о том, «чтобы для постановления духовных училищ на твердом основании православия и для принятия совокупно со мной нужных мер к прекращению распространения в народе ересей, призвать сюда на время Киевскаго митрополита Евгения, как человека, известнаго по правоверию, учености и благонамеренности»[550]. 19 декабря было подписано высочайшее повеление о вызове Евгения[551], а еще через несколько дней архим. Фотий направил ему письмо, которое не раскрывало суть дела, а скорее затуманивало его[552].

Митр. Евгений, привыкший держаться подальше от «столичного болота»[553], следил о происходящем в Петербурге по письмам своих корреспондентов. К Голицыну он относился сдержанно благожелательно, в митр. Филарете (Дроздове) видел холодность и отчужденность, перевод Библии на русский язык поддерживал, крайних политических

[550] Письмо митр. Серафима к императору Александру I от 11 декабря 1824 г // Русский архив. 1868. № 1. С. 941.
[551] Высочайшее повеление святейшему Синоду № 1627 от 19 декабря 1824 г. // Сторник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной Его Императорскаго Величества канцелярии. Вып. 6. СПб., 1893. С. 217.
[552] «Радуйся Святитель Божий! И с Богом немедля приезжай к нам в Святый град Петра: с нами Бог! Господь сил с нами! Видеша вси концы спасение Бога нашего. Святая и Православная наша церковь торжествует: вера наша на Орле православия всюду летает. – И так прилети ты к нам, Святитель Божий: тебя зовет, желает, ожидает Церковь, нуждаясь в тебе; тебя помазанник Божий знает как Святителя Божияго; тебя сонм православных и новый наш Святитель Николай; с новым Георгием знают, как Столпа Святыя Церкви, за законы отеческие ревнителя; Пастыря и учителя правоверного. Скажу же тебе и радость велию, что Богоборное скопище, яко ад восстена, и сокрушися, силою Христовою и уже престало Время Светильнику быть под спудом. Принеси благодарение Господу и помолись о нас там, где ты живешь и где первый, так сказать камень веры в основание Церкви нашей положен древле от отцов наших. Почти небывалое дело деется ныне, что из Богоспасаемого Киева грядет Святитель во град Святого Петра на дело Божие. – Чудо сие есть для людей, а не для Бога нашего. Ибо кто Бог велий, яко Бог наш? Ты еси Бог, творяй чудеса един! Велий еси Господи и дивны дела твоя и ни едино слово будет довольно к пению чудес твоих! Прославь убо сего Бога нашего, Пастырь добрый Евгений – да сбудется слово Господне и на тебе: тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрая дела ваша, и прославят Отца вашего, иже есть на небесех. Аминь. Убогий и последнейший, но правоверный Архимандрит Фотий». См.: Письмо архим. Фотия (Спасского) митр. Евгению (Болховитинову) от 23 декабря 1824 г. // ОР РГБ. Ф. 219 (Орловы-Давыдовы). К. 129. Д. 3. Л. 49–49 об.
[553] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 23 мая 1815 г. // Русский архив. 1889. № 7. С. 49.

позиций старался избегать[554]. Интересно, что в самый разгар борьбы за смещение Голицына с поста министра, он спрашивал о Евгении у архим. Фотия, желая понять, можно ли ожидать поддержки от Киевского митрополита[555]. Летом 1823 г. Киев посетил Сперанский, и Евгений сделал пометку на полях месяцеслова: «Июля 9 приехал М.М. Сперанский, а 12 у меня обедал и уехал вечером»[556]. Скорее всего, именно об этом визите позже сообщал Филарету Григорий (Постников): «Нашлись было люди, которым хотелось для общей пользы поправить положение Киевского. Многие из них были у него именно с тем намерением... Между многими был у него такой человек, который совершенно знал, чего от него надеялись, который знал даже то, что будет говорить с ним Государь Император, и который сам явно навязывался ему своею откровенностию; но человек, яко человек, пристрастившись к своим любимым идеям и занятиям, ничего не хочет слышать и знать постороннего: ибо все постороннее кажется ему мелочным и не стоящим внимания. Он говорил с ним только о своей Десятинной церкви, о богатых киевских древностях, о множестве рукописей и пр. Человек тот был М.М. Спер[анский]. Он сам с сожалением говорил мне о том»[557]. Из приведенных свидетельств можно заключить, что представители противоборствующих сторон еще до приезда Евгения в Петербург стремились прояснить его позицию и повлиять на нее.

---

[554] «От перевода Библии на русский язык, – писал Евгений В.Г. Анастасевичу, – я не предвижу таких соблазнов, какие вы с другими предполагаете. Европейцы давно читают ее на простом языке и не соблазняются. Одним папистам не хочется отстать от Вульгаты. Но они не могли воспретить ни итальянцам, ни полякам читать ее на своих языках. Папа протестовал и противу библейских обществ, но поздно уже. По крайней мере, сии издания полезнее изданий Вольтеровых сочинений, затеваемых опять в Париже. В церкви останется славянский язык, но в свете немногие не только понимать, да и читать его умеют». Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 9 апреля 1817 г. // Древняя и новая Россия. 1880. № 12. С. 628.

[555] «Я желаю спросит вас о Евгении Киевском, знаете ли вы его лично или по чьим словам? Я вам откровенно скажу, что я в нем нахожу какую-то холодность к пастве его, когда он был в других епархиях. Я говорю о душах и о спасении вверенной паствы; потом все ученые светские его очень любят, и в его здесь пребывание беспрестанно он с ними был, а некоторые вольнодумцы. Сам его я видел не часто, хотя я со своей стороны и был у него и несколько раз; вид его находил почтенным, в разговорах основателен, а говорил более об устройстве и экономии епаршеской, но не распространялся со мною о духовных материях и был со мною генерально скрытен. В Киеве теперь он действует хорошо в отношении приведения в порядок расстроенной Лавры, которая при Серапионе была в жалком положении. Вот я вам сказал, что в нем казалось; я бы желал знать, коротко ли вы его знаете, и ежели имеете верные об нем сведения, я очень буду рад ошибиться, ибо я иного не желаю, как отыскивать людей для служения церкви Господней. Ничего нет сего важнее, что хочешь устраивай и пиши, ежели нет исполнителей, боящихся Бога и любящих Его, ничего добра не будет». См.: Письмо А.Н. Голицына арх. Фотию (Спасскому) от 23 января 1823 г. // Русская старина. 1882. № 5. С. 431.

[556] Собственноручные заметки преосвященного Евгения, митрополита Киевского, на книгах, поступивших по его завещанию в киевскую семинарскую библиотеку // Маяк. 1843. Т. VII. Кн. XIV. Гл. III. С. 101.

[557] Письмо еп. Григория (Постникова) архиеп. Филарету (Дроздову) от 28 апреля 1825 г. // Христианское чтение. 1898. № 4. С. 561.

Трудно согласиться с Чистовичем, утверждавшим, что «сочувствие митрополита Евгения было не на стороне новых училищ. Проведши век при действии прежних педагогических привычек и порядков, прежних учебников и руководств, когда в духовных академиях и семинариях науки преподавались на латинском языке, когда в моде были схоластические диспуты... когда, наконец, академии и семинарии были вполне епархиальными учреждениями и находились в полном и безраздельном ведении епархиальных архиереев, – митрополит смотрел с некоторым предубеждением на новые учебные заведения и новые в них порядки»[558]. Достаточно вспомнить, что Евгений был автором проекта реформы духовных школ, сам высказывался за выведение семинарий и академий из-под руководства епископов, внедрял преподавание на русском языке и выступал против господства латинской словесности. Схоластика признавалась устаревшей и заменялась новыми программами и методами образования в духовных школах уже тогда, когда в них учились и Евгений, и Филарет. Евгений много работал для того, чтобы реформа, начавшаяся в Петербурге, привела к действительному, а не провозглашаемому результату. В семинариях и училищах Новгорода, Вологды, Калуги и Пскова Евгений предпринимал практические шаги по улучшению учебного процесса, приводившие к положительным сдвигам. У него сложилось собственное видение проблем духовного образования и способов их разрешения. С этим багажом он приехал в Петербург, где 25 февраля был назначен членом Комиссии духовных училищ[559].

Предложение митр. Серафима о проведении предварительных испытаний выпускников Петербургской и Киевской академии в мае 1825 г., было поддержано Комиссией. Епископам Григорием (Постниковым) и Афанасию (Протопопову)[560] было предписано доложить об итогах испытаний и предоставить в Комиссию две-три диссертации на латинском и русском языках. Результаты, показанные студентами Петербургской академии, были признаны удовлетворительными, в Киевской возникли затруднения, списки студентов по разрядам и диссертации были готовы только к октябрю, что вызвало крайнее неудовольствие Евгения. По итогам испытаний

---

[558] *Чистович И.А.* Руководящие деятели духовного просвещения... С. 249.
[559] *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Биография Евгения митрополита Киевскаго... С. 3.
[560] Афанасий (Александр Федорович Протопопов), архиеп. (1783–1842) – богослов, миссионер, в 1823–1826 гг. – еп. Чигиринский, викарий Киевской епархии.

выпускники обеих академий получили звания ниже разрядом, чем ожидали. Одновременно начался пересмотр учебных программ и пособий к ним. Митр. Филарет, к тому времени покинувший Синод и не посещавший заседаний Комиссии, очень болезненно воспринял происходившие изменения. Он начал противодействовать решениям, принятым без его участия, утверждая, что Комиссия совершила «обратный ход от внятного учения на природном языке к латинскому схоластицизму», что, по его убеждению, привело к отрыву духовного образования от потребностей церковного служения[561]. В противостоянии митр. Серафима и митр. Филарета Евгений занял сторону первого, но как только появилась возможность вернуться в Киев, сразу воспользовался ею, поспешив отстраниться от участия в спорах. Несмотря на то, что последующая борьба шла в его отсутствии, этого оказалось достаточно, чтобы в научной литературе закрепилось представление о Евгении как гонителе духовного просвещения[562].

Живов интерпретировал борьбу вокруг латинского языка в духовном образовании как столкновение различных представлений о его задачах и характере. Общим для противоборствующих сторон было признание необходимости приближения учебных программ духовных школ к потребностям общества. Серафим продолжал традицию своего бывшего наставника Платона (Левшина), считавшего, что духовенство должно ориентироваться на социальную элиту, в общении с которой ему предстоит отстаивать свой привилегированный статус, связанный в том числе и с доступом к иноязычному образованию и культуре[563]. Филарет полагал, что в духовных школах следует готовить

---

[561] Всеподданнейшее представление митрополита Филарета с приложением рукописи, озаглавленной «О средствах против недостатка в достойных священниках» (1826 г., 23 ноября) // Собрание мнений и отзывов Филарета митрополита Московскаго и Коломенскаго по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверскаго и Кашинскаго. Т. II. СПб., 1885. С. 158, 160.

[562] *Чистович И.А.* Руководящие деятели духовного просвещения... СПб., 1894. С. 254–261; *[Мацеевич Л.С.]* Материалы для истории Киевской духовной академии // Киевская старина. 1882. Т. 1. С. 518; *Флоровский Г.В., прот*. Пути русского богословия. М., 2009. С. 185–187, 224.

[563] Платон писал Амвросию (Подобедову): «Чтоб на русском языке у нас в училище лекции преподавать, я не советую. Наши духовные и так от иностранцев почитаются почти неучеными, что ни по-французски, ни по-немецки говорить не умеем. Но еще нашу поддерживает честь, что мы говорим по латыне и переписываемся. Ежели же латинскому учиться так, как греческому, то и последнюю честь потеряем, поелику ни говорить, ни переписываться не будем ни на каком языке; прошу сие оставить. На нашем языке и книг классических мало. Знание латинскаго языка совершенное много содействует красноречию и российскому. Сие пишу с общаго совета ректоров – академическаго и троицкаго – и префектов, и преосвященнаго Серафима». См.: *Смирнов С.К.* Указ. соч. С. 340–341.

священников к общению с необразованным населением, составлявшим их приходы, и изучение латинской литературы должно быть вытеснено из программ более полезными для практической деятельности священника предметами[564]. На фоне дальнейшего размежевания светской и духовной культуры духовное образование стало восприниматься как узкосословное, что определило победу позиции Филарета и его сторонников[565] и закрепило за проигравшими наименование деятелей ушедшего века и гонителей духовного просвещения.

Позиция Евгения, оказавшегося в стане проигравших, была промежуточной. Он был сторонником постепенного перевода преподавания большинства предметов на русский язык по мере подготовки соответствующих учебных пособий при сохранении фундаментальной языковой подготовки учащихся, которая одновременно с расширением кругозора и обеспечением доступа к новейшим европейским научным достижениям являлась бы и средством отбора тех студентов, которые могли бы заниматься развитием научного направления в академиях. Евгений отказался от участия в спорах о дальнейшей судьбе реформы духовного образования, в которых сплетались воедино идейные разногласия и личные амбиции участников. Поддержка, оказанная Евгением Серафиму, основывалась в большей степени на их личных связях.

Синодальная полемика о судьбе духовного образования совпала по времени с разворачивавшимся в стране внутриполитическим кризисом. В конце августа 1825 г. оба митрополита провожали Александра I из Петербурга[566], а уже в конце ноября весть о

---

[564] Филарет писал: «До преобразования духовных училищ некоторые из сих училищ полагали свою славу в преимущественном пред другими знании латинскаго языка. Отсюда священники, которые лучше знали языческих писателей, нежели священных и церковных, лучше говорили и писали на латинском языке, нежели на русском, более способны были блистать в круге ученых отборными выражениями мертваго языке, нежели светить народу живым познанием истины». См.: *Чистович И.А.* Руководящие деятели духовного просвещения... С. 272.

[565] *Живов В.М.* Указ. соч. 457–470.

[566] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) иг. Серафиму (Покровскому) от 5 сентября 1825 г. // Письма киевскаго митрополита Евгения.... С. 96. В последние дни пребывания Александра I в Петербурге он подписал рескрипт, в котором говорилось: «Преосвященный митрополит Киевский и Галицкий Евгений! Я с удовольствием получил составленное вами описание Киево-Софийскаго древнейшаго в России собора и Киевской иерархии. Сей ваш труд вновь удостоверяет Меня, что вы, назидая в спасение паству вам вверенную, споспешествуете в то же время к распространению познаний церковной Нашей истории. Мне приятно изъявить вам за сие мою совершенную признательность и благоволение. Поручаю Себя молитвам вашим, пребываю вам благосклонный». См: Высочайший рескрипт митрополиту Киевскому и Галицкому. 28 августа 1825 г. № 127 // Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной Его Императорскаго Величества канцелярии. Вып. 6. СПб., 1893. С. 135. В те же дни эта книга Евгения была поднесена сенатором Н. Н. Новосильцевым императрице Елизавете

кончине императора в Таганроге достигла столицы; Серафим и Евгений, как и другие члены Синода присягали сначала Константину Павловичу, а затем в 7 ч. 20 мин. 14 декабря 1825 г. общем присутствии Сената – Николаю Павловичу. В первом часу дня оба митрополита в сопровождении духовенства прибыли в придворную церковь, облачились в парадные богослужебные одеяния и ожидали появления императора и всего семейства для совершения благодарственного молебна. В 2 ч. 15 мин. в церковь явился генерал-адъютант Степан Степанович Стрекалов (1782–1856) и передал митр. Серафиму повеление государя без промедления следовать за ним. В поданный экипаж митрополита сели Серафим, Евгений и два диакона Прохор и Павел Ивановы, Стрекалов встал на запятки для того, чтобы обеспечить проезд кареты сквозь собравшиеся войска; Николаю I, едущему верхом в сопровождении генералов Иллариона Васильевича Васильчикова (1776–1847) и Александра Христофоровича Бенкендорфа (1782–1844) к Измайловскому полку, доложил об исполнении поручения. Митрополиты и диаконы вышли из кареты и в сопровождении генерала направились к восставшим. Бежавшие им навстречу люди сообщили о происходившем на Сенатской площади бунте и смертельном ранении генерала Михаила Андреевича Милорадовича (1771–1825). Серафим хотел вернуться и сесть в карету, но командовавший войсками император прислал Васильчикова, чтобы убедить митрополита идти к мятежникам, невзирая на угрозы. Как сообщал участник событий диакон Прохор Иванов, «генерал прискакал к карете митрополита и убедил, заклиная спасением России, будучи сам в слезах»[567]. Серафим повиновался желанию монарха и последовал на площадь в сопровождении двух диаконов, генерала Стрекалова и полицмейстера Лихачева (1775–1841). На глазах у Серафима Петром Григорьевичем Каховским (1797–1826) был застрелен полковник Николай Карлович Стюрлер (1784–1825), уговаривавший восставших солдат прекратить сопротивление. Со всех сторон до Серафима доносились разные крики: отговаривающие, предупреждающие об опасности, угрожающие. «И так с крестом стоял первосвятитель среди площади, – вспоминал очевидец, – и когда чрез полицмейстера

Алексеевне. См.: Письмо Н. Н. Новосильцева митр. Евгению (Болховитинову) от 2 сентября 1825 г. // НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238 (Коллекция Н.П. Лихачева). Оп. 2. Д. 136/3. № 14. Л. 1.

[567] Митрополит Серафим на Сенатской площади 14-го декабря 1825 г. // Исторический вестник. Т. XCIX. СПб., 1905. С. 168.

Лихачева вызван был митрополит Киевский Евгений из кареты, у коего народ оторвал палицу, удерживая, тогда оба иерарха, поговорив между собою, решились умереть за веру, отечество, царя; приложились все четверо к животворящему кресту, и первый митрополит Серафим, перекрестясь, стремительно бросился, имея в руках духовное оружие – крест, к мятежникам; за ним следовали митрополит Евгений и диаконы»[568]. Попытки увещевать мятежников были обречены: офицеры встретили митрополита обнаженными шпагами и обвинениями в нарушении присяги, данной Константину Павловичу. Когда митрополитов окружила толпа с ружьями, а над их головами были занесены шпаги, им пришлось поспешно удалиться в дыру в деревянном заборе, окружавшим перестраиваемый Исаакиевский собор. Близ Синего моста митрополиты взяли извозчиков и вернулись в Зимний дворец. Серафим прежде всего направился в кабинет императора, а Евгений – в церковь. После окончания восстания Николай I вернулся во дворец и в 6 ч. 20 мин. вечера состоялся молебен, сопровождавшийся всеобщими рыданиями. По его окончании митрополиты были отпущены из дворца[569].

Среди множества воспоминаний, посвященных восстанию на Сенатской площади, сохранилось только два свидетельства, прямо указывавших на участие митр. Евгения в попытке умиротворения мятежников. Наиболее полное изложение событий принадлежит их непосредственному участнику иподьякону Прохору Иванову[570]. Его версия произошедшего, изложенная в стиле героического сюжета, в основных чертах не расходится с другими свидетельствами очевидцев. В записках генерала-лейтенанта Владимира Ивановича Фелькнера (1805–1871), служившего в то время в лейб-гвардии саперном батальоне, принявшим сторону правительственных войск, этот эпизод восстания описан «по рассказам очевидцев» и является по сути сокращенным вариантом свидетельства иподьякона[571]. Оба источника показывают Евгения в гуще событий, не зависящих от его действий. Евгений оказался лицом к лицу с восставшими не потому,

---

[568] Там же.
[569] Там же. С. 168–171.
[570] Прохор Иванов находился при митр. Серафиме с 1814 г. За усердное служение своему архипастырю в опасных обстоятельствах 14 декабря 1825 г. он был награжден 600 р. и орденом св. Анны третьей степени. См.: Митрополит Серафим на Сенатской площади 14-го декабря 1825 г. // Исторический вестник. Т. XCIX. СПб., 1905. С. 167, 172.
[571] *Фелькнер В.И.* 14 декабря 1825 г.: Из записок генерал-лейтенанта В.И. Фелькнера // Русская старина. 1870. Т. II. С. 151, 154.

что верил в возможность воздействовать на них уговорами и призывами, скорее, он последовал за Серафимом, чтобы оказать ему требующуюся поддержку перед лицом смертельной угрозы. Совместно пережитые события укрепили их дальнейшее взаимное расположение.

«Крайне тяжко здешнее житие»[572], – сообщал Евгений Серафиму (Покровскому). Он стремился скорее покинуть Петербург, но разрешения не получал и вновь писал в Киев: «Дай Бог скорее к вам возвратиться... Но теперь остается еще хлопотный Сенатский суд не конченный. В самое беспокойное время мы здесь живем»[573]. Евгений упоминает здесь свое участие в работе Верховного уголовного суда над декабристами, учрежденного манифестом от 1 июня 1826 г.[574] От Синода в состав суда вошли оба митрополита и архиеп. Ярославский и Ростовский Авраам (Шумилин) (1761–1844). Персональный состав судей утверждался Николаем I из числа наиболее доверенных ему лиц, предложение заместителя председателя суда князя Алексея Борисовича Куракина (1759–1829) «умножить число духовных особ в суде»[575] не было поддержано императором из-за вероятности встретить в них противников смертной казни[576]. Оба митрополита, награжденные панагиями за попытку увещевания мятежников, оказались в стане приближенных к императору особ[577]. Разработанный Сперанским и утвержденный императором регламент суда ставил его членов в жесткие рамки и строго

---

[572] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) иг. Серафиму (Покровскому) от 22 мая 1826 г. // Письма киевскаго митрополита Евгения.... С. 118.

[573] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) иг. Серафиму (Покровскому) от 23 июня 1826 г. // Письма киевскаго митрополита Евгения.... С. 118–119.

[574] Манифест об учреждении Верховнаго Уголовнаго Суда для осуждения злоумышленников, открывшихся 14 декабря прошлаго 1825 г. № 381 // ПСЗРИ. Собр. второе. Т. 1. СПб., 1830. С. 514–515.

[575] *Федоров. В.А.* «Своей судьбой гордимся мы...». Следствие и суд над декабристами. М., 1988. С. 212.

[576] Состав суда в количестве 72 человек формировался из представителей «трех государственных сословий»: 18 членов Государственного совета, 36 – Сената, 3 – Синода, и 15 высших чиновников и военных. См.: *Федоров. В.А.* «Своей судьбой гордимся мы...». Следствие и суд над декабристами. М., 1988. С. 213–214; Восстание декабристов. Документы. Т. XVII. Дела верховного уголовного суда и Следственной комиссии. Под ред. акад. М.В. Нечкиной. М., 1980. С. 9. Персональный состав суда см.: *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903. С. 670–671.

[577] «Преосвященный митрополит Киевский Евгений! Обращая внимание Мое на служение ваше Церкви, Престолу и Отечеству, для котораго вы подвизались ныне в 14-й день декабря, когда подвергая жизнь свою опасности, разделяли оную вместе с преосвященным митрополитом Новгородским и С.-Петербургским Серафимом, справедливым почитаю изъявить вам за то Мою признательность. В ознаменование оной жалую вам украшенную драгоценными камнями панагию. Пребываю вам доброжелательным Николай». См.: Высочайший рескрипт от 25 декабря 1825 г. // *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Словарь русских светских писателей... С. 4; Митрополит Серафим на Сенатской площади 14-го декабря 1825 г. // Исторический вестник. Т. XCIX. СПб., 1905. С. 171.

ограничивал их в возможности изъявления собственного мнения и оказания существенного влияния на судьбу обвиняемых[578].

Первое заседание Верховного уголовного суда открылось 3 июня 1826 г. в десять часов утра в доме присутствия правительствующего Сената[579]. На этом и последующих заседаниях 4–7 июня судом были заслушаны материалы следственной комиссии, в т. ч. доклад, «в коем описаны свойства, намерения и действия открытых в России злоумышленных тайных обществ», список обвиняемых, а также 121 записку о лицах, «к упомянутым злодеяниям причастных»[580]. 4 июня 1826 г. членам суда были представлены 32 записки, среди которых было краткое изложение вины отставного подполковника, автора исторических сочинений Владимира Ивановича Штейнгеля (1783–1862). В ходе следствия 30 апреля 1826 г. он показал, что по просьбе Кондратия Федоровича Рылеева (1705–1826), искавшего среди членов московского купечества людей, «которые могли бы быть полезны пособиями и приуготовлением других из своего сословия к свободным правилам», порекомендовал ему известного типографщика Селивановского, бывшего «пообразованнее других», тем более, что он «и без приема в общество содействует оному изданием книг, к распространению свободных понятий служащих»[581]. Штейнгель сообщил Рылееву, что Селивановский, «желая способствовать к развитию просвещения и свободомыслия изданием книг... занимается изданием Энциклопедического словаря, который не что иное есть, как перевод известной книги “Conversations Lexicon”, с выпусками статей, не могущих выдержать цензуры, и с прибавлением статей о России», а также то, что издатель говорил о себе, что «будто бы очищением своих понятий, как обычно говорится, от предрассудков, он обязан нынешнему киевскому митрополиту», который и посоветовал, как обойти возможный цензурный запрет этой публикации[582]. 10 мая 1826 г. у Селивановского был произведен обыск, в результате которого были изъяты все

[578] Восстание декабристов... Т. XVII. С. 10.
[579] Восстание декабристов... Т. XVII. С. 71. Сенат в то время занимал бывший дворец А.П. Бестужева на Каменном острове. См.: История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911. СПб., 1911. Т. 5. С. 13–14, 19.
[580] [1-й протокол заседания Верховного уголовного суда от 3 июня 1826 г.] // ВД. С. 75.
[581] Следственное дело В.И. Штейнгеля // Восстание декабристов. Документы. Т. 14. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии. Под. ред. акад. М.В. Нечкиной. М., 1976. С. 166.
[582] Там же. С. 171.

материалы, а также прошедшие цензуру первые три тома энциклопедии. Книгоиздатель попал под секретный полицейский надзор[583]. В материалах дела об обыске Селивановского ответственность за решение о судьбе издания возлагается на самого типографа, принявшего совет Штейнгеля о необходимости продолжить работу над «полезным сочинением». Действия митр. Евгения, предостерегавшего своего давнего приятеля от издания энциклопедии своим неблагоприятным отзывом о немецком оригинале, с которого осуществлялся ее перевод, не оставляли сомнений в его благонадежности. Не вызвало подозрений следствия и его знакомство со Штейнгелем, которого Селивановский, «восхваляя качества сего последнего, называл... своим почтенным другом» и рекомендовал «в милость и расположение митрополита»[584]. Об участии Евгения в этом деле известно только из следственных материалов, указанные в них письма Евгения Селивановскому от 16 и 28 июля 1825 г. утрачены[585]. Упоминание в следственном деле Штейнгеля и деле об обыске Селивановского обошлось для Евгения без видимых последствий, но, несомненно, скрытный и осторожный Евгений испытывал тревогу, когда писал Серафиму Покровскому: «Остерегитесь, да и сами всегда на своих рапортах выставляйте номер и ничего кроме по должности не пишите. Ныне всех подозревают. Времена опасныя»[586].

Как члены суда митрополиты участвовали в формировании Разрядной комиссии, высказавшись за то, чтобы в ее состав вошли представители всех «сословий» судий, в том числе и представители Синода, но при голосовании остались в меньшинстве[587]. Ознакомившись с донесением Разрядной комиссии, в котором были показаны принципы разделения подсудимых на разряды, церковные иерархи присоединили свои голоса к числу судей, предлагавших утвердить четыре разряда, а не одиннадцать, как предлагалось Комиссией, но это предложение не нашло широкой поддержки и не было

---

[583] Дело об обысках в Москве Селивановского Семена, владельца типографии, и мещанина Котельникова Петра // ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 265. Ч. 1. Л. 8.

[584] Там же. Л. 12 а–12 а об.

[585] См.: Письма Е.А. Болховитинова к С.И. Селивановскому // Библиографические записки. 1859. № 3. С. 65–79; РГАДА. Ф. 345 (Селивановский С. И.). Оп. 1. Д. 4. Л. 1–20 а.

[586] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) иг. Серафиму (Покровскому) от 10 февраля 1826 г. // Письма киевскаго митрополита Евгения.... С. 115.

[587] [6-й протокол заседания Верховного уголовного суда от 10 июня 1826 г.] // Восстание декабристов... Т. XVII. С. 93–94.

принято[588]. Трем членам Синода предстояло участие в определении меры наказания восставших. Они поддержали решение большинства о четвертовании подсудимых вне разрядов и о смертной казни для обвиняемых первого и второго разряда. Этот протокол члены Синода не подписали, хотя в голосовании и участвовали[589]. Они выступали за смертную казнь для подсудимых третьего разряда и политическую смерть с отсылкою в работу за преступления четвертого разряда, что было более суровым, чем принятое судом наказание. В определении меры наказания для обвиняемых, отнесенных к остальным разрядам, церковные иерархи придерживались мнения, близкого к принятому большинством. Участвовавшие в голосовании по этим вопросам члены Синода не поставили свои подписи под решением суда[590].

На заседаниях 30 июня – 5 июля, где рассматривались поименные наказания осужденным по другим разрядам, а также был вынесен общий приговор подсудимым, синодальные не присутствовали. Вместо этого они подали заявление о том, что они как лица духовного чина не могут подписать приговор, осуждающий на смерть[591]. Составленное Сперанским и написанное под его диктовку заявление не снимало с церковных иерархов тяжести участия в вынесении смертного приговора восставшим. Возможно, у них оставалась надежда на облегчение участи осужденных императором, являвшимся верховным и единственным полномочным судьей[592]. Указ-конфирмация

---

[588] [8-й протокол заседания Верховного уголовного суда от 28 июня 1826 г.] // Восстание декабристов... Т. XVII. С. 142–143; [9-й протокол заседания Верховного уголовного суда от 29 июня 1826 г.] // Восстание декабристов... Т. XVII. С. 143–145.

[589] Там же.

[590] [9-й протокол заседания Верховного уголовного суда от 29 июня 1826 г.] // Восстание декабристов... Т. XVII. С. 146–153.

[591] «1826 года июля 5 дня нижеподписавшиеся святейшего Синода члены, слушав в Верховном уголовном суде следствие о государственных преступниках Пестеле, Рылееве и других их сообщниках, умышлявших на цареубийство и введение в России республиканского правления, и видя собственное их во всем признание и совершенное обличение, согласуемся, что сии государственные преступники достойны жесточайшей казни, а следовательно, какая будет сентенция, от той не отрицаемся; но поелику мы духовного чина, то к подписанию сентенции приступить не можем. Серафим, митрополит Новгородский и Петербургский, Евгений, митрополит Киевский и Галицкий, Авраам, архиепископ Ярославский и Ростовский». См.: [Заявление членов Верховного уголовного суда митрополитов Новгородского и Петербургского Серафима, Киевского и Галицкого Евгения и архиепископа Ярославского и Ростовского Авраама от 5 июля 1826 г.] // Восстание декабристов... Т. XVII. С. 214.

[592] *Федоров. В.А.* «Своей судьбой гордимся мы...»... С. 213–214.

последовал 10 июля и был доведен до сведения суда 11 июля, но смертный приговор в нем остался[593].

Положение судей накладывало на церковных иерархов обязанность участия в оглашении приговора. 12 июля 1826 г. в 12 часов утра в доме коменданта Петропавловской крепости открылось заключительное заседание суда. Декабрист Николай Иванович Лорер (1794–1873) впоследствии вспоминал: «Глазам нашим представилось необыкновенное зрелище. Огромный стол, накрытый красным сукном, стоял покоем. В середине его сидели четыре митрополита, а по фаса[да]м Государственный совет и генералитет. Кругом всего этого на лавках, стульях амфитеатром – сенаторы в красных мундирах. На пюпитре лежала какая-то огромная книга, при книге стоял чиновник, при чиновнике сам министр юстиции к[н]. Лобанов-Ростовский. Все были en grand gala (при полном параде - фр.), и нас поставили в шеренгу, лицом к ним»[594]. Лорер отметил торжественность обстановки, в которой происходило оглашение приговора, при этом допустил неточность. В зале присутствовали только члены суда, осужденные вводились по разрядам под охраной, а значит за столом могли сидеть только два митрополита – Серафим и Евгений – и архиепископ Авраам. Участие представителей Синода в этом действии стало отсылкой к политическим процессам XVIII в.[595]

14 июля, на следующий день после приведения смертельного приговора в исполнение, на Сенатской площади был совершен «очистительный» молебен с участием императорской четы, войск и всего Синода и литургия с поминовением жертв 14 декабря[596].

В обстановке всеобщего потрясения, переживаемого столичными жителями после казни декабристов[597], митрополиты Серафим и Евгений занимались сборами в Москву,

---

[593] Указ Верховному уголовному суду // Восстание декабристов... Т. XVII. С. 244–246; [21-й протокол вечернего заседания Верховного уголовного суда от 11 июля 1826 г.] // Там же. С. 247.
[594] *Лорер Н.И.* Записки моего времени. Воспоминания о прошлом // Мемуары декабристов. М., 1988. С. 380.
[595] *Федоров. В.А.* «Своей судьбой гордимся мы...»... С. 214–215, 254.
[596] Митрополит Серафим на Сенатской площади 14-го декабря 1825 г. // Исторический вестник. Т. XCIX. СПб., 1905. С. 171; *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903. С. 456; *Федоров. В.А.* «Своей судьбой гордимся мы...»... С. 270.
[597] *Федоров. В.А.* «Своей судьбой гордимся мы...»... С. 271–273.

где планировались коронационные торжества[598]. 14 июля Евгений сообщал Серафиму (Покровскому): «Я совсем собираюсь уже ехать в Москву... Между тем молитесь Богу, чтобы он совершенно возвратил нас к вам. Нет сил здесь жить и все [со]скучились... Сегодня я выезжаю в Москву»[599]. По прибытии он писал своему казначею: «Не известно, сколько мы здесь пробудем, а вероятно весь август... Я еще не просился в Киев, да и нельзя до коронации. Между тем покупаю новыя повозки и починиваю карету. Если Бог даст – увидите меня, то заметите во мне большую перемену. Много и похудел, и поседел. Но, слава Богу, силы еще не упали для киевских трудов. Помолитесь о мне... В Москву приехали мы 20 июля. Итак теперь уже 10 дней гостим. А ежедневно и гости надокучают, как в Петербурге. У вас покойнее»[600].

22 августа (3 сентября) 1826 г. состоялась коронация Николая I. Обряд венчания совершал митр. Серафим при содействии митр. Евгения и митр. Московского Филарета[601]. Евгений произнес приветственную речь, в которой проводилась идея единства монарха со своими подданными. Он говорил: «Да будет таинственное действие венчания и помазания Твоего... печатью любви, соединяющей Тебя с верными Твоими подданными, коих счастье признаешь сам Ты единою целью Твоих мыслей, исполнением желаний, наградою трудов и верховною Твоею обязанностью перед Царем Царствующих»[602]. Эти слова созвучны тем, что Николай I провозгласил в своем манифесте от 13 июля 1826 г., подводящем итог следствию и суду над декабристами. В нем сказано: «Все состояния да соединятся в доверии к Правительству. В Государстве, где любовь к Монархам и преданность Престолу основаны на природных свойствах народа... каждый может быть уверен в непоколебимости порядка, безопасность и собственность его хранящего, и спокойный в настоящем, может презирать с надеждою в будущее... ибо Мы не имеем, не можем иметь других желаний, как видеть Отечество

---

[598] Распоряжения Святейшаго Синода по случаю отбытия в Москву к торжеству Священнаго Коронования и о составе временной С.-Петербургской Синодальной конторы от 7 июля 1826 г. № 64 // Распоряжения Сенату в царствование Николая I. С. 77–78.

[599] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) иг. Серафиму (Покровскому) от 14 июля 1826 г. // Письма киевскаго митрополита Евгения.... С. 121.

[600] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) иг. Серафиму (Покровскому) от 30 июля 1826 г. // Письма киевскаго митрополита Евгения.... С. 121–123.

[601] *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1903. С. 6.

[602] Речь, сказанная Евгением, Киевским митрополитом // РГБ ОР Ф. 214 (Оптина пустынь). Д. 148. Л. 137 об.–138 об.

Наше на самой высшей степени счастия и славы, Провидением ему предопределенной»[603]. В речи Евгения нет напоминаний о трагических событиях начала царствования, свидетелем и невольным участником которых он стал. В своей автобиографии Евгений также их не указал. Все пребывание Евгения в Петербурге и Синоде уместилось в несколько строк: «В 1824 г. по именному Указу, состоявшемуся декабря 19, вызван для присутствия в Св. Синоде и 25 февраля 1825 г. определен членом Комиссии духовных училищ, а 14 марта членом Секретнаго комитета о раскольниках. В 1826 г августа 22 при коронации Государя Императора Николая Павловича пожалован Орденом Св. апостола Андрея, в Москве»[604].

В то же время, высвобождая редкие часы от синодальных и государственных забот, поглощавших его силы, Евгений наполнял их встречами с давними знакомыми в Петербурге и Москве, работой в библиотеке Румянцева, перепиской научного характера и заботой об оставленной епархии, академии, лаврской типографии, о судьбе прерванных археологических раскопок и начавшихся работ по возобновлению Десятинной церкви[605].

---

[603] Манифест о совершении приговора над Государственными преступниками. Июля 13. 1826. № 465 // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. I. СПб., 1830. С. 773–774.

[604] *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Биография Евгения митрополита Киевскаго 1835 г. // *[Евгений (Болховитинов), митр.]*. Словарь русских светских писателей... С. 3–4. секретный комитет по делам о раскольниках и отступниках был создан высочайшим повелением № 447 от 14 марта 1825 г. в составе: митр. Киевский Евгений, министр народного просвещения Шишков, управитель делами камер-юнкер коллежский советник Павлов. См.: Извлечения из распоряжений по делам о раскольниках при императоре Николае и Александре II. Лейпциг, 1882. С. 3–4.

[605] См: Письмо митр. Евгения (Болховитинова) С.И. Селивановскому от 28 августа 1826 г. // РГБ ОР. Ф 291. К. 2249. Д. 14. Л. 1;Письмо гр. Н. П. Румянцева И.И. Григоровичу от 9 сентября 1825 г. // Чтения ОИДР. 1864. № 2. С. 60–61: Письмо гр. Н. П. Румянцева И. И. Григоровичу от 29 сентября 1825 г. // Чтения ОИДР. 1864. № 2. С. 62; Письмо А.Н. Оленина митр. Евгению (Болховитинову) от 11 октября 1825 г. // РНБ ОР. Ф. 542 (Оленины). Д. 95. Л. 12–13 об.; Письмо митр. Евгения (Болховитинова) А.Н. Оленину от 16 октября 1825 г. // РНБ ОР. Ф. 542 (Оленины). Д. 211. Л. 10–11;Письмо митр. Евгения (Болховитинова М.П. Погодину от 3 декабря 1826 г. // НИИ СПб ИИ РАН. Ф 238. Коллекция Н.П. Лихачева. Оп. 2. Д. 136/5. Л. 5; Из писем митрополита Евгения Болховитинова в Дерпт к профессору В.М. Перевощикову // Русский архив. 1890. Вып. 12. С. 444–445; Письма Евгения, Киевского митрополита (Болховитинова Е. А.) к В.М. Перевощикову //РГАЛИ. Ф. 46 (В. М. Перевощиков). Оп. 4. Д. 2. Л. 60 об.–64; Письма митрополита Киевского Евгения к протоиерею И.И. Григоровичу // Чтения в ОИДР. 1864. № 2. С. 91–92; Четыре письма митрополита Киевскаго Евгения к ректору Киевской академии архимандриту Мелетию // Киевская старина. 1883. Т. VI. С. 310–316, 1884. Т. VIII. С. 298–304; Письма митр. Евгения к типографу свящ. Вениамину // РГАЛИ. Ф. 402 (С.И. Пономарев). Оп. 1. Д. 552. Л. 2–7 об.

Сразу после коронации Евгений стал отпрашиваться в Киев, но безрезультатно[606]. В начале сентября он писал Серафиму (Покровскому): «Судьба еще отсрочивает мое к вам возвращение. Государь повелел мне еще возвратиться в Петербург для продолжения служения до Новаго года, а после Новаго года обещал уволить в епархию. Итак, потерпите еще 4 месяца»[607]. 15 сентября Евгений вернулся в Петербург и последние месяцы столичной жизни посвятил подготовке к отъезду. Его письма киевскому казначею содержат множество хозяйственных распоряжений. Наконец 12 января 1827 г. он сообщил Серафиму: «Сейчас получил я высочайшее позволение отъехать в Киев. В воскресенье буду Государю откланиваться, а на следующей неделе выеду»[608].

Последние годы жизни Евгения в Киеве. В конце января 1827 г. после двухлетнего отсутствия Евгений прибыл в Киев. Отголоском тревожных петербургских событий, пережитых Евгением, стало взятие по требованию Синода подписки об обязательствах чиновников дикастерии, духовных правлений, а также вышних и нижних духовных училищ Киевской епархии в том, что «они ни к каким тайным обществам не принадлежали и впредь, под каким бы они названием ни существовали, принадлежать не будут»[609]. Уверение местных властей о лояльности киевского духовенства центральному правительству вскоре оказалось востребованным. В 1830–1831 г. территория епархии была охвачена польским восстанием. Мятежные шляхтичи стремились вовлечь в вооруженную борьбу крестьянское население. Роль епархиального духовенства состояла в разъяснении пастве опасности участия в антиправительственных действиях и предотвращении замыслов повстанцев, создававших вооруженные отряды из числа сочувствующих крестьян. Митр. Евгений получал соответствующие донесения от уездных протоиереев и пересылал их главнокомандующему 1-ой армии Фабиану Вильгельмовичу Остен-Сакену (1752–1837),

---

[606] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) иг. Серафиму (Покровскому) от 31 августа 1826 г. // Письма киевскаго митрополита Евгения.... С. 124; Письмо митр. Евгения (Болховитинова) иг. Серафиму (Покровскому) от 3 сентября 1826 г. // Письма киевскаго митрополита Евгения.... С. 125.

[607] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) иг. Серафиму (Покровскому) от 7 сентября 1826 г. // Письма киевскаго митрополита Евгения.... С. 125.

[608] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) иг. Серафиму (Покровскому) от 12 января 1827 г. // Письма киевскаго митрополита Евгения.... С. 139.

[609] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) обер-прокурору Святейшего синода кн. П.С. Мещерскому от 30 апреля 1827 г. // *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Указ. соч. С. 293.

принимавшему военные решения[610]. По распоряжению Евгения монастырские и церковные сооружения Киева были подготовлены к обороне и размещению военных подразделений и пострадавших, среди которых было много больных холерой[611].

В июле 1831 г. Евгений писал Снегиреву: «В нашей губернии мятежи все прекращены и более 600 мятежников заключены в нашей крепости и судятся. Военныя вести к нам доходят скорее, нежели до вас и даже до Петербурга. Действий еще нет, но наши уже готовятся в двух пунктах переходить за Вислу. В Варшаве контрреволюция и многие генералы и граждане уже заарестованы поляками. При всем напряжении они уже не надеются устоять. Клуб патриотический, в котором Лелевель оракулом, в подозрении уже у варшавцев»[612]. Участие в восстании польского историка Иоахима Лелевеля (1786–1861), особенно огорчало Евгения. Его книги, в том числе подготовленное им издание «Истории польского народа» Адама Тадеуша Станислава Нарушевича (1733–1796) могли стать недоступными для ученого-архиерея. «Тут и польские книги покупать опасно»[613], – сокрушался Евгений. Угроза прерывания имевшихся научных связей с польскими учеными заботила митр. Евгения. Он хорошо знал польский язык, что позволяло ему изучать источники по истории юго-западнаго края, общаться с польским филологом Самуилом Богумилом Линде (1771–1847) и нумизматом бароном Станиславом Ивановичем Шодуаром (1790–1858). Евгений способствовал изучению польского языка в духовных учебных заведениях епархии, для чего во время своего пребывания в столице и работы в Комиссии Духовных училищ испросил ее разрешение на открытие соответствующих языковых кафедр в Киевской академии и некоторых семинариях. В своих исторических исследованиях он неоднократно привлекал различные сведения из сочинений Лелевеля, Нарушевича, И.Б. Раковецкого и других польских авторов[614].

---

[610] *Карпов С.М.* Указ. соч. С. 135–138.

[611] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) обер-прокурору Святейшего синода кн. П.С. Мещерскому от 6 июня 1831 г. // *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Указ. соч. С. 294.

[612] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) И.М. Снегиреву от 8 июля 1831 г. // Старина русской земли. Исследования и статьи И. Снегирева. СПб., 1871. С. 119.

[613] Письмо митр. Евгения В.Г. Анастасевичу от 13 декабря 1830 г. // РГБ ОР. Ф. 8. К. 1. Д. 38. Л. 3.

[614] Лобойко вспоминал о митр. Евгении: «Он охотно обращался с поляками, а особливо с учеными. Когда он принимал их по-свойски, он обыкновенно просил их называть ему новые книги; но едва только упомянули они о каком-либо достойном уважения сочинении, которого они еще и сами не успели видеть, он снимал его с полки и

Еще большую заботу митрополита вызывало положение епархиального духовенства, подвергавшегося преследованиям со стороны мятежного польского дворянства, и разрушения церковных зданий, сопровождавшиеся утратой церковного имущества. Последствия польского восстания, сказавшиеся в усилении инославного влияния в епархии и ухудшении жизни крестьян так и не были преодолены несмотря на меры, инициированные Евгением, и привлечение к их реализации губернской гражданской власти[615].

Несмотря на политические события и административные заботы Евгений не ослаблял своего внимания к воспитанию духовного юношества своей епархии. Митр. Евгений непосредственно соприкасался с учебным процессом в КДА (Киевской духовной академии), посещал занятия, общался со студентами и преподавателями, часто не только определял темы для выпускных сочинений, но и рекомендовал источники, давал книги из своей библиотеки или указывал на академическую, которая при нем обзавелась каталогом и значительно пополнилась. Главной задачей развития Академии митр. Евгений считал формирование научного направления ее деятельности. В 1823 г. по заданию Комиссии духовных училищ Евгений провел ревизию КДА, по результатам которой испросил повеления Комиссии «открыть академическую конференцию во всех частях с цензурным комитетом»[616]. Первое ученое общество в Киеве открылось 18 декабря того же года в день рождения архиерея и под его председательством, почетными его членами стали члены Комиссии Духовных училищ, а действительными – руководители духовных школ. Ученое общество должно было не только проявлять заботу о духовном образовании, но заниматься систематическим производством научных трудов: сочинением, цензурированием, изданием в типографии Киево-

показывал. Невозможно было, сказывали мне многие поляки, что-либо придумать, чего бы у митрополита уже не было. Прежде служил я ему указанием и присылами из Вильны польских книг, но потом он вошел в непосредственное сношение с варшавскими и львовскими книгопродавцами». См.: *Лобойко И.Н.* Мои воспоминания. Мои записки. М., 2013. С. 86–87. См. также: Письмо архиеп. Евгения В.Г. Анастасевичу от 6 января 1814 г. Древняя и Новая Россия. 1880. № 10. С. 338, 340; Письмо митр. Евгения (Болховитинова) С. И. Шодуару от 9 января 1837 г. // *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Указ. соч. С. 308–309. О книгах польских авторов в библиотеке Евгения см: *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Указ. соч. С. 104, 122, 140, 149.

[615] *Карпов С.М.* Указ. соч. С. 139–144.

[616] *Титов Ф.И.* Очерки из истории Киевской Духовной академии // Труды КДА. 1897. № 10. С. 196.

Печерской лавры. Первым сочинением академической конференции стала работа самого Евгения[617]. Дальнейшими трудами конференции стали, в основном, переводы[618].

По своему обыкновению митр. Евгений вникал во все детали образовательного процесса в духовных школах: от содержания программ и обеспечения пособиями до состояния учебных и жилых помещений и питания воспитанников[619]. Особое внимание Евгений уделял нравственности учащих и учащихся, что нередко осложняло его отношения как с преподавателями, замеченными в неблаговидных поступках, так и с ректорами, покрывавшими провинившихся[620]. Наиболее доверительные отношения сложились у митр. Евгения с архим. Иннокентием (Борисовым) (1800–1857), служившим ректором КДА в 1830–1839 гг., разделявшим его интерес к науке и внедрявшем исторические материалы в курс читаемого им богословия[621].

С особым вниманием Евгений следил за развитием церковно-исторического направления научных исследований. По завещанию канцлера Румянцева из его средств три тысячи рублей ассигнациями были положены в Петербургский опекунский совет, ежегодные проценты от которых шли на премию тем студентам, которые писали наиболее удавшиеся сочинения по русской истории. В 1833 г. Евгений удвоил эту сумму за счет собственных средств, а спустя три года протекторат академии присоединил к ней еще четыре тысячи рублей, с целью побудить воспитанников академии к историческим изысканиям[622]. Евгений сам определял темы, предлагал программу исследования, подбирал необходимые источники и литературу[623]. Так например, в 1832 г. из четырех сочинений только одно касалось исторического сюжета: исследование о времени

---

[617] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Описание Киево-Софийского собора и киевской иерархии с присовокуплением разных граммат и выписок, объясняющих оное, также планов и фасадов константинопольской и киевской софийской церкви и ярославова надгробия. Киев, 1825.

[618] *Малышевский И.И.* Деятельность митрополита Евгения в звании председателя конференции Киевской Духовной Академии // Труды КДА. 1867. Ч. IV. С. 568–650.

[619] *Карпов С.М.* Указ. соч. С. 209–211; Воспоминания и автобиография одесскаго протоиерея Николая Ивановича Соколова... С. 184.

[620] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) архим. Мелетию (Леонтовичу) от 7 марта 1825 г. // Киевская старина. 1883. № 6. С. 311–312; Письмо митр. Евгения (Болховитинова) архим. Мелетию (Леонтовичу) от 19 сентября 1825 г. // Киевская старина. 1884. № 2. С. 299; Булашев Г. Ириней Фальковский, коадъюнкт Киевский // Киевская старина. 1883. № 4. С. 76, № 8. С. 715–716; *Карпов С.М.* Указ. соч. С. 219–223.

[621] *Карпов С.М.* Указ. соч. С. 223–225.

[622] *Карпов С.М.* Указ. соч. С. 212–213, 225–226.

[623] Воспоминания и автобиография одесскаго протоиерея Николая Ивановича Соколова // Киевская старина. 1906. Т. 94. Кн. 2. Октябрь. С. 182. С. 160–161, 177–178.

крещения княгини Ольги, и оно было удостоено румянцевской премии[624]. Автор этого сочинения прот. Николай Иванович Соколов (1805–1891) впоследствии вспоминал о своей работе над этим исследованием и том, как митр. Евгений следил за постановкой преподавания истории в академии[625]. Соколов с другими лауреатами Румянцевской премии Косьмой Федоровичем Спасским (?–?) и Иваном Петровичем Максимовичем (1807–1861) в период подготовки своих сочинений не только работали в академической библиотеке, но и проводили время в археологических экскурсиях. «Так с Максимовичем и Спасским, – писал Соколов, – я вылазил все закоулки Киево-Софийскаго Собора; к этому поводом послужил трактат митроп. Евгения о Софийском Соборе; ходил по лаврским пещерам уже не как богомолец, а как турист и археолог»[626]. Евгений прививал студентам академии навыки комплексного источниковедческого анализа. Обрабатывая массив письменных источников, они делали выводы о возможном местонахождении древних памятников, предваряя, таким образом археологические работы по их раскрытию.

Стремление Евгения придать изучению киевских древностей целенаправленный научный характер натолкнулось на сопротивление археолога-любителя Лохвицкого, который, заручившись поддержкой Остен-Сакена и недавно назначенного киевского военного губернатора Левашова, начал весной 1832 г. археологические раскопки вблизи

---

[624] Исследование о времени крещения Российской Великой княгини Ольги за награду, установленную покойным канцлером, графом Николаем Петровичем Румянцевым, сочиненное Киевской Духовной Академии студентом Николаем Соколовым // Опыты упражнений воспитанников Киевской Духовной Академии пятого учебнаго курса. Т. I. Киев, 1832. С. 385–417. О других исторических работах студентов Академии см.: *Карпов С.М.* Указ. соч. С. 212–216. Список лауреатов Румянцевской премии см.: *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Указ. соч. С. 708–710.

[625] «При переходе из младшего отделения в старшее был экзамен в конгрегационной зале. Спрашивали по предмету истории. Мне достался вопрос о царствовании Анны Иоанновны. Гранников (профессор КДА, преподававший историю – *М.К.*), прошел только до Екатерины I, а в программе показал, что пройдено до Отечественной войны включительно. Но мне как раз перед этим пришлось прочитать, не помню где, о царствовании Анны, кажется у Щербатова. Я начал говорить несколько подробно. На слове, что ограничение самодержавной власти сделано помимо духовенства, митрополит Евгений прервал меня, начав говорить такия подробности, какия известны были ему только из рукописей. Ректор стал объяснять митрополиту, что 18-й век и начало 19-го не повторено воспитанниками. – "А эти века нужнее, чем древние", – сказал митрополит Евгений. – Взглянув на последнюю статью программы он продолжал: "Вот Отечественная война, они ее не помнят, а как надобно бы знать! Ну, что вы можете сказать об этом великом событии? ", – обратился он ко мне. – Я приосанился и начал рассказывать, что недавно читал в журнале Глинки или Качановскаго. – Митрополит сказал: "Хорошо, хорошо, что любите историю". – Тогда и Гранников согласился поставить меня четвертым во 2-м разряде». См.: Воспоминания и автобиография одесскаго протоиерея Николая Ивановича Соколова // Киевская старина. 1906. Т. 94. Кн. 2. Октябрь. С. 182. С. 160–161.

[626] Воспоминания и автобиография одесскаго протоиерея Николая Ивановича Соколова... С. 182.

Андреевской церкви, рассчитывая обрести Крест апостола Андрея Первозванного, по преданию, установленный на Киевских горах. Попытки митрополита пресечь бурную деятельность Лохвицкого, выдававшего найденные им остатки хозяйственных построек за христианские святыни, и перенаправить его силы на раскопки Золотых ворот, Ильинской и Ирининской церквей, предполагаемые места расположения которых были установлены по письменным источникам, не привели к желаемому результату. Лохвицкий вел работы на нескольких объектах одновременно, приписывая себе все заслуги по раскрытию памятников и распоряжаясь находками по собственному усмотрению. Конфликт с Лохвицким побудил Евгения к поискам инструмента, способного упорядочить стихийные археологические раскопки[627].

15 июля 1834 г. состоялось торжественное открытие университета св. Владимира, ставшее важным событием для Киева. Первый ректор нового высшего учебного заведения Михаил Александрович Максимович (1804–1873) впоследствии вспоминал об этом событии: «С любопытством глядел я на многочисленную парадную публику, из четырех губерний собранную. Во главе ея был митрополит Евгений, благословивший открытие новаго всеучилища. Как он прекрасен был в своей величавой простоте! Об руку с ним красовался ближайший друг его в Киеве, престарелый герой двенадцатого года, фельдмаршал Сакен. Им обоим подносил я дипломы на звание первых почетных членов университета»[628]. Сохранилось свидетельство Максимовича о живом участии Евгения в жизни университета и его научных контактах[629].

---

[627] *Ананьева Т.Б.* Производство знаний о киевских древностях в начале XIX в.: протагонисты и статисты // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Інститут української археографії та джерелознавства им. М. С. Грушевского НАН Україны. Т. 19. Кн. 1. Київ, 2009. С. 603–630.

[628] Письмо М. А. Максимовича М. Н. Погодину [б/д] // *Максимович М.А.* Письма о Киеве. М., 1869. С. 8. См. также: Письмо митр. Евгения (Болховитинова) В.М. Перевощикову от 1 сентября 1834 г. // Русский архив. 1890. Вып. 12. С. 447.

[629] «О научном богатстве, бывшем под рукою Евгения, и я – живой свидетель. Поступив в 1834 году на кафедру русской словесности в новом университете, я имел счастие пользоваться беседами многознающего Евгения и видеть его любовь к распространению знания. В каком бы памятнике ни представлялась надобность для моих лекций, я находил у него немедленно готовое пособие. Где бы кроме его я мог достать, например, Хождение Даниилово, в то время еще неизданное? Приходилось ли читать о Феодосии печерском: Евгений сообщал мне послание к Изяславу, переписанное для него рукою Востокова. Пришлось говорить о мнимых гимнах Бояна, будто бы славянскими рунами писанных: Евгений вынес мне рукопись, полученную им от самого выдумщика тех гимнов Селакадзия. Бывая у незабвеннаго владыки обыкновенно вечером с шести часов, я встресался там только с бароном Шодуаром, который подобно мне пользовался его ученым пособием по предмету своих ученых занятий

В 1835 г. по инициативе митр. Евгения на базе университета был создан Временный комитет по изысканию древностей, в задачи которого входили организация и контроль за деятельностью по раскрытию древних киевских памятников[630]. Евгений был недоволен тем, что работа комитета разворачивалась очень медленно. «Об учреждении у нас исторического общества и слуху нет, а только учрежден министром у нас комитет об отыскании древностей, но и к этому еще не приступали, – писал он Мурзакевичу спустя три месяца после начала работы комитета. – Говорят, что зимою нельзя. Но будут ли отыскивать и летом? Жатва многа, а делателей мало»[631]. Весной 1836 г. он вновь жаловался Мурзакевичу на нерасторопность и неповоротливость комитета: «Наша Комиссия об отыскании киевских древностей спит беспробудным сном, да и не умеет приняться, а о заведении исторического общества и слуху нет. Ваше одесское предварит его. Но у вас нет русских древностей»[632].

Основной темой научного общения Мурзакевича и митр. Евгения были археологические находки, найденные в Крыму. Еще в 1822 г. Евгений опубликовал археолого-топографическую карту Херсонеса 1786 г., полученную им от ее автора географа и путешественника академика Карла Ивановича Габлица (1752–1821), заложив таким образом основу для последующих археологических исследований Крыма[633]. Молодой историк и археолог, преподаватель Ришельевского лицея Мурзакевич изучал древние греческие монеты, надписи и предметы, найденные на полуострове. Идеей об организации одесского общества истории и древностей для изучения большого числа

по нумизматике». См.: Письмо М.А. Максимовича П.Г. Лебединцеву от 6 февраля 1868 г. // *Максимович М.А.* Указ. соч. С. 79–80.

[630] *Ананьева Т.Б.* Евгений Болховитинов и изучение киевских древностей... С. 59; С. *Ананьева Т.Б.* «Дабы сии древности были в Киевском музеуме»: к истории создания Музея древностейУниверситета Святого Владимира // Opus Mixtum. 2017. № 5. С. 63–65.

[631] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) Н.Н. Мурзакевичу от. 13 февраля 1836 г. // Киевские епархиальные ведомости. 1868. № 10. С. 377–380.

[632] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) Н.Н. Мурзакевичу от. 6 апреля 1836 г. // Киевские епархиальные ведомости. 1868. № 10. С. 382.

[633] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* О следах древнего греческого города Херсона, доные видимых в Крыму // Отечественные записки. Ч. 9. Кн. 22. СПб., 1822. С. 145–163; *[Евгений (Болховитинов), митр.]* О следах древнего греческого города Херсона, доные видимых в Крыму// Труды и летописи ОИДР, учрежденнаго при Императорском Московском университете. Ч. IV. Кн. I. М., 1828. С. 102–115; *Зедгенидзе А.А.* Митрополит Евгений (Болховитинов) и начало исследования Херсонеса Таврического // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. Т. XI. М., 2015. С. 61.

находок Мурзакевич поделился с митр. Евгением, поддержавшим эту инициативу. Однако более важным для Евгения было изучение русских древностей, для чего было необходимо организовать русское историческое общество в Киеве. «Мы с Максимовичем весьма желаем переселить вас в Киев, – писал Евгений.– Здесь вы сделались бы и редактором журнала, и основателем русскаго историческаго общества, о чем здешние ученые и не думают, да и не умеют приняться. Комитет древностей только описал, что прежде его открыто, а сам ничего не открыл»[634]. За неделю до своей кончины Евгений не оставлял своих планов привлечь Мурзакевича к работе в Киеве. Он писал: «При нашем университете думают отделить минц-кабинет и составить музей киевских древностей. На днях видевшись с попечителем, я ему советовал вас определить хранителем и надзирателем сей части. Конечно, жалование небольшое, но в Киеве много пансионов и дорого платят учителям»[635]. Евгений заботился о создании на базе киевского университета исторического общества, способного организовать целенаправленное изучение местных древностей, результаты которого должны были освещаться в собственном научном изданиии, а находки – пополнять музейную коллекцию. Бездействие Временного комитета по изысканию древностей убеждало Евгения в том, что во главе нового научного общества должен стоять практикующий исследователь, энтузиаст, лично заинтересованный в результативности его деятельности. Предлагая на место смотрителя музея кандидатуру Мурзакевича вместо Лохвицкого, Евгений стремился поставить изучение киевской истории на профессиональную основу. Однако во главе музея, открывшегося в марте 1837 г. уже после кончины Евгения, был поставлен Лохвицкий, через год смещенный с этой должности[636], а историческое общество появилось в Киеве только в 1872 г.[637]

---

[634] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) Н.Н. Мурзакевичу от. 14 сентября 1836 г. // Киевские епархиальные ведомости. 1868. № 10. С. 383.

[635] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) Н.Н. Мурзакевичу от. 16 февраля 1837 г. // Киевские епархиальные ведомости. 1868. № 10. С. 386.

[636] *Ананьева Т.Б.* «Дабы сии древности были в Киевском музеуме... С. 68–70.

[637] *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Т. 1. Киев, 1892. С. 304–305.

23 февраля 1837 г. митр. Евгений «переселился от временной жизни в вечную после кратковременной болезни»[638]. Присутствовавший при кончине митрополита еп. Иннокентий (Борисов), ссылаясь на свидетельства очевидцев, сообщил, что Евгений с вечера почувствовал себя нездоровым, к утру ему стало несколько лучше и он «подписывал разные бумаги, занимался чтением, сидя в кресле, и не требовал никакой помощи», ухудшение произошло в 7 часов утра и уже через десять минут «произошел удар апоплексический (apoplexia serosa), которого сам преосвященный предвидел и его боялся»[639]. Вызванный к умирающему штаб-лекарь Евстафий Петрович Рудыковский (1784–1851) подтвердил диагноз и констатировал смерть.

Последний день митр. Евгения был похож на все предыдущие. Различаясь в некоторых деталях, свидетельства о последних часах жизни митр. Евгения создают картину жизни и праведной кончины священника, начинавшего свой день с утреней и литургии, неутомимого церковного иерарха, успевшего просмотреть и подписать в последнее утро несколько десятков[640] консисторских документов, и образованного человека, посвящавшего редкие часы отдыха чтению книг.[641]

За два года до кончины 18 февраля 1835 г Евгений составил духовное завещание, подписал его в присутствии архим. Авксентия (Галинского) (1782–1844) и еп. Иннокентия (Борисова) и отдал на хранение в Киево-Печерскую лавру[642]. Помимо обычного для таких документов молитвенного обращения к Богу и адресованных пастве слов о взаимном прощении в нем содержатся распоряжения Евгения об имуществе, состоявшем «более в книгах, нежели в вещах и деньгах»[643]. Обширную библиотеку, насчитывавшую около девяти тыс. книг и четырех тыс. названий рукописей,[644] дипломы ученых обществ, а также ландкарты, атласы и эстампы митр. Евгений завещал

---

638 Рапорт секретаря Киевской духовной консистории Максима Матвеева обер-прокурору Святейшего правительствующего синода гр. Н.А. Протасову // РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 18030. Л. 2.

639 Письмо еп. Иннокентия (Борисова) обер-прокурору Святейшего правительствующего синода гр. Н.А. Протасову // РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 18030. Л. 5–5 об.

640 Число документов, подписанных митр. Евгением в последние часы жизни, в свидетельствах разнится от 28 до 40. См.: *Карпов С.М.* Указ. соч. С. 246; *Рукавіцина-Гордзієвська Є. В.* Указ. соч. С. 35.

641 *Карпов С.М.* Указ. соч. С. 245–247.

642 Духовное завещание Киевскаго митрополита Евгения Болховитинова // Русский архив. 1909. № 6. С. 204–206.

643 Там же. С. 204.

644 *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Указ. соч. С. 7.

Софийскому собору, семинарии и академии[645]. Высочайшие рескрипты на имя Евгения были помещены в архиерейскую ризницу, делопроизводственные документы предназначались к передаче в консисторию, личные письма – наследникам. Четверо племянников унаследовали также вещи и основные денежные средства Евгения[646]. Другие суммы предназначались братии Киево-Печерской лавры, архиерейским служителям, духовенству Софийского собора и консисторским приказным. По одной тыс. р. было завещано на содержание бедных семинаристов и на устройство погребения[647]. Обнаруженные после кончины митр. Евгения средства превышали общую сумму, указанную в завещании. Кроме того, в описи имущества Евгения указаны «червонцев голл[андских] семнадцать, монета платинная одна... полуимпериалов французских два, империалов французских два, мелкая монета Великого князя Василия Ивановича одна, монета платинная трех рублевая одна, медалей разных четырнадцать, из них шесть в футлярах»[648]. Скорее всего хранившиеся в особом ларце монеты и медали были частью некогда существовавшей нумизматической коллекции митр. Евгения[649].

Среди завещанного имущества упомянуты три портрета митр. Евгения[650]. Современные исследователи насчитывают до полутора десятков прижизненных изображений Евгения, хранящихся в различных архивных и музейных собраниях России и Украины[651]. Наиболее распространенным стало характерное для духовных портретов

---

[645] Дело о кончине митрополита Евгения // РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 18030. Л. 6.

[646] Духовное завещание Киевскаго митрополита Евгения Болховитинова // Русский архив. 1909. № 6. С. 205–206. Киевский митрополит участвовал в жизни своих воронежских родственников, оказывал им помощь и покровительство. См.: Письма Алексея Болховского, Никандра Ильича Болховитинова , Мавры Петровны Болховитиновой митр. Евгению (Болховитинову) // НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Д. 136/3. Л. 1–6 об.; Письмо митр. Евгения (Болховитинова) архиеп. Антонию (Смирницкому) от 6 февраля 1826 г. // НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Д. 136/5. Л. 4–4 об.; *Реполовский В.И.* Слобода черкасская Тростянка // Воронежские епархиальные ведомости. 1882. № 2. С. 54–57; *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Указ. соч. С. 35, 38–40.

[647] Духовное завещание Киевскаго митрополита Евгения Болховитинова // Русский архив. 1909. № 6. С. 206.

[648] Дело о кончине митрополита Евгения // РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 18030. Л. 11–12.

[649] Известно, что 22 мая 1812 г. еп. Вологодский Евгений передал в библиотеку Вологодской духовной семинарии коллекцию, состоявшую из 39 античных монет, а также более поздних европейских и азиатских монет и медалей. См.: *Соколова И.* Римские монеты из коллекции преосвященного Евгения (Болховитинова) в собрании Вологодского государственного музея-заповедника // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. 3013. № 6 (107). С. 137.

[650] Духовное завещание Киевскаго митрополита Евгения Болховитинова // Русский архив. 1909. № 6. С. 206.

[651] *Зеленина Я.Э., Лопухина Е.В.* Иконография митрополита Евгения (Болховитинова) в памятниках из музейных собраний Украины и России // Болховітіновский щорічник 2012. Київ, 2013. С. 144–148; *Кочнева Е.В.* К истории создания живописного портрета митрополита Киевского и Галицкого Евгения (Болховитинова) из собрания

«кабинетного» типа первой половины XIX в.[652] поясное изображение Евгения в повседневном митрополичьем облачении и с государственными наградами, сидящего в полоборота на фоне полки с книгами и открывающегося из окна пейзажа с силуэтом Киево-Печерской лавры[653]. Как отмечают Я.Э. Зеленина и Е.В. Лопухина, митр. Евгений, «позируя художнику в обстановке своего рабочего кабинета вкупе с атрибутами литературных занятий, представал перед зрителем в образе церковного ученого и интеллектуала»[654]. Портрет лишен парадной пышности, художник сосредоточился на благожелательном выражении лица Евгения, едва заметной полуулыбке, внимательном взгляде ученого иерарха, направленном на зрителя, подчеркивая таким образом индивидуальные черты своего героя. Интересно, что изображение именно такой иконографического типа вошло в официальное иллюстрированное издание Русского исторического «Русские портреты XVIII и XIX столетий», закрепившего образ Евгения как ученого монаха и церковного иерарха (Прил. 2.).

В надгробных проповедях, произнесенных при большом стечении народа на погребении митр. Евгения 27 фераля 1837 г., неоднократно упоминались его неутомимые труды на благо отечественного просвещения[655]. Во исполнение последней воли Евгения он был похоронен в Сретенском приделе Софийского собора. Впоследствии над местом захоронения был установлен надгробный киот с эпитафией на медной вызолоченной доске, утверждающей память о Евгении как о ревнителе православия и просвещения, испытателе отечественной древности, чья деятельная жизнь была посвящена добру и правде[656].

Российской академии // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2013. Вып. 3 (12). С. 91–115.

[652] *Зеленина Я.Э.* От портрета к иконе. Очерки русской иконографии XVIII – начала XIX века. М., 2009. С. 8–9.

[653] Автором портрета, с которого впоследствии делались многочисленные копии и реплики, был академик портретной живописи Иван Васильевич Бугаевский-Благодарный (ок. 1780–1860). См.: *Кочнева Е.В.* Указ соч. С. 101.

[654] *Зеленина Я.Э., Лопухина Е.В.* Иконография митрополита Евгения (Болховитинова) в памятниках из музейных собраний Украины и России // Болховітіновский щорічник 2012. Київ, 2013. С. 144–148.

[655] *Карпов С.М.* Указ. соч. С. 247–250.

[656] Полный текст эпитафии: «Здесь погребен Высокопреосвященный Евгений, митрополит Киевский и Галицкий, Святейшаго правительствующаго Синода Комиссии духовных училищ член и многих Российских и иностранных ученых обществ почетный член, почетный доктор философии и орденов Святой Анны, Владимира, Александра Невскаго, Андрея Первозваннаго кавалер. Сей ревнитель православия и просвещения, испытатель отечественной

Мировоззрение митр. Евгения (Болховитинова) как просветителя начало складываться в духовных школах, готовивших своих воспитанников к служению церкви и государству. По окончании Воронежской семинарии и Славяно-греко-латинской академии Евфимий Алексеевич Болховитинов обладал обширными богословскими познаниями, свободно говорил и писал на латыни, греческом и французском языках, читал по-немецки, владел навыками рассуждения и публичных выступлений, что открывало перед ним карьеру преподавателя духовных школ. Знание классической и современной литературы, первые опыты переводов и собственного сочинительства, полученные в пору студенчества, любовь к чтению и размышлению над книгой, театру и музыке роднили его с образованными сверстниками из других сословий. Лекции в Московском университете, общение с профессорами, сотрудничество с Новиковым, расширили кругозор Болховитинова, обогатили его новыми полезными знакомствами. Соединенное со светским духовное образование, полученное Евфимием Алексеевичем Болховитиновым, сформировало культурную модель поведения просвещенного человека, совмещающего служебные обязанности с занятиями наукой, литературным сочинительством, культурным досугом, интеллектуальным дружеским общением. Получив первый опыт преподавания в Воронежской семинарии, Болховитинов встал перед выбором дальнейшего пути служения. Отсутствие материальных средств и светских покровителей не позволило ему выйти за рамки сословной предопределенности и переменить сферу своей деятельности. В 1793 г. Евфимий Алексеевич вступил в брак и принял священный сан. Дальнейшие вхождение в узкий круг представителей ученого монашества стало следствием отказа от светской карьеры и личных обстоятельств, связанных с потерей семьи.

Переезд в Петербург изменил жизнь Болховитинова, теперь архим. Евгения, сосредоточив ее вокруг Александро-Невской академии, ставшей местом проживания,

---

древности, родился в г. Воронеже от иерея Алексея Болховитинова 1767 декабря 18, по окончании своего учения в семинарии и в тогдашней Славяно-греко-латинской академии и Московскомп университете в сане протоиерея был учителем и префектом Воронежской семинарии, а про овдовении принял монашество, в сане префекта и богословия учителя в Александроневской академии. Во епископа хиротонисан 1804 генваря 17, архиепископом пожалован 1816 февраля 7, а митрополитом 1822 марта 16, скончался на паствe своей в Киеве 1837 февраля 23 на 70 году деятельной жизни своей, посвященной добру и правде». См.: *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Указ. соч. С. 41–42.

церковного служения, преподавания, участия в академическом управлении и научных занятий. Евгений не сразу осознал себя монахом, потребовалось не менее двух лет, чтобы выработать собственный аскетический идеал, состоявший в служении науке. Этому во многом способствовала вовлеченность Евгения в светскую жизнь столицы, скоро научившая его ценить монашеское уединение и стремиться к независимой жизни в провинции.

С самого начала епископского служения Евгения в Новгороде (1804) формируются основные направления его просветительской деятельности, наиболее важным из которых было духовное образование. Евгений изнутри изучил состояние духовных школ, пройдя все ступени образования, преподавания и руководства, принимал участие в складывании системы духовного образования, на правах правящего архиерея входил во все проблемы епархиальных семинарий и училищ, уделяя особое внимание обеспечению учебного процесса и развитию научного направления. Административная деятельность Евгения была направлена на формирование «учительного священства», способного обеспечить религиозно-нравственное воспитание своей паствы. Он заботился об уровне образования, моральном облике духовенства своей епархии, о его материальном обеспечении, создавая условия для проповеднической и писательской деятельности священства. Евгению удавалось органично сочетать административные и хозяйственные занятия с научными изысканиями. Поездки по епархии с инспекционными целями становились одновременно археографическими и этнографическими экспедициями, дававшими Евгению обильные материалы как для принятия административных решений, так и для написания научных работ.

На каждом месте своего служения просвещенный архиерей становился частью местного общества, разделяя с соотечественниками их заботы и тяготы, открывая для них историю их малой родины. Евгений умел налаживать отношения с губернскими властями и пользовался их поддержкой для решения своих научных задач. Положение церковного иерарха давало Евгению материальные средства и определенную свободу в реализации своих просветительских взглядов в научной, административной и образовательной сферах, но накладывало ограничения, обязывая участвовать в высшем

церковном управлении и государственных делах, чем он, как человек независимый, сугубо практический и не любивший интриг, тяготился. Результатом этого двойственного положения Евгения стало формирование различных его образов. В столичной литературе сохранилось представление о Евгении как о рационалисте-скептике, демонстрировавшим отсутствие государственного мышления и находившимся в плену устаревших взглядов, помешавших ему вполне реализовать свои карьерные устремления. Местные традиции изучения наследия Евгения создают образ неутомимого и деятельного пастыря, всей своей жизнью служившего идеалам добра и правды. Изучение идейных основ мировоззрения Евгения, общественно-политических, этических, эстетических и научных взглядов позволит создать более полный образ просветителя.

ГЛАВА II МИТРОПОЛИТ ЕВГЕНИЙ И ИДЕОЛОГИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА РУССКОЙ ПОЧВЕ

Идеология европейского Просвещения, основанная на безграничной вере в человеческий разум и его познавательную способность, позволяющую человеческой личности преобразовывать как свою частную так и общественную жизнь, ставила под сомнение все то, что не могло быть признано разумным: от религиозных установлений, причисляемых к предрассудкам и суевериям, до авторитетов и традиций, сковывающих творческие силы человека. Нравственное совершенствование общества должно было достигаться путем образования и воспитания его членов в соответствии с идеями природного равенства, естественной морали, гражданских прав и свобод. Затронув прежде всего узкий круг образованных людей, эти идеи начали вызывать изменения в повседневной жизни все больших слоев населения, посредством книгоиздания и периодической печати, обеспечивающих их быстрое распространение и формирование общественного мнения. Приметой времени стали многочисленные частные собрания, литературные кружки, салоны и т.д., позволяющие новым идеям становиться предметом оживленных дискуссий просветителей.

Русские просветители стояли на разных идейных позициях: от радикальных до умеренных. По мнению Б.И. Краснобаева, «типическими чертами русского просветителя были отвращение к помещичьему произволу и “чувствительность к крестьянскому состоянию”, неприятие наиболее отвратительных проявлений феодально-крепостнической морали (сословной спеси и т.п.)»[657]. Наряду с крепостным правом, вопросы устройства власти и общества, системы образования и принципов воспитания стояли на повестке дня просветителей различных направлений. Современная широкая трактовка Просвещения как комплекса идей, этических, эстетических предпочтений, реализовывавшихся «в различных формах научного, художественного, публицистического творчества»[658], позволяет нам изучать идейно-

[657] *Краснобаев Б.И.* История русской культуры второй половины XVII – начала XIX в. М., 1983. С. 179.
[658] Там же. С. 175.

политические взгляды русских религиозных просветителей[659], к числу которых относится митр. Евгений (Болховитинов).

2.1 Общественно-политические взгляды: просвещение без потрясений

Формирование просветительских взглядов Болховитинова в годы московского студенчества происходило во многом под влиянием Новикова. Его идеи о распространении полезных обществу знаний через писательство и книгоиздание оказались очень близкими Евгению, спустя много лет писавшему о себе: «А книгу лучше хлеба-соли приемлю»[660]. В своем словаре митр. Евгений высоко оценил просветительское значение трудов Новикова, который не только наладил издание и распространение книг, но и «всеми способами старался приохотить публику к чтению; угадывал общий вкус и не забывал частного»[661]. Разнообразие предлагаемых в его изданиях материалов способствовало формированию новых интересов образованной публики, среди которых все большее место стали занимать вопросы российской истории и географии. А изданная Новиковым многотомная «Древняя Российская вивлиофика», включавшая архивные материалы, стала впоследствии одним из излюбленных источников исторических работ Евгения.

Тесное знакомство с технологией книгопроизводства[662] способствовало зарождению интереса Болховитинова к типографскому делу и роли книгопечатания и книги в целом в развитии российского образования и просвещения. В своей статье «О славяно-русских типографиях» (1813) еп. Евгений сделал краткое обозрение состояния книжного дела в России от рукописных книг до крупных издательств, подчеркнув, что при Петре Первом типографщикам давались привилегии для производства и пересылки

---

[659] О русском умеренном просветительстве см.: *Wirtschafter E.K.* Religion and Enlightenment in Catherinian Russia: The Teachings of Metropolitan Platon. NIU Press, 2003. P.12 – 20, 123–140.

[660] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Н.Г. Городчанинову от 17 февраля 1804 г. // СбОРЯС. Т. 5. Вып. 1. С. 48.

[661] Новиков Николай Иванович // *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей… С. 105.

[662] Глухов считал, что в типографии Н.И. Новикова произошло первое знакомство Е.А. Болховитинова с техническими особенностями издательского дела, что позволило ему впоследствии профессионально подходить к этому вопросу. См.: *Глухов А.Г.* Указ. соч. С. 38–43.

в Россию книг, «дабы сим средством подданные Его Царского Величества быв просвещены и познав свои обязанности, могли из того почерпнуть важныя выгоды»[663].

На каждом месте своего служения Евгений интересовался состоянием типографий, входил во все тонкости издательского дела[664]. Пример организации успешного типографского предприятия Новикова, который «один только... мог издавать десятки томов без долгов публике»,[665] показал ему пути, позволившие спустя много лет сделать прибыльной ранее убыточную типографию Киево-Печерской лавры.

Евгения заботила проблема доступности книг и удобства пользования ими. Он отмечал, что Новиков «первый начал издавать обстоятельные книгопродавческие каталоги с означением полного титула, места издания, года, формата, книг, и краткого описания содержаний, и первый открыл вольную библиотеку для чтения и тем дал способы наипаче бедным любителям словесности к упражнению в оном… Он первый в России начал издавать и книжные каталоги по правилам библиографическим, разделяя оные на классы с кратким описанием содержания»[666]. Тот же формат описания сочинений различных авторов еп. Евгений использовал в своих словарях. Кроме того, он заботился о составе библиотек учебных заведений, о создании каталогов различных книжных собраний и т. д.

В том, какие именно «полезные знания» подлежат распространению, Болховитинов не всегда был согласен с Новиковым.

В 1785 г. начались преследования Новикова, возраставшее общественное влияние которого вызывало тревогу правительства. Дело Новикова использовалось Екатериной II как предлог для запрета масонства, которое к тому времени стало восприниматься властями как одна из форм дворянской оппозиционности[667]. Если ранее, как утверждал Шмурло, «идеи масонства, можно сказать, прямо пропагандировались

---

[663] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* О славянорусских типографиях // Вестник Европы. 1813. № 14. С. 116.
[664] Письма митр. Евгения (Болховитинова) к типографу священнику Вениамину // РГАЛИ. Ф. 402. Оп. 1. Д. 552; Письма митр. Евгения (Болховитинова) к В.И. Македонцу // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 203. Л. 3 об., 4.
[665] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 30 января 1820 г. // Русский Архив. 1889. Вып. 7. С. 327.
[666] Новиков Николай Иванович // *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей… С. 105–106.
[667] *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII – XIX веков: традиции и новации. М., 2003. С. 91, 94.

среди студентов Московской духовной академии»[668], то с этого времени их влияние ослабело, изменилось и отношение к ним. Митр. Платон, оказывавший прежде покровительство «Дружескому ученому обществу», прямо называл его теперь «скопищем известного нового раскола»[669].

Студент Болховитинов, продолжавший сотрудничество с Новиковым, не мог не учитывать мнение ректора академии. Симпатизируя Новикову, разделяя в целом его просветительские идеи, к масонству он относился настороженно.

Французская революция, во многом вследствие французской культурной ориентации российских интеллектуалов, потрясшая их своим разрушительным воздействием, приобрела для них особое значение и заставила пересмотреть свое отношение к идеям Просвещения[670]. Впоследствие Евгений считал, что просвещение народа «имеет также свой вред, как и невежество, si ultra limites extendatur (если распространится дальше пределов – лат.). Екатерина II, последуя Монтескье, сказала: “Хочешь ли истребить в народе грубые пороки, просвети его”. Мы почувствовали сию истину, оглянувшись, что не имеем уже тех скотских пороков, какие были в предках наших; но заступили место их утонченнейшие пороки. А от этого в существе лучше не стало. А Франция, больше всех просветившая свой народ, увидела его опять в скотских пороках. Каким началом психологии или эстетики можно изъяснить сие событие? Сами ученые... от неограниченного просвещения впали только в противоречие и другим, и себе»[671]. Евгений бы убежден в том, что нравственное совершенствование общества может быть достигнуто путем просвещения, но распространение полезных сведений, по его мнению, не должно быть стихийным. Он не был сторонником строгой цензуры, считая, что она «всегда производит больше пасквилей письменных: nitimur in vetitum»[672], и что «ум хороший найдет из всего хорошее и невинное»[673]. Евгений был

---

[668] *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений… С. 56.

[669] Письмо митр. Платона (Левшина) преосв. Амвросию (Подобедову) от 4 февраля 1786 г. // Православное обозрение. 1869. № 5. С. 5.

[670] *Сабурова Т.А.* «Места памяти» русского образованного общества первой половины XIX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 245.

[671] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 17 октября 1815 г. // Русский Архив. 1889. Вып. 5. С. 54.

[672] Начало цитаты из Овидия (Любовные элегии, III, 4, 17), полностью по-русски звучащей: «Мы всегда стремимся к запретному и желаем недозволенного». См.: Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 28 октября 1821 г. // Древняя и новая Россия. 1881. № 2. С. 295.

уверен, что нужно предлагать читателям нравственно безопасную интеллектуальную пищу и бороться с разрушительными идеями, развенчивая их.

В 1793 г. Болховитинов вместе со студентами Воронежской семинарии перевел книгу «Вольтеровы заблуждения», целью которой было изобличение французского философа, считавшегося главным идейным вдохновителем революции, перед его поклонниками, усвоившими вольтеровскую «недоверчивость ко всему, пренебрежение к самым почтеннейшим и священнейшим истинам и, если можно так сказать, беспристрастное пристрастие всему смеяться»[674]. Болховитинов стремился предостеречь своих студентов и читателей переведенного ими полемического сочинения от скептического отношения к нравственным устоям общества и их религиозному основанию. Антерелигиозная и антиклерикальная критика Вольтера со временем перестала восприниматься Болховитиновым как нечто неразрывное. В частном письме он высказывал свое мнение: «И Вольтер перед смертью поколебался в дерзких своих умствованиях и часто признавался в сочинениях о неизвестности того, что сам писал. Тщеславие только не допустило его откровеннее признаться. Да и не на религию он восставал, а более на людей, введших и подкрепляющих суеверия. А религию с людьми смешивать отнюдь не должно»[675]. Евгений считал своим долгом как священника и ученого монаха бороться с разного рода суевериями и был далек от того, чтобы идеализировать собратьев из числа духовенства. Такая благожелательная оценка Вольтера показывает, что Евгений перестал воспринимать его как главного виновника революции.

В 1806 г. российская публика познакомилась с сочинениями французского публициста иезуита Огюстена де Баррюэля (1741–1820), описывающего Французскую

---

[673] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 16 апреля 1820 г. // Русский Архив. 1889. Вып. 7. С. 342.

[674] *[Нонnот К.Ф.]* Вольтеровы заблуждения, обнаруженные аббатом Ноннотом. Переведена с французского оригинала последнего шестого издания семинарии студентами богословии [Под редакцией Е.А. Болховитинова]. Ч. 1, 2. М., 1793. – 754 с. Рукопись этого произведения с пометками и правками см. на сайте МДА: URL:http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=6&manuscript=131&pagefile=131-0001. Дата обращения 18.11.2019. Об этом сочинении митр. Евгения см.: *Заборов П.Р.* Русская литература и Вольтер. XVIII – первая треть XIX века. Л., 1978. С. 79–80. О знакомстве Евгения с самими произведениями Вольтера есть только косвенные свидетельства. См.: Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 16 апреля 1820 г. // Русский Архив. 1889. Вып. 7. С. 342.

[675] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) А.С. Страхову от 4 сентября 1801 г. // Русское обозрение. 1897. № 4. С. 751–752.

революцию как результат масонского заговора с целью уничтожения христианства, власти и общества[676]. Эта субъективная односторонняя трактовка революционных событий оказала влияние на Евгения, который вслед за автором стал винить в революции философизм, нападающий на религию и порождающий вольнодумство. Он писал: «Но цель вольнодумцев не одна религия, как доказали Баррюэль и Французская революция. Духовные поддерживали королей, а короли собственность. Посему сперва надлежало подорвать духовенство, потом легко было подорвать королей, а наконец и собственность. Пока не восставят первых, не восстанут и последние»[677]. Рассуждая об уроках Французской революции, Евгений думал о том, какова должна быть роль духовенства, чтобы можно было предотвратить подобное развитие событий в России. Он считал, что необходимо искоренить «роскошь, распутство и подражание светским обычаям», и поощрять скромность, поскольку «самое бедное духовенство, особливо белое, благонадежнее в своем пропитании, нежели многия другия сословия. А бедность есть печать апостольства. Даже и в училищах наших дети бедныя всегда успевали лучше богатых; да и неученые, поступающие в военную службу или в другия звания, отличаются прилежанием»[678]. Евгений придавал духовенству роль нравственного ориентира общества и как правящий архиерей строго следил за моральным обликом и образом жизни духовенства, он же требовал от приходских священников образованности, что не мешело ему в частном порядке выражать мнение, расходящееся с его же действиями.

Сочинение Баррюэля утвердило Евгения в опасности масонства и других мистических движений и сект, в учениях которых он видел общую основу. «Указ Ланжерону о духоборцах к лучшему ли, не знаю. – писал он Анастасевичу.– Веротерпимость очень похвальна, но только в отношении религии; а когда есть где и политическия и моральныя ереси, каковы в духоборцах, то после увидят плоды их худые. Духоборская ересь, составленная из бредней квакеров, анабаптистов и меннонитов, может произвести такия буйства и наглости, какия в XVIII веке произошли

[676] *Киясов С.А.* Аббат О. Баррюэль о причинах и организаторах Французской революции // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 6. С. 133–144.
[677] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 19 маяя 1815 г. // Русский Архив. 1889. Вып. 5. С. 45.
[678] Там же. С. 45–46.

от анабаптистов в Вестфалии, а в XVII веке от квакеров в Англии. Я некогда писал уже вам, что имел случай разыскивать о учении духоборском, и у меня есть полная выписка о них и из журнала министра внутр[енних] дел и из других известий. Теперь приобщу к ней и сей указ. Покойный Лопухин, известный масон и илюминат, потому и восхвалил духоборцев, что нашел у них свои начала о внутренней церкви, не имеющей якобы никакой нужды во всем наружном. По их вере только и делай, как хочешь; такая вера очевидно куда может завести и завела уже духоборцев и илюминатов. По сему безопаснее даже веротерпимость к жидам, имеющим строгую мораль по крайней мере между собою, если и не в отношении к иноверцам. Многие ереси называются только религиозными, но больше подкапывают политику»[679]. Евгений выступал за религиозное разнообразие и веротерпимость, считая, что без поддержки властей и финансовой помощи любая секта лишится своих последователей и уже в следующем поколении уменьшится до незначительных размеров. Однако политические последствия разрастания стихийных религиозных объединений могут быть угрожающими.

Масонство для Евгения было одной из разновидностей вольнодумства. Просветительские проекты масонов[680], даже несомненно общественно-полезные, вызывали у него недоверие. Он старался уклоняться под более или менее существенными предлогами от участия в тех начинаниях, в которых усматривал связь с масонством.

9 декабря 1818 г. Евгений был избран почетным членом Вольного общества любителей российской словесности (1816–1826)[681]. Живший в Петербурге Анастасевич был действительным членом общества, посещал его заседания и делился с Евгением своими наблюдениями. Начинавшееся как вполне благонамеренное «Общество соревнователей просвещения и благотворения», в 1819 г. ВОЛРС изменило свое направление после вхождения в его состав нескольких членов «Союза благоденствия»,

---

[679] Ланжерон Александр Федорович (1763–1831) – граф, генерал, участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов (1813–1814), генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии (1815–1822). Квакеры, анабаптисты, меннониты – протестантские религиозные движения. Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 6 февраля 1817 г. // Древняя и новая Россия. 1880. № 12. С. 617.

[680] Подробнее о просветительских идеях русских масонов см.: *Боголюбов В.А.* Новиков и его время. М., 1916. С. 206–255.

[681] *Базанов В.Г.* Ученая республика. Л., 1964. С. 446.

устав которого обязывал их вступать, во все ученые общества, с тем, чтобы склонять их к цели «истинного просвещения». Евгений был не слишком далек от истины, когда писал Анастасевичу: «Ваше соревновательство, видно, не может избрать себе президента лучше Глинки. У древних веки литературы разделялись на четыре: золотой, серебряный, медный и железный; а нам досталось иметь и глиняный. С сим легко может быть дружен и вольнокаменщичий век»[682]. Связь с масонами казалась Евгению признаком вольнодумства. Действительно, с избранием поэта, члена «Союза Благоденствия» и будущего декабриста Федора Николаевича Глинки (1786–1880) руководителем ВОЛРС, его направление приобрело политический характер. По утверждению В.Г. Базанова, ВОЛРС, «провозглашенное в 1818 году «ученой республикой», являлось литературным плацдармом декабристов, оно сыграло значительную роль в идеологической и литературно-эстетической подготовке восстания 14 декабря, а также оказало влияние на формирование взглядов передовой литературной молодежи, не входившей в тайные общества, но испытавшей на себе влияние декабристских идей»[683].

Другой формой вольнодумства Евгений считал философизм, ставший предметом его постоянной критики. О философии Монтескье Евгений писал: «Автор сочинил эту книгу, когда метафизический философизм кружил голову всему свету. Ныне не в том духе уже и философия, и законодательство. Мода на все и на самые разумы бывает. Да и в свое время философы в книге сей находили много только мечтательного и неосновательного в поверке с опытом. Многия места также признаваемы были темными даже до невразумительности. А ныне книга сия в философическом архиве признается уже вообще старою мебелью, ни одному государству уже не пригодною. Даже и в метафизике законоположения, коею Монтескье в своем веке славился, ныне затмил его Кант»[684]. По сравнению с христианским учением любая метафизика, в том числе и метафизика Канта, представлялась Евгению отвлеченным теоретизированием, отвлекающим от повседневной практики. О замечаниях переводчика к сочинению Канта

[682] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 28 июля 1820 г. // Русский Архив. 1889. Вып. 7. С. 361.
[683] Там же. С. 364.
[684] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.С. Сопикову от 9 октября 1810 г. // Древняя и новая Россия. 1881. № 2. С. 317.

Евгений писал, что они приведены «для защищения отвлеченных знаний противу опытной пользы. Вопрос à quoi bon? (какой толк – фр.) лучше бесконечных спекуляций, остающихся вне опыта и пользы. Надобно учиться не для знания, а для исполнения. Оставим кантистов с их мечтами и в мечтах»[685].

По мнению Болховитинова, на философских воззрениях, которыми вольнодумцы пытаются заместить религию, нельзя основывать общественную мораль и общественные отношения, поскольку «философия учит другими жертвовать себе, а религия собою другим»[686]. Рассуждая об общественной морали, Евгений указывал следующие ее основания: «1) пленительная красота истины и добродетели; 2) влечение нашей природы к усовершению себя и наслаждению; 3) согласие народов о истине и добродетели; 4) любовь и страх к предметам; 5) воля законодавца и право сильного. Все это подвержено бесчисленным исключениям, и потому недостаточно для всей морали, а последнее между людьми есть самое употребительное основание морали. Посему то, а не почему иному, всегда справедливо, что non eadem sunt omnibus honesta atque turpia (одно и то же не всем полезно или вредно – лат.)»[687]. По убеждению Евгения, не может быть универсальной морали для всех народов, «пока народы не согласятся все на одно основание»[688], а до этой поры власти, и прежде всего, монарх должны устанавливать законы, сообразуясь с человеческой природой, народным обычаем и общественной пользой.

Монархические взгляды объединяли Новикова и Болховитинова и были частью просвещенческой идеологии того времени. Как отмечала Т.А. Сабурова, «идея добродетельного монарха, заботящегося о благе народа, занимала центральное место в политических воззрениях просветителей и стала одной из главнейших надежд русского просвещенного общества в начале XIX в.»[689] Именно с монархом, наделенным

---

[685] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 17 ноября 1815 г. // Русский Архив. 1889. Вып. 5. С. 58. Это сочинение Канта находилось в библиотеке Евгения. См: *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Указ. соч. С. 139.

[686] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) А.С. Страхову от 14 марта 1802 г. // Русское обозрение. 1897. Кн. 4. С. 763.

[687] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 3 апреля 1817 г. // Древняя и новая Россия. 1880. № 12. С. 626.

[688] Там же. С. 627.

[689] *Сабурова Т.А.* Указ. соч. С. 247.

неограниченной властью и соответствующими возможностями Евгений связывал общественные преобразования. «Вы пишете о какой-то проектируемой конституции по репрезентативной системе, – обращался Евгений к Анастасевичу. – Я не могу понять, может ли она быть в самодержавном правлении?.. Но лучше одному начальствовать, нежели семерым нянькам над одним дитятею»[690]. Евгений был убежден, что «в монархии лучше во всем монархия; с республиканцами трудно управляться»[691], и что «в нашем монархическом правлении всегда больше делает один, нежели многие»[692].

Евгений находился в общем русле общественных ожиданий грядущих перемен то нараставших, то ослабевавших в годы александровского царствования. Как отмечал, С.В. Мироненко, определенный общественный резонанс вызвал Манифест 30 августа 1814 г., в котором освободитель Европы обещал сосредоточить свое внимание на устроении внутреннего благоденствия России[693]. Спустя несколько дней после его провозглашения Евгений писал Анастасевичу: «Ждем и мы прочнаго мира от Венскаго конгресса, и между тем все наслаждаются уже милостями, объявленными в манифесте. Но мира внутренних наших дел и устройства их дождемся ли, неизвестно. Прощены тысячи преступников: но сколько их столько ж накопится в один будущий год. Обещано изобилие всех потребностей: но между тем ничто не дешевеет... Вот этом-то не поможет нисколько и самый милостивейший манифест»[694]. Евгений, в то время еп. Калужский, выразил сомнения в действенности манифеста, основываясь на собственных наблюдениях за состоянием разоренной войной епархии и бедствиями ее населения, требовавших для восстановления довоенного уровня хозяйства больших сил и средств. Тем не менее, начиная с этого времени в переписке с Анастасевичем все большее место занимает обсуждение общественно-политических вопросов.

---

[690] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 3 января 1819 г. // Русский Архив. 1889. Вып. 6. С. 162.
[691] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 2 декабря 1819 г. // Русский Архив. 1889. Вып. 6. С. 233.
[692] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 29 сентября 1815 г. // Русский архив. 1889. № 5. С. 53–54.
[693] *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 76.
[694] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 20 сентября 1814 г. // Древняя и новая Россия. 1880. № 9. С. 354.

Важным показателем просвещенности общества Евгений считал справедливые и разумные законы. О несовершенстве российского законодательства Евгений размышлял исходя из его возможностей определять морально-нравственное состояние населения. Он писал: «Я верю, что многие у нас законы сочинены неопытными писцами, ибо по опыту всегда нахожу, что в них много недописано, а много слишком расписано. Но где ж законы совершенны? Нет их даже и в хвалимой Англии, где также принуждены беспрестанно толковать и дополнять оные. Это несчастье человеческого рода, что он догадливее на зло, нежели на добро, и способнее придумывать исключения, нежели общие правила»[695]. Законодательные акты были предметом научного интереса Евгения[696]. Он писал: «В свете не бывало еще уложенья законов, годных на все времена, и никогда не будет. Законы и география переменяются по своенравию государей, а иногда и по софизмам философов-якобинцев. Самая здравая философия из века в век переменяет свои мнения и связь оснований их. У вас в Петербурге один француз прошлаго года издал строгий анализ и Наполеонова пресловутаго кодекса, в коем показал глупой и несвязной сбор римских, старофранцузских, революционистских, якобинских и деспотонаполеоновских законов, весьма далеких от истинной гражданской честности. Сам Наполеон в поправку и в дополнение и в толкование своего кодекса принужден был беспрестанно издавать законы или по нашему указные статьи. Так точно и у всех народов после издания уложений бывало. Следовательно, это общая человечеству и законодавцам участь»[697]. По убеждению Евгения, невозможно создать единственно правильные, справедливые законы на все времена, достаточно, чтобы они соответствовали состоянию общества, создавали условия его морально-нравственного совершенствования и были исполнимыми.

---

[695] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 2 августа 1814 г. // Древняя и новая Россия. 1880. № 9. С. 350.

[696] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое обозрение российскаго законоположения. С присовокуплением сведений: I) О старинных московских приказах, существовавших до времен Петра Великаго; II) О старинных чинах в России; III) О преждебывших в Малороссии присутственных местах и чинах. СПб., 1826. Евгений помогал А.С. Страхову в составлении систиматических таблиц по вексельному праву и Г. А. Розенкампфу в изучении славянской Кормчей книги. См.: Письма митрополита Евгения (Болховитинова) к воронежскому купцу А.С. Страхову // Русское обозрение. 1897. Кн. 4. С. 737–774; *Розенкампф Г.А.* Обозрение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829. С. 3.

[697] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 2 марта 1817 г. // Древняя и новая Россия. 1880. № 12. С. 621–622.

Самым острым общественно-политическим вопросом, обсуждаемым Болховитиновым и Анастасевичем был вопрос о крепостном праве. Евгений считал, что «рабство должно быть в государстве по работе, а не по личности»[698], и поддерживал новое положение об эстляндских крестьянах, утвержденное 23 мая 1816 г., предусматривавшее освобождение крестьян без земли, остающейся в собственности помещика[699]. Внимательно прочитав «Эстляндский помещичий устав, изданный прошлаго года и потрясший сердце у всех помещиков», Евгений увидел в нем возвращение землевладельцев «к их старинным правам, самовольно ими распространенным»[700]. Евгений понимал, что ограничение привилегий помещиков неминуемо вызовет их недовольство, но его больше заботила перемена участи крестьян. «Неизвестно, лучше ли будет и крестьянам от земского управления», – писал он Анастасевичу. Считая, что «нет больше злоупотреблений как в васальстве, и может быть к уничтожению его все содействует», Евгений высказывался против раздробления крупных помещичьих владений. Он писал: «На сей конец нужно не раздроблять имения и покупщиков, но уменьшать то и другое; богатому числом крестьян помещику меньше будет чувствительно ограничение и даже отнятие прав вассальства, нежели тому, у кого 20 душ крестьян, и тут-то больше гнездится тиранство»[701].

Евгений рассматривал крепостную зависимость не только как нравственную, но и как социально-экономическую проблему. Он с интересом следил за попытками помещиков продемонстрировать свою просвещенность и инициировать разрешение крестьянского вопроса, но не верил в их успех. Евгений писал Анастасевичу: «Анекдот о филантропе Воронцове, готовившемся проповедывать добрых помещиков и продавшем 2000 душ, довольно забавен. Это, верно, для того, чтобы без крестьян своих свободнее проповедовать либеральность. Cantabit vacuus coram latrone viator! (Путник, у

---

[698] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 19 января 1817 г. // Древняя и новая Россия. 1880. № 12. С. 614.
[699] См.: *Мироненко С.В.* Указ. соч. С. 77.
[700] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 19 января 1817 г. // Древняя и новая Россия. 1880. № 12. С. 613.
[701] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 1 июля 1814 г. // Древняя и новая Россия. 1880. № 9. С. 348–349.

которого ничего при себе нет, может распевать в присутствии разбойника – лат.)»[702]. Познакомившись с проектом харьковского помещика Василия Назаровича Каразина (1773–1842), стремившегося к ограничению злоупотреблений помещичьей власти над крестьянами, он писал: «Общество добрых помещиков, кажется мне, не состоится; ибо никто их не разумеет добрыми иначе, как только для себя. Для уверения в сем нужно только спросить крестьян»[703]. Евгений считал прожекты Каразина утопическими, а их автора деспотом и не верил в скорое разрешение крестьянского вопроса, который считал давно назревшим. Евгений писал Анастасевичу: «Вы, переводя политическую экономию Стройновского, напитались сим благомысленным духом. Но сие благомыслие у нас еще тайна, которую многим предлагать надобно пока в притчах и гаданиях»[704].

Основной силой, способной не только инициировать но и претворить в жизнь политические, экономические и иные преобразования в России, Евгений считал государственную власть. Расуждая о торговле, Евгений писал Анастасевичу: «Статья о торговле... на вас, кажется, не падает, хотя правительство и мешается в оную своими уставами. Но у нас ведь не республиканская торговля, и без печати правительства сама себя обеспечить не может. Наши купцы в целом мире подобны недорослям, коим нужна опека, и без коей они между собою перессорились бы и передрались, предвосхищая друг у друга выгоды, как то ежедневно и случается у нас на бирже. Сами они на сие

---

[702] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 16 августа 1818 г. // Русский Архив. 1889. Вып. 5. С. 66. Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) – генерал-адъютант, герой Отечественной войны 1812 г., в 1820 г. вступил в Общество добрых помещиков и подал Александру I записку об освобождении крестьян, подписанную также кн. А.С. Меньшиковым, А.И., Н.И. и С.И. Тургеневыми, П.А. Вяземским. Записка и идея создания общества были отвергнуты императором. См.: *Мироненко С.В.* Указ. соч. С. 125–137. Об участии В.Н. Каразина см.: *Грачева Ю.Е.* «Позвольте мне быть полезным!»: Василий Назарович Каразин на государственной службе и в общественной жизни России первой трети XIX в. М., 2012. С. 124–127.

[703] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 11 мая 1820 г. // Русский Архив. 1889. Вып. 7. С. 348.

[704] Стржемень-Стройновский Валериан Бенедиктович (1753–1834) – граф, сенатор, автор сочинений по юриспруденции и экономике. *Стройновский В.В.* Всеобщая экономия народов: Сочинение Валериана Стржемень из Стройнова графа Стройновскаго тайнаго советника, сенатора империи, орденов Белаго Орла и Св. Станислава кавалера, Императорскаго Виленскаго университета и Варшавскаго общества любителей наук почетнаго, Императорскаго С-т. Петербургскаго Вольнаго экономическаго общества, такогож Варшавскаго и многих разных ученых заграничных обществ члена.; Перевод с польскаго издания напечатаннаго в Варшаве 1815 года с дозволения цензурных комитетов Виленскаго и Варшавскаго. СПб., 1817. – 2335 с. Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 16 августа 1814 г. // Древняя и новая Россия. 1880. № 9. С. 352. Ранее Анастасевич перевел также книгу: *Стройновский В.Б.* О условиях помещиков с крестьянами. Сочинение графа Валеринан Стрешмень-Стройновского. Перевел с польского В.Г. Анастасевич. Вильно, 1809. – 210 с. Книга посвящена была пропаганде идеи освобождения крепостных и превращения их в свободных арендаторов на помещичьей земле. Книга Стройновского, вышедшая в 1809 г., только в 1811 попала в руки читателей. См.: *Брискман М.А.* В.Г. Анастасевич, М., 1958. С. 41.

жалуются и между тем все сами так поступают; были опыты и компаний между ними; но опыт также доказывал, что компании сии у нас хуже особничества. Из сего очевидно, что у нас нет еще духа рассчетливости, верности и взаимного доброжелательства. И так долго еще им быть под опекою правительства, а при том наше государство о сю пору было больше воинственное, нежели торговое; а когда торговля будет основанием и душею воинственности, как у англичан, тогда и торговля процветет»[705]. Поддерживая протекционистские меры государства в торговле, он считал их вынужденными и временными, желая их ослабления и полной отмены по мере развития и укрепления отечественного купечества.

Откликаясь на те или иные политические события, обсуждая появившиеся в печати проекты, новые социальные или политические теории, Евгений признавался: «Я никогда не был охотник до таких материй и не умею видеть их с хорошей стороны. Мне всегда казалось, что книги статистическия и политэкономическия основываются на пародоксах, не всегда удобоизъяснимых и по случаям только справедливых»[706]. Он считал «политикоманию» своего рода помешательством, утверждал, что «искусство и опыт лучше умствований», и что «поле наук так велико, что и без политики можно всякому найти место»[707].

На формирование идейно-политических взглядов Болховитинова оказали влияние несколько существенных факторов. Первым из них было православное мировоззрение, складывавшееся под воздействием духовного образования и образа жизни в сословной среде духовенства, определявшее соответствующую систему морально-нравственных предпочтений. Вторым фактором стал опыт общения с крупнейшим российским просветителем к. XVIII в. Новиковым, ставшим для Евгения образцом человека книжной культуры. Третий фактор – Французская революция – обусловила выбор такого направления просветительства, который мог привести к достижению

[705] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 16 августа 1814 г. // Древняя и новая Россия. 1880. № 9. С. 352.
[706] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 17 ноября 1815 г. // Русский Архив. 1889. Вып. 5. С. 57.
[707] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 22 ноября 1820 г. // Русский Архив. 1889. Вып. 7. С. 382; Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 6 декабря 1820 г. // Русский Архив. 1889. Вып. 7. С. 385, 386.

общественного блага и социальному прогрессу в России без глубоких общественных потрясений. Это представлялось Евгению возможным при условии поддержки обществом реформаторских действий власти. Свою просветительскую задачу Евгений видел в реализации научной, литературной и пастырской деятельности.

2.2 Эстетические предпочтения и литературные связи Евгения (Болховитинова)

Переводческая деятельность студента Болховитинова способствовала его поэтическим опытам. В одной из своих первых работ, переводе книги Луи Кокле, он переложил на русский язык латинское стихотворение поэта эпохи Возрождения Жана Пассера (1534–1602), обнаружив при этом несомненные литературные способности[708]. Затем последовали стихотворные переводы Горация, Вергилия, де Ламотта, а также эпиграммы, сонеты и канты собственного сочинения[709]. Однако поэзия так и не стала основным направлением его творчества. Позже вместе с благодарностью за «стихосогрешения», присланные ему в подарок на новоселье, Евгений объяснял своему приятелю Городчанинову: «Если бы и я был стихогрешником, то следовало бы мне отблагодарить вас таким же подарком. Но к счастью уже со времени выбытия из школ я в этом не повинен»[710]. В действительности он изредка прибегал к стихотворным формам для выражения своих чувств, но скорее был ценителем поэзии, чем сочинителем. Его поэтические вкусы, сформировавшиеся еще в юности, оставались неизменными до конца дней. Классическое образование, полученное Болховитиновым сначала в семинарии, затем в академии, сделало его почитателем высокого поэтического стиля. Он с уважением отзывался о Василии Кирилловиче Тредияковском (1703–1769), поддерживал переписку с Д.И. Хвостовым, дружил с Державиным.

---

[708] *Кочеткова Н.Д.* Болховитинов – переводчик… С. 209–210.

[709] Квинт Гораций Флакк (65–8 гг. до н. э.), Публий Вергилий Марон (70–19 гг. до н. э.) – поэты «золотого века» древней римской литературы; Антуан Удар де Ламотт (1672–1731) – французский поэт и драматург. См.: *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений… С. 87–90; Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 18 апреля 1801 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 203. Л. 50.

[710] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) Г.Н. Городчанинову от 3 июля 1816 г. // ЖМНП. 1857. Ч. XCIV. Отд. VII. С. 22.

Познакомившись с Дмитрием Ивановичем Хвостовым как редактором «Друга просвещения», епископ старорусский Евгений откликнулся на его предложение о сотрудничестве. Он писал: «Обещаюсь, если не в каждый месяц, то, по крайней мере, в два месяца представить вашему сият. по одной статье относительно российской литературной истории, которую я по преимуществу люблю и для которой имею я уже несколько записок»[711].

О поэтических дарованиях Хвостова Евгений был невысокого мнения, но на его прямой вопрос об этом, он отвечал так: «Любя и почитая вас, я вижу только хорошее в ваших сочинениях. В одах ваших я многим любовался, а в притчах большую часть оных полюбил… Мне кажется, что ваше сият[ельство] превосходно можете отличиться и в стансах»[712]. Причина такого невзыскательного отношения ученого к литературным творениям Хвостова может быть объяснена словами митрополита Евгения о критиках и критике: «Чтобы заметить худое, на это все способны, но заметить доброе способны только добрые»[713]. Ученый-архиерей поощрял разностороннюю деятельность Хвостова и его посильное участие в развитии словесности, понимая, что сочинителя «поправить нельзя, а раздражить легко»[714].

Хвостов был интересен еп. Евгению скорее как образованный собеседник, предлагавший интересные темы для размышлений, чем литератор или издатель, к которому имелось масса претензий. Его вопросы вызывали пространные рассуждения Евгения о славянском и русском языках[715], о поэтических дарованиях[716], об Отечественной войне и составлении ее истории[717] и на другие темы, интересовавшие ученого.

Плодотворное и многогранное взаимодействие сложилось у историка с Гавриилом Романовичем Державиным. Евгений был воспитан на творчестве Державина, на

---

[711] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Д.И. Хвостову от 17 февраля 1804 г. // Переписка Евгения с Державиным… С. 97.
[712] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Д.И. Хвостову от 30 марта 1804 г. // Там же. С. 101.
[713] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Д.И. Хвостову от 21 июня 1820 г. // Там же. С. 190.
[714] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 19 марта 1820 г. // РГАДА. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.
[715] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Д.И. Хвостову от 31 октября 1806 г. // Переписка Евгения с Державиным… С. 138–139.
[716] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Д.И. Хвостову от 1 июня 1807 г. // Там же. С. 139.
[717] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Д.И. Хвостову от 28 сентября 1813 г. // Там же. С. 153.

примере его произведений изучал русскую поэзию[718], переписывал их от руки, составляя таким образом для себя сборник его стихотворений и од[719]. При всем почтении, с которым еп. Евгений относился к поэтическому дарованию Державина, он был далек от того, чтобы идеализировать его как человека. Известна эпиграмма архимандрита Евгения[720], содержавшая осуждение оды на восшествие на престол государя Александра, в которой Державин нелестно отозвался о почившем Павле I[721]. Теме граничащей с безнравственностью переменчивости мнений поэтов под воздействием внешних обстоятельств посвящена еще одна написанная им в это же время довольно резкая эпиграмма без указания имени, но с вероятным намеком на Державина[722].

Личное знакомство новгородского викария Евгения с Державиным произошло в 1805 г. Историк, готовивший для публикации в «Друге просвещения» биографию поэта, обратился к Хвостову с просьбой сообщить ему недостающие сведения. Тот в свою очередь направил этот запрос к самому Державину, который пожелал познакомиться с новгородским викарием Евгением, проводившим лето неподалеку от его имения в Хутынском монастыре. После посещения поэта еп. Евгений писал Хвостову: «Я ездил к Гавриле Романовичу… и застав дома, препроводил с отменным удовольствием целые сутки. Начитался, наговорился и получил еще надежду впредь пользоваться знакомством нашего Горация»[723]. Державин принял живое участие в придании своей биографии того вида, в котором она была включена в словарь. О множестве мелочей, которые по требованию поэта пополнили его краткое жизнеописание, историк писал: «Сделаем удовольствие нашему Горацию. Епиктитова и глиняная лампадка у потомков

---

[718] *Смирнов С.К.* История… С. 259.

[719] *Шмурло Е.Ф.* Заметка об отношениях киевского митрополита Евгения к Державину до личного знакомства с поэтом // Библиограф. 1887. № 2. С. 19.

[720] На склоне лет митрополит Евгений пытался уничтожить эту эпиграмму. См.: *Шмурло Е.Ф.* Заметка… С. 20–21.

[721] *Державин Г.Р.* На восшествие на престол императора Александра // Сочинения Державина с объяснениями и примечаниями Я. Грота. Т. 2. СПб., 1865. С. 355–362.

[722] Кроме сходства обстоятельств появления обеих эпиграмм и совпадения их по времени, в последней из них была использована рифма, отсылающая читателя к стихотворению Г.Р. Державина «Храповицкому». См.: Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 18 апреля 1801 г. // ГИМ ОПИ. Ф. 445. Д. 203. Л. 50; *Державин Г.Р.* Стихотворения. Л., 1957. С. 198.

[723] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Д.И. Хвостову от 22 августа 1805 г. // Переписка Евгения с Державиным... С. 69.

сделалась в великой цене. А биография не история, и терпит всякие мелочи описываемых лиц»[724].

Личное и эпистолярное общение известного поэта и ученого епископа продолжалось чуть более десяти лет. В этой переписке еп. Евгений предстает перед нами помощником и советчиком Державина в вопросах истории и литературы, ценителем его творчества. Завязавшаяся между ними дружба была основана на сходном восприятии мира и природы. Одно из державинское стихотворений[725], посвященных ученому епископу, «Евгению. Жизнь Званская», демонстрирует ценностные установки, разделяемые ими обоими. В их основе лежало духовно-философское отношение к природе, окружающему миру, созерцание которых было актом постижения тайны Божьего творения, а признание необходимости различных занятий в жизни человека – работы, творчества, отдыха, молитвы – становилось путем достижения полноты бытия. В таком миропонимании не было ничего случайного, каждая мелочь, участвующая в создании единой картины, обретала ценность и была достойна сохранения[726]. Подобное понимание цельности бытия распространялось Евгением на его представления об истории, движимой Божьим Промыслом[727], для понимания которого важна каждая мельчайшая деталь[728].

Творческое взаимодействие поэта и ученого привлекло внимание современников уже в первые десятилетия после кончины митрополита Евгения. Они отмечали важность сохранения памяти об этом культурном факте. Случайно обнаружив фрагменты переписки и препровождая их в редакцию погодинского «Москвитянина», П.С. Авсенев (впоследствии архимандрит Феофан) посчитал их памятником, «который свидетельствует о многосторонней и глубокой учености Евгения, в то же время

---

[724] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Д.И. Хвостову от 13 февраля 1806 г. // Переписка Евгения с Державиным… С. 71–72.

[725] Г. Р. Державин посвятил еп. Евгению стихотворения «Евгению. Жизнь Званская» (1807), «Эхо. Евгению» (1811). Известно также его стихотворное посвящение, надписанное на оборотной стороне рисунка с изображением новгородской усадьбы поэта в Званке: «На память твоего, Евгений посещенья…» и ответ Евгения: «Средь мшистых сих болот…». См.: *Державин Г.Р.* Стихотворения. Л., 1957. С. 326–333, 445; ОР РГБ. Ф. 450. К. 1. Д. 10.

[726] *Алпатова Т.А.* Аксиология Г.Р. Державина (к анализу стихотворения «Евгению. Жизнь Званская») // Аналитика культурологии. 2011. № 2 (20). С. 184–187.

[727] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 29 сентября 1815 г. // Русский архив. 1889. № 5. С. 53.

[728] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 23 мая 1815 г. // Там же. С. 49.

открывает нам сношения двух гениев, и м[ожет] б[ыть] дает предугадывать влияние гения исторического и на отечественную поэзию»[729].

Об этом влиянии впоследствии писали филологи. Они указывали на важность исторических и литературоведческих замечаний митрополита Евгения, учтенных Державиным в его «Рассуждениях о лирической поэзии», о его богословских беседах с поэтом, плодом которых стала ода «Христос»[730]. Собирая новгородскую историю, еп. Евгений предлагал поэту написать «краткую поэму о Новгороде»[731], но тема показалась Державину слишком сложной, и он ограничился балладой «Новгородский волхв Злогор»[732]. В 1809 г. Державин сочинил трагедию «Евпраксия», посвященную событиям времен разорения Рязани Батыем, и отправил рукопись архиепископу Евгению. Ученый в ответном письме так оценил прочитанное им произведение: «Монологи Евпраксины весьма характерны, а патриотизм разлит по всей трагедии разительнейшими чертами, которые могут пристыдить нас в нынешнее время»[733]. Высказав несколько замечаний к поэтическому тексту, еп. Евгений не коснулся исторического содержания пьесы. Для него было важно подчеркнуть правдоподобие произведения и силу художественного воздействия, которое оно могло оказать на публику.

Державин очень ценил дружбу с еп. Евгением. Перед самой своей кончиной он послал епископу различные подарки, среди которых было драгоценное наследие его далекого предка Багира теплые китайские сапоги «для ношения… во время холодной службы»[734]. В ответе еп. Евгений с благодарностью пообещал носить «Багримовы сапоги», но дома, так как опасался быть принятым на публике за мурзу или муллу. «Вы

---

[729] Письмо П.С. Авсенева С. П. Шевыреву от 9 сентября [1841 – 1844 гг.] // ОР РГБ. Ф. 231/II. К. 1. Д. 20. Л. 3–3 об.
[730] Переписка Евгения с Державиным... С. 66–87; *Западов В.А.* Работа Г.Р. Державина над “Рассуждением о лирической поэзии” // XVIII век. Сб. 15. Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 229–282; *Арефьева Н.Н.* Богословские реминисценции в оде Г.Р. Державина «Христос». В связи с дружбой поэта и митрополита Евгения (Болховитинова) // Державинские чтения. Вып. 1. Сборник научных докладов. СПб., 1997. С. 35–36.
[731] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Д.И. Хвостову от 30 сентября 1805 г. // Переписка Евгения с Державиным... С. 71.
[732] Переписка Евгения с Державиным… С. 73.
[733] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Г.Р. Державину от 8 июля 1809 г. // Там же. С. 75–76.
[734] Письмо Г.Р. Державина архиеп. Евгению (Болховитинову) от 20 июня 1816 г. // *Державин Г.Р.* Сочинения. Т. II. СПб., 1847. С. 574.

согреваете меня и благосклонностью вашею, и подарками»[735], – писал он. Это письмо Евгения уже не застало поэта в живых.

Продолжительное общение с замечательным поэтом не могло не сказаться на понимании еп. Евгением ограниченности собственных литературных способностей. Его интерес окончательно переместился из области художественного сочинительства в научную сферу истории литературы, где и получил свою реализацию в виде создания словарей. Но и в этой роли Евгений как просвещенный пастырь, способный «с верой соединять любезных муз служенье»[736], оказался нужным образованному русскому обществу.

---

[735] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) Г.Р. Державину от 3 июля 1816 г. // Переписка Евгения с Державиным…С. 86.

[736] Один из издателей «Друга просвещения», в котором Евгений публиковал первые статьи своего словаря, видный сенатор и литератор Павел Иванович Голенищев-Кутузов (1767–1829) адресовал Евгению стихотворение, в котором выразил значение трудов Евгения для просвещенной публики:

«Почтеннейшему нашему сотруднику преосвященному Евгению епископу Старорусскому, от искренняго его почитателя.

О ты, котораго назначила судьбина,
Быть добрым Пастырем, к отраде всех овец,
Идущий с бодростью следами Августина!
Сколь сладко на тебе лавровый зреть венец,
Даруемый тебе десницей Аполлона,
От митры мещущий сугубый новый свет;
Ты, смело шествуя к вершинам Геликона,
Стремишься исполнять премудрости совет,
Колико чистота священнаго Парнаса,
Совместна с чистотой и веры и любви,
Ты это доказал чрез силу слова, гласа –
Для подвигов таких на много лет живи!
Ты ясно нам явил, что мудрый проповедник
Быть может чистых дев невинный собеседник,
Что с лирою златой согласнее гремят
Священны пения в хвалу и славу Богу,
Что там гармонию они в сердцах родят,
Где зрим с любезностью жизнь мирную и строгу,
Что Флакка, Пиндара читать никак не грех,
Что можно, как пчела, брать сладкий мед со всех,
Что можно иногда беседовать с Мольером,
Что можно веровать, не бывши лицемером;
О, сколько я завидую судьбе!
О, как бы подражать и я хотел тебе!
Чтоб с вероюй соединять любезных муз служенье:
Но мне препятствует мирское закруженье;
На крыльях ты паришь, а я ползу как крот;
В грехах моих погряз, чужд правды и доброт,
Не твой имею ум, нет духа, сил, ни знаний,
Нет добродетелей твоих, ни дарований –
Со снисхождением стихи мои читай,
И лучших мне во всем успехов пожелай.

В студенческие годы Евфимий Алексеевич Болховитинов был погружен в интеллектуальную среду, дававшую ему обильную пищу для размышлений, способных претвориться в собственную научную позицию лишь в процессе самостоятельных исследований. Встав на путь исторических изысканий, Болховитинов постоянно наблюдал за работой своих коллег, и это помогало его научному самоопределению.

Молодой ученый пристально следил за всеми книжными новинками, внимательно изучал публиковавшиеся исторические сочинения. С большим интересом следил он за научной деятельностью Николая Михайловича Карамзина. «Когда-то выйдет История Карамзина? – писал он Анастасевичу из Пскова. – При первом появлении прошу захватить один экземпляр для меня, не в богатом переплете, который отнюдь не принадлежит к пользе истории»[737]. Евгений был свидетелем полемики, развернувшейся после выхода этого труда в свет. В публичном противостоянии М.Т. Каченовского и Н.М. Карамзина он занимал сторону историографа. Выступления Каченовского в печати не встречали одобрения со стороны ученого-архиерея ни по форме, ни по своему содержанию. Он писал: «На справедливую критику лучший ответ – исправление, а на лживую – и более не смотреть. Я одобряю в этом Карамзина, который никогда никому не отвечал. Каченовский обещает тоже окончание своей брюзгливости. Да и нам, читателям, какая польза в его защиту Фукидиду, Ливию и Тациту? Скажи что-нибудь против русской истории»[738]. Разделяя критический подход Каченовского к историческим источникам, митрополит Евгений не мог согласиться с тем скептицизмом, с которым он подвергал сомнению подлинность русских летописей и основанной на них всей древней российской истории. После смещения в 1835 г. Каченовского с кафедры русской истории статистики и географии Московского университета он писал Снегиреву: «Каченовского, думаю, для того удалили от российской истории, чтобы он со своею школою не расстраивал ее. На него сердиты и иностранные славяне. Он

Павел Г[оленищев]-Кутузов».

См.: Письмо П.И. Голенищева-Кутузова еп. Евгению (Болховитинову) от 26 февраля 1805 г. // *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Указ. соч. С. 273–274.

[737] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 6 июля 1817 г. // Там же. Т. 18. № 12. С. 638.

[738] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 26 марта 1819 г. // Русский архив. 1889. Вып. 6. С. 195.

подражает Нибуру; но и Нибура немцы окритиковали. Лучше иметь какую-нибудь историю, нежели никакой»[739].

Труд Карамзина был важен для Евгения именно тем, что он состоялся. «На Карамзина и за Карамзина наши журналисты сильно дерутся, – писал он Кеппену. – Пусть сам Арцыбашев примется написать целую историю, тогда увидит, что легче поверять другого, нежели самому избежать ошибок»[740]. Митрополит Евгений видел ошибки в сочинении историографа и обсуждал их в частной переписке, но никогда не вступал в публичную полемику. Если суммировать многочисленные замечания ученого-архиерея к историческому труду Карамзина, то оказывается, что они касаются в первую очередь фактических неточностей[741] и неправильного толкования устаревших слов[742]. Кроме того, сама самодержавная идеологическая концепция историографа создавала трудности для изложения всех имеющихся в распоряжении историков фактов без изъятий и умолчаний. Об этом архиеп. Евгений писал. Анастасевичу: «Карамзину не трудно описать Грозного царя тиранство, ибо вся Курбского летопись есть только реестр таких его дел. Но Курбский беглец от него и писал за границею, а историограф еще в границах»[743].

О личных отношениях двух историков почти ничего неизвестно. Кроме общей обстановки, окружавшей их в Москве, и наличия общих знакомых ничто не указывает на их творческое взаимодействие. Но, несмотря на это, попытки связать двух историков, сопоставить их научные труды предпринимались исследователями последующих поколений[744]. Если утверждение Шмурло о том, что в период московского студенчества Болховитинов находился в русле «литературного движения, создавшего и

---

[739] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) И.М. Снегиреву от 14 октября 1835 г. // Чтение в ОИДР. Кн. 2. Ч. IV. М., 1892. С. 866.

[740] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) П.И. Кеппену от 13 апреля 1829 г. // СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 84. Л. 16.

[741] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 28 мая 1820 г. // Русский архив. 1889. Вып. 7. С. 359; Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) гр. Д.И. Хвостову от 28 мая 1820 г. // Переписка Евгения с Державиным… С. 189; Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) Н.П. Румянцеву от... // Переписка митрополита Киевскаго Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 г. включительно). Вып. 3. Воронеж, 1868. С. 97.

[742] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 16 августа 1818 г. // Русский архив. 1889. Вып. 5. С. 67; Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 10 июня 1819 г. // Там же. Вып. 6. С. 195.

[743] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 16 января 1820 г. // Русский архив. 1889. Вып. 7. С. 324.

[744] *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 78; *Шмидт С.О.* Е.А. Болховитинов... С. 4–15.

подготовившего Карамзина»[745], не вызывает возражений, то мнение А.М. Аббасова, считавшего, что «Болховитинов был дружен с Карамзиным еще в период обучения в Москве по кружку Новикова, встречался с ним, обменивался мыслями по поводу исторических исследований»[746], а также встречался с историографом в доме Оленина[747], не находит подтверждения в известных источниках. В то же самое время заслуживает внимания предположение Шмидта, о том, что «труды Болховитинова (возможно с дарственными надписями) находились в сгоревшей в 1812 г. личной библиотеке историографа»[748], так как далее оно обосновывается упоминаниями работ Евгения в примечаниях к «Истории государства российского» Карамзина.

Можно с уверенностью утверждать, что даже при вероятном отсутствии личных контактов, двух историков связывало взаимное уважение и признание важности трудов друг друга. В примечаниях к своей «Истории» Карамзин почтительно упоминал об ученом архиепископе Евгении, сообщал, что обязан приводимыми замечаниями сочинителю «Исторических разговоров о древностях Великого Новгорода»[749]. Известно письмо историографа и ответ еп. Евгения, касающиеся захоронений новгородского князя Владимира Ярославича и его матери княгини Анны в Софийском соборе[750]. Есть сведения об обращении историографа к митр. Евгению и по другим историческим вопросам. Так он писал своему родственнику поэту Вяземскому: «Благодарю преосвященного… за так называемый Боянов гимн. Пожалуйста, спросите и меня уведомьте, кто имеет оригинал, на пергаменте писанный, как сказано? Где это найдено и давно ли известно? Кто переводил?»[751]. И еще через несколько дней: «Скажите также от меня ласковое слово епископу Евгению; я искренно уважаю его и буду ему благодарен, когда он пришлет мне верную копию с гимна Боянова действительного или мнимого»[752].

---

[745] *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений... С. 61.
[746] Митрополит Евгений (Е.А. Болховитинов). Жизнь и творчество. Энциклопедический словарь. Воронеж, 1998. С.87.
[747] *Аббасов А.М.* Оленин Алексей Николаевич // Митрополит Евгений (Е.А. Болховитинов)… С. 128.
[748] *Шмидт С.О.* Указ. соч. С. 10.
[749] Там же.
[750] Письма митрополита Евгения Н.М. Карамзину // Библиограф. 1889. № 7. С. 108–111.
[751] Письмо Н. М. Карамзина П.А. Вяземскому от 16 октября 1812 г. // Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива. Письма 1812 г. Русский архив. Вып. 2. 1866. С. 231.
[752] Письмо Н.М. Карамзина П.А. Вяземскому от 14 ноября 1812 г. // Там же. С. 234. Известно также, что Евгений посылал Карамзину выписку о жизни Ходкевича, не ясно, какого именно. См.: Письмо еп. Евгения

В свою очередь митрополит Евгений называл Карамзина «почтеннейшим историографом»[753] и «знатоком»[754] исторических материй, желал успешного завершения его труда[755], ожидал исправления в нем всех неточностей[756] и оснащения его научным аппаратом[757].

Став уже признанным ученым, митр. Евгений не утратил интереса к сочинениям более молодых авторов, обращавшихся к истории России. Известен его отзыв об «Истории русского народа» Н.А. Полевого: «2-й том Полевого истории я прочитал. Довольно разборчиво. Но жаль, что он разбранил Владимира Мономаха, в котором были слабости и пороки его века, но в веке его не было его достоинств и добродетелей»[758]. Евгений отметил существенную особенность подхода молодого историка к описанию исторических деятелей, его попытки объяснять действия князей исключительно общим ходом истории, нивелируя при этом их личностные качества. Евгений как ученый не мог согласиться с таким видением истории, при котором в угоду обобщениям теряется уникальное. Пытаясь в противовес Карамзину показать органические начала жизни русского народа, Полевой зачастую давал славянам уничижительные оценки[759], с которыми ученый-архиерей никак не мог согласиться[760].

Выйдя в свет, исторические произведения Карамзина и Полевого становились одновременно фактом исторической науки и художественной литературы. Митрополит Евгений воспринимал это как данность и относил к области словесности как исторические исследования, так и беллетристику, но желал, чтобы образы прошлого,

---

(Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 10 января 1815 г. // Русский Архив. 1889. Вып. 5. С. 33; Письмо Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 27 января 1815 г. // Там же. С. 36.

[753] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) гр. Д.И. Хвостову от 21 июня 1820 г. // Переписка Евгения с Державиным… С. 190.

[754] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) графу Д.И. Хвостову от 31 октября 1806 г. // Там же. С. 138.

[755] «О славе Карамзина читали мы и в газетах. Дай Бог ему кончить историю до наших времен. Но предлежит великий еще подвиг». См.: Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) графу Д.И. Хвостову от 6 мая 1816 г. // Там же. С. 161.

[756] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 20 января 1819 г. // Русский архив. 1889. Вып. 6. С. 166.

[757] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 19 декабря 1819 г. // Там же. С. 236.

[758] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) И.И. Снегиреву от 5 декабря 1828 г. // ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 361. (Архив И.М. Снегирева). Д. 11. Л. 3 об.

[759] Например: «Обилие средств жизни при тяжкой власти повелителей-варягов ласкало леность славянина и приучало его к рабскому бездействию». См: *Полевой Н.А.* История русского народа. Ч. 2. М., 1830. С. 51.

[760] «Вторую книгу на Полевого я получил от Глазунова и прочитал с удовольствием. Читавши Полевого второй том, я именно те места заметил, которые Руссов критикует». См. Письмо митр. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 13 декабря 1830 г. // ОР РГБ. Ф. 8. К. 1. Д. 38. Л. 3.

предлагаемые авторами, вызывали у читателей чувство сопричастности с великими деяниями предков. Ученый тепло отзывался о произведениях, способных служить славе Отечества и подкреплять интерес публики к истории[761]. О книге «Историческое похвальное слово Дмитрию Донскому»[762] он писал ее автору А.В. Казадаеву: «Я читал ее с великим удовольствием по частям еще в “Отечественных записках” и пленялся патриотическим духом ея, красноречивым слогом, прекрасными картинами и трогательными чувствованиями. Теперь залогом Вашего ко мне благорасположения имею целую книгу и буду еще читать»[763]. Ученый приветствовал выход в свет книги А.И. Михайловского-Данилевского, посвященной его участию в заграничных походах русской армии и взятию Парижа[764]. Он выражал свое удовольствие и благодарность автору «записок, столь любопытных для всякого русского»[765].

Однако митр. Евгения в большей степени интересовало научное направление в истории. Он с радостью отмечал успехи молодых авторов на этом поприще. «Письмо Ваше и при оном перевод ваш книги о жилищах древнейших руссов имел я честь получить и книгу, а особливо критический ваш разбор прочитал я с великим удовольствием, – писал он Михаилу Петровичу Погодину. – Ваша терпеливость в сводах, проницательность в заключениях и решительная критика заслуживают всякое уважение. А я покорнейше благодарю за доставленное мне вами удовольствие»[766]. Ощущая близость научных взглядов, митрополит Евгений связывал с молодым ученым М.П. Погодиным свои надежды на продолжение изучения русских летописей. Евгений писал ему: «Мнение школы М.Т. К[ачеповского] мне известно, так как и ваша статья о достоверности наших летописей и возражение помянутой школы. От вас ожидаем

---

[761] Он писал В.М. Перевощикову: «Покорнейше благодарю за прекрасное ваше жизнеописание князя Долгорукова. Продолжайте издавать такие сочинения к славе отечества и собственной вашей. Ныне русские любят уже русское читать и предпочитают иностранному». См.: Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.М. Перевощикову от 11 июля 1819 г. // РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 4. Д. 2. Л. 6.

[762] *Казадаев А.В.* Историческое похвальное слово Дмитрию Донскому. СПб, 1827.

[763] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) А.В. Казадаеву от 27 декабря 1828 г. // ОР РНБ. Ф. 325. (Архив А.И. Михайловского-Данилевского). Д. 31. Л. 1.

[764] *Михайловский-Данилевский А.М.* Записки 1814 и 1815 годов. СПб., 1832.

[765] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) А.И. Михайловскому-Данилевскому от 25 июня 1832 г. // ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 527. (Архив А.И. Михайловского-Данилевского). Д. 73. Л. 1.

[766] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) М.П. Погодину от 3 декабря 1826 г. // ОР РГБ. Ф. 231/II. К. 46. Д. 21. Л. 1.

продолжения и надеемся, что вы оправдаете и летописи наши и Нестора»[767]. Переписка, завязавшаяся между двумя учеными, свидетельствует о большом внимании, с которым М.П. Погодин относился ко всем советам и замечаниям, предлагаемым ученым-архиереем[768]. Он же впоследствии занимался сохранением наследия митрополита Евгения.

Сформированные в юнности эстетические предпочтения Евгения не претерпели существенных изменений на протяжении последующих лет: он сохранил ориентацию на крассические литературные образцы и приверженность высокому поэтическому стилю. Относясь к литературе как к «юности просвещения», он ценил воспитательное воздействие художественной прозы и поэзии, способной возбуждать в читателях патриотические и нравственные чувства, но свои юношеские литературные опыты в зрелые годы именовал не иначе, как «стихосогрешения». Наибольшее общественное воздействие, по мнению Евгения, имели научные труды как состоявшихся, так и начинающих историков, прививавших просвещенному читателю навыки размышления о прошлом своего Отечества.

2.3 Между прогрессом и традицией. Рецепция идей Просвещения и их трансформация в нравственные категории

Одним из источников, позволяющим изучать систему взглядов русских религиозных просветителей, является церковная проповедь[769]. Как часть богослужения православная проповедь призвана возвещать и разъяснять верующим евангельские истины, как часть словесной культуры она демонстрирует ученость пастыря, его богословские, философские и риторические предпочтения, сказывающиеся в выборе тем

[767] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) М.П. Погодину от 3 января 1835 г. // ОР РГБ. Ф. 231 / II. К. 52. Д. 27. Л. 1–2.

[768] *Евгений (Болховитинов), митр.* Замечания на начертание Русской истории М.П. Погодина // ОР РГБ. Ф. 233. К. 9. Д. 67; Письма митр. Евгения (Болховитинова) М.П. Погодину // ОР РГБ. Ф. 231/II. К. 46. Д. 21; К. 52. Д. 27.

[769] При написании этого раздела использовались материалы из статей автора: *Клочкова М.Ю.* Церковные проповеди митр. Евгения (Болховитинова) как исторический источник // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 4. С.82–95; *Клочкова М.Ю.* Концепция воспитания юношества в церковных проповедях митрополита Евгения (Болховитинова) // Человеческий капитал. 2019. № 9 (129) С. 22–28.

и средств их раскрытия. В России XVIII в. – нач. XIX в. церковная проповедь была уделом узкого круга лиц, принадлежавших к ученому монашеству[770]. В их число входил митр. Евгений (Болховитинов).

О митр. Евгении как церковном проповеднике сохранились разноречивые сведения. Автор «Обзора духовной литературы» архиеп. Филарет (Гумилевский) так оценивал проповеди Евгения: «Изложение мыслей – ясное, но язык – шероховатый; о даре ораторском не говорим: его нет; глубоких мыслей не ищите. Часто мысль слова развивается не совсем логично и неполно; мысли ставятся одна подле другой как бы случайно»[771]. В подобном же критическом ключе рассматривал проповедническую деятельность ученого епископа его биограф Шмурло, который не отказывал Евгению в логике, но не находил у него дара красноречия и умения трогать сердца слушателей. Он писал: «Художественности в речах Евгения не ищите, истинной образности – тоже. Ход мысли напоминает приемы для доказательств геометрической теоремы. Части целого в проповеди, конечно, связаны и очень умело, но одними узами логики... Не спорим, иныя проповеди Евгения убедят вас, но это будет убеждение рассудка, и никогда уже не вызовут рвения пойти по следам проповедника. Савонаролой Болховитинов никогда не мог бы стать»[772]. Оба автора оставили без внимания содержание проповедей Евгения, полностью сосредоточившись на характере их построения и изложения. Статья о Евгении в иллюстрированном справочнике «Русские портреты XVIII и XIX столетий», изданном в начале XX в. Русским Историческим обществом, суммирует приведенные выше мнения, сообщая, что «как всякий архиерей, Евгений... в подобающих случаях произносил свои логические, но сухие и не отличающиеся литературным изяществом проповеди. Но все это было для Евгения чем-то побочным, прямо даже мешающим его излюбленной деятельности исключительно научного характера»[773].

Сложившаяся в дореволюционной литературе точка зрения, согласно которой проповедничество не являлось значимым направлением деятельности митр. Евгения

---

[770] *Живов В.М.* Указ. соч. С. 378.
[771] *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы. 862–1863. СПб., 1884. С. 441.
[772] *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений как ученый... С. 138.
[773] Митрополит Евгений (Евфимий Болховитинов) // Русские портреты... № 71.

(Болховитинова), расходится с мнением специалиста в деле изучения церковной проповеди, автора нескольких трудов по гомилетике[774] и ординарного профессора КДА по кафедре церковного красноречия Василия Федоровича Певницкого. В своей статье «Проповеднические труды покойнаго митрополита Киевского Евгения», опубликованной в Трудах КДА в 1867 г., он отмечал не только глубокое знание Евгением Библии и церковной истории и умение прилагать их к проповеди, но и ясность и прозрачность состава его церковных поучений, умеренность их объема, простоту изложения, логическую правильность развития мысли, использование приемов живого диалога, что позволяло вероучительным истинам самим собой ложится в сознание его слушателей. Что касается эстетической стороны речи проповедника, то Певницкий считал, что «Евгений может быть поставлен в числе самых лучших представителей чистой литературной русской речи между писателями первой четверти настоящего столетия»[775]. Правильная, чистая, соответствующая церковной кафедре речь, спокойный, исполненный достоинства ее тон, лишенный пламенных восклицаний и обращений, рассчитанных на то, чтобы понравиться слушателям и произвести на них особое впечатление, легкое движение чувства, возбуждающее некоторую живость мысли, составляли ту манеру изложения, которая, по мнению В. Ф. Певницкого, «как нельзя более удобна к тому, чтобы приковать внимание слушателей к излагаемому предмету и сильнее отпечатлеть его в сознании»[776]. Возможно, церковные поучения митр. Евгения были по-школьному слишком правильными и размеренными, чтобы увлекать и поражать слушателей, что требовалось критиковавшим его авторам. Это обусловило отсутствие широкого внимания к его проповедям, изданным в 1834 г. в виде четырехтомного сборника, даже среди исследователей в области гомилетики и составителей соответствующих учебных курсов для духовных школ[777].

---

[774] Гомилетика (от греч. ὁμιλία – беседа, общение, собрание и лат. ethica – учение о нравственности) –богословская наука, учение о церковной проповеди.

[775] *Певницкий В.Ф.* Проповеднические труды покойного митрополита Киевского Евгения // Труды КДА. 1867, № 4. С. 50.

[776] Там же. С. 47.

[777] См.: Учебный курс по истории проповедничества Русской Православной церкви. Загорск, 1990; *Феодосий (Бильченко), еп*. Гомилетика: Теория церковной проповеди. Сергиев Посад, 1999 *Аверкий (Таушев), архиеп.* Руководство по гомилетике. М., 2001; *Зубов В.П.* Русские проповедники. Очерки по истории русской проповеди. М., 2001 и др.

Формирование митр. Евгения как церковного оратора происходило под воздействием самого известного проповедника того времени директора (протектора) Славяно-греко-латинской академии митр. Платона (Левшина), оказывавшего покровительство своему студенту Евфимию Алексеевичу Болховитинову во время его обучения. Позже в своем «Словаре духовных писателей» митр. Евгений уделил большое внимание проповедническим трудам своего наставника, проделал их разбор и привел обширную цитату из предисловия к его речам, раскрывающую взгляды митр. Платона на церковное проповедничество. Митр. Платон считал излишним использование светского «витийственного и испещренного слога» для бесед о вечных истинах, провозглашаемых с церковной кафедры. Он утверждал, что «проповедник должен беседовать к людям различного состояния и понятия; а потому необходимость требует, дабы духовная беседа была всякому удобопонятна», поэтому он сам стремился к тому, чтобы в его речи «ничего не было темнаго, невразумительнаго или сомнительнаго или обоюдный разум имеющаго; чтобы притом все было поставлено в своем месте, сходственно с порядком естественным; доказательства на всякое предложение были б приличныя, убедительныя, неоспоримыя и ничего таковаго между ими не было, чтобы слушателю показалось сомнительным, или бы он на что мог возражение сделать»[778]. Такая проповедь, по убеждению митр. Платона, наилучшим образом «может подействовать в сердце слушателя и больше к его пользе послужит»[779]. Логичность, последовательность развертывания основной мысли, ее убедительность как залог наибольшего проявления нравственного воздействия, которым обладают преподаваемые слушателям вероучительные истины, объединяют проповеди двух митрополитов, некогда наставника и его студента.

Сходные представления о церковной проповеди, ее характере и назначении содержатся в выбранной префектом Воронежской семинарии Болховитиновым в качестве учебника для будущих пастырей и переведенной им на русский язык в марте 1793 г.[780] книге католического священника и члена Французской академии Николя

---

[778] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, грекороссийския церкви. Ч. I–II. СПб, 1827. С. 561–562.
[779] Там же. С. 562–563.
[780] *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений... С. 134–135.

Шарля Жозефа Трюбле (1679–1770)[781]. Автор утверждал, что «нравоучение должно быть преимущественною материею проповеди»[782], так как оно в соотношении с догматами составляет дух и смысл религии. Нравоучение, взятое из Священного Писания способно тронуть сердце слушателя, разбудить спящую веру человека, привыкшего к театральным пьесам и романам, так как «вкус к нравоучению есть в числе характеров нашего века. Оно более, нежели когда-либо, входит ныне в обыкновенные разговоры; оно рассеивается по всем сочинениям, какой бы материи они ни были и каким бы порядком ни писались»[783]. Польза слушателей составляет необходимый предмет церковного красноречия, поэтому проповеднику следует обратить внимание не только на стиль и логику изложения, но и на знание тех, перед кем он говорит. Трюбле различал придворную проповедь, предназначенную для просвещенной публики, городскую, деревенскую и миссионерскую, как самую простую. Для более взыскательной публики нужен умный проповедник, так как «чем больше люди усовершаются со стороны ума и познаний, тем меньше красноречие имеет силы над ними... не очень основательная речь не обманет и не убедит искусных и рассудливых людей. И так власть красноречия простирается над одним только народом»[784]. Но какой бы не была слушающая его паства, проповедник должен говорить «благоразумно, рассмотрительно и тщательно убегать всего того, что по справедливости может быть противно умным людям»[785]. По утверждению Трюбле, проповедь является действенной силой в усовершенствовании ума и нравов пасомых любых занятий и состояний, но церковному оратору следует всегда ориентироваться на просвещенного слушателя. Учение Трюбле о церковном красноречии оказало существенное влияние на проповедническую деятельность митр. Евгения (Болховитинова). Чаще всего нам не известны конкретные даты и места произнесения его церковных поучений, но выбор тем и построение проповедей свидетельствуют о его следовании однажды выбранному

---

[781] *[Трюбле Н.Ш.Ж.]* Размышления о красноречии вообще и особенно о проповедническом красноречии, из сочинений г. аббата Трюблета, переведенные в Воронежской семинарии для пользы юношества, воспитывающегося в той же семинарии. М., 1793.– 157 с.
[782] Там же. С. 86.
[783] Там же.
[784] Там же. С. 91.
[785] Там же. С. 89.

нравственно-практическому направлению, которое было задано митр. Платоном и аббатом Трюбле[786].

Таблица 1

Церковные проповеди митр. Евгения (Болховитинова) [787]

Характер проповеди	Поучение на церковный праздник или памятный день богослужебного года	Проповедь по случаю государственного праздника, включая императорские дни	Надгробное слово	Архиерейские поучения, обращенные к верующим различных епархий	Приветственная или ответная речь	Всего
Число проповедей	118	22	6	25	3	174

Всего известно более 170 проповедей митр. Евгения, произнесенных им в период с 1790 по 1834 гг., среди которых беседы на различные праздничные и памятные дни богослужебного года, на государственные праздники, в том числе императорские дни, надгробные слова, а также приветственные и ответные речи и поучения, обращенные к разным паствам (см. Табл. 1). Более 150 проповедей было опубликовано[788], некоторые из них многократно переиздавались[789].

---

[786] Принцип построения проповедей митр. Евгения определял их основное направление: конкретизировалась тема, отражавшая смысл праздника или отрывка их Евангелия, она прилагалась к человеческому опыту, близкому слушателям, выводился нравственный смысл. Проиллюстрировать это можно на примере Слова 28 в неделю 11 по Пятидесятнице. Евангельское чтение: «Уподобися Царствие небесное человеку царю, иже восхоте стязатися о словеси с рабы своими» (Мф. 18:23). Напоминалась притча о необходимости прощать своим должникам, чтобы Отцом небесным простились наши долги. Дале митр. Евгений говорил: «Вот ясное изображение в примере сем всего того, что мы в связях с ближними нашими делаем, и что, смотря на дела наши, Бог с нами делает! Чтобы воспользоваться нам сим изображением, представленным от Спасителя, применим подробнее сию притчу к себе и выведем из того для себя нравоучение». См.: Собрание поучительных слов, в разные времена и в разных епархиях проповеданных, святейшаго правительствующаго Синода и Комиссии духовных училищ членом Евгением митрополитом Киевским и Галицким, Киево-Печерской лавры Священно-архимандритом и разных орденов кавалером. Часть I. Киев, 1834. С. 262.

[787] НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238. Коллекция Н.П. Лихачева. Оп. 2. Д. 136/1. Л. 1–29 об.; Шмурло Е.Ф. Библиографический список литературных трудов Киевского митрополита Евгения Болховитинова. Вып. 1. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих. С. 20, 21, 32, 35–36, 49; Рукавіцина-Гордзієвська Є.В. Київський митрополит Євгеній... С. 717–719.

[788] *[Болховитинов Евфимий, свящ.]* Слово на погребение Ея Превосходительства Генерал-Поручицы Наталии Димитриевны Чертковой, скончавшейся мая 21 дня 1790 года в Воронеже // *Зверев Ст[ефан], свящ.* Надгробное слово префекта Евфимия Болховитинова. Сергиев-Посад, 1896. – 8 с.; *[Болховитинов Евфимий, свящ.]* Слово надгробное преосвященному Иннокентию епископу Воронежскому, преставльшемуся в Бозе 1794 года апреля 15 дня то есть: в субботу светлыя недели, говоренное по совершении божественныя литургии при начале погребательнаго молитвословия в Воронежском Благовещенском соборе, тогоже апреля 19 числа, с

Проповеди Евгения (Болховитинова) разных лет содержат его рассуждения на тему, ставшую центральной для мыслителей просвещенного века: о роли разума в частной и общественной жизни, в процессе человеческого познания и овладения окружающим миром.[790] В трактовке религиозного просветителя произошел разворот этой темы в онтологическую плоскость. Болховитинову важно было ответить на вопрос о соотношении разума и веры в постижении смысла жизни и смерти.

В самой ранней из сохранившихся проповедей Евгения, в надгробном слове, произнесенном на погребении супруги наместника и генерала-губернатора Воронежской губернии В.А. Черткова[791] Наталии Димитриевны (1730–1790), в то время еще не принявший духовный сан префект Воронежской духовной семинарии Евфимий Алексеевич Болховитинов, призывал своих слушателей в поисках утешения в скорбных обстоятельствах обратиться к здравому разуму и вере. Недавний выпускник Славяно-греко-латинской академии для подкрепления основной идеи своей проповеди подобрал хорошо известные ему исторические примеры. Он утверждал, что античные мудрецы и древние народы дохристианской эпохи, владевшие одним только разумом для постижения тайны жизни и смерти, видели смысл земного существования не в

присовокуплением к тому Речи и Разговора стихами, говоренных также над гробом пред последним целованием тела; и с приложением Краткаго летописца преосвященных воронежских от основания епископскаго престола в Воронеже до нынешняго времени. Воронеж, 1799. – 50 с.; *[Болховитинов Евфимий, прот.]* Речь в похвалу ея императорскаго величества Екатерины II самодержицы всероссийской при случае торжества о бракосочетании его императорскаго высочества благовернаго государя и великаго князя Константина Павловича с ея императорским высочеством благоверною государынею великою княжною Анною Феодоровною, говоренная февраля 9 дня 1796 года. М., 1796. – 9 с.; Речь Святейшему Синоду, говоренная архимандритом Евгением при наречении его Старорусским епископом. СПб., 1804. – 2 с.; Собрание поучительных слов, в разные времена и в разных епархиях проповеданных, святейшаго правительствующаго Синода и Комиссии духовных училищ членом Евгением митрополитом Киевским и Галицким, Киево-Печерской лавры Священно-архимандритом и разных орденов кавалером. Часть I–IV. Киев, 1834. – 1700 с.

[789] Пастырское увещание о прививании предохранительной коровьей оспы. СПб., 1811; М., 1811; Спб, 1813; СПб., 1827. – 32 с.; Собрание поучительных слов... Часть IV. Киев, 1834. С. 274–323. Слово на день торжественного воспоминания и Господу Богу благодарения о поражении врагов Отечества нашего, и о прогнании их из пределов Калужския губернии, проповеданное в Калужской Иоаннопредтеченской церкви окт. 12 1813 года епископом Калужским и Боровским и Кавалером Евгением. М., 1813. – 14 с.; Собрание образцовых российских сочинений и переводов в прозе. Ч. 1. СПб., 1822. С. 186–198; Собрание поучительных слов... Часть IV. Киев, 1834. С. 236–251 и др.

[790] «Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине – это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! – имей мужество пользоваться собственным умом! – таков, следовательно, девиз Просвещения». См.: *Кант И.* Ответ на вопрос: что такое Просвещение? (1784) // Собр. соч. Т. 6. М., 1966. С. 25. См. также: *Имбрулья Дж.* Разум // Мир. Просвещения. Исторический словарь. М., 2003. С. 88–97.

[791] Чертков Василий Алексеевич (1726–1793) – генерал-губернатор Воронежского наместничества в 1782–1793 гг.

долголетии или временных наслаждениях, а в наполняющих его полезных деяниях. «Не числом лет, но числом добрых и полезных свету дел жизнь измерять должно»[792], – восклицал проповедник. Разумное следование принципам общественной пользы в совершаемых человеком поступках должно соединяться с верой, придающей этим деяниям качество добродетелей, стяжание которых дает человеку обетование вечной жизни. Евфимий Алексеевич перечислил эти добродетели: христианское благочестие, выражающееся в истинной набожности и посещении храмов, супружеская верность и любовь, человеколюбие, проявленное в благоразумном попечении о детях, привязанности, любви и добросердечии по отношению к ближним, чистую совесть, чувствительность к бедствующим и несчастным вдовам и сиротам. Это те дела, которые созидают пользу общества, сохраняются в памяти окружающих и свидетельствуют о посмертном блаженстве.

В своих последующих проповедях митр. Евгений использовал тот же прием отождествления языческой мудрости с разумным путем постижения онтологических истин в противовес вере. Он говорил: «Что душа наша сотворена от Бога бессмертною, в том не только христиане, но и большая часть язычников издревле были согласны. У всех народов было, может быть по праотеческому преданию, понятие о будущей вечной жизни по смерти, о исполнении там Божия правосудия и о наградах за деяния настоящия. Одни только отчаянные беззаконники, которым нечего добраго ожидать от правосудия Божия, всегда старались, и чувствовали в совести своей нужду стараться затмевать сию истину»[793]. Однако естественный разум язычников, признавший вечную жизнь души, не был способен принять идею бессмертия человеческого тела, это стало постижимо только благодаря данному людям Богом Откровения. Христианам, вооруженным верой как средством познания, по мнению митр. Евгения, нельзя отказываться от возможностей разума, способного восходить от познания окружающего мира к постижению тайны бытия[794].

---

[792] *[Болховитинов Евфимий, свящ.]* Слово на погребение Ея Превосходительства Генерал-Поручицы Наталии Димитриевны Чертковой, скончавшейся мая 21 дня 1790 года в Воронеже // *Зверев Ст[ефан], свящ.* Надгробное слово префекта Евфимия Болховитинова. Сергиев-Посад, 1896. С. 4.
[793] Собрание поучительных слов… Часть I. С. 16–17.
[794] Там же.

Тему соотношения разума и веры как средств познания митр. Евгений раскрывал в своих церковных поучениях. Он использовал свой постоянный прием разъяснения смысла евангельского текста через обращение к повседневному опыту слушателей. Выбрав для поучения фрагмент Послания ап. Павла к Коринфянам (1 Кор. 1:18) после первой вводной фразы об ограниченности и слабости человеческой мудрости, считающей юродством истины, проистекающие из всесовершенной Божией премудрости, он перешел к рассуждению о человеческом разуме. Он говорил: «Бог одарил человека познанием и разумом, и то, что люди по преимуществу называют здравым рассудком, есть преимущественнейший его же дар»[795]. Но даже в самых совершенных людях, ум которых был просвещен божественными истинами, разум вступал в борьбу с растленным человеческим естеством, создававшим препятствия для любого познания, в том числе научного. Митр. Евгений показал возвышающую роль научного знания: «Ничто так не доказывает достоинства человека, как знания и науки, и сие тем паче, что человек сам большей части оных есть изобретатель и творец. Но как нет добра, которого бы человек не превращал во зло, то и с науками своими он также поступает. Он столько возгордился ими, что все то считает ложным или по крайней мере неудобовероятным, чего он еще не познал и что сходно с предположенными уже от него правилами в его знаниях... Таковы-то заключения и надменных мудрецов века сего, а наипаче когда они хотят судить о делах и вещах божественных. Они требуют, чтобы сам Бог не иначе поступал, как они в книгах своих описали возможныя вещи, и не иное бы что делал, как то, что им может быть вразумительно, и что сходно с принятыми уже положениями их философии»[796].

Митр. Евгений обращался к своим слушателям с призывом подчинять разум вере. Он говорил: «Век наш, по несчастию, развращенный вольностию мыслей и поступков, считает уже веру для себя неудобоносимым игом. Но сколько ни тяжка для вольнодумцев кажется вера, к стыду однако ж своему они не примечают, что сами большею частью познаний своих обязаны вере. Ибо могли ль они все то видеть, слышать и испытать собственным своим искусом, что они ведают?.. Самые высокие

[795] Собрание поучительных слов… Часть III. С. 391.
[796] Собрание поучительных слов… Часть III. С. 392–394.

мудрецы большую часть познаний своих основывают на чужом свидетельстве. Итак, вера есть первое и всеобщее средство просвещения нашего даже и в человеческих науках»[797]. Стремясь выяснить причину распространяющегося неверия среди просвещенных современников, митр. Евгений один за другим отмел их возможные доводы и заключил: «Весь источник неверия заключается ни в рассудке, ни в просвещении, ни в здравой мудрости, но в сердце и нравах нашего века»[798]. В других поучениях митр. Евгений утверждал, что именно вера является главным способом познания и преодоления ограниченности разума[799]. «Вера просвещает и разумение»[800], – настаивал он.

Призывая своих слушателей подчинять естественный разум христианской вере, митр. Евгений следовал наставлениям Трюбле, сочинение которого содержит скрытую полемику с современными ему философами, приверженцами естественной религии[801]. Трюбле писал: «Надобно проповедовать Евангелие, а не сущее человеческое учение. Надобно проповедовать по-христиански, а не по-философски только. Но проповедовать только то, что откровенная религия присовокупила к естественной, а оставлять то, что есть между ими общаго; проповедовать более веру, нежели дела, догматы, а не нравоучение, молитвы, а не моление, и даже более моление, нежели труды: исполнение религии более, нежели должности каждого состояния и звания; больше набожность, нежели добродетель, – это было бы не знать свойственнаго и существеннаго предмета проповедей, не знать подлиннаго религии намерения и главной цели Евангелия»[802]. Митр. Евгений в своих проповедях, неизменно отстаивая приоритет сверхъестественного плана бытия над естественным, сосредотачивал основные свои усилия на нахождении того, что их объединяло, пытаясь таким образом противопоставить христианскую веру, согласующуюся с разумом, полному неверию, распространявшемуся среди образованных слушателей.

---

[797] Собрание поучительных слов… Часть III. С. 105–106.
[798] Собрание поучительных слов… Часть III. С. 109.
[799] Собрание поучительных слов... Часть II. С. 99–100, 107, 141, 161, 317, 366, 374 и далее.
[800] Собрание поучительных слов… Часть I. С. 53.
[801] О естественной религии, деистах и полемике с ними представителей духовенства см.: *Фрёшле-Шопар М.-Э. Религия* // Мир. Просвещения. Исторический словарь. М., 2003. С. 237–247.
[802] *[Трюбле Н.Ш.Ж.]* Размышления о красноречии… С. 83–84.

В этой связи примечательна попытка митр. Евгения обратиться к пастве с проповедью, нацеленной на современных ему христиан, не признававших чудес. Обращаясь к слушателям, проповедник утверждал, что чудеса «кратче и очевиднее, нежели все умственные доказательства человеческой мудрости» утверждают «столь новую, столь противную предрассудкам и страстям людским веру, какова христианская», покоряя умы нечаянностью и удивлением[803]. Тем более предосудительно упрямство тех, кто не верит чудесам, считая, что «всякое чудо противно порядку и разуму, и что Бог, единожды установивши законы естества, не должен переменять их и волю свою»[804]. Развивая заочную полемику с деистами, считавшими исследование установленных Богом законов природы естественным путем постижения его воли и замысла, митр. Евгений привел примеры резких изменений природного ландшафта, появления и исчезновения диковинных животных и других явлений как исключения из «общих законов естества», утверждающих свободу Творца изменять и отменять законы сотворенного им мироздания[805]. «Тщетно неверующие силятся находить в чудесах противоречие рассудку и природе. Чудеса противоречат не природе, не здравому разуму, но только ограниченным нашим познаниям и предрассудкам, и если отвергать истины за непонятность нам оных, то не должно будет верить ни чудному составу всех тварей, ни удивительному строению собственнаго нашего естества, ниже существу самого Творца, непостижимейшаго всех существ»[806], – заключал он. Само существование бессмертной души в человеке и основанная на этом признании нравственность, по мнению митр. Евгения, исходят «из... естественных в нас самих начал без помощи даже откровения Божия»[807], по той причине, что «человек... получил от Бога естественный светильник разума, хотя много и помраченный уже развращением воли»[808].

На том же принципе приоритета сверхъестественного над естественным в человеке, духовного над душевным и телесным строятся размышления митр. Евгения о

[803] Собрание поучительных слов… Часть II. С. 311–312.
[804] Там же.
[805] Собрание поучительных слов… Часть II. С. 316–317.
[806] Там же. С. 317.
[807] Там же. С. 375.
[808] Там же. С. 374.

человеке и обществе. Он говорил: «Человеку непросвещенному, не простиравшему никогда своих умствований далее чувственных ощущений, не видящему превосходства своего на земли пред всеми тварями, не замечавшему в твореніях мудраго, благаго и вечнаго намерения Творца, не чувствующему пагубных следствий одной плотской жизни, простительно было бы заключать свое бытие в едином теле, как скотское, и не постигать бессмертия своего духа. Но к удивлению, мудрецы века сего чаще всех ослеплялись заблуждением сим, основывали на нем жизнь свою и усиливались даже всеми лжеумствованиями утверждать и себя, и других в сем развратe ума и воли»[809]. По мнению митр. Евгения, образ мыслей и жизни просвещенных членов накладывает особый отпечаток на нравственное состояние общества в целом, так как «все знаки нечестия, все распутства жизни, все буйства поступков, все злодейства в обществе суть плоды неупования жизни вечныя и суда Божия по смерти, от коих одно только размышление и памятование сего предостерегают нас»[810]. Он подчеркивал общественную сущность человека и его ответственность перед окружающими: «Мы произведены в свет не для себя одних, но и для ближних и может быть для целыя Вселенныя»[811].

Надлежащее исполнение гражданами своих обязанностей митр. Евгений ставил в прямую зависимость от их способностей или даров, данных Богом. Человек ответственен за то, чтобы умножать все эти дарования и использовать их во благо[812]. Эту идею митр. Евгений развивал во многих своих проповедях. Он считал, что «честь и преимущества даются не для того, кто их получает, но для пользы низших его. Они суть явныя обязанности служить ближним... Ибо кто перестает быть чем-либо полезен человечеству, тот теряет уже некоторым образом цену свою в связи общества»[813]. И тот, кто воспринимает свое высокое положение как дающее ему право притеснять слабых, противиться установленной власти и преступать закон, тот нарушает общественные

[809] Собрание поучительных слов… Часть III. С. 281.
[810] Там же. С. 285.
[811] Собрание поучительных слов… Часть I. С. 105.
[812] Рассуждения митр. Евгения о различных дарованиях человека и связанных с ними общественных обязанностях мы находим в его частной переписке. См.: Письма арх. Евгения (Болховитинова) А.С. Страхову от 23 января 1802 г. и от 22 апреля 1803 г. // Русское обозрение. 1897. Т. 44. № 4. С. 757–758, 772.
[813] Собрание поучительных слов…. Часть I. С. 285.

обязанности[814]. Высокое общественное положение, принадлежность к власти митр. Евгений призывает считать обязанностью служить благу всего общества и каждого его члена, «наблюдать общий порядок, общую безопасность, благоденствие и пользу»[815]. Различные дарования членов общества обеспечивают разнообразие их состояний и званий, что, по мнению митр. Евгения, «не только служит всем взаимным пособием, но и украшением обществу» и «если разные роды состояний не будут исправлять своего звания и захотят вступаться в чужое только звание, то окажется не только недостаток самых обществ, но и обезобразится все тело общества»[816].

Интересны размышления митр. Евгения о природе власти и ее ответственности перед обществом, содержащиеся в церковной проповеди на день восшествия на престол Николая I. Заочно полемизируя со сторонниками просветительской теории общественного договора, Евгений утверждал: «Испытатели человеческой природы обыкновенно производят начало властей исперва от самих же человеков. Первые обладатели, говорят они, сделались либо от удивления прочих дарованиям их, либо от насилия, либо от желания защиты противу других; а вообще де, от соглашения самих же людей. Таким де образом сперва дико бродящие смертные соединились в общества, покорились власти, приняли законы и проч. Суетные мудрователи! Вы новый вымышляете небывалый род человечества, скитавшегося якобы сперва без обществ, без подначалия, без управления. Посмотрите лучше на подлинную историю человеческаго рода; вообразите отношение перваго сына к родителям. Тогда увидите, что не соглашение, но предопределение Божие поставило сперва между ими одного начальником, а другаго подначальным. Вот начало власти, а то же сказать должно и о прочих властях»[817]. Утверждая божественную природу и патерналистский принцип устройства власти, митр. Евгений подчеркивал ее служебный характер как хранительницы человеческого рода: «Не все ли и земнии доблественники суть служебнии дуси, в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение? Так подлинно. Они суть ангелы земные, их подвиги суть ограждение Отечества, их доблести

[814] Там же. С. 285–286.
[815] Собрание поучительных слов... Часть II. С. 258.
[816] Собрание поучительных слов… Часть IV. С. 87.
[817] Собрание поучительных слов… Часть IV. С. 46–47.

суть безопасность России, их геройство есть наша слава, их неусыпность есть наше спасение»[818]. Для исполнения своего предназначения властям необходимо выполнять свое служение с нелицемерным благонамерением, усердием и скромностью.

Для митр. Евгения власть скорее бремя, чем преимущество. Об этом он рассуждал в церковной проповеди на день коронации Николая I. «Богу принадлежит воззывать людей на чести и начальства, следовательно, Богу же принадлежит дать людям и точное понятие о них», – утверждал он. Если в представлениях народа высокое положение в обществе сопряжено с благополучием и счастьем, то по евангельскому учению чести «суть противныя склонностям нашим звания,.. самый тяжкий жребий,.. пожертвование даже самаго себя удовольствию других», что «сходственно с пользою и концем человеческих обществ»[819]. Проповедник подчеркивал, что владычество есть преимущество Творца, «но владычество твари есть служебное владычество. Человек сам для себя есть человек, но человек, поставленный превыше других, есть поставлен не для себя, но для других. Преимущество и владычество его есть ни что иное как только распространение способностей быть полезным ближнему и целому обществу. Он велик для того, чтобы великия оказывать услуги человечеству, он властен над людьми для того, дабы им же полезныя предприятия успешнее совершать многими силами, он предпочтен другим для того, чтобы больше других производить добра свету. Словом, чем больше он велик, тем большим подвержен обязанностям посвящать всего себя благу тех, над коими он возвышен. Он важен не по числу покоряющихся, но по числу таковых своих деяний»[820]. Для подтверждения своей мысли митр. Евгений прибегал к повседневному опыту. По его убеждению, начальственное положение требует постоянного насилия над собой, принуждения себя к прилежному исполнению обязанностей, преодоления связанных с этим неудобств, постоянной жертвы своим покоем и досугом. При этом в случае точного исполнения своего служения придется постоянно переносить неудовольствия, пересуды и злоречие своего окружения, зависть подозрение и клеветы своих подчиненных, если же придется нарушить обязанности, то

[818] Там же. С. 52.
[819] Собрание поучительных слов… Часть IV. С. 37.
[820] Там же. С. 38.

следует ожидать от всех укоризн и презрения. Для перенесения всех тягот высокого положения требуются выдающиеся духовные силы, дарованные Богом, избравшим каждого человека к посильному для него служению[821]. Величие начальствующих напрямую зависит от того, в какой мере они способны заботиться о пользе каждого своего подчиненного и создавать общественное благо.

Размышлениями о трудностях, связанных с исполнением обязанностей служителей закона, наполнена проповедь митр. Евгений перед избранием судей произнесенная 19 октября 1823 г. в Киево-Софийском кафедральном соборе[822]. Он считал, что для судьи не достаточно быть просто просвещенным и честным человеком, необходимо глубоко знать и понимать отечественные законы и иметь как опыт судебной работы, так и мудрость, позволяющую различать все «изгибы деяний человеческих»[823], а также быть известным окружающим своей справедливостью и благонравием. «Непросвещенный и неопытный, но с добрым сердцем судия, – предостерегал митр. Евгений, – может по доброте своей ошибаться мягкосердечным суждением о самых злодеях, или по строгой ревности о законе отягощать судьбу неумышленных преступников, но нечестивый, неверный Отечеству и Государю, бесстыдный, несовестный судия какие бы ни имел сведения законов, прав, нужд, польз и вреда своих подсудимых, отягощает судьбу самой невиновности и правоты, и тем более, чем более кажется способным к званию своему»[824]. Большая предосторожность, по мнению митр. Евгения, должна быть проявлена как теми, кто избирает судей, так и теми, кто принимает на себя судейские обязанности, чувствуя «свою неспособность или недостаток нравственных сил своих»[825] к их несению, так как служение хранителей закона накладывает на них особую ответственность за поддержание общественного порядка и благоденствия.

С поучением об обязанностях каждого члена общества митр. Евгений обращался в проповедях, посвященных событиям Отечественной войны 1812 г. В «Слове на вызов к вооружению противу галлов 1812 года» Евгений, в то время епископ Вологодский,

[821] Там же. С. 39–41.
[822] НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238. Коллекция Н.П. Лихачева. Оп. 2. Д. 136/1. Л. 25 об.
[823] Собрание поучительных слов… Часть IV. С. 257.
[824] Там же. С. 260.
[825] Там же. С. 261.

призывал сограждан встать «на защиту веры, Отечества и чести России»[826]. Проповедник воодушевлял слушателей, напоминая им о твердости и великодушии славных предков, чьи ратные подвиги уберегли Отечество как их общее наследство, требующее теперь защиты и сохранения его для последующих поколений. В своем кратком слове Евгений побуждал вологжан не медлить с исполнением общественного долга в то время, когда «каждая минута требует жертв и деятельности»[827].

В «Слове на случай получения высочайшей грамматы, пожалованной дворянству за милицию в войне с галлами 1812 года», произнесенном 12 декабря 1812 г. в Воскресенском кафедральном соборе г. Вологды,[828] еп. Евгений рассуждал об общественных обязанностях человека. «Хотя первая естественная должность человеку, – говорил он, – есть отношение к самому себе, однако жертвовать чем-нибудь для блага собственного, не оставляет никакого достоинства в обязанностях человечества. Ибо врожденно и почти невольно всякому желание себе добра преимущественно перед другими. Но желать добра и другим, есть первая степень достоинства нравственного человека. Желать им онаго столько же, сколько и себе, есть гораздо высшая степень благомысленности, а уделять и свое благо ближним, есть совершенство добраго гражданина, но жертвовать всем своим и самою жизнию своею благу общему, есть высочайшее отличие вернаго сына Отечества... Такой-то однако ж непременно готовности требует от всех нас Отечество»[829]. По убеждению архиеп. Евгения, от каждого члена общества, а особенно от его защитников требуется не только личное мужество, но также ревность и усердие «к общему благу соотчичей»[830].

Обращаясь к событиям недавнего прошлого в своем «Слове на день торжественнаго воспоминания и Господу Богу благодарения о поражении врагов Отечества нашего и о прогнании их из пределов Калужской губернии» архиеп. Калужский Евгений подчеркивал: «Неоспоримо, что человек получил от Бога естественныя силы, отклонять всякое насилие и вред, а разум изобрел и пособствующия

[826] Собрание поучительных слов… Часть IV. С. 222.
[827] Собрание поучительных слов… Часть IV. С. 224.
[828] НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238. Коллекция Н.П. Лихачева. Оп. 2. Д. 136/1. Л. 25.
[829] Собрание поучительных слов… Часть IV. С. 227–228.
[830] Там же. С. 233.

тому средства во всех случаях. Богу даже самому даже угодно, дабы человек не пренебрегал сих данных ему способов и не оставался в бездействии во время напасти»[831]. Поэтому христианину следует «отнюдь не приходить в уныние, не терять вовсе надежды и употреблять все возможныя средства и силы к отклонению бедствий от себя, а паче от ближних. Таков есть долг всех, соединенных в общество, всех сограждан, всех соотчичей и всех верноподданных»[832]. Отечество, по убеждению Евгения, является общим наследством всех сограждан, полученным ими от своих славных предков. В обязанности каждого члена общества как во времена тяжелых общественных бедствий, так и во всякие другие входит усердная и деятельная забота о сохранении и преумножении этого наследства, которое станет достоянием последующих поколений.

В своих церковных поучениях митр. Евгений откликнулся на распространение одной из самых радикальных социально-политических идей эпохи Просвещения – идеи равенства[833]. В проповеди, посвященной воспоминанию торжества коронации императора Николая I, митр. Евгений, избрав темой апостольское учение о почитании властей, говорил о ниспровергателях общественного порядка[834], своевольных и мятежных защитниках «мечтательного равенства, в котором яко бы, по словам их, произвел всех нас Бог, и потому яко бы никто над другим права не имеет»[835]. Призывая в свидетельство природу и сотворенный мир, митр. Евгений опровергал мнение мятежников, утверждая, что «нет и не сотворено Богом никакого равенства не токмо в человеках, но и на земли, ниже во Вселенней»[836]. Установленные Богом различия в способностях, нравственных качествах и положении, по мнению митр. Евгения, более полезны для людей, чем «мечтательное равенство», угрожающее «порядку в обществах и даже сохранению самого человечества»[837]. Однако идея равенства, перенесенная из

---

[831] Собрание поучительных слов... Часть IV. С. 241.
[832] Там же. С. 243–244.
[833] О содержании идеи равенства в эпоху Просвещения см.: *Рейхардт Р.* Равенство // Мир. Просвещения. Исторический словарь. М., 2003. С. 98–112.
[834] Несомненно, митр. Евгений говорил здесь о декабристах, с которыми он имел возможность встретиться лицом к лицу 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, куда он вместе с митр. Петербургским Серафимом (Глаголевским) по распоряжению Николая I был послан для увещевания мятежников. См.: Митрополит Серафим на Сенатской площади 14 декабря 1825 года // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 242–243.
[835] Собрание поучительных слов... Часть IV. С. 18.
[836] Там же.
[837] Там же. С. 21–22.

социальной сферы в духовную становилась приемлемой для церковного проповедника. Он признавал отсутствие общественных различий всех людей в деле спасения. Он говорил: «Бог несмотря, как обыкновенно смотрят люди на лица просителей, не различает, богат ли или беден, чиновен или простолюдин, знатен или незнатен молящийся Ему; для Него равен в правах на милости раб и владыка, вождь и воин, богатый и убогий»[838]. Существующее на земле неравенство установлено промыслом Божиим как путь к спасению человека при условии безропотного и покорного исполнения им обязанностей, сопряженных с принадлежностью к его званию и положению, «ибо все звания по назначению Божию каждому суть самыя приличнейшия и наилучшия, если только исполнить их»[839]. По окончании земного пути, в вечности уже не будет «другого различия между царем и воином, владыкою и рабом, сильным и слабым, богатым и убогим, кроме заслуг и меры наследия общаго блаженства»[840].

Педагогические взгляды митр. Евгения. Эпоха Просвещения подняла вопрос о воспитании юношества на государственный уровень. В конце XVIII в. европейские просветители развернули публичную дискуссию, в ходе которой выдвигались различные педагогические теории и проекты, сходившиеся в том, что главным инструментом формирования полезного обществу человека и гражданина должна стать созданная государством система национального образования[841]. Автор переведенного на русский язык трактата о воспитании французский просветитель Луи-Рене Каралек де Ла Шалоте (1701–1785) утверждал: «Благо общее, честь народа требуют, чтобы... учреждено было гражданское воспитание, которое бы предуготовляло всякого звания молодых людей к отправлению с успехом разных в государстве должностей»[842]. Российские государственные деятели, разрабатывавшие и претворявшие в жизнь образовательные планы Екатерины II, высказывались в пользу публичного образования, способного обеспечить умственное развитие юношества, его подготовку к

[838] Собрание поучительных слов... Часть II. С. 247.
[839] Собрание поучительных слов... Часть III. С. 318.
[840] Собрание поучительных слов... Часть III. С. 318–319.
[841] Мир. Просвещения. Исторический словарь/Под ред. Винченцо Ферроне и Даниеля Роша/Пер. с итал. Н.Ю. Плавинской под ред. С.Я. Карпа. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 248–258.
[842] Опыт народнаго воспитания или Чертеж наук в пользу юношества сочиненный г. Людовиком-Ренатом де Карадюк де ла Шалотом, королевским Бретанскаго парламента генералом прокурором. Перевел с французскаго Р. Гвоздиковский. СПб., 1770. – С. 2.

государственной службе и другим родам полезной деятельности[843]. Русский просветитель Антон Антонович Прокопович-Антонский (1763–1848) признавал как преимущества публичного образования, так и его «неудобства», которые могли быть устранены при дальнейшем развитии системы образования и совершенствовании его педагогического обеспечения. Однако при всех своих недостатках именно домашнее образование было способно сохранить в ребенке теплую привязанность к своим родителям, обеспечить учет его индивидуальных особенностей в процессе его становления как полезного члена общества и соблюсти гуманистические подходы к воспитанию, характерные для просветительской педагогики. Прокопович-Антонский, опираясь на античные примеры, утверждал: «Афиняне, желая удержать выгоды публичного и частного воспитания и избежать неудобств того и другого, старались оба соединить вместе... Воспитание афинян можно было почесть самым лучшим, если бы домашнее и публичное равно устремлено было к одной цели, равно служило к укреплению здоровья, к просвещению ума и сердца»[844]. Вслед за просветителем и издателем Новиковым, считавшим, что «всех познаний и наук предмет есть троякий: мы сами, природа или натура и Творец всяческих»[845], Прокопович-Антонский проводил в периодической печати свои взгляды о необходимости религиозно-нравственного воспитания, в котором решающая роль отводилась семье и церкви[846].

Похожие педагогические взгляды мы встречаем в церковных проповедях митр. Евгения (Болховитинова), в молодые годы сотрудничавшего с Новиковым. Ему был знаком Прокопович-Антоновский и его сочинение о воспитании, хранившееся в личной библиотеке Евгения[847].

---

[843] *Бецкой И. И.* [Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества] / [Конфирмованное ея имп. величеством 1764 года марта 12 дня].[СПб.]:[Сенат. тип.], [1764].– 4 с.; *Теплов Г.Н.* Начальное рассуждение о плане для учреждения публичных училищ // Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX вв./Сост. С. В. Рождественский. СПб., 1910. С. 5–9; *Янкович де Мириево Ф.И.* Правила для учащихся в народных училищах / Изданныя по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Вторыя. [СПб], 1786.–24 с.

[844] *Прокопович-Антонский А.А.* О воспитании. М., 1818. С. 68.

[845] *Новиков Н.И.* [Причина всех заблуждений человеческих есть невежество, а совершенства знание] // Н. И. Новиков. Избранные произведения. М.-Л., 1951. С. 408.

[846] *Ратников К В.* Преемственность идеалов религиозно-нравственного воспитания в русской журналистике рубежа XVIII–XIX веков (по материалам публицистических работ Н.И. Новикова, А.А. Прокоповича-Антонского и Н.М. Карамзина) // Медиасфера–2006: Альманах факультета журналистики Челябинского гос. ун-та. Челябинск, 2008. С. 77–90.

847 *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В*. Указ соч. С. 231.

Евгений неоднократно обращался к верующим с наставлением о воспитании детей. «Пещись о детях своих, – говорил он, – обязывает всех родителей Закон Божий, закон естественный и собственная их совесть... Ты должен в младенчестве и детстве охранять их, ты должен в юношестве научать и руководствовать их, ты должен в самой старости не оставлять их советами. Всякое добро, которое они сделают, есть твое собственное добро, и всякое зло их тебе обратится в поношение... Добродетели и пороки детей зависят от воспитания»[848]. Евгений уподоблял воспитателя доброму садовнику, который очищает гнилые листья, выпрямляет и подвязывает слабые стебли, обрезает лишние отрасли, пока дерево еще гибко и податливо. Так и о детях следует заботиться, пока еще не огрубели их нравы, не отвердело сердце и не укрепились дурные привычки. В деле воспитания важно не столько прививать навыки светского обхождения и поведения в обществе, сколько заботиться об уме и сердце своего чада. По мнению Евгения, сущность воспитания состоит в том, чтобы приучить детей к добродетели и непритворному добросердечию, привить им отвращение к пороку не из стыда, а от осознания греховности дурных поступков. Добиться этого можно «не светскими науками, не наружной учтивостью, но единственно страхом Божиим и благочестием... Итак, кто воспитает чад своих в страхе Божии, тот сделает их добрыми детьми, добрыми гражданами, добрыми подчиненными, добрыми начальниками и, наконец, Богу угодными человеками. Таковый родитель заслужит и на земли почтение от людей, и по смерти прославление»[849].

Евгений привлекал внимание родителей к сохранению дарованных Богом жизни и телесного здоровья своих чад. В «Пастырском увещании о прививании предохранительной коровьей оспы»[850] он указывал на то, что не все родители, искренне любящие своих детей, «употребляют нужныя к сохранению их средства, особливо в младенчестве, в коем полагается основание их здравию, крепости и целости на всю жизнь. Потому что иные и не ведают средств сих, а иные пренебрегают даже известныя, и от того, вопреки предопределению Божию, теряют безвременно большую часть детей

[848] Собрание поучительных слов... Часть III. С. 464–465.
[849] Собрание поучительных слов... Часть III. С. 467–468.
[850] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Пастырское увещание о прививании предохранительной коровьей оспы. СПб., 1811; М., 1811; СПб., 1813; СПб., 1827. – 32 с.

своих, столь нужных для них и для всего человечества»[851]. Особую опасность Евгений видел в распространении свирепствовавшей во всех частях света оспы, производившей бóльшие опустошения, чем кровопролитные войны. «Сколько ж любезнейших себе чад родители теряют от сей болезни! – говорил он. – Сколь многие домы лишаются от нея потомков, подпор и украшений своего рода! Сколь многих благонадежных граждан тратит Отечество!»[852]. Ссылаясь на указ Синода от 10 октября 1804 г., предписывающий духовенству объяснять верующим пользу прививания коровьей оспы младенцам «для отвращения безвременной смерти их» и опасность в угоду существующим предрассудкам пренебрегать этим изобретением медицины «яко ко благу общественному клонящемся»[853], Евгений утверждал полезность этого средства для «сохранения сим прививанием российского народа»[854] и призывал христианских родителей не взирать равнодушно «на пагубу чад своих, в залог благоволения от Бога ему подаваемых, имея средство предохранить и спасти их»[855]. Проповедник прибегал к евангельскому слову и святоотеческим примерам, стремясь рассеять все предрассудки и предубеждения верующих против обращения к врачам и применения медицинских средств. Он предлагал различать предопределенную Богом смерть, а также христианское мученичество и кончину на поле брани как результат добровольного выбора человека от смерти невинного ребенка вследствие бездействия его родителей: «Когда Бог явно не определяет нам смерти или когда смерть наша не приносит пользы ни вере, ни Церкви, ни ближним, ни Отечеству, и когда, напротив того, жизнь наша им нужна и полезна, то можно ли думать, чтобы Бог, не хотяй смерти и грешнику, могущему обратитися, восхотел оной безвременно невинным тварям? И благоразумно ли подвергать жизнь очевидной опасности, слепо предаваясь токмо неизбежному року?»[856]. На родителей возлагалась полная ответственность за сохранение жизни и здоровья будущих граждан своего Отечества.

[851] Собрание поучительных слов... Часть IV. С. 277.
[852] Собрание поучительных слов... Часть IV. С. 280.
[853] Собрание поучительных слов... Часть IV. С. 283–284.
[854] Собрание поучительных слов... Часть IV. С. 284.
[855] Собрание поучительных слов... Часть IV. С. 286.
[856] Собрание поучительных слов... Часть IV. С. 289.

Митр. Евгений обращался с призывом к духовенству вразумлять свою паству этим и подобными наставлениями, убеждать родителей своевременно употреблять прививание коровьей оспы, внушать им, что «если они по упорству не воспользуются сим спасительным средством, то пагубою чад своих, часто естественною оспою умерщвляемых, окажутся они недоброхотными Отечеству, неблагодарными попечительнейшему нашему монарху, непокоривыми самому промыслу Божию... А хотя бы дети их и спасли жизнь свою от пагубы естественныя оспы, то не меньше виновными пребудут родители в частых последствиях оныя: в увечье, безобразии, слабости и долговременных немощах, коих никакое наследие благ родительских детям вознаградить не может»[857]. Для большей убедительности безопасности и пользы прививания коровьей оспы митр. Евгений предлагал духовенству ставить привитых детей на богослужениях впереди всех на особом месте, объявлять в церкви их имена, а также публично увещевать тех, кто по небрежению потерял кого-либо из семьи вследствие кончины от этой болезни[858].

Помимо здоровья родители должны заботиться об условиях земной жизни своих детей. Евгений причислял желание обеспечить безбедное существование своих наследников к числу немногих благовидных причин, оправдывающих накопление христианином богатства. Но в естественном стремлении родителей видеть своих детей счастливыми и обеспеченными им не следует пренебрегать умственным и нравственным развитием своих чад. Он говорил: «Счастие детей зависит не от богатства, а от добраго воспитания. Сыну глупому не в помощь и богатство, говорят мудрые. Итак, употреби лучше богатство твое на просвещение ума детей твоих и улучшение их сердца. Научи их рассудок различать истинное от ложного, справедливое от неправеднаго, честное от бесчестнаго. Наклони сердце их к трудолюбию, к терпению, к человеколюбию, к благотворительности; научи их самих не презирать бедности, не огорчаться лишением, праведно приобретать и праведнее употреблять приобретенное, хотя и небольшое имение. Вот богатство, которого лучше ничего дать им ты не можешь! Они тогда оставшись и без твоего наследия не погибнут от бедности... А без того все

[857] Собрание поучительных слов... Часть IV. С. 303.
[858] Собрание поучительных слов... Часть IV. С. 317.

твое имение послужит им только в погибель»[859]. Если подверженный страсти любостяжания родитель научит своих чад уважать только богатство, то наследники его будут предаваться роскоши и непомерным тратам и вскоре потеряют все свое имение, «ибо цену и употребление богатств знают только те, которые умеют праведно приобретать и употреблять, а не сохранять только или расточать оное»[860]. Так стяжание богатства как единственное средство попечения о детях делает несчастными не только их, но и последующие поколения. «Отец, собирая, сам в жизни воспользоваться им не успел, сын, получив наследство без доброго воспитания, употребить его не умел, а внуку часто достается быть нищим, презренным и поруганным за предков своих»[861], – убеждал своих слушателей проповедник.

В деле научения детей евангельским истинам Евгений предлагал родителям ориентироваться на соответствующее возрасту умственное развитие своего ребенка. Он говорил: «Едва раскрывается ум его, то первым предметом предлагается ему Богопочитание; и едва язык его привыкает произносить звуки, то научается призывать виновника природы... Но когда разум его с летами усовершается, то благочестивыми родителями открываются ему подробнее совершенства Божии; а потому убедительнее толкуются ему из оных и должности его»[862]. Важнейшим после участия в церковных таинствах средством воспитания Евгений считал обращение к примерам благочестивых предков. Используя прием оживления ситуации, он произнес слова отеческого наставления, обращенные к своему сыну: «Пойдем, – говорит он ему по исходе из храма, – на гробы предков наших. Здесь, чадо, покоится прах добродетельнейшего предка нашего, служившаго верно Церкви, Государю и Отечеству. Здесь погребен отец мой, давший мне доброе воспитание и заповедавший мне передать оное тебе. Здесь лежит благодетель всего нашего рода и следовательно твой. Со временем и мы заключимся с ними во мраке гроба. На земли ничего нашего не останется, кроме памяти, добродетелей или пороков. Ничего кроме сего не принесем мы и пред суд Божий. В первых заключается и слава истинная на земли, и вечное наше блаженство на небеси; а в

[859] Собрание поучительных слов... Часть II. С. 20.
[860] Собрание поучительных слов... Часть II. С. 21.
[861] Собрание поучительных слов... Часть II. С. 21–22.
[862] Собрание поучительных слов... Часть II. С. 64–65.

последних посрамление наше и вечная пагуба»[863]. Но еще большее влияние на формирование нравственности ребенка оказывает личный пример его родителей. «Юный возраст подобен нежному растению, всюду свободно изгибаемому. Он даже сам собою заимствует все мысли и склонности окружающих его. И так надлежит только родителям быть такими пред чадами своими, какими хотят они их соделать, и представлять им свои добрые примеры и своих предков»[864], – утверждал Евгений.

О родителях, пренебрегающих заботой о христианском воспитании своих чад, он говорил: «Что пользы, когда изострят они ум их знаниями, не внушив им прежде всего, что *премудрости начало страх Господень* (Притч. 1:7, Сирах. 1:15), и что истинный конец просвещения есть приобретение добродетелей?»[865]. Без них ни богатство, ни положение в обществе не обеспечивают благополучия детей ни во временной, ни в вечной жизни. Более того, сами родители, проявившие безрассудство и небрежение в деле воспитания своих чад, наказываются неблагодарностью, жестокостью и развращенностью своих детей. Христианское воспитание детей в представлении Евгения являлось залогом семейного благополучия, строившегося на прочной связи и взаимной ответственности различных поколений.

Человек мыслился Евгением как существо общественное по своей природе. Он считал, что человек «так сотворен, что беспрестанно имеет нужду в помощи других и беспрестанно сам надобен для других. Сим самим Бог восхотел составить единство обществ и взаимную любовь людей»[866]. Наиболее остро общественная сущность человека проявлялась во время бедствий, связанных с нашествием Наполеона на Россию, для преодоления которых потребовались объединенные усилия сограждан. Евгений предлагал своим слушателям обратить взор на свою природу, нужды, силы и способности и убедиться, что «хотя жизнь наша есть первое и существеннейшее наше благо, но удовольствия оной зависят от совокупления с удовольствиями других. Ибо человек был бы беднейшее творение и несчастнейшее бессловесных животных, если бы от рождения предоставлен был только самому себе... В нем не раскрылись бы ни

[863] Собрание поучительных слов... Часть II. С. 66–67.
[864] Собрание поучительных слов... Часть II. С. 67.
[865] Собрание поучительных слов... Часть II. С. 68–69.
[866] Собрание поучительных слов... Часть IV. С. 86–87.

надлежащия силы, ни способности, отличающия его от всех земнородных, если бы не развернули их, во-первых, попечения родителей, а более звания общественныя»[867].

Приобщение человека к гражданским обязанностям, к заботе об общественном благе, по мнению церковного оратора, являлись непременным условием совершаемого родителями воспитания достойного члена общества. Он считал, что отношение ребенка к своему Отечеству закладывается в семье, где каждый ее член проявляет любовь и благоразумное попечение о своих домашних, «однако бывают случаи, когда гражданин обязан отторгаться от сих уз, бывают случаи, когда он должен жертвовать ими, посвящать все свое и самого себя благу всех соотчичей, оставлять объятия отца, матери, супруги, чад, сестер и братий. Ибо если он их предпочтет благу общему, то будет недостоин имени благомысленного гражданина и вернаго сына Отечеству, которое должно почитать драгоценнее всех своих удовольствий, всех благ, всех обязанностей, возлагаемых на нас общежитием, всех уз, привязующих нас к самой жизни. Словом сказать, нет жертвы, которая могла бы исключена быть из сея повинности и нет извинения, которое могло бы оправдать отрицающегося. Таков долг есть всякаго человека, живущаго в обществе и имеющаго Отечество!»[868] Способность человека объединять свои усилия с другими членами общества для достижения общего результата делает его самого обладателем общественного достояния, которое накоплено многими поколениями предков. Евгений утверждал, что люди, «соединенные отечественным узлом общежития», гораздо более благополучны, чем живущие поодиночке, так как им доступны многократно увеличенные согражданами силы, способности, дарования, труды и средства «к общему довольству и изобилию»[869]. «Все сии выгоды, – говорил он, – приобретаем мы не сами собою и не от одних родителей наследуем, но получаем от целаго Отечества, составляющегося из союза многих частных людей, многих семейств, многих родов и поколений. Большею частию тех самых благ, которыми в настоящем времени пользуемся, одолжены мы предкам, не щадившим для благосостояния потомства своих сил, своих имений и самыя своея

[867] Собрание поучительных слов... Часть IV. С. 230–231.
[868] Собрание поучительных слов... Часть IV. С. 229–230.
[869] Собрание поучительных слов... Часть IV. С. 232.

жизни. Итак, не сохранить то, что они для нас сохранили, не защитить то, что они животом своим для нас защищали, не доставить преемникам нашим залог их, нам оставленный, было бы к ним неблагодарностию, потомству предательством, а всему Отечеству изменою. Все сии обязанности лежат на каждом отце семейства, на каждом гражданине общества, на каждом верноподданном и сыне Отечества»[870].

Евгений видел главную задачу семейного воспитания в наиболее полном раскрытии заложенных Богом природных способностей ребенка и обращении их к его собственной пользе и благу общества. Евгений считал, что само положение человека в обществе должно зависеть от его природных дарований. Он говорил: «Как ни думают люди, что будто можно приобресть достоинства воспитанием и тщанием, либо домогательствами и происками, но Слово Божие и повсюду очевидные примеры опровергают сие уверение. Можно приобресть чины, титла, все наружные преимущества старанием, дружбами, ходатайствами, милостьми, угодливостью, хитростьми, обманами, подкупами и прочими лукавствами. Но иметь достоинство нельзя иначе, как с природными к тому дарованиями, то есть свыше от всеблагаго промысла Божия»[871]. По убеждению Евгения, душевные и умственные склонности, а не унаследованные титулы, связи и имения должны определять общественное положение человека. Однако в реальности дело обстояло иначе. Евгений отмечал: «Часто мы видим людей низких способнейшими высших, людей бедных искуснее и успешнее рожденных в богатых семействах, и напротив, детей знатных хуже простолюдинов»[872]. Смягчить это несоответствие возможно на этапе воспитания будущего члена общества в том случае, если родители смогут распознать природные склонности ребенка и будут принимать их во внимание при выборе для него рода занятий. «Сами родители, – подчеркивал Евгений, – нередко замечают в единоутробных даже детях своих чрезвычайное различие, и счастливы были бы дети, когда бы родители избирали им состояния и звания по способностям их, а не по тщеславию и честолюбию. Ибо для инаго сына было бы полезнее и честнее быть художником, нежели чиновником. И могут ли титла, чести, преимущества приобресть

[870] Собрание поучительных слов... Часть IV. С. 232–233.
[871] Собрание поучительных слов... Часть I. С. 282–283.
[872] Собрание поучительных слов... Часть I. С. 283.

истинное от людей уважение тому, кто не рожден и от Бога не предопределен к оным? Что может быть презреннее, как видеть, например, невежду, поставленнаго на месте наставника другим, судию, не понимающаго ни порядка в суде, ни законов, горделивца, тщеславящагося родом своим, но не имеющаго в поступках ни черты благородства, что может быть, говорю, презреннее того, кто не способен быть тем, чем он есть?»[873].

Следуя в русле просветительского отношения к воспитанию как средству достижения общественного блага, Евгений (Болховитинов) рассматривал личность ребенка не в руссоистском ключе, как tabula rasa, содержание которой формируют семейное окружение, впечатления детства и общественная среда, а как человека, чей род деятельности и положение в обществе предопределяются дарованными Богом природными способностями, а задачей воспитателей становится выявление и развитие природных задатков своих подопечных.

Евгений считал дело воспитания юношества важной задачей семьи и общества. Формирование достойного гражданина Отечества, по его убеждению, должно было начинаться с благоразумного попечения родителей о жизни, здоровье и материальном достатке своего чада, соединенного с заботой о его образовании, просвещении ума и сердца, воспитании в духе христианского благочестия. Существенным фактором гражданского воспитания должна была стать обстановка семейной любви и взаимной ответственности ее членов, способствующая раскрытию склонностей ребенка, дающая ему представление о связи поколений и правилах человеческого общежития. Решающая роль в процессе воспитания гражданина отводилась обществу, располагавшему, по убеждению митр. Евгения, совокупным достоянием многих поколений предков и способному создать условия для реализации природных дарований своих членов, объединяющих свои усилия в процессе созидания общественного блага.

Изучение церковных проповедей и поучений позволяет раскрыть просветительские взгляды митр. Евгения (Болховитинова) по широкому кругу вопросов от философских и социально-политических до вероучительных и нравственных. Центральной темой для размышлений религиозного просветителя стало соотношение

[873] Собрание поучительных слов... Часть I. С. 283.

разума и веры в частной и общественной жизни христианина. Для митр. Евгения, известного своей насыщенной научной деятельностью, вера являлась средством преодоления ограниченности рационального познания, позволяющим человеческому разуму выйти за созданные им же самим пределы в постижении тайны бытия. Представляя человека как существо, чья данная Творцом природа предназначает его к реализации себя в обществе, митр. Евгений много размышлял об общественном устройстве, природе власти и гражданских обязанностях. Нравственное, основанное на вере и христианском благочестии исполнение всеми членами общества своего служения, созидающего общественное благо, по убеждению просветителя, могло стать основой для устойчивых общественных отношений, являвшихся залогом сохранения Отечества, как совокупного наследства, полученного от предков.

Полемизируя с просветительскими идеями и концепциями, имевшими разрушительный для современного ему общественного уклада потенциал, митр. Евгения, предлагал слушателям их осмысление в русле православной традиции. Применяя соответствующую своему времени рациональную систему доказательств, митр. Евгений наполнял социальные и политические идеи Просвещения христианским смыслом, предлагая взыскательному слушателю их интеллектуально и культурно приемлемую нравственную интерпретацию. Заботясь о совершенствовании умов и сердец вверенных ему христиан, митр. Евгений, как представитель умеренного просветительства, своей проповеднической деятельностью способствовал распространению идей и культурных моделей Просвещения, обладавших способностью изменять общественную жизнь, не подрывая ее основ.

ГЛАВА III УЧЕНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВГЕНИЯ (БОЛХОВИТИНОВА)

3.1 Представления о науке

В основе понимания научных взглядов и всего образа жизни митр. Евгения как ученого лежит признание цельности его жизненного и творческого пути. Духовное образование сформировало в нем потребность к умственной деятельности и стремление к познанию истины, а принятие монашества создало условия для осознания научных занятий как формы церковного служения. Интересно, что для современников митрополита Евгения нераздельность различных сфер его деятельности еще была очевидна. В 1838 г. О.И. Сенковский писал: «Напрасно искали бы мы между современниками другого русского человека, основательнее ученого и истиннее просвещенного. Евгений действительно принадлежал к числу первых ученых в Европе. Такие люди до сих пор выходят у нас из одних только духовных училищ, и они обыкновенно остаются в духовном звании, которое представляет им более удобств к мирным умственным занятиям, нежели всякое другое. Духовные училища имели всегда у нас важное преимущество перед всеми прочими: умственное образование опирается там на настоящее основание, древние языки, классических писателей, то есть писателей Афин и Рима; и оттого если мы имели и имеем настоящих ученых по каким-либо отраслям знания, то мы решительно обязаны ими духовному воспитанию: все они вышли из семинарий, где под усердными и способными учителями сперва напитались классическими познаниями… Этим только обстоятельством и можно объяснить явление в России таких ученых, каков был покойный митрополит Евгений…»[874]. Евгений был представителем ученого монашества и также, «как еще ранее просвещенный митрополит Платон, и как позже некоторые из… иерархов и духовных лиц… Евгений от

[874] *[Сенковский О.И.]* Критика. Словарь русских светских писателей, соотечественников и иностранцев, писавших в России, служащий дополнением к «Словарю писателей духовного чина», составленному митрополитом Евгением. Издание И. Снегирева. Москва, 1838. Том первый // Библиотека для чтения. 1838. Т. XXVI. Отд. V. С. 37, 40.

души благоволил науке… почитая ее одним из даров Духа»[875]. Именно такое отношение определило взгляды ученого епископа на научное познание.

В процессе исследовательской деятельности сформировалось представление митр. Евгения о теоретических основах научного познания. Имея прекрасную философскую и богословскую подготовку, он критически относился к возможности использования достижений этих наук для изучения истории. Философия казалось ему слишком легковесной, лишенной устойчивости. «Самая здравая философия из века в век переменяет свои мнения и связь оснований их»[876], – считал историк. Он видел опасность рассмотрения истории «в духе французского философизма», так как «этот дух всегда выдает возможности за самое дело и пишет то, что в самой вещи не было. Труднее доказывать исторически, нежели метафизически. Посему-то на свете более великих философов и математиков, чем историков»[877].

Митр. Евгений видел в научном познании один из способов приближения ученого к постижению Божьего замысла о мире и человеке. «Кажется, Промысел Божий с намерением запутал для нас все истины, дабы тем привести наш ум в большее движение»[878], делился митр. Евгений своим мнением с Анастасевичем. Рассуждая «о пользе бессистемного плана Божия в натуре и в откровении», ученый пришел к выводу об относительности научного познания, так как «план сей во веки не ведом и самой высочайшей мудрости человеческой, по слову Павла Римл. XI, 33. А наши превосходнейшие системы суть планы только наших слов и способа понимания»[879]. Митр. Евгений осознавал разрыв между реальностью и ее систематизацией в научном описании, путь сокращения которого он видел в кропотливом эмпирическом исследовании. Ученый был убежден, что «план систем надобно выводить не из умствования, а из предметов... От того-то и пустословна была схоластическая система

---

[875] *Корш Е.Ф.* Опыт нравственной характеристики Румянцева // Сборник материалов для истории Румянцевского музея. Вып. I. М., 1882. С. 67.
[876] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 9 марта 1817 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. № 12. С. 621.
[877] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 3 апреля 1817 г. // Там же. С. 625.
[878] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 29 сентября 1815 г. // Русский архив. 1889. № 5. С. 53.
[879] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) А.С. Страхову от 14 ноября 1801 г. // Русское обозрение. 1897. Кн. 4. С. 755.

философий и богословий, что они хотели приноровить вещи к своим умствованиям, а не умствования к вещам»[880]. Ученый епископ считал, что созданию научной системы должно предшествовать тщательное изучение явлений окружающего мира, установление связей между ними. По мнению митр. Евгения, ни философия, ни схоластическое богословие не способны были составить теоретическую основу исторического познания, так как они не раскрывали сути вещей, а наделяли их заранее заданными свойствами.

По мнению митр. Евгения, ученый не должен оставлять без внимания даже самые незначительные из полученных им сведений. «Я верю, что и мелочные замечания часто объясняют целую историю; ибо и в натуре вещей мелочи сопровождают важности. Но для полезных таких мелочей сколько надобно скопить и бесполезных. Labor improbus! (Упорный труд все преодолевает! – лат.)»[881], – писал он Анастасевичу. Из этого убеждения ученого происходило его бережное отношение к сохранению исторических данных путем составления различных «Росписей материй»[882] и примечаний[883], способных облегчить другим ученым использование результатов его научных исследований[884].

Ученый епископ был убежден, что «сущность истории… состоит в том, чтобы представить бытие и деяния сколько можно так, как они были, и в таком порядке, как были»[885]. Хронологический принцип организации исторического повествования Евгений считал наиболее приемлемым, так как он содержал в себе возможности для самостоятельной работы мысли образованного читателя в его постижении смысла человеческой истории. Называя книгу Франсуа Клемана «Art de vérifier les dates des faits

---

[880] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) А.С. Страхову от 10 октября 1801 г. // Там же. С. 754.

[881] Письмо архим. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 23 мая 1815 г. // Русский архив. 1889. Вып. 5. С. 49.

[882] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800. С. 221–228.

[883] См.: *Шмурло Е.Ф.* Библиографический список литературных трудов Киевского митрополита Евгения Болховитинова. Вып. 1. СПб., 1888. С. 24.

[884] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) графу Н.П. Румянцеву от 7 мая 1820 г. // Переписка митрополита Киевскаго Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 г. включительно). Вып. 1–3. Воронеж, 1868. С. 33; Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 11 мая 1820 г. // Русский архив. 1889. Вып. 7. С. 347.

[885] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Рассуждение о знаниях, пособствующих исторической науке. Это сочинение не было опубликовано. Цит по: *Полетаев Н.И.* Труды митрополита киевскаго Евгения Болховитинова по истории русской церкви. Казань, 1889. С. 529–530.

historiques»[886] действительным сокровищем для истории, митрополит Евгений писал: «Она есть всеобщая рода человеческого летопись. Я такого мнения, что такие хронологические записки для читателя-философа полезнее всех частных систематических историй. Тут вижу я ход всего человечества и перст Проведения, часто в одно и то же время у разных отдаленных народов действующий согласно. А систематические истории представляют нам только ум автора»[887]. Читатель должен быть защищен от навязывания ему любой научной системы, представляющей собой исключительно способ понимания истории конкретным ученым. Не каждый автор способен увидеть ошибочность своих убеждений и, принимая их за истинные, может невольно ввести своего читателя в заблуждение[888]. Задача историка состоит в предоставлении правильно организованного исторического материала, оставляющего сведущему читателю пространство для самостоятельных размышлений, а не собственного субъективного понимания прошлого[889].

Митрополит Евгений считал, что «история должна быть в системе, то есть в разделении на периоды, эпохи и в подборе единообразных материй по статьям или главам»[890] с обоснованием того, «почему та или иная глава начинается на этой, а не на другой странице»[891].

Первые опыты периодизации истории были предприняты молодым ученым Евфимием Алексеевичем Болховитиновым в то время, когда он только приступил к научной работе. В письме к Селивановскому Болховитинов сообщил о том, что в своей «Российской истории» завершил «две эпохи, то есть до нападения татар на Россию»[892]. Остается неясным, собирался ли он ограничиться только древностью или хотел осветить

---

[886] *Clément Françoi.* Art de vérifier les dates des faits historiques («Искусство проверять даты исторических событий» – пер. с фр.). V. 1–3. Paris. 1783–1787. – 999 p.

[887] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 28 февраля 1815 г. // Русский архив. 1889. № 5. С. 39–40.

[888] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 1 июля 1814 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. № 10. С. 378.

[889] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 4 января 1818 г. // Русский архив. 1889. Вып. 5. С. 59.

[890] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) без указания адресата от 8 апреля 1806 г. // Москвитянин. 1848. № 8. С. 172.

[891] Там же. С. 172.

[892] Письмо Е. А. Болховитинова С.И. Селивановскому от 19 января 1793 г. // Библиографические записки. 1859. № 3. С. 68.

всю историю России. Не ясно также, какие именно эпохи поместил ученый прежде татарского вторжения. Можно предположить, что это был период Киевской Руси и предшествующий ему догосударственный. Основанием такой версии может служить то, что Евгений подробно и внимательно рассматривал этногеографическую картину, разворачивавшуюся на территории России в древности в каждой из своих провинциальных историй. Вопросы происхождения, миграции племен и этносов, природных условий их местности и хозяйственной деятельности, которая определялась ими, составляли предмет его пристального исследовательского интереса.

Периодизация истории, предложенная Евгением в последующие годы, отражала его понимание исторического процесса. В его основе лежало представление ученого о прогрессе человеческого общества, движущей силой которого является развитие науки и культуры, обеспеченное государством. «Взгляните на обстоятельства нашего отечества, – предлагал историк Анастасевичу. – Все нации начинали славиться войною и распространением, потом просвещением, а наконец, торговлею и рукоделиями, и художествами. Мы прошли уже все сии периоды со времен Владимира, но поворотились назад со времен монгольского порабощения. С царя Ивана Васильевича вступили паки в первый период, теперь еще его продолжаем. Как же вы требуете от нас и других двух периодов вместе? Tonante Marte silent Musae (Когда гремит Марс, молчат Музы – лат.)»[893]. Несколько преувеличивая просвещенность Древней Руси, Евгений считал этот период культурным образцом, к которому его современникам следовало стремиться приблизиться.

Показателем процветания государства, его цивилизованности являлось развитие культуры в широком смысле, включающем в себя хозяйственный и общественный уклад жизни народа, его нравственное состояние. Словесность, наличие книжной культуры рассматривались Евгением как важнейшие условия культурного развития. Обсуждая с Анастасевичем распространенное мнение о варварстве допетровской России, еп. Евгений писал: «Мы никогда не были совершенными варварами, а до XIII века

[893] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 19 мая 1815 г. // Русский архив. 1889. № 5. С. 48.

словесность наша богаче западной. Даже и в XIV и в XV веках у нас было много книг, по крайней мере, переводных. А это не есть уже варварство»[894].

Культурное процветание страны обеспечивалось прочностью государства. При его ослаблении, Россия становилась объектом вражеского нападения, отбрасывавшего страну назад в ее культурном развитии. Прогресс сменялся упадком. Такая концепция истории России дошла до нас в периодизации еп. Евгения, оставленной ученым в конце VI книги «Истории Российской» Татищева[895]. Это периодизация политической по своему содержанию истории России X – сер. XVII вв. была озаглавлена как «Эпохи расстройства России» и содержала четыре периода: «1. Разделение России на удельные княжества, сперва при Святославе, а потом при Владимире I. От чего произошли междоусобия и порабощение татарам. 2. Татарское нашествие Батыево с 1236 г. 3. Завоевание великого князя литовского Гедемина (по литовской летописи с 1320 года), отторгнувшего Киевское, Волынское, Луцкое, Переяславское, Белгородское при Днепре, Подолию и Полесье (что прежде называлось древлянская земля). Он уничтожил и самое имя сих княжеств… 4. От самозванцев, начиная с Гришки Отрепьева и от избрания на русский престол польского короля Сигизмунда III сына Владислава»[896]. Внутренние и внешние войны, потеря территорий, разрушение и порабощение сопровождались безвозвратной утратой культурного достояния страны.

Самой трагической страницей Российской истории еп. Евгений считал татарское нашествие. «О упадке у нас наук от нашествия монголов вот мое мнение. Не монголы сами, но их иго, уничтожившее умы, истребило тысячи памятников нашей словесности, кои умеют беречь только люди, знающие им цену… Сколько ж таких кладовых сгнило в век, огрубевший от монголов, когда ум не имел свободы и пересматривать сии памятники?»[897], – сокрушался митр. Евгений. За разорительным натиском с востока последовал удар с запада, принесший невосполнимые культурные потери. Евгений писал: «От Литвы действительно больше потерпела наша история, нежели от татар: ибо

---

[894] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 10 февраля 1815 г. // Там же. С. 38.
[895] *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. Кн. 4. СПб., 1784.
[896] Собственноручные заметки… Л. 82–82 об.
[897] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 27 января 1815 г. // Русский архив. 1889. № 5. С. 34–35.

сии жгли архивы без умыслу, а те с умыслом. Предки наши говаривали: Папа Римской страшнее, чем хан Крымской»[898]. Культурный подъем страны стал возможен только тогда, когда началось восстановление территории России и укрепление ее государственности во второй половине XVII в.[899]

Завершение митр. Евгением своей периодизации серединой XVII в. ставит перед нами вопрос о хронологических границах истории в понимании ученого.

Если обратиться к историческим работам митрополита Евгения, то становится очевидной нижняя граница истории. Собственно историческое описание ведется ученым епископом с середины первого тысячелетия н. э. К этому времени он относит начало расселения славян на территории будущего Древнерусского государства. С этого хронологического рубежа начинаются многие провинциальные истории ученого.

Сложнее обстоит дело с определением верхней хронологической границы. Здесь мы можем увидеть два различных подхода. С одной стороны, историк фиксировал современные ему события. Так воронежская история доведена им до 1800 г.[900], а псковская – до 1830 г.[901] С другой стороны Евгений подвергал сомнению возможность всестороннего исторического исследования явлений современности. В письме к Анастасевичу он размышлял о границе истории и современности и отодвинул ее на более ранний срок: «Не думаю я, чтобы новое жизнеописание Екатерины II, … было основательно; разве это только панегирик, а не история? Ибо легче писать первое, нежели второе. Впрочем, ваша правда, что через 23 года рано еще писать екатерининову историю, не зацепив многих живых»[902]. Даже анализ событий петровского времени еще не мог быть совершенно беспристрастным и, как утверждал Евгений, «Карамзин заклял себя не писать никогда историю сего монарха, чувствуя, что его надобно очернить»[903].

---

[898] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) А.И. Ермолаеву от 31 января 1810 г. // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 240–241.

[899] Собственноручные заметки… Л. 82 об.

[900] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800. С. 218.

[901] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* История Княжества Псковскаго с присовокуплением плана города Пскова: Ч. 4. Киев, 1831. С. 184.

[902] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 18 июля 1819 г. // Русский архив. 1889. Вып. 5. С. 204.

[903] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 10 февраля 1815 г. // Там же. С. 38.

Т.А. Сабурова отмечала, что XVIII в. стал для русских интеллектуалов первой половины следующего столетия «местом памяти». Представления о веке Петра и Екатерины «сохранялись прежде всего в индивидуальной памяти, но постепенно перемещались в область исторического сознания», играя важную роль «в формировании новой культурной идентичности русского просвещенного общества»[904]. В событиях, участником и свидетелем которых был Евгений, он видел продолжение просветительских начинаний прошлого столетия и не проводил границы между XVIII и XIX в., относя их к современности. Для Евгения собственно история, которую можно познавать научными методами, заканчивалась второй половиной XVII в.

Даже самое ответственное отношение историка к накопленному и систематизированному им материалу, однако, не обеспечивает исследователю раскрытие всех тайн прошлого. «Когда полна история, то явный признак, что сочинитель много выдумал, ибо всего не могут знать и современники и даже само действующее лицо, – считал историк. – Сердце человеческое есть тайна, а деяния обманчивы»[905]. Не полнота повествования, а присущий автору «гений исторической критики»[906] являлся для митрополита Евгения критерием состоявшейся научной работы. «Хорошее расположение, историческая точность в ссылках и критическая разборчивость в сказаниях»[907] составляли, по мнению ученого, несомненные достоинства научного сочинения. Круг вопросов, рассмотренных историком в конкретном исследовании, должен быть ограничен вхождением их в «план сочинителев»[908]. В исследовании должны отсутствовать необъясненные парадоксы, необоснованные утверждения[909].

---

[904] *Сабурова Т. А.* Указ. соч. С. 235–236.

[905] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 11 октября 1814 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. № 10. С. 356.

[906] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.М. Перевощикову от 6 февраля 1814 г. // Русский архив. 1890. Вып. 12. С. 426.

[907] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) графу Н.П. Румянцеву от 22 ноября 1818 г. // Переписка митрополита Киевскаго… С. 15.

[908] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 4 января 1818 г. // Русский архив. 1889. Вып. 5. С. 59.

[909] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) без указания адресата от 8 апреля 1806 г. // Москвитянин. 1848. № 8. С. 171.

«В истории не довольно сказать, но надобно и доказать, иначе выйдет роман»[910], – справедливо считал ученый-архиерей. Особенностью истории как науки является то, что «история любит не догадку, а прямое свидетельство»[911]. Однако историку приходится работать в условиях ограниченного круга источников, недостатка сведений, поэтому ему следует учитывать, что «в истории молчание не есть доказательство; да и противоречие не всегда может служить обличением, особливо если мы от малого числа наших летописей будем судить о всех.... История не может быть также доказательна как математика. Иначе надобно сомневаться и в Таците, и в Ливии и в других вообще»[912]. Подчеркивая особенности научного творчества в области истории в отличие от других наук, ученый предостерегал от необдуманного использования несоответствующих исследовательских приемов.

Представления Болховитинова об истории как прогрессивном процессе имеют просветительскую основу. Сабурова отмечала: «Прогресс, понимаемый как просвещение общества, распространение образования и развитие науки, становился одним из ключевых понятий исторического сознания русского общества первой половины XIX в.»[913]. Концепция истории, предложенная Болховитиновым, включает историю России во всемирно-исторический процесс, развивающийся по одному и тому же непостижимому плану, заданному Творцом. Воплощение этого замысла в жизни человечества находит свое выражение в культуре, понимаемой как совокупность всех сторон жизненного уклада человеческого общества. История России представляет собой сменяющиеся эпохи процветания и упадка, зависящие от крепости государственных основ. Личные деяния государственных правителей и деятелей культуры составляют единую историческую картину. Такое понимание неразрывной связи политической и культурной истории получило свое воплощение в исторических работах ученого епископа.

---

[910] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 22 августа 1819 г. // Русский архив. 1889. Вып. 6. С. 212.

[911] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) К.Ф. Калайдовичу от 15 августа 1819 г. // ОР РНБ. Ф. 328. Д. 366. Л. 27.

[912] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) К.Ф. Калайдовичу от 26 декабря 1813 г. // Там же. Л. 5.

[913] *Сабурова Т.А.* «Места памяти» русского образованного общества... С. 239.

3.2 История России в просветительской деятельности Евгения (Болховитинова)

По мнению В. Ферроне и Д. Роша, особое своеобразие мира Просвещения заключалось в том, что эта эпоха глубже, чем любая иная «прониклась верой в способность науки улучшать условия жизни людей. Искусство и наука легли в основу просветительского credo и теснейшим образом сплелись с контекстом культуры»[914]. Особое место в научных занятиях митр. Евгения занимала отечественная история, трактуемая им в категориях культуры. Размышляя о путях развития исторического знания в России, митр. Евгений находил для себя значимые образцы научной деятельности в трудах историков прошлого. Свой взгляд на историографическую традицию, частью которой являлся он сам, митрополит Евгений изложил в своих словарях.

Словари. Идея митр. Евгения о развитии культуры страны как историческом процессе легла в основу замысла создания словарей. В предисловии к «Словарю светских писателей» он отмечал: «История писателей есть существенная часть истории словесности, потому что они даже составляют эпохи и периоды ея. Все просвещенные народы давно уже имеют таковыя книги; но Россия, от самого просвещения своего христианскою верою имевшая уже писателей, до прошедшего века не имела однако ж никакой о них истории»[915]. Там же митрополит Евгений указал на то, что созданием своих словарей он продолжил дело, начатое Новиковым. Рукопись словаря, хранящаяся в ОР РГБ, является наглядным свидетельством этой преемственности[916]. Она представляет собой скрепленные вместе тетради, между листами которых вшиты страницы из «Опыта исторического словаря о российских писателях» Новикова. Краткие пометки, оставленные митрополитом Евгением в тексте и на полях словарных статей своего предшественника, продолжены пространными дополнениями на

---

[914] *Ферроне В., Рош Д.* История и историография Просвещения // Мир Просвещения. Исторический словарь. М., 2003. С. 582.
[915] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Предисловие сочинителя // Словарь русских писателей… Т. I.
[916] Словарь духовных и светских писателей, составленный митрополитом Евгением (Евфимием Болховитиновым) // ОР РГБ. Ф. 310. Д. 1106.

тетрадных страницах[917]. Некоторые листы рукописи остались незаполненными[918], на других одиночные записи расположены напротив соответствующих статей в книге посредине пустующей страницы[919], если требовались значительные правки, то вклеивались дополнительные листы[920]. Таким образом, рукописный вариант словаря ученого епископа был организован вокруг книги Новикова.

Евгений указывал на то, что биографии писателей были им собраны «по словесным только преданиям»[921], как на существенный недостаток своего сочинения, и обращался ко всем любителям словесности с призывом участвовать в распространении словаря и присылать автору имеющиеся у них сведения. Митр. Евгений пошел по пути Новикова и помимо дополнений к его статьям с указанием источника использовал также данные, полученные от своих корреспондентов. Между тетрадными листами сохранились вложенные листы, представляющие собой письма, справки, выписки из архивных бумаг, листы из книжных каталогов, журнальные статьи и другие документы, содержащие сведения о писателях и их произведениях[922]. Пометки митр. Евгения, оставшиеся на них, свидетельствуют о его стремлении к фактической точности и полноте собираемых биографий. Однако он понимал, что «при всем желании собрать полнейшия о всем сем известия, надлежит признаться, что многого еще не достает сему сочинению, требующему занятия не одного человека, но целых обществ для усовершения своего»[923].

Словарь Новикова был тщательно переработан митр. Евгением. Увеличилось число статей, изменилось их расположение: духовные писатели и российские монархи были помещены в алфавитном порядке по именам, а светские писатели по фамилиям. Биографические данные были скорректированы в соответствии со временем, существенно дополнены библиографические сведения, убраны некоторые авторские оценки. Вместе с тем, словарь приобрел новое научное направление. Митрополит Евгений обозначил его так: «Во всех сих статьях, сколько возможно и известно было,

---

[917] Там же. Л. 22–23; 25–26; 37 об.–38 и далее.
[918] Там же. Л. 12, 14–15, 18, 20–21, 24, 27, 29 об.–30, 32 об.–33 об., 35–35 об. и далее.
[919] Там же. Л. 17, 29, 30 об., 32, 175, 176 об., 295, 368, 388, 411.
[920] Там же. Л. 121 а–121 а об.; 191 а.
[921] *Новиков Н. И.* Предисловие // Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772.
[922] Словарь духовных и светских писателей… Л. 55–55 об., 94–95, 101, 124–124 об., 136, 138, 140, 165–168 об., 197–197 об., 221–221 об., 238–238 об, 238 а–238 а об., 245–245 об., 277–277 об., 361, 379, 427–428 об.
[923] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Предисловие сочинителя // Словарь русских писателей… Т. I.

помещены жизнеописательные, а особливо ученые обстоятельства писателей; означены также время и место издания их сочинений; во многих местах присовокуплены разные известия, до общей гражданской, церковной и ученой российской истории относящиеся. Иногда прибавлено о них и суждение критиков»[924]. В результате такой работы словари стали представлять собой широкую картину отечественного просвещения, в которой историческая наука заняла особое место. Это позволяет нам рассмотреть научные взгляды ученого-епископа Евгения об отечественной истории, представленные в его словарях.

Размышляя об историческом процессе, епископ Евгений писал: «Судьба нашей истории идет по следам истории других народов, у коих также сперва были летописи и частные известия. Но многие и у нас губернии уже имеют и свои собственные истории, например Тамбовская, Казанская, Саратовская, Воронежская, Костромская, Вологодская, Новгородская и Псковская. Чудно, что Киевская медлит, а ей бы прежде должно выступить. Но нет еще у нас всеобъемлющего исторического гения»[925]. Таким образом, ученый рассматривал исторические сочинения от летописей до провинциальных историй как основу для создания «систематической истории»[926].

Как мы уже увидели, митр. Евгений выделял несколько видов исторических сочинений: летописи, «частные известия»[927], произведения, посвященные местной истории и «систематическую историю»[928]. Рассмотрим, как каждый вид представлен в словарях.

Самыми древними из авторов, чьи труды были рассмотрены в словарях епископа Евгения, были греки Мефодий и Кирилл (Константин). Именно с них он начал описание истории российского просвещения. Ученый сделал оговорку, что они «хотя прямо не принадлежат к числу славенорусских писателей: однако ж, поелику они почитаются изобретателями славянских букв, у нас употребляемых, и первыми переводчиками церковных наших славенских книг; то сведение о них и переводах их некоторым

---

[924] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских писателей…Т. I. С. VI.
[925] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 17 ноября 1815 г. // Русский архив. 1889. Вып. 5. С. 56.
[926] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 28 февраля 1815 г. // Там же. С. 39–40.
[927] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) к В.Г. Анастасевичу от 29 сентября 1815 г. // Там же. С. 56.
[928] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) к В.Г. Анастасевичу от 28 февраля 1815 г. // Там же. С. 39–40.

образом относится и к славенорусской церковной истории»[929]. Кроме необходимых биографических сведений и истории создания славянской письменности эта статья содержит также обозрение целого ряда спорных вопросов: о происхождении глаголицы, о славянских рунах, о судьбе переводов Кирилла и Мефодия и развитии языка и других[930]. Принцип отбора наиболее убедительных объяснений основывался ученым на предпочтении «прямых исторических доказательств»[931], однако вопрос о том, что именно он вкладывал в это понятие, остается открытым.

Кирилло-мефодиевскую линию российской учености продолжил Нестор – «первый российский летописатель»[932], чья научная деятельность стала возможной благодаря тому, что «сами великие князья от введения христианской веры в Россию начали немедленно пещись о просвещении своего народа»[933]. Появление у Нестора замысла создания летописи епископ Евгений объяснял влиянием византийских исторических сочинений, которые могли быть доступны Нестору в монастыре. В качестве доказательства он указал на сходства труда Нестора с греческими летописями, а иногда и на прямые заимствования из них, а также на один и тот же порядок «временосчисления»[934]. Происхождение славян у Нестора «от столпотворения»[935] Евгений также объяснял следованием византийским историкам. Но несомненной заслугой Нестора, по мнению ученого, было то, что «он не наполнял свою летопись такими баснословиями о происхождении и родоначальниках народов, как другие после его бывшие летописатели северные»[936]. Епископ Евгений высказал свои предположения об источниках сочинения Нестора, отметил уникальные сведения, содержащиеся в летописи, и особенности погодных записей, оценил язык изложения. Следуя за Шлецером, ученый-архиерей сообщил об утрате подлинника несторовой летописи и назвал все известные ему списки с нее с указанием места и года издания, а также описал

---

929 *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина грекороссийской церкви. СПб., 1818. С. 421.
930 *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь исторический... С. 421–431.
931 Там же. С. 429.
932 Там же. С. 443.
933 Там же. С. 450.
934 Там же. С. 451.
935 Там же. С. 451.
936 Там же. С. 451.

историю ее изучения. Таким образом, в статье был представлен краткий источниковедческий анализ.

Епископ Евгений высоко оценил труд Нестора, назвав его (в согласии со Шлецером) «единственным и настоящим историком русским»[937]. Авторитет этой летописи для Евгения был непререкаем. Все проблемы текста, по мнению ученого, возникли по вине продолжателей летописи и переписчиков, которые «портили только собственные имена и названия, или сокращали и толковали по своему понятию, а через то вносили в летопись много нелепого и превратного; существенно же повествуемое Нестором всегда оставалось, в ином только виде»[938]. Среди продолжателей труда Нестора ученый назвал игумена Киево-Выдубицкого монастыря Сильвестра, суздальского монаха Лаврентия и новгородского священника Иоанна – сочинителя «так называемой летописи Новгородской потому, что в оной очень подробно описываются новгородские дела»[939].

Возможно, причина такого некритичного отношения к первой русской летописи кроется не только в авторитете А.Л. Шлецера[940], но и в том особом положении, которое это сочинение занимало в представлениях ученого о развитии просвещения в России вообще и формировании исторического знания в частности.

В числе продолжателей летописания ученый-архиерей назвал монаха Троице-Сергиева монастыря Георгия[941], собравшего Российскую летопись до 1533 г., монаха Варлаама Палицына[942], под именем которого в XVIII в. была издана Краткая Российская летопись (епископ Евгений соотносит ее с Архангелогородской), охватывающая период с 859 по 1598 гг.[943], и святителя Дмитрия Ростовского[944], среди многочисленных трудов которого митр. Евгений указал «Летопись, или лучше сказать соборный хронограф о

---

[937] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь исторический… С. 453.
[938] Там же. С. 452.
[939] Там же. С. 267.
[940] Митр. Евгений считал важнейшим изданием этой летописи работу Шлецера, которую он называл «сличенный Нестор». См.: Там же. С. 447.
[941] О нем в словаре сказано: «Георгий, монах Троице-Сергиева монастыря, живший в начале XVI века, собрал Российскую летопись, простирающуюся до 1533 года, которой подлинник был в московской типографии, а ныне в Патриаршей библиотеке». Кроме этих данных о нем ничего не известно. См.: Там же. С. 89.
[942] Варлаам Палицын – келарь Чудова монастыря, жил в XVI в., автор нескольких исторических сочинений.
[943] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь исторический... С. 56–57.
[944] Дмитрий (Туптало), митр. Ростовский (1651–1709), духовный писатель, проповедник.

начале славенского народа, смешанный с посторонними историями» и «Летописание краткое, или лучше можно назвать синхронистические таблицы»[945]. Об этих авторах и их сочинениях в словарях даны краткие сведения. Больше внимания ученый уделил патриарху Никону[946] и его сочинениям, «из коих наипаче известны … летопись Русская под именем Никоновой, или по Никонову списку… Она есть полнейший прежних свод многих русских летописей, степенных книг и греческих хронографов, доведенных до 1630 г. и напечатана с Никонова подписанного подлинника точно от слова и до слова»[947]. Евгений рассмотрел сомнения ученых об авторстве Никона, признав их недостаточно убедительными, остановился на источниках и сделал вывод о Никоновой летописи: «…она имеет также много недостатков и неисправностей, как и прочие русские летописи, из свода которых она составлена»[948].

Сложным было отношение ученого-епископа к Иоакимовой летописи, статью о которой он также поместил в свой словарь. Его автора – первого Новгородского епископа, прозываемого Корсунянином – Татищев назвал «первым русским летописателем»[949]. Еп. Евгений не разделял такую точку зрения, так как эта летопись не дошла до XIX в. и ни она, ни те уникальные данные, которые в ней содержались и были использованы Татищевым, не упоминались не только у Нестора, но и в других летописях, в том числе и новгородских. Таким образом, ученый обозначил спорный момент, который позже в историографии получил название проблемы «татищевских известий»[950]. Митр. Евгений подвергал сомнению подлинность сведений Татищева, основанных на Иоакимовой летописи. Для него было важно, что и последующие историки – М.В. Ломоносов, Ф.А. Эмин, М.М. Щербатов, Г.Ф. Миллер – «не поверили сему его открытию»[951], а А.Л. Шлецер «прямо называл отрывок сей лжеиоакимовым и

---

[945] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь исторический… С. 136.
[946] Ему в Словаре духовных писателей Евгений Болховитинов посвятил самую большую статью. См.: Там же. 470–508.
[947] Там же. С. 503.
[948] Там же. С. 504–505.
[949] Там же. С. 230.
[950] См.: *Тихомиров М.Н.* О русских источниках «Истории Российской» В.Н. Татищева // *Татищев В.Н.* История Российская Т.1. М.-Л., 1962. С. 39–53; *Добрушкин Е.М.* О методике изучения «татищевских известий» // Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977. С. 76–96 и др.
[951] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь исторический… С. 234.

отверг как подлог от самого ли Татищева, или от кого другого составленный»[952]. Историк привел доказательства и в пользу противоположной точки зрения, но не посчитал их достаточно убедительными.

В представлении епископа Евгения российское летописание как жанр исторического произведения имело свой образец в виде древнейшей летописи Нестора. Деятельность более поздних авторов (переписчиков, продолжателей, создателей летописных сводов) приводила к искажению труда Нестора. Таким образом, основным методом исследования летописей для историка должно было стать сличение их друг с другом, поиск и объяснение разночтений в них. В сравнении с сочинением Нестора Иоакимова летопись, объявленная Татищевым древнейшей, проигрывала и не признавалась Евгением достоверной. Проблема заключалась не только в том, что эта летопись не дошла до его времени (подлинник труда Нестора тоже был утрачен), но и в том, что известия из сочинения, которое Татищев приписал Иоакиму, епископу Новгородскому, выпадали из традиции летописания, где более поздние летописи включали в себя более ранние сведения и дополняли их новыми, создавая единую, хотя и не вполне согласованную картину истории.

Еп. Евгений упоминал в своих словарях сочинения, представляющие собой разного рода исторические произведения: описания монастырей, храмов и целых епархий, отдельных исторических событий, дворянских и царского родословий, исторические рассуждения и другие. Но лишь одно из таких «частных известий» было разобрано, а его автор назван историком: речь идет об Авраамии Палицыне и его «Сказании о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы, и о бывших потом в России мятежах»[953]. Евгений отметил особенности изложения, слог, время написания произведения и характер описываемой эпохи. Он попытался оправдать сочинение Авраамия, которое Елагин[954] назвал «пристрастным»[955], и заметил, что «Палицын, описывая такие происшествия, в коих сам он был лицом, содействующим избавлению России, не мог писать без некоторого жара и восторга, которого трудно

[952] Там же. С. 234.
[953] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь исторический… С. 5–6.
[954] Елагин Иван Перфильевич (1725–1794) – русский государственный деятель, поэт, историк. Автор «Опыта повествования о России до 1389 г.».
[955] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь исторический… С. 6.

было бы не иметь и всякому на его месте»[956]. Ученый посчитал извинительным также невыгодное описание автором царя Бориса, так как сочинение создавалось в царствование Романовых, «претерпевших от Бориса жестокое гонение»[957].

Первый опыт создания местной истории, отмеченный епископом Евгением, принадлежал священнику Иоанну Глазатому[958]. Обстоятельность его сочинения «Опыт Казанской истории», написанного в XVI в., позже была оценена Татищевым[959]. Митр. Евгений обратил внимание на то, что А.И. Лызлов в своем историческом сочинении о скифах при описании Казани «большую часть заимствовал из летописи сего Иоанна Глазатаго»[960]. Труд «История скифов» самого Андрея Лызлова, написанный в XVII в., которого издатель Н.И. Новиков назвал стольником, а епископ Евгений – священником, подробно в словаре не разобран: названы страны, описание которых в нем содержится, и источники этого произведения.

Такое же краткое упоминание содержится в словаре о Семене Ремезове – создателе «Летописи сибирской краткой кунгурской»[961]. Историк сообщил, что сочинитель «повествования свои довел до 1649 г., однако же с баснословиями»[962]. Он отметил также то, что этот труд использовал Г.Ф. Миллер при сочинении своей сибирской истории.

По данным словарей можно заключить, что расцвет интереса к местной истории пришелся на XVIII в. Епископ Евгений указал целый ряд работ, посвященных Малороссии[963], Сибири[964] и Камчатке[965], Уралу[966] и Поволжью[967]. Наибольшее внимание

---

[956] Там же. С. 6–7.
[957] Там же. С. 7.
[958] Иоанн Глазатый – священник. Около 1529–1532 гг. он попал в плен к татарам и остался в Казани. Перешел в ислам, заслужил доверие местного хана Сафа-Гирея, около 20 лет жил при ханском дворе и собирал историю Казанского царства. После покорения Казани Иваном Грозным вернулся на родину и вновь перешел в православную веру. Автор первой истории Казани.
[959] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь исторический… С. 272.
[960] Там же. С. 273.
[961] Семен Ульянович Ремезов (ок. 1642–после 1720) – исследователь Сибири, картограф, архитектор, строитель, художник, историк.
[962] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей… Т. II. С. 143.
[963] *Миллер Г.Ф.* «О происхождении козаков»; *Симоновский П. И.* «Краткое описание малороссийскаго козацкого народа с начала происхождения его и разнообразного по временам состояния по 1761 г.». См.: Там же. С. 81, 163.
[964] *Миллер Г.Ф.* «О торгах сибирских», «Замечание о тангутских рукописях, найденных в Сибири», «Описание сибирского царства»; *Фишер И.Э.* «Сибирская история или описание Сибирского царства». См.: Там же. С. 79, 232.
[965] *Тауберт И.И.* «Камчатская история»; *Шмалев Т.* «Краткое описание Камчатки». См.: Там же. С. 205, 259.
[966] *Рачков П.И.* «Оренбургская топография», «История оренбургская, изъяснение способов к произведению коммерции из Оренбурга с Бухариею, а из оной с индийскими областями». См.: Там же. С. 158.

ученый уделил характеристике работы Г.Ф. Миллера. Он высоко оценил результаты ученой экспедиции, проведенной в числе других членов Академии Наук российским историком (впоследствии историографом) немецкого происхождения Герардом Фридериком Миллером. «Путешествие сие было самою обильнейшею жатвою для него и через него самою драгоценнейшею для российской истории, географии и статистики»[968], – утверждал епископ Евгений. За десять лет Миллер объехал почти всю Сибирь от Тобольска до китайских границ, везде собирая нужные известия о городах, уездах, дорогах, что помогло ему составить новые ландкарты сибирских губерний. Ему удалось пересмотреть и привести в порядок множество городских архивов. Неутомимый исследователь везде «все нужное списывал… Сверх того, изобразил в рисунках разные остатки древностей, описал также нравы, законы, обыкновения сибирских народов…»[969]. Здесь ученый-архиерей показал план изучения и составления местной истории, который впоследствии лег в основу его собственных трудов. Он включал в себя обязательную работу в архивах, поиск и описание местных древностей, неизменный интерес к географии изучаемой территории и жизни народа, ее населяющего.

Сочинение Миллера «Описание Сибирского царства», которое появилось по итогам экспедиции, епископ Евгений оценил выше, чем такую же работу Иоанна Эбергарда Фишера[970], хотя и отметил, что «обе сии истории одна другую дополняют»[971]. Однако работа Миллера оригинальна, а история Фишера написана «в соперничество» с ней. Кроме того, история Сибири была частью общего труда историографа «Собрания российских историй», из которого «европейские ученые получили первые обстоятельнейшие сведения о России»[972].

---

[967] *Миллер Г.Ф.* «Описание трех языческих народов, в Казанской губернии обитающих», «Исторические, географические и до описания народов касающиеся наблюдения от города Твери по реке Волге до Казани»; *Рачков П.И.* «Опыт Казанской истории древних и средних времен»; *Фишер И.Э.* «О народе и имени татарском». См.: Там же. С. 81, 87, 158, 232.
[968] Там же. С. 59.
[969] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей… Т. II. С. 60.
[970] Там же. С. 80.
[971] Там же. С. 232.
[972] Там же. С. 79.

Создание общего труда по национальной истории представлено Евгением как долгий процесс, включающий в себя ряд этапов. В статье о Миллере ученый-архиерей полагал началом этой работы изучение немецким историком русского и славянского языков, что позволило ему ознакомиться с русскими летописями. Миллер делал из них выписки и публиковал на немецком языке. «При том… его намерение было таким повременным изданием приуготовить по малу запасы к сочинению полной российской истории и к географическому описанию России»[973], – отметил еп. Евгений. Исследование летописей не вполне удалось Миллеру, и его окончательный труд содержал «немаловажные ошибки»[974], например он приписал авторство летописи Нестора Феодосию. Тем не менее, как утверждал создатель словарей, это не лишало автора его заслуг перед Россией[975].

Важным деянием Миллера митр. Евгений считал издание им источников (Судебника Ивана IV, Степенной книги) и сочинений других авторов (Крашенинникова, Татищева, Хилкова). Еп. Евгений отметил также множество исследований Миллера, затрагивающих отдельные темы[976]. Все эти труды привели ученого «к быстрым… успехам в нашей истории»[977].

Подобная программа действий историка показана ученым-архиереем на примере монаха Никодима (в прошлом Адама Бурхарда) Селлия, происходившего из датского Шлезвига[978]. Митр. Евгений, также как и в случае с Миллером, отметил его обучение русскому языку, исследование русских летописей, поиск древностей, выписки из различных сочинений сведений о российской истории. Составив несколько сочинений на отдельные исторические темы, Никодим погрузился в церковную историю[979]. Его сочинение о российской иерархии епископ Евгений высоко оценил, отметив особенно тщательное указание автором источников, на которые он опирался[980].

---

[973] Там же. С. 59.
[974] Там же. С. 79.
[975] Там же. С. 68.
[976] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей… Т. II. С. 78–87.
[977] Там же. С. 62.
[978] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь исторический… С. 465.
[979] Там же. С. 465–466.
[980] Там же. С. 467.

Митр. Евгений отметил, что розыск древностей Никодим Селлий производил, являясь сотрудником Беера[981] или Готлиба Зигфрида Байера – еще одного российского академика из числа первых[982]. Ученый-архиерей привел мнения критиков Байера, обвинявших его в небрежении об изучении русского языка, которое мешало ему понимать летописи и приводило к неверным выводам и курьезным догадкам. «Впрочем, надлежит отдать справедливость Бееру, что он первый указал нам способы объяснять наши древности из византийских и северных историков»[983], – написал епископ Евгений, пытаясь в заключении своей статьи смягчить строгость критики.

Интересно, что в недостаточном внимании к изучению русского языка Байера обвинял в числе прочих и немец Шлецер[984]. Август Людовик Шлецер – третий российский историк немецкого происхождения, которому Евгений уделил значительное внимание, поместив о нем статью в своем словаре «по великим, оказанным истории нашей услугам, и за его всегдашнюю привязанность к оной»[985]. Собирание Шлецером летописных списков и их кропотливое сличение было первым примером такого рода работы с русскими источниками. А научное издание Судебника и Никоновского летописца, осуществленное под его надзором, отличалось «строгостью и точностью»[986], что открывало путь к дальнейшим исследованиям этих памятников. Ученый-архиерей высоко ценил Шлецера, считая, что он «искусный и разборчивый историк и критик»[987]. Тем не менее он критиковал его за издание книги «Опыт русских летописей» на немецком языке и для немецких историков, «которым вообще известны многия в ней упоминаемыя вещи, а для наших читателей летописей оставшиеся непонятными»[988].

Митр. Евгений признавал вклад историков немецкого происхождения в развитие русской науки, воспринимал их опыт. Он писал: «Иностранцы также во всех нациях были первыми наставниками. Какой же стыд и нам учиться у Миллеров, Бееров,

---

[981] Там же. С. 465.
[982] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей… Т. I. С. 26.
[983] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей… Т. I. С. 28.
[984] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей… Т. I. С. 28.
[985] Там же. Т. II. С. 253.
[986] Там же. С. 255.
[987] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь исторический… С. 452.
[988] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей… Т. II. С. 254.

Шлецеров и проч.?»[989]. Однако ученый-архиерей ревностно относился к критике российской учености извне[990]. Он был рад узнать, что его словарь читают в Дерпте, «а Воейков хочет из него для лекций своих выбрать ученую русскую историю и хвалится обличить немцев, говорящих, что у нас не было не только ученой истории, но ни наук, ни литературы»[991]. Еп. Евгений был убежден, что «немцы, о русском пишущие по-немецки, бесполезны русским»[992], что национальная история должна быть написана российским историком на русском языке.

Первые примеры создания таких общих сочинений, охватывающих всю российскую историю, автор словарей относит к XVII в. Это «Сокращение российской истории» разрядного дьяка Федора Ивановича Грибоедова[993] и «Синопсис, или краткое описание о начале словенскаго народа и о первых киевских князьях до государя царя Феодора Алексеевича» архимандрита Киево-Печерского монастыря Иннокентия Гизеля[994]. О сочинении Грибоедова сказано лишь то, что оно содержало в 36 главах вкратце исторические события от князя Владимира до царя Федора Алексеевича и не было издано[995]. О работе Гизеля сказано немного больше. «Книга сия вся выбрана из польских летописцев, а мало из Нестора и преисполнена ошибок и неисправностей»[996], – утверждал митр. Евгений. Однако до появления труда Ломоносова «не было кроме ея никакой другой печатной русской истории»[997]. Несмотря на краткую, но обоснованную критику этого сочинения, ученый-архиерей признавал его значимость для русской истории, о чем свидетельствует также то, что он сам издавал Синопсис, снабдив его комментариями и дополнениями[998].

---

[989] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) к В.Г. Анастасевичу от 10 января 1815 г. // Русский архив. 1889. Вып. 5. С. 32.
[990] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) к В.Г. Анастасевичу от 10 марта 1815 г. // Там же. С. 41.
[991] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 13 января 1819 г. // Русский архив. 1889. Вып. 5. С. 167.
[992] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 27 мая 1819 г. // Там же. Вып. 6. С. 193.
[993] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей… С. 154–155.
[994] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь исторический… С. 209–211. Сейчас вопрос об авторстве Синопсиса считается дискуссионным. См.: *Пештич С.Л.* «Синопсис» как историческое произведение // ТОДЛ. Т. XV. М.-Л., 1958. С. 285.
[995] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей… С. 154.
[996] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь исторический… С. 211.
[997] Там же. С. 211.
[998] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Прибавление к Синопсису Киевскому, содержащее современные росписи Великих князей, царей и императоров Всероссийских, польских Великих князей, удельных российских князей, митрополитов Киевских и всея России, малороссийских гетманов, монголо-татарских Великих ханов и удельных

Следующим произведением, которое привлекло внимание митр. Евгения, было «Ядро российской истории», чье авторство он связывает с именем царского стольника Андрея Яковлевича Хилкова[999], посвятившего свой «убогий» труд Петру Великому. Ученый-архиерей не склонен подходить к оценке этого раннего исторического сочинения со строгими мерками. Он оправдывал автора, отмечая, что пребывание в заключении[1000] и «неимение при себе верных источников исторических должны извинить его во многих ошибках сей истории»[1001].

Опираясь на мнение Шлецера и Миллера, Евгений подверг более тщательному разбору труд Василия Никитича Татищева под названием «История российская с самых древнейших времен, чрез 30 лет собранная и описанная»[1002]. «Ее можно справедливее назвать не историею, а сводною русскою летописью, объясненною примечаниями»[1003], – утверждал ученый.

Автор словаря обратил внимание на порядок работы историка Татищева. Поводом к написанию исторического труда стало участие Василия Никитича в составлении российской географии, но «с самого начала усмотрел он, что без истории собрать оной не можно»[1004]. Тогда исследователь стал собирать списки летописи Нестора и сводить их. Затем он пытался составить объяснения летописных данных, опираясь на исторические сведения, полученные путем выписок из иностранных книг. Свое намерение довести сочинение до восшествия на престол Михаила Романова Татищев исполнить не успел. Драматическая судьба постигла как саму рукопись труда Татищева, так и собрания летописей, послуживших ему источниками. Это создало множество проблем для последующих историков, пытавших проверить его сведения. Тем не менее даже при наличии ошибок и «ложных мнений», ученый-архиерей считал историю Татищева «лучшим сводом наших летописей» и «полезным» произведением[1005].

крымских киевских воевод и кастелланов бывших под польским правлением // Киевский Синопсис или краткое собрание от различных летописцов о начале славенороссийскаго народа и первоначальных князех богоспасаемаго града Киева. Киев, 1823.

[999] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей… Т. II. С. 237.

[1000] А.Я. Хилков находился в шведском плену с 1700 по 1718 г., где и скончался. См.: Там же. С. 238.

[1001] Там же. С. 238.

[1002] Там же. С. 194.

[1003] Там же. С. 194.

[1004] Там же. С. 194.

[1005] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей… Т. II. С. 194.

Епископ Евгений высоко оценил вклад Татищева в дело становления исторического знания в России, отмечая, что «он первый начал рассматривать наши летописи критически и не имея еще таких пособий, какие ныне открыты,… объяснил нам многое в нашей истории»[1006].

Евгений считал также не вполне удавшимся, но важным для развития науки исторический труд Михаила Васильевича Ломоносова. Его российская история была задумана, но не исполнена. Вместо нее в 1760 г. был издан «Краткий российский летописец», доведенный до кончины Петра I[1007]. Ученый-архиерей в своем словаре описал замысел Ломоносова и работу по его воплощению. Он сообщил, что Ломоносов сначала «приступил к собранию записок для российской истории»[1008], затем в 1760 г. окончил «Краткий российский летописец»[1009]. Занимаясь разносторонней деятельностью, он должен был «не писать только, но и первоначально все изыскивать, обдумывать и проверять»[1010]. История была одной из тех наук, которая должна была затруднять ученого больше других, так как в ней он не имел нужного примера. «Ломоносов начал свою историю… не по собственной охоте, а по убеждению друзей, желавших, дабы он и в сем роде проложил путь и пример к подражанию»[1011], – утверждал создатель словаря. Он обратил внимание на то, что Ломоносов успел написать первый том своей истории, «содержащий в себе самую труднейшую часть наших древностей»[1012], то есть довел ее до кончины Ярослава Мудрого, но не решился издать, так как «сам он чувствовал недостатки и сомнения в своей истории»[1013]. Тем не менее Евгений поставил Ломоносова в ряд великих писателей и в этой области знания[1014], оценивая больше его труд и дарования, чем реальный вклад в развитие исторической науки.

[1006] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей… Т. II. С. 194.
[1007] Там же. С. 24.
[1008] Там же. С. 22.
[1009] Там же. С. 22.
[1010] Там же. С. 23.
[1011] Там же. С. 23–24.
[1012] Там же. С. 24.
[1013] Там же. С. 25.
[1014] Там же. С. 25.

Попытку создания национальной истории, принадлежавшую российскому писателю, вероятно, польского происхождения Федору Александровичу Эмину (Емину)[1015], митр. Евгений посчитал и вовсе неудачной[1016]. Его «Российская история» содержала «явные анахронизмы»[1017], генеалогические и географические ошибки, смешение имен. Автор «много выдумывал... влагал в уста историческим лицам неестественных и слишком краснословных речей»[1018] Ученый-архиерей посчитал серьезным недостатком работы сочинителя нерадивое оформление ссылок «везде почти без обозначения места и даже неверно»[1019]. Его ссылки на древних авторов епископ Евгений посчитал странными, так как «неизвестно, от сбивчивости ли памяти своей, или от надежды на незнание своих читателей, он без зазрения совести ссылается на такие повествования и книги древнейших греческих и римских писателей, каких в сочинениях их никто не находил и не слыхивал»[1020].

Причина неудачи сочинителя, по мнению митр. Евгения, состояла в его предубеждении против русских летописей и полное доверие к трудам польских историков, «которые сами из наших же летописей почерпали и многое переиначили»[1021]. Ученый-архиерей даже посчитал возможным привести слова Шлецера, сказавшего об истории Эмина, что «она стыд делает веку и русской литературе»[1022]. Автор словаря в целом был готов поддержать эту оценку, отметив, однако, что она, возможно, слишком строга.

Череду неудачных попыток написания национальной истории пополнил князь Михаил Михайлович Щербатов, чья «Российская история», посвященная Екатерине II, не была закончена. Митр. Евгений невысоко оценил труд князя Щербатова, отметив в словарной статье, что «история его писана тяжелым слогом и с великими неисправностями»[1023]. В личной переписке он высказался о Щербатове еще резче: «Он

[1015] В словаре приведены разные версии его биографий. См.: *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей… Т. I. С. 214–221.
[1016] Там же. С. 222.
[1017] Там же. С. 224.
[1018] Там же. С. 224.
[1019] Там же. С. 222.
[1020] Там же. С. 223.
[1021] Там же. С. 222.
[1022] Там же. С. 225.
[1023] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей…Т. I. С. 280.

не был способен для истории, не умел даже издать исправно и документов своих. А потому его история – хоть бы ее и не было»[1024].

Щербатов и его труд был более интересен епископу Евгению не сам по себе, а в связи с его полемикой с Иваном Никитичем Болтиным, позволившей раскрыться критическому таланту последнего. Как сообщил нам автор словаря, в своем «Примечании на историю древния и новейшия России г. Леклерка» генерал-майор Болтин «убедительно обличил французского сего историка в неблагонамеренных лжах и клеветах на россиян, в незнании нашей истории»[1025]. Здесь же Болтин затронул труд князя Щербатова, тот ответил, завязался заочный спор. Сочинения, написанные Иваном Никитичем в рамках этой полемики, Евгений назвал «любопытными и полезными для нашей истории»[1026]. Он отмечал простоту, ясность и логичность рассуждений Болтина, глубокое знание предмета и способности к исторической критике. Сочинитель не внес существенной новизны в знания о российских древностях, «но он сблизил под один взгляд многие такие замечания, которые у Татищева рассеяны по разным местам, и яснее оныя предложил; а в новейшей истории многое объяснил из коллежских архивов и не изданных еще в свет записок»[1027]. По мнению епископа Евгения, в работах Болтина «находится весьма много любопытных разысканий и объяснений на труднейшие места древней нашей истории, хотя, впрочем, и нельзя не признаться, что он и князь Щербатов нередко спорили о сущих вероятностях, и потому только, что один другому уступить не хотели»[1028].

Полемика Болтина и Щербатова была далека от строгих научных норм[1029], и вследствие этого не очень конструктивна. Однако ученые споры Евгений считал не только полезными, но даже необходимыми для развития исторического знания. Он рассматривал формирование национальной исторической науки как процесс, развитие

[1024] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 28 марта 1815 г. // Русский архив. 1889. Вып. 5. С. 43.
[1025] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей… Т. I. С. 50.
[1026] Там же. С. 51.
[1027] Там же. С. 51.
[1028] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей…Т. I. С. 52.
[1029] В частной переписке еп. Евгений отмечал: «Болтин был только критик на Леклерка и Щербатова, а не на саму нашу историю. Первому отвечал он бранью на брань, а второго дурачил, не вразумляя читателей, ибо мы и без него ясно видели вранье обоих». См.: Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 28 марта 1815 г. // Русский архив. 1889. Вып. 5. С. 43.

которого являлось делом всех научных сил. Как более, так и менее удачные исторические сочинения вносили свой вклад в дело становления истории как науки, открывая все новые и новые проблемы для научного исследования.

Многие сведения, представленные в словарях, довольно быстро устарели, на что указывали критики вскоре после их выхода в свет[1030]. Нельзя не согласиться со справедливыми замечаниями Полевого, требовавшего от ученого епископа более определенного профессионального мнения относительно пристрастности летописи Курбского и сказания Авраамия Палицына, особенностей летописи Нестора как исторического источника, подложности славянских рун и по некоторым другим вопросам[1031]. Однако несомненным достоинством словарей признавалось наличие уникальных сведений и обстоятельность рассмотрения некоторых тем[1032].

В своих словарях митрополит Евгений проявил себя не только как историк литературы, но и как историограф. В представлениях ученого епископа о становлении и развитии исторического знания, оформленных в виде биографий летописцев и историков, наука не выделена из общекультурного процесса, является ее составной частью. Тем не менее, обращаясь к анализу конкретных исторических сочинений, митр. Евгений затронул множество специальных для исторической науки того времени источниковедческих и методологических вопросов.

Епископ Евгений считал, что историческая наука в России зародилась в глубокой древности, давшей последующим поколениям историков образец в лице монаха Нестора и его летописи. Традицию русской учености продолжили писатели духовного чина, поддерживавшие летописание и создававшие сочинения на отдельные исторические темы. Новый этап в становлении исторического знания, наступивший в XVIII веке, связан с возвращением к летописи Нестора и ее изучением, тогда же возникла историческая критика как научный метод. Успех работы историка в этот период зависел от подбора источников (русские летописи были обязательны), от способностей

[1030] *Погодин М.П.* О словаре митрополита Евгения. (Ответ С.Д. Полторацкому) // ОР РГБ. Ф. 233. №. 40. Д. 36. Л. 1–1 об.

[1031] *[Полевой Н.А.]* Современная русская библиография. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина грекороссийсой церкви // Московский телеграф. 1828. № 3. С. 413–415.

[1032] *Погодин М.П.* О словаре… Л. 2; *[Полевой Н.А.]* Современная русская библиография… С. 413.

сочинителя к критическому анализу и учета объяснений и выводов, которые были сделаны предшественниками.

Анализ словарей митр. Евгения дает нам представление о той историографической традиции, продолжателем которой он себя считал. Среди множества предшественников ученого епископа два историка обращают на себя особое внимание: летописец Нестор и Шлецер. Их биографии в изложении митр. Евгения переплетены, на их сочинения он чаще всего ссылался в своих исторических исследованиях. Вступая в противоречие со своей неизменной приверженностью к объективности и беспристрастности, историк ставил преподобного Нестора и его летопись вне критики. Митр. Евгению был особенно близок образ этого ученого монаха конца XI – начала XII в., летопись которого явилась результатом уединенного подвижнического труда. Шлецера, издавшего «сличенного Нестора», митр. Евгений критиковал за его «норманнскую теорию», но высоко ценил как историка и считал для себя необходимым учиться у него. Евгений разделял взгляды немецкого ученого, считавшего первоочередной задачей российской исторической науки критическое издание источников, и продолжил дело своего предшественника.

Словари дают нам возможность раскрыть представления ученого об отличии исторического исследования от литературных сочинений. Обоснованность утверждений, доказательность, ясная структура, логичность, систематичность, историческая точность, наличие правильно оформленных ссылок были, по мнению ученого епископа, необходимыми характеристиками подлинно научного труда. Его задачу митрополит Евгений видел в создании объективной картины исторического прошлого, соавтором которой должен был стать образованный и заинтересованный читатель.

Историографическая концепция Болховитинова представляет собой процесс становления исторического знания и перерастания его в науку в лицах и деяниях просветителей от Кирилла, Мефодия и Нестора до современных Евгению авторов.

Местная история. Значительную часть творческого наследия митр. Евгения представляют собой его труды по местной истории. Используя предоставленную церковным служением уникальную возможность непосредственно наблюдать жизнь

различных областей России, епископ Евгений реализовал свои научные интересы в изучении местных древностей.

Первый исторический опыт Евфимия Болховитинова был посвящен прошлому родного Воронежского края. В «Историческом, географическом и экономическом описании Воронежской губернии»[1033] автор помимо специальной литературы привлек широкий круг источников, среди которых обращают на себя внимание многочисленные ссылки на летопись Нестора.

Размышления молодого ученого над сущностью истории шли по пути определения ее необходимых содержательных элементов. В конце своего сочинения он поместил алфавитный перечень племен, населявших эту территорию («козаров»[1034], печенегов, половцев), географических объектов (уездов, провинций, городов, крепостей, предместий, слобод, урочищ, сел, рек), общественных учреждений (аптеки, рынка, типографии), церковных объектов (соборов, церквей, монастырей), а также имен князей и церковных иерархов. «Роспись материй, содержащихся в описании Воронежской губернии»[1035] представляла собой тот справочный аппарат, который значительно облегчил работу последующих исследователей воронежской истории.

Автор рассматривал историю Воронежской губернии в контексте общей российской истории. Его интересовало место этого края в жизни страны в различные периоды времени. Ученый полагал, что древняя история этой земли была связана с кочевьями последовательно сменявших друг друга хазар, печенегов и половцев, и рассматривал их взаимоотношения с киевскими князьями. Основание города Воронежа он относил ко времени более раннему, чем это отражено в летописи Нестора. Вместе со всей Русью воронежская земля пережила трагедию татарского нашествия и Мамаева побоища, подвергалась многочисленным разорениям. В конце XV в. при участии московских князей начался хозяйственный подъем воронежского края, прерванный

[1033] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800.

[1034] Автор ошибочно отождествлял их с хазарами. См.: Там же. С. 5, 36. Об этом же пишет А.В. Кожемякин: «Топоним “козары” ввел в заблуждение многих ученых, в их числе Е.А. Болховитинов, В.П. Загоровский и др.» И далее: «Имеющие место в топонимике современного Воронежа “козарские” названия – поле, городища, урочище, поляна и так далее – полностью совпадают с волынцевской археологической культурой (третья четверть I тыс. н.э.)». См.: *Кожемякин А.В.* Воронеж славянский // Историко-краеведческий сборник. Воронеж, 1993. С. 29–31.

[1035] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое, географическое… С. 221–228.

новыми разорениями в Смутное время. Но уже при царе Алексее Михайловиче воронежская земля укрепилась острогами и селениями, что помогало ей защищаться от татарских набегов и способствовало притоку переселенцев из разных частей России. По мнению ученого, «гораздо знаменитейшая эпоха города сего начинается со времени царствования государя, преобразителя России Петра I»[1036]. Автор привел подробный рассказ о строительстве флота на воронежских верфях и расцвете города. Таким образом, сочинитель показал, как в истории Воронежского края отразились важнейшие события российской истории.

Автор не оставил без внимания хозяйство Воронежской губернии на рубеже XVIII–XIX вв., предоставив разнообразные статистические данные, в том числе о производстве и потреблении различных продуктов, доходах и расходах населения[1037]. Сельскохозяйственное и промышленное развитие края происходило в тесной связи с другими частями страны. Подчеркивая важность судоходного торга по Дону, автор привел сведения о снабжении Ростовской крепости воронежским хлебом, Санкт-Петербурга – салом, Москвы – шерстью[1038]. Кроме того, Воронеж и его окрестности представлены ученым как центр оживленной ярмарочной торговли, привлекавшей московских купцов[1039]. О регулярной переписке жителей губернии свидетельствовали обширные почтовые связи Воронежа, охватывавшие большую часть страны[1040].

Такой подход к изучению местной истории как части истории России лег в основу продолжающейся по сегодняшний день историографической традиции воронежского краеведения, у истоков которого стоял первый исторический труд Евфимия Алексеевича Болховитинова. Можно согласиться с Шмурло, считавшим, что для воронежского края митрополит Евгений «явился живым примером неустанного самоотверженнаго работника во имя бескорыстного знания и науки. Он насадил у нас уважение к науке, бросил первыя семена ея. Сочинения воронежского периода давным-давно устарели, неполны фактически, большой точности там нет; многое в них случайно, без надлежащей системы; приемы изложения, конструкция материала не отвечают

[1036] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое, географическое… С. 44.
[1037] Там же. С. 22–29.
[1038] Там же. С. 85.
[1039] Там же. С. 79.
[1040] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое, географическое… С. 90–91.

требованиям современным. Но дело не в абсолютном достоинстве: благодаря указанным сочинениям, историческая воронежская литература на всем протяжении XIX столетия, вплоть до наших дней, явилась духовным детищем митрополита Евгения. Он проложил начало работе в известном направлении, надоумил, направил, вызвал интерес, побудил и других заниматься тем же»[1041].

Если первое историческое сочинение Болховитинова явилось результатом соединения многолетних личных наблюдений и изучения местных источников, то следующая его работа была написана о крае, в котором молодой ученый никогда не бывал и не знал языка его населения. О процессе создания «Исторического изображения Грузии в политическом, церковном и учебном ея состоянии»[1042] ученый рассказал в письме к воронежскому приятелю Македонцу: «Провожу…иногда вечера с Грузинским преосвящ. Варлаамом[1043] – и знаете ли, что из этих вечерних у меня с ним времяпровождений вышло? Он мне все рассказывал да рассказывал про Грузию, а я слушал да слушал, да на ус себе мотал, а там як присев писать, аж смотрю, уже целая книга о Грузии маранья скопилась. Прочел владыке Варлааму – он аж изумился, и ну пополнять, поправлять, с находящимися здесь Грузинскими князьями[1044] советоваться и спрашиваться. Попросил я помощи и у Бантыша-Каменского. Он все любопытное из своего гнезда мне сообщил. Вот и книга»[1045].

Поводом к написанию сочинения стало произошедшее в 1801 г. присоединение к России грузинского Картли-Кахетинского царства. В обращении к читателям архимандрит Евгений сообщил, что после этого важного политического события «теперь столько ж любопытно и нужно для нас иметь обстоятельное понятие о сей соотечественной уже нам нации, сколько и о других, давно благоденствующих с нами

[1041] *Шмурло Е.Ф.* Статья о митрополите Евгении // РГАЛИ. Ф. 1354. Оп. 1. Д. 591. Л. 11–12.

[1042] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ея состоянии. СПб., 1802.

[1043] Преосвященный Варлаам (Эристави) (1762–1830) – первый экзарх Грузии после присоединения ее к России. См.: *Лекишвили С.С.* Евгений Болховитинов и вопросы древнегрузинской культуры и истории // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1985. С. 33.

[1044] Грузинские князья Баграт, Иоанн и Михаил, находились в это время в Петербурге в ожидании пенсии от русского правительства. См.: *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений как ученый… С. 341.

[1045] Письмо архимандрита Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 13 мая 1802 г. // Русский архив. Вып. 1870. 4–5. С. 814.

под общим мудрым правлением наших монархов»[1046]. Обосновывая необходимость своего сочинения, историк далее заметил, что в описаниях иностранцев «очень часто Грузия представляется такою, какою она давно перестала быть; а в иных такою, какою она никогда не бывала»[1047].

Евгений стремился раскрыть перед читателем облик далекого края, созданный на основе «оригинальных источников»[1048]. Для этого ученый составил описание грузинских древностей, церковной истории, языка, просвещения, музыки. Большое внимание автор уделил развитию русско-грузинских политических и культурных взаимоотношений, приведших к присоединению Грузии к России. Как показано в этом сочинении, уже со времен Федора Иоанновича русские государи были защитниками и покровителями Кахетинских царей[1049]. Когда же внешняя опасность отступала, грузинские князья начинали забывать свои обязательства по отношению к России, при возрастании внешней угрозы – вновь искали ее покровительства. После подписания Георгиевского трактата в 1783 г. Россия непрестанно воевала с врагами Грузии, и только с 1801 г. началось создание системы управления «по подобию российских губерний под ведением верховного грузинского правительства»[1050]. По мнению архимандрита Евгения, включение этого края в российское политическое, экономическое и правовое пространство с сохранением привилегий автономии положительно сказалось на жизни этой новой территории. «В таковом-то благоустроенном состоянии находится ныне Грузия»[1051], – заключил он.

Изучая историю каждого конкретного края как часть общей истории Отечества, архим. Евгений считал необходимым не только открывать научному сообществу местные древности, но и фиксировать как культурный факт народные представления о своей земле и своем прошлом. Вряд ли ученый мог предполагать, насколько далеко

[1046] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое изображение Грузии… Читателям.
[1047] Там же.
[1048] Там же.
[1049] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое изображение Грузии… С. 21.
[1050] Там же. С. 44.
[1051] Там же. С. 45.

идущие последствия будет иметь его работа для изучения культурного наследия и истории Грузии[1052].

Для Евгения как ученого наибольший интерес представлял древний период российской истории, новые возможности для изучения которого открылись с его хиротонией в епископа Старорусского, викария Новгородской митрополии в январе 1804 г. В обязанности Евгения на новом месте его служения входили многочисленные разъезды, которые он совмещал с исследовательской деятельностью. Объектом его научного интереса стали архив губернского правления, архиепископский и монастырский архивы и библиотеки. К этому же периоду научной деятельности еп. Евгения относятся первые данные о его археологических изысканиях. В письме Румянцеву он вспоминал: «В 1807 году при починке соборной церкви Юрьева монастыря, основанного в начале XII века, я велел окопать кругом всю церковь для канала и открыл при самых стенах в два и три ряда сплошь множество каменных гробов... а больше ничего. Через сие получил я только понятие о древних гробах, и конечно почтеннейших граждан, судя по огромности и гладкости плит»[1053].

Отсутствие значительных результатов не остудило интерес епископа Евгения к раскопкам. Он писал, что в Новгороде сам «рассматривал здешние окрестности, испытывал почву земли»[1054] и выяснил, что в городе «аршин 8 или 9 должно копать до материка»[1055], установив, таким образом, глубину культурного слоя в черте города. Тем самым в основу работы над провинциальной историей прочно закладывалось изучение широкого круга источников, включающего не только архивные, но и археологические данные.

Об «Исторических разговорах о древностях Великаго Новагорода», ставших результатом этих исследований, ученый писал Македонцу: «Посылаю книгу мною, для новгородцев написанную шутя в ребяческих разговорах. Однако ж разговоры сии

[1052] *Лекишвили С.С.* Евгений Болховитинов и вопросы древнегрузинской культуры и истории // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1985. С. 36–37; *Шарадзе Г.С.* Евгений Болховитинов – первый русский руствелолог. Тбилиси, 1978. С. 114.

[1053] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) графу Н.П. Румянцеву от 31 августа 1818 г. // Переписка митрополита Киевского Евгения… С. 13.

[1054] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Исторические разговоры о древностях Великаго Новагорода. М., 1808. С. 2.

[1055] Там же. С. 2.

столько полюбились митрополиту[1056], что он на свой счет их напечатал. Пусть новгородцы памятуют, что Евгений, бывший у них, не оставил без внимания их древнюю славу, которую и сами они забыли и почти ничего не знают»[1057].

Несмотря на широкий круг источников, использованных в этом сочинении, а также архивных материалов, утраченных впоследствии[1058], сам автор не считал этот свой труд серьезным и основательным. Он призывал продолжать изучение новгородских древностей, выражая убеждение, что «полное исследование о Новгороде будет любопытнейшей частью русской истории»[1059].

На примере новгородской истории ученый размышлял об историческом процессе в целом. Отталкиваясь от наблюдения о том, что «был некогда славен и знаменит Великий Новгород, а ныне умалился, и потерял уже свою знаменитость»[1060], еп. Евгений предлагал своим читателям взглянуть на этот процесс как естественный и всеобщий. Он замечал: «Общая всех царств, всех городов, всех народов участь возвышаться и упадать… Должно было упасть и Новугороду посреди судьбы»[1061]. В рассмотрении причин этого явления автор перешел на уровень философских рассуждений. Он отмечал действие особенных обстоятельств в каждом конкретном случае, но склонялся к определению общих условий, утверждая, что «народы, царства и города возникают и возвышаются от размножения себя, или совокупления с другими народами; процветают от торговой промышленности между собою и соседами, и от внутренняго благоустройства; а падают от ослабления всех вышеупомянутых причин»[1062]. Таким образом, историк считал факторами возвышения государств демографические и

[1056] Амвросий (Подобедов), митр. – в 1801–1818 гг. митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Выборгский (Финляндский).
[1057] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.И. Македонцу от 25 мая 1808 г. // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 865.
[1058] Архиеп. Евгений писал: «Так и в Новгороде две старинные описи Новгороду, из коих я при Новгородских разговорах издал пятины и улицы новгородские, сгорели вместе с присутственными местами. Жаль, что такие сокровища хранятся вместе с подьяческими бумагами, которые не жаль и нарочно бы сжечь». См: Письмо митр. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 2 марта 1820 г. // Русский архив. 1889. Вып. 7. С. 334.
[1059] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) графу Н.П. Румянцеву от 22 ноября 1818 г. // Переписка митрополита Киевского Евгения… С. 16.
[1060] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Исторические разговоры… С. 46.
[1061] Там же. С. 46.
[1062] Там же. С. 46–47.

внешнеполитические, расцвета – экономические и внутриполитические, а упадок определял как их всестороннее ослабление. Рассмотрим их подробнее.

Евгений акцентировал внимание на малочисленности славянского племени, поселившегося около озера Ильмень. Источником роста его населения стало объединение с соседями перед лицом усиливавшегося гнета варягов, а отказ от уплаты дани и инициатива призвания заморских князей поставили славян в центр Новгородского союза. «Таким-то образом положено первое основание на севере обширному и сильному Новгородскому государству из нескольких разноплеменных народов»[1063], – заключил автор.

В сочинении еп. Евгения новгородские славяне показаны сильным народом, сумевшим подчинить соседей не кровопролитием, а установлением между племенами согласия и обеспечением внутреннего порядка в управлении. Возникновение единодержавия и получение Новгородом статуса княжеской столицы довершили дело создания государства. Так была подготовлена основа для возвышения и процветания новгородской земли.

Дальнейшему усилению способствовало расширение территорий, подвластных Новгороду, и развитие внутренних и внешних торговых связей. Здесь возникла тема влияния природных условий не только на хозяйственную жизнь славян, но и на форму организации власти. Ученый-архиерей утверждал, что «природа нигде не бывает бесплодна; и в самых диких пустынях, внимание человеческое может находить сокровища»[1064]. Новгородская земля была болотистой и дикой, но богатой промысловым товаром (мехами, медом, воском, рыбой и др.), а также располагалась на торговом пути, пролегавшем из балтийского региона к Византии. Новгородцы использовали свои преимущества и укрепляли их, предоставляя иностранным купцам права беспошлинной торговли, развивая судоходство, основывая крепости на побережье, устанавливая связи с Ганзейским союзом. «Таким-то образом новгородцы подкрепляли свою северную торговлю и удерживали долго в одних почти своих руках»[1065], – отмечал историк.

[1063] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Исторические разговоры… С. 48.
[1064] Там же. С. 54.
[1065] Там же. С. 57.

Являясь основным родом хозяйственной деятельности Новгорода, торговля не только обеспечивала приток средств, но и влияла на характер власти. Ученый отмечал, что республиканское правление сложилось у Новгородцев задолго до призвания заморских князей и продолжало сохраняться до конца XV в. Все общественные дела решались на вече, а власть великих князей киевских признавалась только после подтверждения ими древних вольностей Новгорода, дарованных князем Ярославом Владимировичем. По отношению к княжеским наместникам новгородцы вели себя непочтительно, высокомерно, часто изгоняли их с бесчестием, всячески показывая, что не считают себя «с прочими наравне подданными великому князю»[1066]. Причину такой политики еп. Евгений позже разъяснил в своей псковской истории. Он писал: «В торговле, всегда требующей свободы и независимости имуществ, псковичам полезно было республиканское правление…»[1067]. Подобным образом и в Новгороде республиканская форма власти отвечала потребностям населения в обеспечении защиты их торговых преимуществ, что способствовало долгому процветанию новгородской земли, несмотря на многочисленные распри и мятежи. «При всех внутренних частых несогласиях, новгородцы для сохранения своей торговли, всегда храбро и единодушно оборонялись от притеснений соседов»[1068], – подчеркивал автор.

Среди причин упадка новгородской республики еп. Евгений указывал «многократные мятежи и бунты, заводившиеся от самой вечи новгородской»[1069], ослабление общей народной силы, и политику литовских и московских князей, которые воздействовали на Новгород «отнятием источников или преграждением свободной торговли»[1070]. Для Евгения закат могущества Великого Новгорода явление неслучайное. Он считал, что «цветущие, и особливо великия республики, окружаемые монархиями, вообще долго стоять не могут, и удивительно даже, что Новгород мог процветать около 600 лет. Без сомнения, сему способствовало то, что Россия во все сие продолжение

[1066] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Исторические разговоры… С. 53.
[1067] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* История Княжества Псковскаго с присовокуплением плана города Пскова. Ч. 1. Киев, 1831. С. 72.
[1068] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Исторические разговоры… С. 66–67.
[1069] Там же. С. 66.
[1070] Там же. С. 67.

времени разделена была на многие мелкие малосильные княжества, с которыми новгородцы легко управляться могли и оружием, и перевесом повсеместной торговой доверенности. Но как скоро сии княжества начали соединяться под единодержавие великих князей литовских и московских, то Новгород поспешно начал клониться к падению»[1071]. Ученый подчеркивал преимущества монархического правления над республиканским, а единовластие и централизацию он рассматривал как факторы, способствующие возвышению и процветанию государства.

В работе еп. Евгения Новгород представлен как исток русской государственности. Его возникновение ученый связывал со славянскими поселениями на озере Ильмень, самые ранние из которых он относил к V в. н. э. Новгородские славяне имели «преимущественное влияние… на соседние народы»[1072] и еще до призвания варягов «управлялись республиканским правлением с соседами своими»[1073]. Это государственное образование историк определил как Новгородский союз, включавший племена чуди, веси, кривичей, руссов и славян. Город на реке Волхов, по мнению историка, был построен Рюриком уже после его призвания новгородцами, ставшими среди своих союзников «царствующим народом»[1074]. Княжеская власть, сформировавшаяся на новгородских землях, получила общерусское распространение.

В изложении сюжета о призвании варягов ученый практически не отступал от летописного рассказа Нестора, но уделял особое внимание существованию Новгородского государства еще до появления заморских князей во главе него[1075]. Митрополит Евгений считал неоспоримым мнение Миллера о скандинавском происхождении варягорусских князей[1076], но не соглашался с Шлецером и его предшественником Байером, который «самих россиян поколение выводил… от шведов, норвежцев и датчан, и утверждал, что Россия до XII века не имела своих природных князей»[1077]. Ученый-архиерей был не склонен преувеличивать норманнское влияние на

[1071] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Исторические разговоры… С. 66.
[1072] Там же. С. 49.
[1073] Там же. С. 49.
[1074] Там же. С. 48.
[1075] Там же. С. 48.
[1076] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских писателей… Т. II. С. 63.
[1077] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских писателей… Т. I. С. 28.

российскую государственность. Он писал: «Мы не спорим, что варяги, к нам приезжавшие, говорили по-норманнски: но много ли их было в сравнении с целым государством славян? Уступаем и то, что многие чины в Русской правде названы по-норманнски. Но в ней много таких статей, которых не было у норманнов. Да и кто поверит, что Ярослав для новгородских славян написал законы на норманнском языке? Он и сам был уже славянский князь»[1078]. Начиная с Олега, историк называл призванных из-за моря правителей Великими князьями Киевскими[1079], а в Русской правде видел много сходного не только с северными, но и «с моисеевыми законами»[1080].

Еп. Евгений показал, что древнерусское законодательство тоже начало формироваться в Новгороде. Ярослав I, заняв киевский престол, дал государству «письменные законы под именем Русской правды, коими новгородцы преимущественно управлялись долгое время»[1081]. Законы эти ученый охарактеризовал как «сообразные… обычаям и обстоятельствам»[1082] новгородцев, то есть основанные на нормах обычного права этой части русского государства.

Наиболее любопытной представляется попытка епископа Евгения показать Новгород религиозным центром восточнославянских земель. Ученый утверждал, что к чести новгородцев, до принятия христианства они «среди языческого со всех сторон многобожия только единого Бога признавали и, по крайней мере, только одному кумиру покланялись»[1083]. По мнению историка, «Перун был древний собственный славянский бог»[1084], а новгородцы являлись хранителями древнего коренного богопочитания. Но и к этому своему кумиру они не имели такой приверженности, как киевляне, оплакивавшие его после низвержения.

Рассказ о религиозности новгородцев должен был показать их готовность к принятию христианства. Историк настаивал на том, что сведения Иоакимовой летописи

[1078] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) Н.П. Румянцеву от 17 декабря 1822 г. // Переписка митрополита Киевскаго… С. 70.
[1079] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Прибавление к Синопсису… С. 2.
[1080] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 4 ноября 1819 г. // Русский архив. 1889. Вып. 5. С. 225.
[1081] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Исторические разговоры… С. 51.
[1082] Там же. С. 51.
[1083] Там же. С. 30.
[1084] Там же. С. 27.

о сопротивлении горожан крещению недостоверны. Большее доверие ученого вызывали новгородские летописи, описывавшие становление христианства как мирный и естественный процесс, результатом которого стал расцвет Новгорода.

Проводя идею о культурном и религиозном равноправии Новгорода и Киева, еп. Евгений подчеркивал, что новгородский храм святой Софии (также как и киевский) был построен в подражание константинопольской Соборной церкви, так как российская церковь первоначально зависела от Константинопольских патриархов, что «новгородские монастыри были богатейшие из всех русских, да и сама новгородская иерархия имела некоторые отличные преимущества перед прочими»[1085]. Новгородским архиепископам оказывали уважение не только российские митрополиты, но даже константинопольские императоры и патриархи. Имена некоторых новгородских иерархов пополнили список общерусских святых, многие «знамениты великими заслугами, оказанными отечеству»[1086].

В противостоянии Москвы и Новгорода еп. Евгений занимал сторону последнего. Находясь на новгородской земле, он воспринимал ее как свою отчизну. Стремясь соблюсти беспристрастность и объективность исторического повествования, епископ Евгений все же не смог скрыть своего личного отношения к описываемым событиям. Историк сознательно сократил в своем сочинении описание ее бедствий, потому что «болезненно было бы отчизнолюбивому сердцу воспоминать подробно о всех обстоятельствах сего падения»[1087]. Отсюда трактовка действий Дмитрия Донского и царя Ивана Васильевича против новгородцев как «неприязненных нашествий»[1088], при которых «все, что драгоценнейшего и редкого было в новгородских церквах… вывозимо было в Москву»[1089]. А меры, предпринимаемые по отношению к Новгороду московскими князьями еще со времен Ивана Калиты, ученый описывал как стеснявшие торговлю новгородской земли и подрывавшие основу ее хозяйства. «Напоследок разрушение и вольности, и славы новгородцев довершил уже грозный царь Иван

[1085] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Исторические разговоры… С. 34.
[1086] Там же. С. 42.
[1087] Там же. С. 68.
[1088] Там же. С. 33.
[1089] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Исторические разговоры… С. 34.

Васильевич. Таким-то образом кончилось могущество и знаменитость Великаго Новагорода»[1090], – с сожалением заключил автор. Он предлагал читателям утешиться тем, что «древнюю славу Великаго Новагрода со времен Петра Великаго воскресила новая всероссийская северная столица с большею еще знаменитостию для россиян»[1091].

Евгений показал в своем сочинении, что с самого начала своего существования Новгород был источником политических и экономических импульсов, влиявших на формирование и развитие российского государства. Ученый придал ему статус древней северной столицы Руси, чье прошлое являлось неотъемлемой частью общерусской истории и требовало более тщательного изучения.

В своей новгородской истории еп. Евгений предстал перед своим читателем уже сложившимся ученым, способным облекать научно обработанные результаты эмпирического исследования в свободную форму разговоров об историческом прошлом. Историкам в этом сочинении были адресованы специальные справочные приложения и точные ссылки, делающие возможным проверку и профессиональную критику предлагаемых им выводов.

В Вологде епископ Евгений также совмещал церковную и исследовательскую деятельность: осматривал местные древности, разбирал архивы[1092]. Результатом его трудов стали сочинения по церковной истории и статья, посвященная вологодским древностям, где он критически рассмотрел работы других исследователей этого края, добавив от себя, что «видимых остатков древности… нет в Вологде старее XVI века, выключая разве нескольких земляных городищ или окопов»[1093].

Последней крупной работой еп. Евгения по местной истории стала «История Княжества Псковскаго»[1094]. О работе над этим сочинением ученый рассказал в письме Румянцеву: «С самого приезда моего во Псков я занялся собиранием монастырских

[1090] Там же. С. 68.

[1091] Там же. С. 68.

[1092] Позже в переписке он вспоминал о вологодских архивах: «Сколько сей старины нашел я в Вологде кучами!». См. Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 24 апреля 1813 г. // Там же. 1889. Вып. 5. С. 27.

[1093] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* О древностях Вологодских и зырянских // Вестник Европы. 1813. № 17. С. 38–39.

[1094] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* История Княжества Псковскаго…

грамот и других известий… Но доселе не отыскал я еще ни одной грамоты старее времен царя Ивана Васильевича и отца его Василия Ивановича»[1095].

Собирание псковской истории стало для архиеп. Евгения делом нескольких лет. Работа шла по тем направлениям, которые уже оформились ранее: исследование письменных источников, поиск архивных материалов[1096], археологические работы, сбор статистических данных. В результате было создано сочинение в четырех частях: общее историческое описание, сведения о светском и церковном управлении и сокращенная псковская летопись, доведенная до 1830 г.

В этом наиболее зрелом своем сочинении ученый-архиерей произвел явное разграничение светской и церковной истории. Если в описании Воронежа сведения о церковных иерархах, церквах и монастырях, богослужении и духовном просвещении были вплетены в основную ткань изложения, в повествовании о Грузии и Новгороде выделены в самостоятельные главы, то в истории псковской им посвящена отдельная часть. Чтобы прояснить взгляды Евгения, обратимся к его переписке с Румянцевым, на вопрос которого, является ли исчисление чудотворных икон уделом истории, ученый отвечал: «В мою псковскую историю войдут, без зазрения совести, и явления чудотворных икон (о коих напечатано в прологе) и святые псковские и все церковное. Потому что второе отделение у меня все состоит только из церковной истории Псковской»[1097]. Однако церковное влияние на судебную систему Пскова, нравы и поведение жителей отражены в общем историческом описании[1098]. Таким образом, можно говорить об определении ученым специфических и общих областей изучения церковной и светской истории.

Наиболее трудоемким для ученого стало оформление первой части истории Пскова. Он писал: «Я все еще правлю, чищу, переделываю во многих статьях свою псковскую историю. Два отделения ее уже переписаны. Но передовое много требует

[1095] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) графу Н.П. Румянцеву от 9 апреля 1817 г. // Переписка митрополита Киевского Евгения… С. 5–6.

[1096] Архиеп. Евгений писал, что нашел множество грамот на различных языках и что «все это гнило в кладовой под соборной колокольнею». См.: Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 29 апреля 1819 г. // Русский архив. 1889. Вып. 6. С. 187.

[1097] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) графу Н.П. Румянцеву без даты // Переписка митрополита Киевского Евгения… С. 16.

[1098] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* История Княжества Псковскаго… С. 44–51.

внимания, ибо это всеобщий обзор псковской истории… История труднее математики в решениях но, сделавши почти все, не хочется оставить неоконченным»[1099]. Отмечая отсутствие заранее известных алгоритмов, которые могли бы быть применены к историческому исследованию, ученый-архиерей, подчеркивал важность творческого подхода историка к эмпирическому материалу. В результате кропотливой работы ученым были сделаны новые шаги по его систематизации.

В Псковской истории ученый предложил еще один опыт создания периодизации. В ее основе лежит княжеское управление. Архиеп. Евгений писал, что псковичи, будучи не только торговым, но и военным народом, «для распоряжения войск и для походов на внешних неприятелей весьма часто чувствовали нужду в постоянном единоначалии… по сему-то принимали они к себе князей»[1100]. Целую главу историк посвятил повествованию «о разных поколениях псковских князей и о разных происшествиях при них»[1101].

Первый период историк начал с княжения Трувора. Князья псковские назначались новгородскими Рюриковичами из рода Великих князей Киевских. Подобно новгородцам псковичи с 1137 г. стали сами избирать себе князей, иногда принимали их от Новгорода. «История мало нам оставила достопамятных известий и почти все происшествия тех времен связаны были с историей княжества Новгородского»[1102], – отметил ученый.

Второй период, который архиеп. Евгений считал важнейшим, открывался событиями XIII в., когда немецкие рыцари заняли Лифляндию. Псковская земля стала ареной противодействия русских князей западному нашествию. Ключевым событием этого периода является битва на Чудском озере (5 апреля 1242 г.) с участием псковичей. После нее во исполнение обещания, данного горожанами своему защитнику князю Александру Ярославичу «псковское княжение оставалось около 100 лет в роде Александровом»[1103]. Родственные связи псковских князей с литовскими способствовали

[1099] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 8 июля 1819 г. // Русский архив. 1889. Вып. 6. С. 201.
[1100] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* История Княжества Псковскаго… Ч. 1. С. 72.
[1101] Там же. С. 73.
[1102] Там же. С. 73–74.
[1103] Там же. С. 84.

сохранению безопасности вольного города. После 1340 г. Псков искал себе покровительства попеременно то Новгорода, то Литвы.

Третий период архиеп. Евгений стал отсчитывать с 1399 г., когда псковичи обратили свой взор на усиливавшуюся Москву. Но «князья, присланные им от Великого князя Московского, даже и по выбору их, только что спорили с ними о власти, а при бедствиях оставляли их»[1104]. Так в то время, когда литовский князь Витовт в 1426 г. воевал со Псковом, князь московский Василий Васильевич был занят войной со своим дядей[1105] Юрием Дмитриевичем и не откликнулся на просьбы псковичей о помощи. В течение всего XV в. псковичи искали защиты московского князя, но продолжали отстаивать свои вольности, нередко выходя из-под повиновения и устраивая мятежи. Историк вслед за Псковским летописцем приписывал «терпеливость Великих князей сперва силе самого города Пскова, и потом опасению, чтобы он не отдался под державу Литовскому Великому князю, соседу своему, домогавшемуся уже сего»[1106]. В 1510 г. Псков был лишен своих старинных привилегий и стал управляться так же, как и другие части российского государства.

Остаются неясными как хронологические границы последнего периода псковской истории, так и его содержание. Евгений отнес события 1510 г. к следующей главе и таким образом обозначил их как рубеж, после которого начиналась другая история. Кроме того, последующие главы описывают важные события общероссийской истории, развернувшиеся на псковских землях: Ливонская война, действия самозванцев и интервентов в годы Смутного времени, Северная война, участие псковичей в войнах с французами в 1807 и 1812 гг. В таком случае, периодизация, разработанная ученым, вероятно, охватывает политическую историю псковского княжества как государственного образования со своей системой управления, и последний ее этап был связан с попытками сохранить свои вольности в процессе неизбежной утраты независимости.

[1104] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* История Княжества Псковскаго… Ч. 1. С. 96.
[1105] Митр. Евгений ошибочно назвал его братом. См.: Там же. С. 98.
[1106] Там же. С. 156.

Евгений не только выстраивал повествование вокруг деяний российских государей, но и проявлял интерес к ним самим как историческим личностям, среди которых большее внимание ученого привлекали монархи и церковные иерархи, прославленные великими свершениями[1107]. Остановимся подробнее на изображении в произведениях митрополита Евгения первого российского царя Ивана IV.

Мы можем отметить коренное отличие в подходе к описанию Евгением «царя Грозного, создателя… монархии»[1108] от других исторических лиц. Это был единственный правитель российского государства, по отношению к которому в исторических сочинениях митрополита Евгения допущена критика. В повествовании об осаде Пскова Стефаном Баторием историк порицал царя за то, что тот «совершенно оставил Псков на произвол судьбы… и сам не оставшись там и даже выехав из Москвы, жил в городе Старице без действия во все продолжение баториева нашествия»[1109], отправив лишь противнику «укорительную за нашествие его грамоту»[1110], а псковичам – «подтверждение, чтобы они стояли крепко и единодушно до последней капли крови»[1111]. Пытаясь выяснить причины такой нерешительности Ивана Грозного, автор привел различные трактовки его поведения: от непонятной робости и боязни, внезапно охватившей его, до недоверия к своим войскам и даже потери рассудка, но оставил выбор за читателем. Пользуясь словами Псковской летописи, историк возложил ответственность за гибель людей и потерю территорий в результате поражения в войне на царя Ивана Васильевича, который, пожелав чужую землю, свою не удержал.

Казалось бы, митрополит Евгений не склонен замалчивать «Грозного царя тиранство»[1112]. В псковскую историю помещен сюжет о расправе молодого государя над делегацией горожан, пришедших к нему с жалобой на наместника. В ней же есть

[1107] Среди них киевские князья Владимир Святославич и Ярослав Владимирович, цари Алексей Михайлович и Петр Алексеевич, митрополиты Киприан Киевский и Филипп Московский, патриархи Никон и Филарет, святители Митрофан и Тихон Воронежские и многие другие.

[1108] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 4 ноября 1819 г. // Русский архив. 1889. Вып. 5. С. 249.

[1109] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Об осаде Пскова в 1581 году. Псков, 1881. С. 13–14.

[1110] Там же. С. 14.

[1111] Там же. С. 14–15.

[1112] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 16 января 1820 г. // Русский архив. 1889. Вып. 5. С. 324.

упоминание о строгом наказании новгородцев за ропот на тяготы Ливонской войны[1113], в котором угадывается указание на опричный разгром Новгорода, но изложение этого события не приведено. Нет его и в новгородской истории. Максимально смягчено описание мученической гибели от руки Ивана Грозного игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия[1114]. Можно утверждать, что в сочинениях Евгения самые кровавые страницы истории царя Ивана Васильевича сознательно опущены. В частой переписке ученый пытался оправдать грозный нрав Ивана IV. Он рассуждал так: «По моему мнению, наилучшая апология сему царю перед жертвами его – боярами слова Иеремии Гл. 13. ст. 21, реченныя беспутному Иерусалиму: “Ты научил еси их на тя учением в начальство”. Бояре в малолетстве и перед очами его тиранствовали друг над другом и тем приучили его к таким сценам. В Царственном летописце все это живо описано»[1115].

Сам Евгений уже в ходе обсуждения другого важного для него исторического лица пытался объяснить свой подход к изображению подобного рода противоречивых деятелей. Он писал: «По случаю упоминания вашего о патриархе Никоне скажу вам, что я в Словаре старался, сколько можно, оправдать его, но не извиняя и его ошибок. Великие люди обыкновенно бывают велики и в добре, и в худе. Доказательством тому у нас и Петр Великий, многое поправивший, а больше испортивший по гражданской и духовной части»[1116]. Евгений не видел противоречия между собственным стремлением к объективности исторического рассказа и своим намерением оправдывать неприглядные деяния великих людей, приводящим к искажению картины прошлого.

Взгляды ученого на историю не исчерпывались государственным подходом. В самом начале своего сочинения Евгений погрузил своего читателя в события пятого столетия по Рождестве Христовом и рассмотрел процесс расселения кривичей, являвшихся частью славянской общности, на территориях от Полоцка до Смоленска на юго-востоке и до озер Чудского и Ильменя на севере. Историка интересовало географическое пространство и природные ресурсы псковской земли, этническая

[1113] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* История княжества Псковскаго… Ч. I. С. 181–186.
[1114] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Описание Псково-Печерскаго первокласснаго монастыря. Дерпт, 1821. С. 49–50.
[1115] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 16 января 1820 г. // Русский архив. 1889. Вып. 5. С. 324.
[1116] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 10 марта 1815 г. // Там же. С. 42–43.

характеристика населения, его обычаи, нравы, особенности управления, составлявшие жизненный уклад далеких предков.

В Псковской истории получили свою дальнейшую реализацию научные представления митр. Евгения о ходе исторического процесса, о взаимосвязи различных факторов, ведущих к процветанию или упадку государства.

Необходимым этапом подготовки «всеобъемлющего» труда по истории России Евгений считал изучение киевских древностей[1117]. Ученый-архиерей получил возможность погрузиться в исследовательскую работу на месте, благодаря назначению его на киевскую кафедру в 1822 г[1118]. Одним из первых его трудов на научном поприще стала подготовка к печати Синопсиса «со многими приложениями больше хронологическими, нужными наипаче для киевской истории»[1119]. Выбор именно этого исторического произведения для публикации представляется неслучайным, так как это «краткое собрание от различных летописцев о начале славенороссийскаго народа и первоначальных князьях богоспасаемого града Киева»[1120]. Автор Синопсиса всячески подчеркивал единство истории киевской и общероссийской. Московское государство не было чужеродным Киеву, так как он был «всего народа российскаго главный град»[1121], о крещении сказано как о событии «всего народа киевскаго и всея России»[1122], народ, их населявший, был один и тот же, и Куликовская битва была событием их общей истории. Воссоединение Украины с Россией показано как возвращение Киева к своему царственному бытию через восстановление прав Алексея Михайловича на свою прародительскую отчину[1123]. Мы можем предполагать, что митр. Евгений во многом разделял такой подход к роли Киева в российской истории. Основанием может считаться тот факт, что, значительно дополнив и исправив в примечаниях фактическую часть изложения, он нигде не критиковал оценок автора Синопсиса. Более того,

---

[1117] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 17 ноября 1815 г. // Русский архив. 1889. Вып. 5. С. 56.

[1118] Были ли назначения епископа Евгения на кафедры, имевшие богатую древнюю историю случайными, или они совершались с учетом его научных интересов и способностей, остается неизвестным.

[1119] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) В.М. Перевощикову от 29 мая 1823 г. // Русский архив. 1890. Вып. 12. С. 442.

[1120] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Прибавление к Синопсису…

[1121] Там же. С. 14.

[1122] Там же. С. 49.

[1123] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Прибавление к Синопсису… С. 142.

митрополит Евгений составил списки русских правителей, начиная их от Рюрика (его упоминает и автор Синопсиса как князя, установившего свою власть над Новгородом и Киевом) и заканчивая Александром I, поддерживая тем самым идею единства и преемственности российской верховной власти от первых князей. Научная деятельность митрополита Евгения в Киеве не привела к созданию обобщающего сочинения по истории этой провинции, но позволила прояснить некоторые вопросы древнейшей истории России.

Рассматривая каждую из своих провинциальных историй в общероссийском контексте, митр. Евгений поднимал источниковедческие и методологические вопросы, решение которых способствовало развитию исторической науки в целом. Размышления ученого об историческом процессе, его содержании, движущих силах, факторах расцвета и упадка государства и общества представлялись в его сочинениях в форме структурированного исторического материала, предназначенного образованному читателю. Понимая ограниченность результатов исторического познания, ученый стремился достичь в изложении исторических сведений наибольшей объективности, точности, беспристрастности, оставляя своим читателям и последующим исследователям историческую картину, открытую для дальнейшего усовершенствования.

Евгений стремился подчеркнуть уникальность исторического развития каждой части Российского государства. Двигаясь от факта к явлению, от частного к общему, от провинции к России, Евгений задавал направление для многих последующих местных исследователей, без работ которых общие исторические сочинения не имели бы необходимой глубины и точности[1124].

Историческая и историографическая концепции Болховитинова во многом схожи. Они представляют собой историю прогрессивного развития науки, культуры, хозяйства, народного быта России, представленную в лицах правителей, ученых писателей, а также в безымянных деяниях предков.

[1124] См.: *Боярченков В.В.* Провинциальные исследователи старины в российском историографическом пространстве середины XIX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 258–279.

3.3 Евгений (Болховитинов) в системе научных коммуникаций первой трети XIX в.

В первой четверти XIX в. существовали различные подходы к развитию исторической науки в России[1125]. Первый был связан с именем Карамзина, который считал, что создание исторического труда есть удел одиночек, и что «десять обществ не сделает того, что сделает один человек, совершенно посвятивший себя историческим предметам»[1126].

Митр. Евгений, в отличие от своего прославленного современника, был убежден, что создание подлинно научной отечественной истории – это плод коллективных усилий. Он советовал издавать даже неполные исторические произведения[1127], чтобы положить начало совместного труда ученого сообщества по изучению тех или иных тем.

В течение своей почти полувековой творческой деятельности митр. Евгений становился членом различных обществ естественнонаучных, литературных и исторических, частных, университетских и академических, формальных и неформальных[1128]. Их место в ученой жизни митрополита Евгения было неодинаково. Более других для ученого было значимо его участие в трех научных сообществах, которые и будут рассмотрены далее.

Членство в Российской Академии. В период своего служения в Петербурге архим. Евгений имел возможность познакомиться с некоторыми деятелями Российской академии, связи с некоторыми из которых сохранились и после его перемещения в Новгород. Работа Евгения над словарем свела его с литераторами и академиками Хвостовым и Державиным. Хвостов предложил поместить в этот словарь биографии

[1125] При написании этого раздела использовались материалы из статьи автора: *Клочкова М.Ю.* Из истории формирования исторических сообществ: митрополит Евгений (Болховитинов) и Румянцевский кружок // ПСТГУ. Сборник студенческих работ. М., 2015. С. 15–16; *Клочкова М.Ю.* Митрополит Евгений (Болховитинов) и начало изучения Черниговской гривны / М. Ю. Клочкова // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 83. С. 68–82.

[1126] *Попов Н.А.* История императорского Московского общества истории и древностей российских (1804–1812). Ч. 1. М., 1884. С. 14. Тем не менее, в разыскании нужных Н.М. Карамзину архивных документов огромную помощь ему оказал Малиновский, а пространные замечания К.Ф. Калайдовича послужили историографу материалом для поправок и дополнений ко второму изданию. См.: *Козлов В.П.* Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 22; *Козлов В. П.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 47.

[1127] О возможности публикации «Истории Малороссии» М.Ф. Берлинского: «Лучше что-нибудь издать, нежели ничего. А время все усовершает. К готовому начнут и все прибавлять». См.: Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 6 апреля 1820 г. // Русский архив. 1889. Вып. 7. С. 340.

[1128] См.: Биография Евгения митрополита Киевского // *Евгений (Болховитинов) митр.* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев. Т. I–II. М., 1845. С. 4–5.

членов академии. Евгений сначала не соглашался с ним, объясняя свое нежелание тем, что академия, считающая себя учительницей российской словесности, не справляется с этой ролью, и что среди ее членов «весьма многие совершенные трутни»[1129], затем все-таки посчитал необходимым дополнить словарные статьи внесением в них титулов и попросил Хвостова прислать список академиков.

Звание академика не было желанным приобретением для еп. Евгения. Поэтому, когда в 1806 г. Российская академия по рекомендации Державина приняла еп. Евгения в свои члены, то он отреагировал на это сдержанно, направив почтительное письмо с благодарностью президенту Академии А. А. Нартову[1130]. В то же самое время своему приятелю профессору Городчанинову он писал: «Меня назначили кандидатом в Российскую Академию… но сим титлом я не льщусь, потому что в Академии сей всякая всячина набита в членство, даже и такие, которые от роду ничего не писывали русского»[1131].

Значительно бóльшую радость ученому-архиерею доставило полученное им от Хвостова известие о принятии его в почетные члены Московского университета с доставлением ему соответствующего диплома. Следует отметить, что еп. Евгений был одним из первых духовных лиц, получивших это звание, что свидетельствует о признании его научных трудов светскими учеными. Евгений искренне поблагодарил Хвостова за его рекомендацию, направленную попечителю Московского университета М.Н. Муравьеву. Ученый выразил готовность сотрудничать с журналом университета и собирался предложить ему для публикации результаты обследования новгородских архивов[1132].

[1129] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Д.И. Хвостову от 19 апреля 1805 г. // Переписка Евгения с Державиным. Чтение Я.К. Грота. С приложением писем преосвященнаго к графу Хвостову и К.К. Гирсу. СПб., 1868. С. 118.

[1130] Письмо епископа Старорусского Евгения (Болховитинова) А.А. Нартову от 10 января 1807 г. // СПбФ АРАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 12. Л. 23–23 об.

[1131] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Н.Г. Городчанинову от 25 мая 1806 г. // СбОРЯС. Т. 5. Вып. 1. С. 51.

[1132] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Д.И. Хвостову от 30 сентября 1805 г. // Переписка Евгения с Державиным… С. 126.

Несмотря на равнодушие к членству в Академии, епископ Евгений принял деятельное участие в ее работе, что выражалось в составлении им переводов[1133], а также предоставлении для публикаций собственных работ, в том числе и исторических[1134]. Наиболее интересной из которых, была подготовленная им к печати рукопись памятника XII в. «Хождение Даниила русския земли игумена». Этот источник был обнаружен ученым в рукописях Новгородского Софийского собора. Евгений свел текст из четырех известных ему списков и составил к нему примечания. «Эта находка для русской словесности кажется должна быть драгоценна»[1135], – писал он президенту Академии, предлагая опубликовать эту рукопись. Эта публикация могла бы положить начало развитию исторического направления в Академии, но этого не произошло.

Несмотря на свое редкое пребывание в столице, митрополит Евгений принимал личное участие в некоторых заседаниях Академии. Так в 1825 г. он присутствовал на академических чтениях предоставленного им перевода русской грамматики Шлецера[1136].

Академия оценила деятельность своего члена, присудив ему в 1837 г. по предложению президента А.С. Шишкова высшую академическую награду большую золотую медаль за «известные всем заслуги, оказанные отечественной словесности»[1137]. Поскольку утверждение этого решения произошло уже после кончины ученого, то было решено вместо медали заказать на средства Академии его портрет и поставить его в зале собраний, что и было исполнено[1138]. В 1840 г., признавая пользу и важность сочинения митрополита Евгения, Академия удовлетворила просьбу Снегирева о печатании последующих частей словаря в академической типографии и на счет Академии[1139].

[1133] В 1807 г. Евгений перевел с греческого языка надгробное слово Демосфена афинянам, погибшим при Херонее; в 1808 г. – с латыни речь Цицерона в защиту Милона. См.: СПбФ АРАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 12. Л. 157; Д. 13. Л. 301.

[1134] Евгений предоставил в Академию свои сочинения: «О священных облачениях», «О греческом языке», «О первом русском посольстве в Японию», «О славянском переводе Священного Писания», «Описание Киево-Софийского собора и киевской иерархии». См.: СПбФ АРАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 12. Л. 77–77 об; Д. 17. Л. 135; Оп. 2. Д. 18. Л. 124; Д. 30. Л. 392.

[1135] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) А.А. Нартову от 13 июня 1807 г. // Там же. Л. 157 об.–158.

[1136] *Сухомлинов М.И.* История Российской академии. Вып. VII. СПб., 1874. С. 280.

[1137] СПбФ АРАН. Ф. 8. Оп. 3. Д. 3. Л. 1.

[1138] Там же. Л. 3–12.

[1139] *Сухомлинов М. И.* История… С. 280–281.

Можно было бы ожидать большей вовлеченности ученого-архиерея в деятельность этого общества, если бы направление, которое выбрала для себя Академия, соответствовало его устремлениям.

С первого дня своего основания 21 октября 1783 г. Российская академия была призвана следовать цели совершенствования русского языка, величие которого должно было закрепить возросшую политическую мощь России. Для этого следовало создать русскую грамматику, а затем и словарь русского языка. Первый труд академиков был неудачным. «Российская грамматика, сочиненная императорскою Российскою Академиею»[1140], по выражению Евгения, «освистана была в «Вестнике Европы»[1141]. В критической статье Карамзина были высказаны веские замечания к этому сочинению, главные из которых – бессистемность грамматических правил и их несоответствие существующей речевой практике – ставили под сомнение научную состоятельность этой работы[1142].

Не имея возможности опереться на твердые научные основания, требовавшие создания грамматики, академики сосредоточились на составлении «Словаря Российской Академии, по азбучному порядку расположенного»[1143]. Он содержал элементы этимологического словаря. Работа в этом направлении открывала путь к размышлениям о процессе образования языка, о его происхождении и о связи с другими языками мира.

Эти вопросы интересовали и еп. Евгения. В рассуждениях о языке он в первую очередь искал возможности их приложения к историческим исследованиям. Определенные надежды возлагались на этимологические исследования имен собственных для разрешения вопросов о происхождении и расселении отдельных народов. В своем сочинении по истории Грузии Евгений пытался выяснить появление и значение названия «Георгия», сохранившегося в качестве наименования этой страны в европейских источниках. Сопоставляя различные свидетельства на этот счет, он

[1140] Российская грамматика, сочиненная императорскою Российскою Академиею. СПб., 1802.
[1141] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Д.И. Хвостову от 19 апреля 1805 г. // Переписка Евгения с Державиным… С. 118.
[1142] *[Карамзин Н.М.]*. Великий муж русской грамматики // Вестник Европы. № 7. 1803. С. 200–212.
[1143] Словарь Российской Академии, по азбучному порядку расположенный. Т. 1–6. СПб., 1806–1822.

составил палитру мнений, но к окончательному выводу не пришел[1144]. В воронежской истории ученый попал в ловушку этого метода, ошибочно основывая на сохранившемся в языке топониме «козары» расселение хазар на территории воронежских земель в древности[1145]. Позже он отказался от такого приема, понимая его ненадежность. Рассматривая «этимологическую экзегетику» Кеппена о названии р. Дон он пишет Анастасевичу: «Я напомнил ему Шлецерово замечание, что этимологические доказательства и подобозвучие – последние в истории и весьма ненадежные и обманчивые… Этимология способнее всего к догадкам в недостатке исторических доказательств»[1146].

В работе же Российской академии этимологическое направление продолжало развиваться, постепенно вытесняя все остальные, и приобретая характер отвлеченных рассуждений, удаляющих академиков от строгой науки. Это вызывало неизменную критику со стороны митр. Евгения.

В течение сорока пяти лет (1796–1841) характер трудов Академии определял Шишков, сначала бывший ее самым активным членом, а с 1813 г. президентом. С его именем связано противостояние «архаистов» и «новаторов» в спорах о языке, в котором первая группа неизменно связывалась не только со сторонниками Шишкова, но и с Академией в целом.

Литературная позиция Шишкова и Хвостова, олицетворявших собой академическое направление развития словесности, не удовлетворяла эстетическому вкусу епископа Евгения. Ему был ближе, хотя и небезусловно, литературный слог их противников Карамзина и Пушкина[1147], определявших в этот период главенствующее направление в отечественной литературе.

Для президента Академии Шишкова язык был фундаментом культуры и нравственности народа. Он писал: «Язык есть душа народа, зеркало нравов, верный

[1144] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ея состоянии. СПб., 1802. С. 2–3.

[1145] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800. С. 36–37.

[1146] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 28 мая 1820 г. // Русский архив. 1889. № 7. С. 350.

[1147] *Шмурло Е.Ф.* Заметка об отношениях киевского митрополита Евгения к Державину до личного знакомства с поэтом // Библиограф. 1887. № 2. С. 18.

показатель просвещения, неумолчный проповедник дел… Одним словом, язык есть мерило ума, души и свойств народных»[1148]. На этом он основывал необходимость решительной борьбы за чистоту языка, выражавшуюся в непримиримой борьбе с галлицизмами и насаждении нарочитого использования старославянизмов и церковнославянизмов в литературной речи.

Отношение митрополита Евгения к проблеме иностранных заимствований в языке не было столь однозначным. Он тоже стремился к развитию родного языка и старался избегать чрезмерного употребления иностранных слов в литературной речи. Однако прекрасное образование позволяло ему не только использовать наиболее полюбившиеся французские изречения на языке оригинала[1149], но и вести на нем переписку с некоторыми адресатами[1150], находя такую речевую практику естественной.

В вопросе о роли славянизмов в языке еп. Евгений также занял умеренную позицию. Обсуждая с Хвостовым критику «новаторами» устаревшего стиля Тредьяковского, епископ Евгений оправдывал его тем, что «слог живых языков есть не что иное, как платье до износу или до перемены моды», поэтому хвалиться устаревшим слогом не нужно, «но славянщина останется для нас всегда пробным камнем красноречия нашего»[1151].

Евгений не разделял намерения Шишкова уравнять церковнославянский и литературный русский язык. Рассуждая об этом в письме к Хвостову, он соглашается с мнением Шлецера, согласно которому церковнославянский язык не использовался как разговорный и в древности. Для создания письменного языка были заимствованы многие греческие конструкции. С течением времени славянский язык пополнялся и распространялся, создавая многие диалекты, сохраняющие связь с древним, «коренным»

[1148] *Шишков А.С.* Рассуждение о любви к Отечеству. Цит. по: *Минаков А.Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 368–369.

[1149] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) А.Н. Оленину от 16 октября 1825 г. // ОР РНБ. Ф. 542. Д. 211. Л. 10.

[1150] Переписка митр. Евгения (Болховитинова) с Г.А. Розенкампфом // НИИ СПб ИИ РАН. Кол. 238. Оп. 2. Д. 216/37; Письмо митрополита Евгения Е. Свербеевой // ОР РГБ. Ф. 332. Д. 29/1.

[1151] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Д.И. Хвостову от 24 июля 1813 г. // Переписка Евгения с Державиным… С. 149–150.

языком. В понимании ученого-архиерея, современный ему русский язык тоже различался в своем церковном, научном и общежительном употреблении[1152].

Еще меньше сочувствия у еп. Евгения вызывали попытки сторонников Шишкова представить славянский язык как первоисточник всех языков мира на основании сходности звучания отдельных слов. Он писал: «Ныне мода все языки и весь свет производить из Индии и от индийцев, как прежде производили от евреев. Когда потверже узнают в Европе китайский язык, то верно придет очередь до такой же китаемании. Немецкие путешественники XVII века побывавши в Персии нашли сходство и персидского языка с немецким. А наш Тредьяковский доказывал, что все языки произошли от славянского. Был один и в Польше такой же чудак, все производивший от польского. Искание сходств всегда было системою человеческого ума и на нем основаны все человеческие науки»[1153].

Признавая правомерность самой постановки вопроса о сопоставлении языков, епископ Евгений обращал внимание на необходимость определения научных оснований для такого метода. «Бог при Вавилоне по тогдашней надобности, разделил языки: но не запретил потомкам соглашать оные, по крайней мере, в общих основаниях»[1154], – писал он Кеппену, привлеченному к составлению сравнительного словаря славянских наречий по заданию Российской академии. Эта работа позже была выполнена другим академиком и членом Румянцевского кружка Востоковым[1155].

А.А. Кочубинский писал: «Строгая наука, при горячей любви к одному полезному труду, рано, но одновременно оттолкнула преосв. Евгения от Шишкова и его этимологической Академии и сблизила с Румянцевым и его кружком – науки, а не «похвальных упражнений»[1156]. Как мы увидим позже, для митрополита Евгения не

[1152] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Д.И. Хвостову от 31 октября 1806 г. // Переписка Евгения с Державиным… С. 138–139.

[1153] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) Н.И. Лобойко от 14 июля 1823 г. // СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 52. Д. 2. Л. 2–2 об.

[1154] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) П.И. Кеппену от 30 июля 1820 г. // СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 84. Л. 1 А об.

[1155] Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1831. О работе над этим сочинением и участии в этом труде митрополита Евгения см.: Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 2. СПб., 1873. С. 2–172.

[1156] *Кочубинский А.А.* Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев. Начальные годы русского славяноведения. Одесса. 1887–1888. С. 140.

существовало противопоставления Российской академии и Румянцевского кружка. Являясь одновременно членом нескольких научных сообществ, он желал сделать свое участие в них максимально действенным, ожидая общего оживления научной жизни, достигаемой коллективными усилиями. Однако, по ряду причин, его сотрудничество с Российской академией не принесло ощутимой пользы отечественной науке. Следует признать, что в научной деятельности митр. Евгения вопросы языкознания довольно скоро стали играть второстепенную роль, вспомогательную для исторических исследований. Это во многом и обусловило его внимание к другим научным объединениям, способным соответствовать интересам ученого.

Участие в работе Румянцевского кружка. Содействуя развитию исторического направления научных исследований, еп. Евгений связывал свои надежды с Обществом истории и древностей российских при Московском университете, образованным в 1804 г[1157]. Вплоть до 1823 г. оно никак не могло войти в русло планомерных трудов и, по меткому выражению митрополита Евгения, периодически «засыпало»[1158]. После Отечественной войны 1812 г. была развернута энергичная деятельность другого исторического общества, получившего в историографии название Румянцевского кружка по имени его главы канцлера Российской империи графа Николая Петровича Румянцева[1159], после кончины которого в 1826 г. общество завершило свою работу[1160]. Неизменным советником и опорой вельможного мецената был митр. Евгений.

Вопрос о степени участия и роли Евгения в Румянцевском кружке остается открытым, не определены характер и значение деятельности ученого-архиерея в его

[1157] «Наконец наше Моск. Общество истории проснулось… Впрочем, я надеюсь вообще больше пользы от сего Общества, нежели от Росс. Академии и других». См.: Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 28 февраля 1815 г. // Русский архив. 1889. № 5. С. 39.

[1158] «Наше московское Общество Истории и Древностей опять заснуло и вот уже два месяца ничего о делах своих в газетах не объявляет. Правду сказать, при нашем президенте Бекетове и членах нечего успешного ожидать, и опять всех отрешить должно, как первоначальных. Они даже готового уже собранного исправно издать не умеют». См.: Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 31 мая 1814 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. № 12. С. 612.

[1159] Граф Николай Петрович Румянцев (3 / 14. 04. 1754–3 / 15. 01. 1826) – средний сын блестящего полководца екатерининский поры фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайского, наследник огромного состояния, обласканный при дворе, пожалованный чинами и наградами. Он обладал живым и пытливым умом и получил блестящее образование. Дипломатическая служба открывала ему доступ к последним достижениям европейской науки. Тогда же зародился интерес будущего канцлера к истории.

[1160] *Срезневский И.И.* Воспоминание о научной деятельности Евгения, митрополита Киевскаго. Чтение И.И. Срезневскаго // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 2. СПб., 1868. Переписка А.Х. Востокова. Предисловие.

составе. Так как Румянцевский кружок[1161] не имел четкой организации, фиксированного членства, протоколов собраний[1162], устава и других формальных границ, то рассматривать вопрос о принадлежности к кружку можно только изучая переписку, личные контакты и участие в совместной деятельности.

Что же касается митр. Евгения, то о его связях с Румянцевым и с учеными его круга свидетельствует обширная многолетняя переписка, дающая нам богатый материал, свидетельствующий о научных и дружеских контактах митр. Евгения, имевших для него большое значение.

Вельможный меценат видел в ученом-архиерее для себя, как для любителя российских древностей «учителя и наставника»[1163], желал бы жить с ним в одном городе, чтобы в частых беседах «искать себе всякого рода наставлений»[1164]. Он высоко ценил мнение еп. Евгения в вопросах науки, прибегал к его советам, приносил на его суд результаты ученых трудов кружка[1165], видел в нем сложившегося историка-исследователя[1166]. Румянцев писал Евгению, в то время архиепископу Псковскому: «Вы, по Государе, первая особа, к которой тороплюсь препроводить второй том Государственных грамот и премного обрадован буду, ежели о пользе его появления выведете со мною равное заключение»[1167]. И в другом месте: «Среди глубокой своей

[1161] Об историографической проблеме названия Румянцевского кружка см.: *Клочкова М.Ю.* Из истории формирования исторических сообществ: митрополит Евгений (Болховитинов) и Румянцевский кружок // ПСТГУ. Сборник студенческих работ. М., 2015. С. 15–16.

[1162] Сведения о регулярных еженедельных собраниях в доме Н.П. Румянцева касаются только петербургских членов кружка. См.: *Козлов В.П.* Колумбы... С. 30.

[1163] Письмо гр. Н.П. Румянцева архиеп. Евгению (Болховитинову) от 30 июля 1817 г. // Переписка митрополита Киевского Евгения… С. 7.

[1164] Письмо гр. Н.П. Румянцева архиеп. Евгению (Болховитинову) от 10 декабря 1817 г. // Там же. С. 10.

[1165] См.: Письмо гр. Н.П. Румянцева архиеп. Евгению (Болховитинову) от 2 мая 1819 г. // Там же. С. 19; письмо гр. Н.П. Румянцева архиеп. Евгению (Болховитинову) от 13 июля 1820 г. // Там же. С. 28. «По сегодняшней тяжелой почте я препровождаю к Вашему преосвященству для собственной Вашей библиотеки первый дошедший до меня экземпляр Иоанна Экзарха Болгарского. И кому же первому сделать мне таковое приношение? Я в Вас имею друга и Вы у нас лучший судья в этом деле». См.: Письмо гр. Н.П. Румянцева митр. Евгению (Болховитинову) от 13 сентября 1824 г. // Переписка митрополита Киевского Евгения… Вып. II. С. 110.

[1166] «В исследовании древней Российской истории я отличной пользы от того ожидаю, что столь знаменитый ученостью муж ныне Псковской епархией управляет. Вероятно, что богатое под спудом там хранится сокровище, и предопределено может быть было судьбами к обработанию тому, кто более других к сему способен». См.: Письмо гр. Н.П. Румянцева архиеп. Евгению (Болховитинову) от 24 марта 1817 г. // Переписка митрополита Киевского Евгения… Вып. I. С. 5.

[1167] Письмо гр. Н.П. Румянцева архиеп. Евгению (Болховитинову) от 2 мая 1819 г. // Там же. С. 19.

старости я, как нетерпеливые молодые ученики, надоедаю учителю своему всякими вопросами; но мой наставник кроток духом и долготерпелив»[1168].

В свою очередь митрополит Евгений не только оказывал канцлеру услуги знатока древностей и эксперта, но и получал через него научные известия, нужную литературу, списки архивных документов. Все это позволяло ему проживая вдали от университетских и академических центров ощущать себя в гуще интеллектуальной жизни.

В основе общего интереса канцлера Румянцева и митр. Евгения к российской словесности и истории лежали их сходные ценностные установки. Их сближала идея служения, ставшая стержневой для жизненного уклада каждого из них. И тот, и другой получил сословное воспитание и образование, готовившее в одном случае к светскому, в другом – к церковному служению. Оба деятеля разделяли просвещенческие идеи об общественном благе и процветании страны, путь к которым пролегал, в том числе через развитие наук и художеств. Отсутствие семейных обязанностей позволяло им обоим самозабвенно заниматься отечественной историей, собирая вокруг себя людей схожих взглядов и устремлений.

Еще в пору активной государственной деятельности Румянцева ему как дипломату был хорошо известен изданный во Франции «Дипломатический корпус» Дюмона[1169]. По его примеру канцлер решил подготовить к публикации русские дипломатические акты, хранящиеся в Московском архиве коллегии иностранных дел. Получив на это в мае 1811 г. высочайшее утверждение, он составил Комиссию по печатанию государственных грамот и договоров во главе с управляющим архива Бантыш-Каменским. Многотомное издание «Собрание государственных грамот и договоров», по мнению Кочубинского, стало «эмбрионом» Румянцевского кружка[1170]. Вокруг Комиссии начало оформляться московское ядро будущего научного сообщества. После кончины

[1168] Письмо гр. Н.П. Румянцева архиеп. Евгению (Болховитинову) от 13 июля 1820 г. // Там же. С. 28.
[1169] *Du Mont J.*. Corps universel diplomatique droit des gens; Contenant un Recueil des traitez dalliance, de paix, de treve. Amsterdam, 1726–1731. Т. I–VIII. – 988 с.
[1170] *Кочубинский А.А.* Адмирал Шишков и канцлер Румянцев. Начальные годы русского славяноведения. Одесса. 1887–1888. С. 70.

Бантыш-Каменского его место занял Малиновский[1171], его ближайшим сотрудником стал выпускник Московского университета Калайдович[1172]; позже к ним примкнул Строев[1173]. В последующие годы среди московских ученых, принимавших участие в деятельности кружка, были также Снегирев[1174], Погодин[1175] и другие.

В Петербурге сотрудниками Румянцева стали директор Публичной библиотеки и президент Академии художеств Оленин и его служащий А.И. Ермолаев, а также библиографы Анастасевич и Аделунг, академик Ф.И. Круг, этнограф П.И. Кеппен, знаток восточных языков профессор Х.Д. Френ, этнограф и языковед А.М. Шегрен и другие. Особое место среди петербургских ученых занял будущий основоположник сравнительного языкознания А.Х. Востоков[1176], знакомством с которым Румянцев был обязан еп. Евгению[1177]. Он был редактором и рецензентом трудов, издаваемых членами кружка, неизменным советчиком и консультантом канцлера в деле приобретения рукописей, занимался описанием обширной библиотеки мецената.

В постоянном общении и взаимодействии с учеными двух столиц находились сотрудники мецената в Гомеле, Полоцке, Вильно, Смоленске, Киеве[1178]. В центре всей этой разветвленной сети корреспондентов стоял Румянцев – страстный любитель отечественных древностей, направлявший, вдохновлявший, организовавший и финансировавший деятельность многих своих сотрудников, осуществлявших совместную, коллективную разработку отечественной истории.

Первым и основным делом Румянцевского кружка стал поиск и публикация письменных памятников. Евгений был убежден, что проблема сохранения письменных источников требует скорейшего разрешения. Поэтому на каждом месте своего церковного служения он обследовал доступные ему архивы и библиотеки. Позже он

[1171] Более 300 писем канцлера к А.Ф. Малиновскому с 23 сентября 1811 г. по 5 декабря 1825 г. См.: *Барсов Е.В.* Переписка государственного канцлера графа Н.П. Румянцева с московскими учеными // Чтения ОИДР. 1882. Кн. 1. Январь–март. С. 1–334.

[1172] *Бессонов П.А.* Константин Федорович Калайдович. Биографический очерк // Чтения ОИДР. 1862. Кн. 3. Июль–сентябрь. С. 1–208.

[1173] *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. – 668 с.

[1174] *Ивановский А.Д.* Иван Михайлович Снегирев. СПб., 1871. – 294 с.

[1175] *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1911. Кн. 3. – 387 с.

[1176] *Срезневский И.И.* Переписка А. Х. Востокова // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 2. СПб., 1868.

[1177] *Иконников В.С.* Граф Николай Петрович Румянцев… С. 62–63.

[1178] Подробнее о структуре кружка см.: *Козлов В.П.* Колумбы… С. 21–41.

вспоминал: «Я видел в Новгороде целые кучи книг и бумаг, согнивших в каменных сырых погребах, в кои тяжко и войти»[1179]. Спасение письменных источников от полного их исчезновения требовало большой энергии и уверенности в том, что их изучение «много изъяснило бы промежутки нашей истории»[1180]. Местные архивы находились в ужасном состоянии. Евгений в частной переписке признавался, что «рыться в них труд преотвратительный»[1181], что раскапывать их нужно «охотникам до пыли»[1182], однако «во всех архивах из кучи дрязгу достается немного золота»[1183].

Именно такой поистине замечательной находкой был вознагражден труд ученого в Новгороде, где им в 1807 г.[1184] была случайно обретена древняя пергаментная грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода, которой грозила участь со временем «совершенно погибнуть в куче гнилых архивских Юрьева монастыря бумагах»[1185]. Евгений не сообщал о подробностях этого события, но они сохранились в виде предания, записанного в 1860-х гг. в Новгороде Срезневским, согласно которому ученому-архиерею чудом удалось предотвратить уничтожение Мстиславовой грамоты вместе с ветхими монастырскими книгами[1186].

[1179] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 27 января 1815 г. // Русский архив. 1889. Вып. 5. С. 34–35.
[1180] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 24 апреля 1813 г. // Там же. С. 27.
[1181] Там же. С. 27.
[1182] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 6 апреля 1820 г. // Там же. Вып. 7. С. 340.
[1183] Там же. С. 340.
[1184] Ильинский подверг сомнению точность этой даты и отнес обнаружение Мстиславовой грамоты митрополитом Евгением к 1804 г. См.: *Ильинский Г.А.* Юрьевская грамота 1130 г. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000. С. 326.
[1185] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) графу Н.П. Румянцеву от января 1816 г. // Переписка митрополита Киевского Евгения… Вып. I. С. 4.
[1186] «Кстати здесь припомнить новгородский рассказ о первом осмотре проеосв[ященным] Евгением Ногородскаго Юрьева монастыря. Вперед он дал знать в монастырь о своем приезде, и этим, разумеется, заставил начальство обители несколько посуетиться и прибрать некоторыя из монастырских помещений в более чинный порядок. Ехать в монастырь он мог одною из двух дорог: или верхнею, более проезжею, но скучною, или нижнею близ Волхова, менее удобною, но занимательною. Он поехал нижнею – против ожиданий монастырских. Близ самого монастыря он встретился с возом, ехавшим к Волхову в сопровождении инока. Его заняло, что везет инок к реке; он спросил. Инок отвечал, что в возу разный сор и хлам, который просто кинуть в кучу навозную нельзя, а надобно бросить в реку. Это возбудило любопытство Евгения. Он вышел к возу, велел приподнять рогожку, увидел порванныя книжки и книжные листвы, и затем велел иноку воротиться в монастырь. В монастыре он сказал начальствующим, что если они считают хлам на возу ни на что негодным сором, то готовы, значит, и уступить его тому, кто им будет дорожить, что он сам дорожит им. И затем стал перебирать его, и выбрал на первый раз немало кожаных книг и тетрадей, обещая порыться в остальном в другое время. Некоторыя из отобранных им тетрадей оказались после драгоценными остатками древности, между прочим даже и XI века». Среди этих древностей была обнаружена Мстиславова грамота. См.:*Срезневский И.И.* Воспоминание... С. 23–24.

Своей находкой епископ Евгений поделился с канцлером, отправив к нему подлинник грамоты в сопровождении исследования о ней. Еп. Евгению удалось прочитать основной текст документа за исключением нескольких утрат. Относительно одной из них – слов, помещенных между строк, – ученый-архиерей высказал предположение, что это клеймо с княжеским именем. Румянцев ответил, что готовится «сообщить сей драгоценный труд… ко всеобщему сведению публики»[1187]. К тщательному исследованию грамоты меценат привлек Оленина, который «с помощью увеличительных стекол, яркого солнечного света и двух истинных любителей русских древностей: гг. Ермолаева и Фролова»[1188] сумел разобрать слова, написанные неразборчиво между строк и попытался дать им объяснение. Кроме того, Румянцев подготовил гравированные оттиски грамоты, которые были опубликованы в том же году. Подлинная грамота вместе с печатными оттисками были возвращены ученому-архиерею Олениным[1189].

Еп. Евгений испытал сложные чувства, получив отчет Оленина. Спустя несколько дней он писал об этом Державину: «Тут, изволите заметить, что он с помощью увеличительных стекол, яркого солнечного света и двух своих сотрудников насилу мог прочесть то, чего я никак прочитать не мог и толковал я только догадками. Но я ручаюсь, что и после их разобрания не всякий и с увеличительным стеклом прочтет то же, и все это останется только догадкою. Впрочем, я охотно уделяю ему честь в толковании сей грамоты: но и у меня отнять чести невозможно. Ибо он растолковал только три слова, а я всю грамоту, и при том это моя собственная находка, и ученый свет мне первоначально будет тем обязан… Впрочем, всякому вольно думать как угодно. А во всех исследованиях чем больше бывает мнений, тем больше объяснений. Между учеными друг друга поправлять есть дело обыкновенное и нужное, и сердиться на то не должно. Никто один совершенно всего не обдумал»[1190]. Еп. Евгений, в то время

[1187] Письмо графа Н.П. Румянцева еп. Евгению (Болховитинову) от 13 марта 1813 г. // Переписка митрополита Киевского… Вып. I. С. 1.
[1188] Список с отношения к Государственному Канцлеру от Тайного Советника Оленина от 11 марта 1813 г. // Переписка митрополита Киевского Евгения… Вып. I. С. 2.
[1189] Письмо А.Н. Оленина архиеп. Евгению (Болховитинову) от 1 января 1816 г. // Там же. С. 3–4.
[1190] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) Г.Р. Державину от 4 апреля 1813 г. // Переписка Евгения с Державиным… С. 79.

уже известный ученый, к тому же не лишенный авторского самолюбия, нашел в себе силы признать ошибочность своих прежних предположений и принять результаты исследования грамоты, проведенного Олениным со своими помощниками. Кроме того, он посчитал полезным подобное сотрудничество в интересах науки. Позже в письме к Оленину он высоко оценил качество оттиска, отметив важность «строгого соблюдения всех и мельчайших черт подлинника в списке»[1191], поблагодарил за труды, замечания и правки, выразил надежду на дальнейшую помощь в объяснении Мстиславовой грамоты[1192].

Евгений опубликовал текст грамоты и основательно переработанные подробные примечания к ней. Ученый сообщил, что «теперь отыскалась древнейшая всех доселе известных подлинная грамота великого князя Мстислава (Федора) Владимировича и сына его новгородского удельного князя Всеволода (Гавриила) Мстиславича»[1193] и датировал ее периодом между 1128 и 1132 годами[1194]. Евгений разъяснил текст грамоты, описал материал, на котором она была создана, чернила, подробно охарактеризовал уставное письмо, а также произвел атрибуцию памятника, рассмотрев печать и другие элементы. Заслуга Евгения состояла в том, что он, под видом комментария на Мстиславову грамоту дал содержательную сводку сведений о памятниках древнерусской письменности. Охарактеризовав их внешнюю сторону, он поместил Юрьевскую грамоту в ряд аналогичных рукописей. Это метод представлял собой

[1191] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) А.Н. Оленину от 1 января 1816 г. // Переписка митрополита Киевского Евгения… Вып. I. С. 4.

[1192] «Катон у Цицерона в разговоре о старости сказал, что не стыдно учиться и старику. А мне, еще довольно опытному и немного еще видевшему русских дипломатических древностей, учиться у столь опытного в сем деле мужа, как Ваше Высокопревосходительство, должно почитать особым удовольствием и честию… А разобрание тех речений, коих я разобрать не умел, обращается мне в вину и в стыд, если только можно почитать виною и стыдом невозможность равняться с опытнейшими и искуснейшими себя знатоками. Я в этом утешаюсь по крайней мере тем, что найденною мной сею грамотою доставляю соотчичам своим случай благодарить Вашему Превосходительству за воскрешение сей почти полумертвой, так сказать древности в полном и точном ея изображении, со временем может быть долженствовавшей совершенно погибнуть в куче гнилых архивских Юрьева монастыря бумагах, где я случайно отыскал ее. Что касается до моих примечаний на сию грамоту, то за сделанными Вашим Высокопревосходительством новыми открытиями в чтении, цвете чернил и позолоте, я признал сочинение свое уже недостаточным издания в том виде, в каком оно написано, разве позволите мне покорнейше просить вас о снабдении меня наставлением и в рассуждении поправки онаго во всех статьях». См.: Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) А.Н. Оленину от 1 января 1816 г. // Переписка митрополита Киевского Евгения… Вып. I. С. 4.

[1193] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Примечания на грамоту Великого князя Мстислава Володимировича, и сына его Всеволода Мстиславича, удельного князя Новгородского, пожалованную новгородскому Юрьеву монастырю // Вестник Европы. 1818. № 15. С. 201.

[1194] Там же. С. 205.

несомненное новшество. Таким образом, благодаря коллективным действиям нескольких ученых и несмотря на трудности личного взаимодействия, было проведено тщательное палеографическое исследование, положившее начало русской дипломатики[1195].

Роль митрополита Евгения в Румянцевском кружке была значительна. Большое уважение, которым он пользовался среди ученых Румянцевского кружка[1196], базировалось, в первую очередь, на особом положении его в отношениях с Н.П. Румянцевым. Канцлер всячески демонстрировал свое почтительное отношение к Евгению и призывал свое окружение ценить его научные качества. Одному из самых талантливых ученых ближайшего круга Востокову он писал: «Я завидую жребию вашему, что часто беседуете с митрополитом Евгением. Сему в столь многих отношениях почтенному мужу цены право нет»[1197]. В письме к другому ученому, своему пенсионеру прот. И.И. Григоровичу он рассказывал: «Преосвященный митрополит Евгений к душевному моему порадованию у меня 6-го числа обедал; до обеда пробыл в моей библиотеке два часа, а после обеда туда же возвратился: вот как надо любить просвещение и все то, где к нему путь открыт»[1198].

Члены Румянцевского кружка скоро усвоили требования канцлера о предоставлении Евгению новых сочинений, нужных ему книг или рукописей. Обычным среди ученых стало обращение к нему за советами, с вопросами и приглашения к участию в своих исследованиях. Митрополит Евгений всегда очень внимательно относился к таким предложениям и поддерживал молодых ученых в их научных намерениях. «Покорно благодарю за приглашение меня к участию в ваших исследованиях. Но вы предложили мне столько предметов, что для обстоятельного на все оные ответы потребна была бы целая книга, и я чувствую всю тяжесть труда,

---

[1195] *Гиппиус А.А.* Загадки Мстиславовой грамоты // Misclellanea Slavica/ Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М., 2008. С. 109. Г.А. Ильинский назвал эту работу митр. Евгения «монографией» и «первым опытом русской палеографии». См.: *Ильинский Г.А.* Юрьевская грамота… С. 332.

[1196] Интересно внешнее свидетельство об отношениях митрополита Евгения с учеными: «Все ученые светские его очень любят, и в его здесь пребывание беспрестанно он с ними был, а некоторые из них вольнодумцы». См.: Письмо А.Н. Голицына архимандриту Фотию (Спасскому) от 23 января 1823 г. // Русская старина. 1882. № 5. С. 431.

[1197] Письмо Н.П. Румянцева А.Х. Востокову от 1 мая 1825 г. // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 2. СПб., 1868. С. 203.

[1198] Письмо гр. Н.П. Румянцева И.И. Григоровичу от 9 сентября 1825 г. // Чтения ОИДР. 1864. № 2. С. 60–61.

которую вы сами подъять предпринимаете… Вы великую окажете услугу и вообще славенскому народу, и особливо России, если решите нам сие разногласие вашими исследованиями»[1199], – писал он Калайдовичу.

Евгений не уставал радоваться новым открытиям и достижениям других ученых. Большую поддержку в исторических занятиях он оказывал К.Ф. Калайдовичу. «Искренно сорадуюсь вашему открытию новой славенорусской поэмы о походе князя Дмитрия»[1200], – отвечал он К.Ф. Калайдовичу на его сообщение о находке. «Не меньше утешительно мне, что вы при благочестивых упражнениях ваших не теряете вкуса к отечественным древностям и находите их в своем жилище. Подробное историческое познание одного места часто бывает полезнее многих узнанных только мимоходом и поверхностно»[1201], – писал он Калайдовичу в Николо-Пешношский монастырь. «Отыскание и точная опись сочинений Кирилла Епископа Туровского делает честь вашей охоте к древностям нашим»[1202], – оценивал достижения молодого исследователя ученый-архиерей. «О поездке вашей в Рязань уведомил меня канцлер, и я отвечал, что лучше вас нельзя выбрать исследователя новонайденных древностей»[1203], – писал Евгений.

Такую же заинтересованность в успехах других ученых на поприще исторических исследований и слова поддержки в их адрес мы находим в переписке митрополита Евгения с Кеппеном[1204], Ермолаевым[1205], Григоровичем[1206], Перевощиковым[1207], Погодиным[1208] и многими другими.

[1199] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) К.Ф. Калайдовичу от 3 сентября 1819 г. // ОР РНБ. Ф. 328. Д. 366. Л. 28–29.
[1200] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) К.Ф. Калайдовичу от 28 октября 1814 г. // Там же. Л. 18.
[1201] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) К.Ф. Калайдовичу от 1 сентября 1815 г. // Там же. Л. 22.
[1202] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) К.Ф. Калайдовичу от 16 апреля 1820 г. // Там же. Л. 32.
[1203] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) К.Ф. Калайдовичу от 20 августа 1822 г. // ОР РНБ. Ф. 328. Д. 366. Л. 35.
[1204] Письма митр. Евгения (Болховитинова) П.И. Кеппену. от... // СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 84. Л. 5, 7, 10.
[1205] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) А.И. Ермолаеву от 23 июня 1821 г. // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 244.
[1206] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) И.И. Григоровичу от 29 апреля 1824 г. // Чтения ОИДР. 1864. № 2. С. 87.
[1207] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.М. Перевощикову от 11 июля 1819 г. // РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 4. Д. 2. Л. 6.
[1208] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) М.П. Погодину от 23 августа 1836 г. // ОР РГБ. Ф. 231 / II. К. 52. Д. 27. Л. 5; Письмо митр. Евгения (Болховитинова) М.П. Погодину от 3 декабря 1826 г. // Там же. К. 46. Д. 21. Л. 1.

Обстановка дружеского общения и содержательных споров, сложившаяся в Румянцевском кружке, была необходима митрополиту Евгению, часто, в силу особенностей жизненного уклада, занимавшегося наукой в уединении. Возможность обсуждать последние научные новости, делиться предположениями, сомнениями и вырабатывать в столкновении с противоположными взглядами собственное мнение, открывавшаяся во взаимодействии с другими учеными, объединенными общими научными интересами, очень ценилась ученым-архиереем. Не случайно его любимой французской пословицей была «Du choc des opinion nait la vérité (В столкновении мнений рождается истина – фр.)». Ее толкование он приводит в общении с двумя разными адресатами Хвостовым и Олениным[1209]. Это еще раз убеждает нас в том, насколько необходимо было творческое общение для ученого.

«Науки знакомят и сближают симпатиею людей и чужеземных; а мы соотечественники, и как вы признаете, к одной цели стремимся»[1210], – писал впоследствии митрополит Евгений Снегиреву. Понимание членами Румянцевского кружка своего совместного труда по сохранению исторического прошлого как служения Отечеству придавало новое качество усилиям каждого его члена.

Результаты деятельности Румянцевского кружка за полтора десятилетия его существования значительны: были обнаружены, и началось изучение огромного количества письменных источников, в том числе Изборника Святослава 1073 г., Судебника 1497 г., Сочинений Кирилла Туровского, Сборника Кирши Данилова и др. Членами кружка впоследствии была продолжена начатая в его составе планомерная археографическая[1211], археологическая деятельность, поставлен и начал решаться

[1209] Le public à profit met toutes nos querelles;
De nos cailloux frottés ce sont des étincelles;
La lumière en peut naitre; et nos grands érudits
Ne nous ont éclairés qu'en étant contredits.
«Публика извлекает пользу из всех наших споров: это искры от трения наших кремней; оттуда может рождаться свет; и великие наши ученые просвещали нас только тем, что им противоречили». (Перевод с фр. Я. К. Грота). См.: Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) Д.И. Хвостову от 15 апреля 1821 г. // Переписка Евгения с Державиным… С. 193; Письмо митр. Евгения (Болховитинова) А.Н. Оленину от 25 июня 1822 г. // ОР РНБ. Ф. 542. (Архив Олениных) Д. 211. Л. 7–7 об.

[1210] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) И.М. Снегиреву от 3 января 1828 г. // Старина русской земли. Исследования и статьи И. Снегирева. СПб., 1871. С. 23.

[1211] Об археографической деятельности Румянцевского кружка подробнее см.: *Козлов В.П.* Колумбы... С. 45–98; *Сараскина Л.И.* Граф Н.П. Румянцев… С. 99–110.

вопрос о принципах научного издания древних памятников, заложены основы русской палеографии, сфрагистики, нумизматики и других дисциплин, русским историкам и филологам стали доступны многие иностранные источники по русской истории, укреплялись научные связи с иностранными учеными. Материальным итогом деятельности ученого сообщества под руководством покровителя наук Румянцева стало собрание публичного Румянцевского музея, включавшего в себя около 30 тысяч книг, а также рукописи, монеты, произведения искусства[1212]. Смысловой итог деятельности кружка подводила надпись, украсившая фасад здания музея: «От государственного канцлера графа Румянцева на благое просвещение»[1213]. Не менее весомым нематериальным результатом научного сообщества стала плеяда ученых, прошедших в составе кружка практическую исследовательскую школу. Строев, Востоков, Погодин внесли впоследствии значительный вклад в развитие исторической науки в России.

Научные связи Евгения с членами Румянцевского кружка отвечали его культурным и интеллектуальным запросам. Связи эти были насыщенными, взаимообогащающими, плодотворными. Евгений, которого биограф канцлера назвал «умственным духовником и руководителем»[1214] Румянцева был идейно и содержательно вовлечен в деятельность кружка, представлявшего собой неформальное, но очень продуктивное научное объединение второй половины Александровской эпохи.

Евгений и ОИДР. Деятельность в составе Румянцевского кружка не ограничивала возможностей сотрудничества его членов с другими научными обществами. Наибольшую близость к кружку по своим задачам и направлению деятельности обнаруживало Общество истории и древностей российских (ОИДР) при Московском университете. Постепенно его членами стали многие сотрудники Румянцева: Бантыш-Каменский, Малиновский, Калайдович, Строев, Круг, Снегирев, Погодин и другие. 19 сентября 1811 г. соревнователем, а позже почетным членом общества стал еп. Евгений[1215].

[1212] *Молчанов В.Ф.* Государственный канцлер… С. 408–414.
[1213] Там же. С. 401.
[1214] *Корш Е.Ф.* Опыт нравственной характеристики Румянцева // Сборник материалов для истории Румянцевского музея. Вып. I. М., 1882. С. 67.
[1215] *Попов Н.А.* История императорского Московского общества истории и древностей российских (1804–1812). Ч. 1. М., 1884. С. 149. В биографии митр. Евгения указана другая дата–1 мая 1811 г. см.: Биография Евгения

Интересно, что косвенное участие в событиях, которые впоследствии привели к созданию первого в России исторического общества, принял граф Румянцев. Его давнее знакомство с Шлецером послужило основанием для обращения к нему немецкого ученого с просьбой представить Александру I свой экземпляр труда о Несторе[1216], являвшегося результатом работы ученого в России. Государь благосклонно принял это сочинение и в знак уважения к его трудам послал ему драгоценный перстень, а позже по просьбе Шлецера и по ходатайству Румянцева пожаловал ему орден св. Владимира 4-ой степени и дворянский титул. В ответ историк пожелал принять участие в критическом издании российских летописей вместе с русскими учеными. Александр I повелел составить для этой цели историческое общество, что и было сделано в 1804 г.[1217]

О первых годах существования общества известно мало, так как документы впоследствии погибли[1218]. В 1810 г. оно было распущено и воссоздано вновь в 1811 г. Следующие полтора десятилетия ОИДР безуспешно пыталось наладить свою деятельность, но это не удавалось. Большой удар был нанесен нашествием Наполеона, в результате которого была утрачена библиотека и рукописи[1219]. Еп. Евгений неизменно критиковал московское историческое общество за бездействие. Так он отзывался об его работе: «Могу удовлетворительно вам ответствовать, ибо я в сношении с оным. Оно спит под недеятельным своим президентом, а некоторые только члены особняком работают»[1220].

Желая содействовать оживлению работы общества, епископ Евгений предоставил ему для публикации списки нескольких источников со своими комментариями[1221]. В «Русских достопамятностях» за 1815 г. были напечатаны две уставные и губная грамоты

митрополита Киевского // *Евгений (Болховитинов) митр.* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев. Т. I–II. М., 1845. С. 4.

[1216] *[Schlözer A.L.]* Несторъ. Russische Annalen in ihrer Slavonischen GrundSprache: verglichen, von SchreibFelern und Interpolationen möglich gereinigt, erklärt, und übersetzt, von August Ludwig von Schlözer, Hofrath und Professor der StatsWissenschaften in Göttingen, des Kaiserl[ichen] Russischen Ordens des heil[igen] Wladimirs 4ter Klasse Ritter. 1–2. Göttingen, 1802. – 459 p.

[1217] *Попов Н.А.* Указ. соч. С. 1–4.

[1218] *Попов Н.А.* Указ. соч. С. 48.

[1219] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 11 ноября 1814 г. // Древняя и Новая Россия. 1880. № 10. С. 359–360.

[1220] Там же. С. 359–360.

[1221] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) к П.П. Бекетову от апреля 1812 г. // Чтения в ОИДР. 1892. Кн. 2. Ч. IV. С. 8–9.

XVI в., среди которых находились и неизвестные ранее документы, найденные Евгением в книгохранилище новгородского Софийского собора[1222]. Интересно, что в 1813 г. в «Вестнике Европы», вместе с другими историческими материалами, подготовленными ученым-архиереем, содержится введение к статье о грамотах с указанием на дальнейшую публикацию самого их текста с примечаниями в издании Общества истории и древностей российских. Не известно, являлось ли такое распределение материалов между журналами результатом соглашения автора с председателем общества П.П. Бекетовым или издателем «Вестника Европы» Каченовским, тоже членом общества, или личным решением Евгения. Но по характеру предлагаемых к публикации статей видно, что митрополит Евгений в сотрудничестве с обществом старался следовать основному направлению, выбранному им для себя.

При воссоздании ОИДР была сформулирована основная его задача: «Главный труд, которым члены сего Общества преимущественно займутся по Высочайшему назначению, состоять будет в критическом, т. е. всевозможно верном и исправном издании оригинальных древних Русских летописей с приобщением к ним самонужнейших замечаний, дабы то и другое могло служить основанием в сочинении подлинной истории нашего отечества»[1223].

Как мы уже могли отметить, Румянцев и ученые его круга в то же самое время занимались подготовкой к изданию «Собрания государственных грамот и договоров», в предисловии к которому было сказано: «Изложением сих отечественных хартий для упражняющихся в Истории Российской открываются неопровергаемые доводы к деяниям веков минувших»[1224]. Таким образом, издание исторических источников с необходимыми примечаниями, способное создать базу для дальнейшего изучения

[1222] *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Уставная грамота царя Ивана Васильевича, данная Двинским тиуном и их наместником о доходах и о прочем; Уставная грамота, данная от царя Ивана Васильевича двинянам; Губная грамота, данная от царя Ивана Васильевича белоезерцам, с примечаниями и изъяснениями на все три // Русские достопамятности, издаваемые ОИДР, учрежденным при Императорском Московском Университете. Часть 1. М., 1815. С 125–165.

[1223] Перечень дневной записки учреждаемого при Императорском Московском университете по высочайшему повелению Общества Истории и Древностей Российских // *Попов Н.А.* Указ. соч. С. 72.

[1224] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. I. С. III.

истории было общим направлением этих исторических обществ на ближайшую перспективу развития.

Евгений видел большую пользу для развития науки в подобном виде деятельности. Он писал: «Старинные наши грамоты без толкований бесполезны для публики, а десяток или два отпечатанных подлинников положили бы основание нашей палеографии. Не все могут достать подлинники, а с отпечатков можно бы всякому делать наблюдения, и тогда скоро узнали бы мы, сколько какого века у нас книг, которых мы имеем по монастырям и архивам без обозначения времени письма»[1225]. Жизнь выдвигала на повестку дня археографические задачи.

Идея исследования московских монастырских архивов зародилась в Обществе в 1812 г.[1226], но реализации не получила. Успехи археографической деятельности, развернутой Н.П. Румянцевым и его сотрудниками были широко известны и иногда приводили к столкновению интересов канцлера и московского исторического общества. Так в 1817 г. оно пыталось предъявить свои права на публикацию документов, обнаруженных Калайдовичем и Строевым в Ново-Иерусалимском и Иосифо-Волоколамском монастырях, но безуспешно. Возможно, двойственность ситуации усугублялась тем, что эти наиболее активные сотрудники канцлера являлись одновременно также членами ОИДР, а также тем, что по высочайше одобренному уставу 1811 г. общество получало «право собирать из всех архивов, какие есть в государстве, нужные сведения. Также из монастырей и казенных библиотек требовать будет книг или рукописей под расписку председателя Общества, который обязывается в целости взятое возвратить, определяя именно время, на чтение такового сочинения нужное»[1227]. Канцлер же мог рассчитывать на свое высокое положение и связи.

Евгений следил за археографическими успехами Румянцевского кружка, радовался новым находкам. Его собственная деятельность Евгения на каждом месте служения –

[1225] Письмо еп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 27 марта 1813 г. // Русский архив. 1889. № 5. С. 27.
[1226] *Попов Н.А.* Указ. соч. С. 217.
[1227] Устав общества истории и древностей Российских, высочайше одобренный1 января 21-го дня 1811 года // Записки и труды Общества истории и древностей российских. Часть 1. М., 1815. С. 1–24.

«это была тоже своего рода археографическая экспедиция, продолжавшаяся всю жизнь и обогатившая русскую науку огромной массой архивных открытий»[1228].

Итогом археографического направления изысканий стало известное выступления в 1823 г. на заседании ОИДР Строева, предложившего организовать Археографическую комиссию. Завершил он свою речь так: «В заключение сего позвольте представить вам мнение об известном моем плане обрабатывания нашей истории одного из ученейших и опытнейших знатоков оной Высокопреосвященного митрополита Евгения, который по получении речи, говоренной мною в последнем собрании нашего Общества, написал к одному из знакомых своих следующее: ”Благодарю еще более за любопытную речь г. Строева. Мысль его прекрасная. Жаль, если ее не примут. Трудно выбрать людей для рассылки, а исполнить было бы не трудно. Действительно, надобно прежде узнать, что есть древнего в России, а потом уже выбирать, что издать“. Ожидаю также отзыва почтеннейшего историографа нашей империи, которому я также доставил копию моей речи. Тогда с благоприятным мнением двух законодателей в деле нашей истории, с запасом опытности, усугубленной последнею новгородскою поездкою, намерен я представить проект мой г. Министру Духовных дел и Народного Просвещения»[1229]. Однако, реализован этот проект оказался значительно позже и вне общества. Археографическая комиссия была открыта в 1834 г. при департаменте народного просвещения. Строев, накопивший в составе Румянцевского кружка солидный опыт такой работы, стал ее фактическим руководителем.

В середине 1820-х годов работа Румянцевского кружка подошла к своему завершению. Николай Петрович Румянцев был уже тяжело болен и делал последние распоряжения своему брату Сергею Петровичу о завершении начатых проектов и сохранении собранной коллекции древностей и библиотеки. К этому времени Евгений имел необходимый, хотя и довольно противоречивый опыт сотрудничества как с Румянцевским кружком, так и с ОИДР, чья деятельность несколько оживилась под руководством А. А. Писарева.

[1228] *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 184.
[1229] Цит по: *Барсуков Н.П.* Указ. соч. С. 78.

История участия Евгения в изучении Черниговской гривны показывает, какую роль в его исследовательской деятельности Евгения играло взаимодействие с научными сообществами.

В июле 1821 г. на р. Белоус близ Чернигова местными жителями был найден необычный золотой предмет, на одной стороне которого можно было разглядеть христианское, а на другой языческое изображение в сопровождении славянской и греческой надписей[1230]. Над расшифровкой этой находки, впоследствии оказавшейся древнерусским амулетом-змеевиком XI в. и получившей название Черниговской гривны или Гривны Владимира Мономаха, пришлось потрудиться многим исследователям[1231]. Одним из первых к изучению новообретенной славянской древности приступил ученый еп. Евгений (Болховитинов).

Об археологической находке Евгений, в то время архиеп. Псковский, узнал спустя несколько недель после ее обнаружения из письма Румянцева, сообщавшего следующее: «Нечаянно съехавшись в Киеве с князем Репниным я премного обрадован был, когда он стал мне казать недавно найденную близ Чернигова большую золотую медаль или ту древнюю гривну, каковою украшались первобытные великие князья и каковыми отличали иногда своих вельмож; мы ничего из древностей наших не сохранили, чтобы могло хоть мало с сею находкою равняться»[1232]. Известие заинтересовало ученого архиерея. Он высказал предположение, что Черниговская гривна может оказаться древнее, чем уже известная Московка, подаренная А. И. Мусиным-Пушкиным Академии наук[1233]. Канцлер настаивал на оригинальности находки, и для убедительности прислал ученому в подарок ее оловянный оттиск[1234]. Архиеп. Евгений с

[1230] Письмо Н.П. Румянцева Ф. И. Кругу от 15 августа 1821 г. Цит. по: *Медведев И.П.* Неизвестный эпизод из ранней истории обнаружения Черниговской гривны // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2013. Т. 69: Византия в контексте мировой культуры: материалы конф., посв. Памяти Алисы Владимировны Банк (1906–1984). С. 530–534.

[1231] В настоящее время Черниговская Гривна хранится в Русском музее Петербурга, инв. № БК–2746. См.: *Плешанова И.И., Лихачева Л.Д.* Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л., 1985. № 1–2. С. 191. Об истории изучения Гривны см.: *Николаева Т.В., Чернецов А.В.* Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991. С. 12–20.

[1232] Письмо Н.П. Румянцева архиеп. Евгению (Болховитинову) от 7 сентября 1821 г. // Переписка митрополита Киевскаго Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 г. включительно). Вып. 2. Воронеж, 1868. С. 49.

[1233] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) Н.П. Румянцеву от 17 октября 1821 г. // Там же. С. 50.

[1234] Письмо Н.П. Румянцева архиеп. Евгению (Болховитинову) от 30 октября 1821 г. // Там же. С. 50.

благодарностью принял слепок Гривны, осмотрев, оценил ее редкость и высказал первые суждения о ней. Он обратил внимание на надпись с упоминанием имени владельца, что открывало возможности датировки артефакта[1235].

Несмотря на большую занятость епархиальными и научными делами, немолодой по меркам того времени возраст и сопутствующие ему недуги архиеп. Евгений немедленно включился в исследование Черниговской гривны. В ноябре 1821 г. он писал своему давнему адресату члену Румянцевского кружка Анастасевичу: «О гривне, найденной близ Чернигова я давно знаю: но забывал вас известить. Она теперь уже в Петербурге и с оттиска ея уже выливаются оловянные копии. На прошлой неделе канцлер и мне прислал 1 экземпляр оловянный. Вы без сомнения в Петербурге ее увидите»[1236]. Далее архиеп. Евгений приводит подробное описание артефакта, составленное в результате его обследования[1237].

Первые наблюдения, сделанные ученым, определили направление дальнейшего исследования. Предстояло объяснить ошибки в греческой надписи, датировать Черниговскую гривну, установить ее назначение и принадлежность. Архиеп. Евгений попытался соотнести полученные при осмотре Гривны палеографические данные с уже известными. Он припомнил надпись на Оршанском камне, ставшую известной также благодаря канцлеру Румянцеву[1238]. Однако, для достижения научного результата требовалось объединить усилия специалистов различных направлений. Спустя две недели Евгений обратился за помощью к другому своему давнему знакомому профессору русской словесности Дерптского университета В.М. Перевощикову: «На гривне надписи русские и одна греческая довольно понятны. Но другую греческую

[1235] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) Н.П. Румянцеву от 18 ноября 1821 г. // Там же. С. 51.
[1236] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 14 ноября 1821 г. // Древняя и Новая Россия. 1881. № 2. С. 296.
[1237] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 14 ноября 1821 г. // Древняя и Новая Россия. 1881. № 2. С. 296.
[1238] Оршанский (также Борисовский или Рогволдов) камень – памятник эпиграфики XII в., ныне утрачен. Был обнаружен в конце XVIII в. недалеко от Орши. Палеографическое изучение надписи началось с 1818 г. благодаря гр. Н.П. Румянцеву, по желанию которого было сделано описание памятника, о чем появилось известие в петербургской печати. См.: Из Орши от 2 сентября // Северная почта. 1818. № 74. Митр. Евгений получил текст надписи и описание Оршанского камня непосредственно от Н.П. Румянцева. См.: Письмо Н.П. Румянцева архиеп. Евгению (Болховитинову) от 26 июля 1818 г. // Переписка митрополита Киевского Евгения с государственным канцлером Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 182 г. Включительно). Вып. 1. Воронеж, 1868. С. 12–13; Письмо архиеп. Евгения Болховитинова Н.П. Румянцеву от 31 августа 1818 г. // Там же. С. 13.

никак разобрать не могу. Не прислать ли ее к Моргенштерну? В Петербурге Круг со всею Академиею ломают также голову. Слава тому, кто первый прочтет другую греческую окружную надпись, а вслед за тем потекут диссертации о сей гривне».[1239]

Архиеп. Евгений чрезвычайно ценил отпущенное ему время, желая тратить его только на то, что казалось ему наиболее важным и полезным. В его письмах этого периода к Анастасевичу мы дважды встречаем афоризм, приписываемый древнегреческому врачу и философу Гиппократу (ок. 460 г. до н.э.–ок. 370 г. до н. э.), «ars longa, vita brevis» – «жизнь коротка, искусство / наука вечна» (лат.) – являвшийся сокращенным изречением, хорошо известного архиеп. Евгению и выражавшего его размышления о научном познании утверждения о том, что «жизнь коротка, искусство вечно, наука обширна, случай шаток, опыт обманчив, суждение затруднительно»[1240]. Архиеп. Евгений надеялся успеть привести к завершению свой многолетнюю работу над словарями, которые требовали постоянных дополнений, в это же время он составлял описание шести монастырей своей епархии, приводил в порядок другие свои сочинения. Обострившиеся болезни он расценивал как «предвестницы смерти»[1241], побуждавшие его «думать о бессмертии»[1242]. «При всем том неугомонно работаю в уединении»[1243], – так завершает ученый архиерей описание своей борьбы с недугами. Исследование Черниговской гривны, вызвавшей его научный интерес, требовало значительно большего времени и сил, чем те, которыми он располагал.

Не дожидаясь ответа от Перевощикова архиеп. Евгений предложил Анастасевичу составить свое исследование о Гривне и как можно скорее опубликовать его. Анастасевич и сам поторопился представить на суд публики свое сочинение о Черниговской гривне. Ему несомненно было известно, что новонайденный артефакт привлек к себе внимание многих специалистов и любителей и вызвал оживление в

[1239] Письмо митр. Евгения В.М. Перевощикову от 30 ноября 1821 г. // РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 4. Д. 2. Л. 31.

[1240] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 2 апреля 1821 г. // Древняя и Новая Россия. 1881. № 2. С. 289; Письмо митр. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 28 октября 1821 г. // Древняя и Новая Россия. 1881. № 2. С. 294. Об афоризме см.: *Цыбульник Ю.С.* Крылатые латинские выражения. М., 2006. С. 151.

[1241] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 2 апреля 1821 г. // Древняя и Новая Россия. 1881. № 2. С. 289.

[1242] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 28 октября 1821 г. // Древняя и Новая Россия. 1881. № 2. С. 294.

[1243] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 3 октября 1821 г. // Древняя и Новая Россия. 1881. № 2. С. 292.

ученых кругах. Возможно, до него также дошли слухи о вознаграждении, которое было обещано исследователям находки[1244]. Однако вышедшая уже в декабре статья Анастасевича[1245], вызвала неудовольствие Евгения. Автор явно поспешил и вместо серьезного исследования представил только смешные толкования и «ученые и высокоумственные догадки»[1246] да к тому же еще исказил текст надписи на гривне. Такая публикация не была способна положить начало научному исследованию находки, на что надеялся ученый архиерей.

Своим разочарованием Евгений поделился с канцлером. В этом же письме обсуждалось изображение на гривне Архангела Михаила. Предположение Румянцева, что оно могло означать герб Киева, было принято Евгением, ранее считавшим, что оно представляло собой лик небесного покровителя киевского князя Святополка Изяславича (1093–1113), в крещении Михаила, а имя Василия указывало на его племянника Владимира Мономаха (1053–1125), уступившего великокняжеский престол из почтения дяде. Догадка канцлера позволила Евгению разглядеть на затемненном оловянном оттиске жезл, означавший древко знамени, и царскую державу, которые были приличны образу Архангела Михаила только в случае его расположения на государственных гербах[1247].

Объяснение изображения позволяло продвинуться по пути датировки гривны. Однако серьезным препятствием оставались неясные надписи, расшифровка которых была возможна при условии привлечения к этому вопросу более широкого круга ученых. Получив согласие Перевощикова на участие в этом деле, ученый-архиерей в следующем письме сообщает ему о своих практических шагах: «Поелику Моргенштерн не знает по-русски, то для него прилагаю при сем том замечания на латинском языке. Может быть, это ему послужит программою о нашей нумизматике. Прочее вы можете

[1244] Об этом Н.П. Румянцев упоминает в письме М.Ф. Малиновскому. См. Письмо Н.П. Румянцева М.Ф. Малиновскому от 12 января 1822 г. // *Барсов Е.В.* Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными // Чтения ОИДР. 1882. Кн. 1. Январь–март. С. 206.

[1245] *Анастасевич В.Г.* Любопытное известие о золотой гривне, найденной в Чернигове // Отечественные записки. № 20. 1821. С. 425–442.

[1246] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 6 января 1822 г. // Древняя и Новая Россия. 1881. № 2. С. 302.

[1247] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) Н.П. Румянцеву от 23 декабря 1821 г. // Переписка митрополита Киевскаго Евгения… Вып. 2. С. 53.

ему перевести с Анастасевичевой статьи, которой основные мысли он от меня получил, но переврал по-своему. Латинскую мою записку мне возвратите и с медалью непомедля. Монгерштейн может оставить у себя с обоих копии… Скажите Моргенштерну, что над истолкованием сей гривны ломает голову Круг со всеми академиками. Но для чего и Моргенштерну не войти в конкурс. NB. Подлинника нет еще в Петербурге, а только гипсовые очень слепые слепки, а у Круга может быть оловянный, как мой, который полнее гипсовых. Подлинник же доныне у Черниговского генерала-губернатора Репнина. Пусть ваши ученые побольше займутся с медалью. Что если бы у вас рисунок с сей медали вырезали на меди и, снявши оттисков сотню, разослали к разным ученым для исследования?»[1248]

Побуждая других ученых заниматься изучением археологической находки, предлагая им свои соображения и даже целые программы исследования, которыми, впрочем, не каждый смог бы воспользоваться, сам ученый-архиерей пожелал остаться в тени[1249]. В письме Анастасевичу он объяснял свою линию поведения так: «Недоброхотство и пересуды моей братии заставляют меня убегать всех случаев быть гласным в публике»[1250]. Им двигал научный интерес, ради удовлетворения которого он готов был принять участие в исследовании, не предавая его широкой огласке.

Евгений проявлял настойчивость, и даже нетерпение, из раза в раз напоминая Перевощикову о гривне[1251]. Ученый ожидал скорейших результатов из Дерпта, а тем временем исследование гривны продолжалось. Подлинник был привезен генерал-губернатором Малороссии князем Репниным в Петербург и поднесен государю, а им был передан для толкования Оленину. Митр. Евгений в письмах к нему высказал свои соображения о происхождении, употреблении гривны, надписях и изображениях на ней,

---

[1248] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) В.М. Перевощикову от 4 января 1822 г. // РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 4. Д. 2. Л. 34 об.–35.

[1249] «Мое замечание писано только для Моргенштерна, и потому прошу его не печатать; пусть он сам свое издаст, а заимствовать может из Анастасевичевой тетрадки и, буде угодно, из моей записки, не ссылаясь на меня; ибо я не хочу и мешаться в публичный цех толкователей сей древности». См.: Письмо митр. Евгения (Болховитинова) В.М. Перевощикову от 20 января 1822 г. // Русский архив. 1890. Вып. 12. С. 437.

[1250] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.Г. Анастасевичу от 9 декабря 1821 г. // Древняя и Новая Россия. 1881. № 2. С. 301.

[1251] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.М. Перевощикову от 20 января 1822 г. // Русский архив. 1890. Вып. 12. С. 437; Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.М. Перевощикову от 1 февраля 1822 г. // РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 4. Д. 2. Л. 38; Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.М. Перевощикову от 18 февраля 1822 г. // РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 4. Д. 2. Л. 39 об.–40.

возможной датировке, но не настаивал на их непременной истинности[1252]. Оленин выразил благодарность за высказанные предположения, и намеревался разослать рисунки гривны иностранным антикварам, чтобы получить их мнения. Одновременно с этим шло изучение оловянного оттиска гривны в Академии наук, «но ни один петербургский еллинист не растолковал еще большой греческой надписи»[1253]. В печати появилась статья Берлинского[1254], которая, по мнению Евгения, была «еще хуже Анастасевича»[1255]. В «Вестнике Европы» печаталось объяснение Каченовского[1256], которое не удовлетворяло ученого-архиерея тем, что автор счел гривну талисманом греческого происхождения, с чем Евгений не мог согласиться.

Новая страница в изучении Черниговской гривны открылась после обнаружения похожих предметов в Рязани. При описании рязанских древностей на гривны наткнулся Калайдович. Митрополит Евгений предлагал ему при составлении статьи о новых находках сопоставить их с Черниговской гривной[1257]. Публикация вскоре состоялась[1258], но разочаровала Евгения, так как о Черниговской гривне в ней не было ни слова.

Между тем обнаружение похожих на изучаемую гривну предметов, теперь еще и в Подмосковье, окончательно утвердило Евгения в их русском, а не греческом происхождении. Однако с расшифровкой греческой надписи не могли справиться и французские ученые[1259].

[1252] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) А.Н. Оленину от 10 марта 1822 г. // ОР РНБ. Ф. 542. (Архив Олениных) Д. 211. Л. 3–4; Письмо митр. Евгения (Болховитинова) А.Н. Оленину от 25 июня 1822 г. // Там же. Л. 7–7 об.

[1253] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.М. Перевощикову от 20 января 1822 г. // Русский архив. 1890. Вып. 12. С. 437.

[1254] *Берлинский М.Ф.* Объяснение изображений на медали, найденной подле Чернигова в 1821 г. // Труды Вольного общества любителей российской словесности. 1822. № 1. Ч. XII. С. 322–325.

[1255] Письмо архиеп. Евгения (Болховитинова) В.М. Перевощикову от 18 февраля 1822 г. // РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 4. Д. 2. Л. 39 об.–40.

[1256] *Каченовский М.Т.* Разыскание по поводу старинной золотой медали, недавно открытой // Вестник Европы. 1822. № 4. С. 285–289; № 5. С. 45–51, 118–128; № 6. С. 181–195; № 15. С. 339–340, 345.

[1257] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) К.Ф. Калайдовичу от 31 декабря 1822 г. // ОР РНБ. Ф. 328. Д. 366. Л. 38 об.

[1258] *Калайдович К.Ф.* О древних русских медалях // Северный архив. 1823. № 3. С. 240–242.

[1259] О находках канцлера: «На возвратном пути из Москвы он в Микулине городище отыскал у поселян несколько мелочных древних вещиц, выкопанных в разное время из земли. Между ними есть одна медаль медная с ушком, на ней изображен с одной стороны серафим, а с другой ничего. Это подтверждает мнение о Черниговской гривне вопреки Каченовского талисманологии греческой. Канцлер пишет мне, что и Парижский институт не мог разобрать двустрочной греческой надписи на Черниговской гривне, но по худой ее обработке почитает ее русскою, а не греческою и позже времени Владимира Великого». См.: Письмо митр. Евгения И.Н. Лобойко от 18 октября 1822 г. // ОР РНБ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 6. Л. 2 об.

Наконец, долгожданная диссертация Моргенштерна[1260] была закончена и, прежде чем вышла в свет, была послана митр. Евгению и графу Румянцеву. Некоторые выводы дерптского нумизмата удивили Евгения, о чем он сообщал Перевощикову: «Мнение, что Черниговская медаль выбита на случай принятия христианской веры Владимиром есть новый парадокс и трудный для доказательства. Тогда мастер, какой-нибудь грек, вырезал бы надпись не бестолково; а бестолковщина доказывает русского мастера, безошибочно вырезавшаго только русскую надпись; а при том ушки доказывают, что она не ручная, а для ношения на прицепке сделанная»[1261].

Сомнения ученого-архиерея остались без ответа. Вскоре Румянцев скончался и Румянцевский кружок перестал существовать. Следующий этап изучения Гривны связан с ОИДР. Публикации с объяснениями археологической находки продолжились в Трудах общества[1262]. Митр. Евгений, прежде не желавший выступать со своим толкованием памятника публично, тоже написал статью о ней. В начале работы он объяснил причину, вызвавшую эту публикацию: «По препоручению Общества истории и древностей российских рассматривал я новейшие разыскания о Черниговской медали и нашел оныя неудовлетворительными, как и все прежние. Пока не будет достоверно объяснена круговая надпись около головы, окруженной змеями, на неизвестном доселе языке, дотоле не можно верить никаким догадочным истолкованиям»[1263]. Далее следует мнение Евгения. Он высказался о происхождении змеевиков, связав их появление с языческим Востоком и последующим распространением их в христианской среде. Прекрасное знание церковной истории позволило ему выдвинуть идею о происхождении христианских и языческих изображений на таких находках из синкретической среды христиан-гностиков. Его мысль об употреблении таких изделий в качестве амулетов-филактерий впоследствии была подтверждена. Верным также оказалось его утверждение о том, что употребление этих предметов пришло от греков, но именно это

[1260] *Morgenstern K.S.* Commentatio de numismate Basilii Tshernigoviae nuper efosso. Дерпт, 1824–1826. – 33 p.

[1261] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) В.М. Перевощикову от 13 января 1824 г. // Русский архив. 1890. Вып. 12. С. 443–444.

[1262] *Санглен Я.И.* О медали Черниговской // Труды и записки ОИДР, учрежденнаго при Императорском Московском университете. Ч. III. М., 1826. С. 110–125; *Варвинский Г.*О надписи на Черниговской гривне // Там же. С. 126–130; *Нечаев С.Д.* Замечание о старинном медном образе // Там же. С. 131–137.

[1263] *Евгений (Болховитинов), митр.* Замечания о черниговской гривне // Труды и летописи ОИДР, учрежденнаго при Императорском Московском университете. Ч. IV. М., 1833. С. 121.

изделие принадлежит работе русского мастера, несведущего в греческом правописании. Отсюда верная русская надпись и греческая с ошибками. Точно определено было чисто бытовое, а не церковное назначение предмета. Что же касается датировки, то ученый указал на одинаковую вероятность принадлежности гривны какому-либо значительному лицу времени Владимира Святого или Владимира Мономаха[1264]. Таким образом, в короткой статье ученый представил содержательный анализ археологического памятника, рассмотрев материал, надписи, изображения и высказал ряд положений, которые принимаются и современными учеными[1265].

Следует отметить, что эта статья по своему содержанию мало отличается от тех предположений, которые митрополит Евгений высказал в письмах Оленину[1266] в самом начале изучения Черниговской гривны. То есть исследование этого предмета в рамках Румянцевского кружка привело ученого к выводам, которые впоследствии почти не изменились, но, благодаря сотрудничеству с ОИДР, стали достоянием не только научного сообщества но и всей образованной публики.

Историческое общество высоко ценило деятельность митрополита Евгения в его составе. Будучи секретарем московского общества, Снегирев писал Евгению: «Члены исторического общества свидетельствуют вашему преосвященству признательность за участие ваше, не охлаждаемо ничем в трудах их; чрез посредство ваше мы приобрели истинно действительного и почтенного по усердию члена. Если б поболее таких у нас было: какие оказало бы успехи сие Общество, имея цель столь благородную! Тогда бы возревновали и беспечнейшие; общее содействие одушевило бы и слабых»[1267].

После кончины митрополита Евгения московское историческое общество пожелало отдать дань уважения трудам ученого. Вот как писал об этом один член ОИДР и в прошлом Румянцевского кружка другому: «Недавно только прочитал в газетах о приятном для меня предложении Исторического общества написать о Заслугах

[1264] Евгений (Болховитинов), митр. Замечания… С. 121–123.
[1265] *Николаева Т.В., Чернецов А.В.* Указ. соч. С. 12–13; 49–51.
[1266] Письмо митр. Евгения (Болховитинова) А.Н. Оленину от 10 марта 1822 г. // ОР РНБ. Ф. 542. (Архив Олениных) Д. 211. Л. 3–4. Черновик этого письма с многочисленными правками митр. Евгения хранится в РГАДА. Ф. 1367 (Фонд митрополита Киевского Евгения (Болховитинова). Оп. 1. Д. 2.; Письмо митр. Евгения (Болховитинова) А.Н. Оленину от 25 июня 1822 г. // Там же. Л. 7–7 об.
[1267] Письмо И.М. Снегирева митр. Евгению (Болховитинову) от 16 апреля [1827–1828 гг.] // Чтения в ОИДР. Кн. 2. Ч. IV. М., 1892. С. 1–2.

отечественной истории и услугах самому обществу Митрополита Е[вгения][1268], ныне, в день его кончины обязанностью себе поставляю уведомить, как сочлена и как секретарь онаго, что я постараюсь исполнить это поручение и почтить память знаменитого мужа, который был истинным Меценатом. Для этой цели я войду в сношение с теми особами, с которыми покойный вел переписку, чтобы представить сколько можно полное и верное описание его деятельности на ученом поприще. Теперь должно сказать, что Евгений не основывал своего счастия и славы на несчастии и унижении других, что говоря правду открыто, не желал никому зла и не посягал на благоденствие ближнего. За то память его с похвалами»[1269]. Судьба этого сочинения не ясна, но известно о сохранении и начале изучения наследия митрополита Евгения членами исторического общества при Московском университете.

Каждое из научных сообществ, с которым сотрудничал Евгений, ставило перед ним различные вопросы научного характера. Наиболее активно и продуктивно митрополит Евгений действовал в рамках Румянцевского кружка, членов которого объединяло общее отношение к научной деятельности как к служению для блага Отечества. Неформальный характер кружка позволил ему в большей мере раскрыть свои организаторские таланты, которые впоследствии были реализованы в создании разных форм изучения российской истории в Киеве. Взаимодействие с Обществом истории и древностей российских соответствовало представлениям ученого о задачах исторической работы, но период оживления работы общества совпал с наибольшей загруженностью ученого-архиерея церковными делами, в связи с чем его участие в делах общества было эпизодическим. Благоприятные условия для сотрудничества с московским историческим обществом создавались также тем, что научные связи со многими его членами были уже давними и прочными.

Румянцевский кружок и ОИДР представляли собой разные формы научных сообществ, характерных для эпохи Просвещения[1270]. Они являлись не только

[1268] Здесь и далее подчеркнуто в оригинале.

[1269] Письмо И.М. Снегирева М.П. Погодину от 23 февраля 1838 г. // ОР РГБ. Ф. 231 / II. (Погодин) К. 30. Д. 59. Л. 1.

[1270] О других ученых обществах эпохи Просвещения см.: *Артемьева Т., Микешин М.* Интеллектуальные сообщества в России в эпоху Просвещения // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. 2. М., 2008. С. 223–233.

объединениями единомышленников[1271], среди которых разворачивалось широкое научное обсуждение актуальных вопросов, преимущественно заочное, но и механизмами продвижения научных знаний в общественное пространство, что способствовало формированию круга просвещенных читателей[1272], становившихся соавторами ученых и литераторов в создании публичной сферы как таковой.

Краснобаев, размышляя над содержанием русского просветительства как культурного явления, отмечал наряду с другими активность и стремление изменить положение вещей к лучшему как важные черты деятеля, которого можно отнести к просветителям. «Любовь к знанию, науке, театру как средству воспитания – неотъемлемая черта просветителя, для которого все это было одним из основных средств усовершенствования человеческих взаимоотношений и самого человека как такового»,[1273]– писал он. Всеми этими качествами обладал митрополит Евгений (Болховитинов), и история изучения Черниговской гривны показывает, что его научная деятельность имела просветительский характер.

[1271] «Науки знакомят и сближают симпатиею людей и чужеземных; а мы соотечественники, и как вы признаете, к одной цели стремимся», – писал митрополит Евгений члену Румянцевского кружка и ОИДР И.М. Снегиреву. См. : Письмо митр. Евгения (Болховитинова) И.М. Снегиреву от 3 января 1828 г. // Старина русской земли. Исследования и статьи И. Снегирева. СПб., 1871. С. 23.

[1272] Митр. Евгений в своем научном творчестве ориентировался на подготовленного и заинтересованного читателя. Он писал: «Я такого мнения, что такие хронологические записки для читателя – философа полезнее всех частных систематических историй». См.: Письмо митр. Евгения В.Г. Анастасевичу от 28 февраля 1815 г. // Русский архив. 1889. № 5. С. 39–40.

[1273] *Краснобаев Б.И.* Русская культура XVII– начала XIX в. М., 1983. С. 179.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Митр. Евгений (Болховитинов) (1767–1837) был типичным представителем ученого монашества, вышедшего из стен Славяно-греко-латинской академии времен митр. Платона (Левшина). Болховитинова, как и других деятелей этого круга, отличала подготовленность как к церковному, так и светскому служению, нацеленность на общение с представителями разных сословий, широкий кругозор. Болховитинов был одним из немногих платоновских воспитанников, показавших стремление и способности к научным занятиям и не принявшим монашество в годы учебы. Пострижение в монашество при Александро-Невской академии спустя десятилетие после окончания обучения стало итогом всего предшествующего жизненного пути, связанного с духовными школами, внешние обстоятельства лишь ускорили процесс самоопределения Евгения.

Принадлежность к ученому монашеству обуславливала двойственность положения Евгения. Ему предстояло выработать привычку к уединеным научным занятиям, и в то же время развивать навыки светского общения, необходимые для церковных иерархов, ряды которых в это время пополнялись из числа ученых монахов. Столкновение аскетического идеала нестяжания и послушания с реальными хозяйственными и административными задачами, стоящими перед префектом столичной академии и архимандритом, а впоследствии епископом Евгением требовали большой внутренней работы. В результате Евгению удалось выработать индивидуальный способ распределения времени и сил, позволявший ему совмещать разнородные виды деятельности без утраты работоспособности. Соединенное со светским духовное образование, полученное Болховитиновым, сформировало культурную модель поведения просвещенного человека, совмещающего служебные обязанности с занятиями наукой, литературным сочинительством, культурным досугом, интеллектуальным дружеским общением.

С самого начала епископского служения Евгения в Новгороде (1804) формируются основные направления его просветительской деятельности, наиболее важным из которых было духовное образование. Евгений изнутри изучил состояние

духовных школ, пройдя все ступени образования, преподавания и руководства, принимал участие в складывании системы духовного образования, на правах правящего архиерея входил во все проблемы епархиальных семинарий и училищ, уделяя особое внимание обеспечению учебного процесса и развитию научного направления. Административная деятельность Евгения была направлена на формирование «учительного священства», способного обеспечить религиозно-нравственное воспитание своей паствы. Он заботился об уровне образования, моральном облике духовенства своей епархии, о его материальном обеспечении, создавая условия для проповеднической и писательской деятельности священства. Евгению удавалось органично сочетать административные и хозяйственные занятия с научными изысканиями. Поездки по епархии с инспекционными целями становились одновременно археографическими и этнографическими экспедициями, дававшими Евгению обильные материалы как для принятия административных решений, так и для написания научных работ.

На каждом месте своего служения просвещенный архиерей становился частью местного общества, разделяя с соотечественниками их заботы и тяготы, открывая для них историю их малой родины. Евгений умел налаживать отношения с губернскими властями и пользовался их поддержкой для решения своих научных задач. Положение церковного иерарха давало Евгению материальные средства и определенную свободу в реализации своих просветительских взглядов в научной, административной и образовательной сферах, но накладывало ограничения, обязывая участвовать в высшем церковном управлении и государственных делах, чем он, как человек независимый, сугубо практический и не любивший интриг, тяготился. Результатом этого двойственного положения Евгения стало формирование различных его образов. В столичной литературе сохранилось представление о Евгении как о рационалисте-скептике, демонстрировавшим отсутствие государственного мышления и находившимся в плену устаревших взглядов, помешавших ему вполне реализовать свои карьерные устремления. Местные традиции изучения наследия Евгения создают образ неутомимого и деятельного пастыря, всей своей жизнью служившего идеалам добра и правды.

На формирование идейно-политических взглядов Болховитинова оказали влияние несколько существенных факторов. Первым из них было православное мировоззрение, складывавшееся под воздействием духовного образования и образа жизни в сословной среде духовенства, определявших соответствующую систему морально-нравственных предпочтений. Вторым фактором стал опыт общения с крупнейшим российским просветителем к. XVIII в. Новиковым, ставшим для Евгения образцом человека книжной культуры. Третий фактор – Французская революция – обусловила выбор такого направления просветительства, который мог привести к достижению общественного блага и социальному прогрессу в России без глубоких общественных потрясений. Это представлялось Евгению возможным при условии поддержки обществом реформаторских действий власти. Свою просветительскую задачу Евгений видел в реализации научной, литературной и пастырской деятельности.

Эстетические предпочтения Евгения, его любовь к классическим литературным образцам и высокой поэзии, развитый художественный вкус, разносторонние интересы привлекали к нему поэтов и литераторов, ученых и государственных деятелей, для которых он был просвещеным пастырем, соединявшим глубокую веру с занятиями, принятыми в светском обществе.

Изучение церковных проповедей и поучений позволяет раскрыть просветительские взгляды митр. Евгения (Болховитинова) по широкому кругу вопросов от философских и социально-политических до вероучительных и нравственных. Центральной темой для размышлений религиозного просветителя стало соотношение разума и веры в частной и общественной жизни христианина. Для митр. Евгения, известного своей насыщенной научной деятельностью, вера являлась средством преодоления ограниченности рационального познания, позволяющим человеческому разуму выйти за созданные им же самим пределы в постижении тайны бытия. Представляя человека как существо, чья данная Творцом природа предназначает его к реализации себя в обществе, митр. Евгений много размышлял об общественном устройстве, природе власти и гражданских обязанностях. Нравственное, основанное на вере и христианском благочестии исполнение всеми членами общества своего служения, созидающего общественное благо, по убеждению просветителя, могло стать

основой для устойчивых общественных отношений, являвшихся залогом сохранения Отечества, как совокупного наследства, полученного от предков.

Полемизируя с просветительскими идеями и концепциями, имевшими разрушительный для современного ему общественного уклада потенциал, митр. Евгений предлагал слушателям их осмысление в русле православной традиции. Применяя соответствующую своему времени рациональную систему доказательств, митр. Евгений наполнял социальные и политические идеи Просвещения христианским смыслом, предлагая взыскательному слушателю их интеллектуально и культурно приемлемую нравственную интерпретацию. Заботясь о совершенствовании умов и сердец вверенных ему христиан, митр. Евгений, как представитель умеренного просветительства, своей проповеднической деятельностью способствовал распространению идей и культурных моделей Просвещения, обладавших способностью изменять общественную жизнь, не подрывая ее основ.

Просветительские взгляды Болховитинова на религиозно-нравственное воспитание, которое должно было осуществляться во взаимодействии семьи и общества, распространялись им в церковных проповедях и реализовывались на практике в многолетнем преподавании и воспитании юношества в духовных школах Воронежа, Петербурга, Новгорода, Вологды, Калуги, Пскова и Киева.

Представления Болховитинова об истории как прогрессивном процессе имеют просветительскую основу. Концепция истории, предложенная Болховитиновым, включает историю России во всемирно-исторический процесс, развивающийся по одному и тому же непостижимому плану, заданному Творцом. Воплощение этого замысла в жизни человечества находит свое выражение в культуре, понимаемой как совокупность всех сторон жизненного уклада человеческого общества. История России представляет собой сменяющиеся эпохи процветания и упадка, зависящие от крепости государственных основ. Личные деяния государственных правителей и деятелей культуры составляют единую историческую картину. Такое понимание неразрывной связи политической и культурной истории получило свое воплощение в исторических работах ученого епископа.

Рассматривая каждую из своих провинциальных историй в общероссийском контексте, митр. Евгений поднимал источниковедческие и методологические вопросы, решение которых способствовало развитию исторической науки в целом. Размышления ученого об историческом процессе, его содержании, движущих силах, факторах расцвета и упадка государства и общества представлялись в его сочинениях в форме структурированного исторического материала, предназначенного образованному читателю.

Евгений стремился подчеркнуть уникальность исторического развития каждой части Российского государства. Двигаясь от факта к явлению, от частного к общему, от провинции к России, Евгений задавал направление для многих последующих местных исследователей, без работ которых общие исторические сочинения не имели бы необходимой глубины и точности.

Историческая и историографическая концепции Болховитинова во многом схожи. Они представляют собой историю прогрессивного развития науки, культуры, хозяйства, народного быта России, представленную в лицах правителей, ученых писателей, а также в безымянных деяниях предков.

Каждое из научных сообществ, с которым сотрудничал Евгений, ставило перед ним различные вопросы научного характера. Наиболее активно и продуктивно митрополит Евгений действовал в рамках Румянцевского кружка, членов которого объединяло общее отношение к научной деятельности как служению для блага Отечества.

Румянцевский кружок и ОИДР представляли собой разные формы научных сообществ, характерных для эпохи Просвещения. Они являлись не только объединениями единомышленников, среди которых разворачивалось широкое научное обсуждение актуальных вопросов, преимущественно заочное, но и механизмами продвижения научных знаний в общественное пространство, что способствовало формированию круга просвещенных читателей, становившихся соавторами ученых и литераторов в создании публичной сферы как таковой.

Деятельность митр. Евгения как религиозного просветителя была направлена на общество в целом без разделения на светскую и церковную сферу. Благодаря навыкам

светского общения, открытости к новым идеям и неподдельному интересу к различным научным достижениям, книжным новинкам и общественным явлениям, а также личной эрудиции и исследовательской активности, он осуществлял культурное взаимодействие между светскими и церковными интеллектуалами, предотвращая дальнейшее их расхождение и отчуждение.

СОКРАЩЕНИЯ

АН – Академия наук

Архим. – архимандрит.

Архиеп. – архиепископ.

ВОЛРС – Вольное общество любителей российской словесности

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

Еп. – епископ.

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения.

КДА – Киевская духовная академия.

МДА – Московская духовная академия.

Митр. – митрополит.

НИИ СПб ИИ РАН – Архив Научно-исследовательского института Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук

ОГУ – Оренбургский государственный университет.

ОИДР – Общество истории и древностей российских.

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

ОР ИРЛИ – Отдел рукописей Института русской литературы Российской Академии наук

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

Прот. – протоиерей

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

ПСТГУ – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РГИА – Российский государственный исторический архив

СбОРЯС АН – Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук

ТГПУ – Томский государственный педагогический университет.

ТОДР – Труды отдела древнерусской литературы.

ИСТОЧНИКИ

Архивные фонды

Государственный архив Российской Федерации (Москва)

Фонд 48 (Следственная комиссия (комитет) и Верховный уголовный суд по делу декабристов)

Фонд 728 (Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца. Санкт-Петербург)

Фонд Р 5965 (Шмурло Евгений Францевич)

Российский государственный архив древних актов (Москва)

Фонд 1367 (Митрополит Киевский Евгений (Болховитинов)).

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)

Фонд 138 (Костромское собрание).

Фонд 226 (А.А. Писарев).

Фонды 231/II, 231/III (М.П. Погодин).

Фонд 233 (С.Д. Полторацкий).

Фонд 255 (П.А., Н.П., Румянцевы).

Фонд 310 (В.М. Ундольский).

Фонд 344 (П.П. Шибанов)

Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)

Фонд 445 (А.Д., Г.А. Чертковы)

Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

Фонд 46 (В.М. Перевощиков).

Фонд 402 (С.И. Пономарев).

Фонд 1354 (Коллекция рукописей).

Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

Фонд 797 (Канцелярия обер-прокурора Синода).

Отдел рукописей Института русской литературы Российской Академии наук (Санкт-Петербург)

Фонд 123 (Собрание А.Е. Бурцева).

Фонд 154 (И.Н. Лобойко).

Фонд 166 (Л.Н. Майков).

Фонд 357 (Собрание В.П. Яковлева).

Фонд 361 (И.М. Снегирев. Собрание П.Я. Дашкова).

Фонд 527 (А.И. Михайловский-Данилевский).

Фонд 603 (Н.Н. Мурзакевич).

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

Фонд 325 (А.В. Казадаев).

Фонд 328 (К.Ф. Калайдович).

Фонд 440 (И.Н. Лобойко).

Фонд 542 (А.Н., А.А., В.А., Г.Н., А.Г. Оленины).

Фонд 585 (С.Ф. Платонов).

Фонд 1000 (Собрание автографов).

Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (Санкт-Петербург)

Фонд 8 (Российская Академия).

Фонд 30 (П.И. Кеппен).

Фонд Р–IV (Отдельные рукописи и документы).

Архив Научно-исследовательского института Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук (Санкт-Петербург)

Фонд 238 (Коллекция Н.П. Лихачева).

Законодательные акты

1) Высочайше утвержденный Устав народным училищам в Российской империи. 5 августа 1786 г. № 16421 // ПСЗРИ. Собрание первое. Т.XXII. СПб.: Печатано в

типографии II Отделения Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830. С. 646–669.

2) Именной указ О Высочайше утвержденных штатах департаментов: министра военных сухопутных сил, министра юстиции, министра внутренних дел, министра финансов, министра коммерции и министра народнаго просвещения. 7 генваря 1803 г. № 20582 // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXVII. СПб.: Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830. С. 424–425.

3) Именной указ О обучении поповских и дьяконских и прочих церковнослужительских детей в греческой и латинских школах, о непосвящении в попы и дьяконы тех, которые учиться не похотят и о неприем оных ни в какие чины кроме солдатского звания. 11 ноября 1710 г. № 2308 // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. IV. СПб.: Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830. С. 581.

4) Именной указ О составлении плана для заведения университетов в Пскове, Чернигове и Пензе. 29 генваря 1786 г. № 16315 // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXII. СПб.: Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830. С. 526–527.

5) Именной указ О усовершении Духовных училищ; о начертании правил для образования сих училищ и составлении капитала на содержание духовенства. 26 июня 1808 г. № 23122 // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXX. СПб.: Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830. С. 368–395.

6) Именной указ Об определении поповских и диаконских детей в греческия и латинския школы, о непосвящении в попы и диаконы тех, которыя учиться в оных школах не пожелают и о непринимании их ни в какие чины кроме воинской службы. 15 генваря 1708 г. № 2186 // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. IV. СПб.: Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830. С. 401.

7) Именной указ, данный Синоду О звании монашеском, об определении в монастыри отставных солдат и об учреждении семинарии и госпиталей. 31 января 1724

г. № 4450 // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. VII. СПб.: Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830. С. 232–233.

8) Манифест о совершении приговора над Государственными преступниками. 13 июля 13 1826 г. № 465 // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. I. СПб.: Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830. С. 773–774.

9) О правилах производства в статские чины. 16 декабря 1790 г. № 16930 // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXIII. СПб.: Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830. С. 201–203.

10) Распоряжения Святейшаго Синода по случаю отбытия в Москву к торжеству Священнаго Коронования и о составе временной С.-Петербургской Синодальной конторы. 7 июля 1826 г. № 64 // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православнаго исповедания Российской империи: Царствование императора Николая I. Т. I. Петроград: Типография I-й Петроградской Трудовой Артели, 1915. С. 77–78.

11) Регламент или Устав Духовной коллегии. 25 генваря 1721 г. № 3718. Дела епископов. § 8 // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. VI. СПб.: Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830. С. 323–324.

12) Устав общества истории и древностей Российских, высочайше одобренный января 21-го дня 1811 года // Записки и труды Общества истории и древностей российских. М.: При университетской типографии, 1815. Часть 1. С. 1–24.

Рескрипты

13) Высочайший рескрипт на звание митрополита Киевскаго. 26 марта 1822 г. // Киевские епархиальные ведомости. 1868. № 3. С. 652–653.

14) Рескрипт Екатерины II П. В. Завадовскому о подготовке учителей для Главных народных училищ (1788) // *Рыжов А.Н., Гончаров М.А.* История российского образования в документах и материалах (XI–XVII вв.). М.: Интеллект-центр, 2012. С. 384.

Делопроизводственная документация

15) Следственное дело В.И. Штейнгеля // Восстание декабристов. Документы. Т. XIV. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии. Под. ред. акад. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1976. С. 147–193.

16) Протоколы заседаний Верховного уголовного суда // Восстание декабристов. Документы. Т. XVII. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии. Под. ред. акад. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1980. С. 75–82, 93–95, 142–250.

Официальные документы

17) Голос, представленный комитету Благодетельнаго общества членом онаго архимандритом Евгением, 29 октября 1802 г. // *Ивановский А.Д.* Высокопреосвященный Евгений, митрополит Киевский и Галицкий. Сборник материалов для биографии митрополита Евгения, изданный в память столетнего юбилея его рождения 18 декабря 1767–1867 гг. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1871. С. 155–158.

Научные работы

18) *[Болховитинов Е.А.]* Историческое рассуждение вообще о древнем христианском богослужебном пении, и особенно о пении российския церкви с нужными примечаниями на оное и с присовокуплением другаго краткаго рассуждения о том, что алтарныя украшения нашей церкви сходны с древними, оба читанныя в публичных собраниях. Воронеж: Типография губернскаго правления, 1799. – 26 с.

19) *[Болховитинов Е.А.]* Полное описание жизни преосвященнаго Тихона, бывшаго прежде епископа Кексгольмскаго и Ладожскаго и викария Новогородскаго, а потом епископа Воронежскаго и Елецкаго, собранное из устных преданий и записок очевидных свидетелей с некоторыми историческими сведениями, касающимися до Новогородской и Воронежской иерархий, изданное особенно для любителей и почитателей памяти сего преосвященнаго В[оронежской] с[еминарии] п[рефектом]

п[ротоиереем] п[авловским] Е[вфимием] Болховитиновым. СПб.: В типографии корпуса чужестранных единоверцев, 1796. – 78 с.

20) *[Евгений (Болховитинов), архиеп.]* Описание жизни и подвигов преосвященнаго Тихона, епископа Воронежскаго и Елецкаго, собранное для любителей и почитателей памяти сего преосвященнаго. Издание второе, вновь пересмотренное, исправленное и умноженное. М.: В типографии С. Селивановскаго, 1820. – 120 с., М.: В Синодальной типографии, 1856. – 105 с.

21) *[Болховитинов Е.А.]* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из историй, архивских записок и сказаний В[оронежской] с[еминарии] п[рефектом] п[авловским] п[ротоиерем] Е[вфимием] Болховитиновым Воронеж: В типографии губернскаго правления, 1800. – 229 с.

22) *[Болховитинов Е.А.]* Рассуждение о надобности греческаго языка для богословии и об особенной пользе его для российскаго языка. Читано в публичном собрании 1793 года июля 13 дня в Воронежской семинарии. Воронеж: В типографии губернскаго правления, 1800. – 17 с.

23) *[Болховитинов Е.А.]* Три рассуждения. I. О греческом языке. II. О церковном пении. III. Об алтарных украшениях. Воронеж: В типографии губернскаго правления, 1800. – 48 с.

24) *[Евгений (Болховитинов), архиеп]* Описание Благовещенско-Никандровой пустыни. Дерпт: Типография И. Х. Шихмана, 1821. – 32 с.

25) *[Евгений (Болховитинов), архиеп]* Описание Иоанно-Предтеченскаго женскаго монастыря. Дерпт: Типография И. Х. Шихмана, 1821. – 15 с.

26) *[Евгений (Болховитинов), архиеп]* Описание монастырей Иоанно-Богословскаго Крыпецкаго и Рождество-Богородицкаго Снетогорского с прибавление списка преосвященных архиереев Псковских. Дерпт: Типография И. Х. Шихмана, 1821. – 54 с.

27) *[Евгений (Болховитинов), архиеп]* Описание Псково-Печерскаго первоклассного монастыря. Дерпт: Типография И. Х. Шихмана, 1821. – 60 с., 1832. – 63 с.

28) *[Евгений (Болховитинов), архим.]*. Исторический отрывок о Иоанне Смере, половчанине, придворном враче Владимира I, великаго князя Киевскаго // Друг Просвещения. 1804. Ч. II. № 5. С. 137–138.

29) *[Евгений (Болховитинов), архим.]*. Критическия примечания на рецензию моравского дворянина Ганке де Ганкенштейна // Любитель словесности. 1806. Ч. 2. Май. С. 140–153

30) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Замечания об уставных и губных грамотах // Вестник Европы. 1813. № 21. С. 44–51.

31) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Известие о первом российском посольстве в Японию под начальством поручика Адама Лаксмана. М.: Типография П. Бекетова, 1805. – 30 с.

32) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Исторические разговоры о древностях Великаго Новагорода. М.: В губернской типографии у А. Решетникова, 1808. – 98 с.

33) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое известие о митрополите Петре Могиле // Вестник Европы. 1813. № 21. С. 35–44.

34) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое известие о Максиме Греке // Вестник Европы. 1813. № 21. С. 21–35.

35) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ея состоянии. СПб.: В типографии Шнора, 1802. – 100 с.

36) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Историческое обозрение российскаго законоположения. С присовокуплением сведений: I) О старинных московских приказах, существовавших до времен Петра Великаго; II) О старинных чинах в России; III) О преждебывших в Малороссии присутственных местах и чинах. СПб.: Типография И. Глазунова, 1826. – 131 с.

37) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* История Княжества Псковскаго с присовокуплением плана города Пскова. Киев: Типография Киево-Печерской лавры, 1831. Ч. 1 – 322 с., Ч. 2 – 144 с., Ч. 3 – 172 с., Ч. 4 – 192 с.

38) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Летопись древняго славено-русскаго княжескаго города Изборска. СПб.: В типографии А. Смирдина, 1825. – 62 с.

39) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Новый опыт исторического словаря о российских писателях // Друг просвещения. 1805. Ч. I. С. 35–38.

40) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* О древностях вологодских и зырянских // Вестник Европы. 1813. № 17. С. 27–47.

41) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* О личных собственных именах у славянороссов // Вестник Европы. 1813. № 13. С. 16–28.

42) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* О разных родах присяг у славенороссов // Вестник Европы. 1813. № 13. С. 28–39.

43) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* О славянорусских типографиях // Вестник Европы. 1813. № 14. С. 104–129.

44) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* О старинной славено-русской арифметике // Вестник Европы. 1813. № 17. С. 47–54.

45) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Об осаде Пскова в 1581 году. Псков: Слав[янская] типография, 1881. – 66 с.

46) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных грамот и выписок, объясняющих оное, также планов лавры и обеих пещер. Киев: Типография Киево-Печерской лавры, 1831. – 366 с., 1847. – 340 с.

47) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Описание Киево-Софийского собора и киевской иерархии с присовокуплением разных грамот и выписок, объясняющих оное, также планов и фасадов константинопольской и киевской софийской церкви и ярославова надгробия. Киев: Типография Киево-Печерской лавры, 1825. – 291 с.

48) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* План первобытной киевской Десятинной Богородицкой церкви с объяснениями онаго // Отечественные записки. 1825. Ч. 21. Кн. 59. С. 380–403.

49) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Прибавление к Синопсису Киевскому, содержащее современные росписи Великих князей, царей и императоров Всероссийских, польских Великих князей, удельных российских князей, митрополитов Киевских и всея России, малороссийских гетманов, монголо-татарских Великих ханов и удельных крымских киевских воевод и кастелланов бывших под польским правлением // Киевский Синопсис или краткое собрание от различных летописцов о начале славенороссийскаго народа и первоначальных князех богоспасаемаго града Киева. Киев: Типография Киево-Печерской лавры, 1823. С. 1–105.

50) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Примечание на грамоту Великого князя Мстислава Володимировича, и сына его Всеволода Мстиславича, удельного князя новгородского, пожалованную новгородскому Юрьеву монастырю // Вестник Европы. 1818. № 15. С. 200–249.

51) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, грекороссийския церкви. Ч. I–II. СПб.: В типографии Н. Греча, 1818. – 710 с.

52) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев. М.: Университетская типография, 1838. – 367 с., М.: Московитянин, 1845. Ч. I. – 328 с., Ч. II. – 290 с.

53) *[Евгений (Болховитинов), митр.]* Уставная грамота царя Ивана Васильевича, данная Двинским тиуном и их наместником о доходах и о прочем; Уставная грамота, данная от царя Ивана Васильевича двинянам; Губная грамота, данная от царя Ивана Васильевича белоезерцам, с примечаниями и изъяснениями на все три // Русские достопамятности, издаваемые ОИДР, учрежденным при Императорском Московском Университете. Часть 1. М.: В университетской типографии, 1815. С 125–165.

54) *Берлинский М.Ф.* Объяснение изображений на медали, найденной подле Чернигова в 1821 г. // Труды Вольного общества любителей российской словесности. 1822. № 1. Ч. XII. С. 322–325.

55) *Варвинский Г.* О надписи на Черниговской гривне // Труды и записки ОИДР, учрежденнаго при Императорском Московском университете. Ч. III. М.: В университетской типографии, 1826. С. 126–130.

56) *Евгений (Болховитинов), митр.* Замечания о черниговской гривне // Труды и летописи ОИДР, учрежденнаго при Императорском Московском университете. Ч. IV. М.: В университетской типографии, 1833. С. 121–123.

57) *Евгений (Болховитинов), митр.* О древностях, найденных в Киеве // Труды и записки ОИДР, учрежденнаго при Императорском Московском университете. Ч. III. Кн. I. М.: В университетской типографии, 1826. С. 152–163.

58) *Евгений (Болховитинов), митр.* О следах древняго греческаго города Херсона, доныне видимых в Крыму // Труды и летописи ОИДР, учрежденнаго при

Императорском Московском университете. Ч. IV. Кн. I. М.: В университетской типографии, 1828. С. 102–115.

59) *Евгений (Болховитинов), митр.* Сведение о Кирике, предлагавшем вопросы Нифонту епископу Новгородскому // Труды и летописи ОИДР, учрежденнаго при Императорском Московском университете. Ч. IV. Кн. I. М.: В университетской типографии, 1828. С. 122–129.

60) История российской иерархии, собранная Новгородской семинарии ректором и богословии учителем, бывшим Антониева, а ныне Юрьевскаго Новгородскаго монастыря архимандритом Амвросием [Орнатским]. М.: При Синодальной типографии, 1807. Ч. 1.– 643 с., Ч. 2. 1810. – 658 с., Ч. 3. 1811. – 761 с., Ч. 4. 1812. – 887 с., Ч. 5. 1813. – 737 с., Ч. 6. 1815. – 1148 с.

61) *Казадаев А.В.* Историческое похвальное слово Дмитрию Донскому. СПб.: Типография Крайя, 1827. – 344 с.

62) *Калайдович К.Ф.* О древних русских медалях // Северный архив. 1823. № 3. С. 240–242.

63) *Каченовский М.Т.* Разыскание по поводу старинной золотой медали, недавно открытой // Вестник Европы. 1822. № 4. С. 285–289; № 5. С. 45–51, 118–128; № 6. С. 181–195; № 15. С. 339–340, 345.

64) *Михайловский-Данилевский А.М.* Записки 1814 и 1815 годов. СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1832. – 370 с.

65) *Нечаев С.Д.* Замечание о старинном медном образе // Труды и записки ОИДР, учрежденнаго при Императорском Московском университете. Ч. III. М.: В университетской типографии, 1826. С. 131–137.

66) *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях: из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий. СПб.: [Типография АН], 1772. – 264 с.

67) Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб.: В типографии И. Глазунова, 1831. – 408 с.

68) *Санглен Я.И.* О медали Черниговской // Труды и записки ОИДР, учрежденнаго при Императорском Московском университете. Ч. III. М.: В университетской типографии, 1826. С. 110–125.

69) Словарь Российской Академии, по азбучному порядку расположенный. СПб.: При Императорской Академии наук, 1789–1794. Ч. 1. – 1140 с., Ч. 2. – 1200 с., Ч. 3. – 1388 с., Ч. 4. – 1272 с., Ч. 5. – 1084, Ч. 6. – 1064; 1806–1822. Ч. 1. – 1310 с., Ч. 2. – 1178 с., Ч. 3. – 1414 с., Ч. 4. – 1536 с., Ч. 5. – 1142, Ч. 6. – 1478 с.

70) *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. Кн. 4. СПб.: При Московском университете, 1784. – 595 с.

71) *Morgenstern K.S.* Commentatio de numismate Basilii Tshernigoviae nuper efosso. Dorpat: ex officina academica, 1824–1826. – 33 p.

72) *[Schlözer A.L.]* Несторъ. Russische Annalen in ihrer Slavonischen GrundSprache: verglichen, von SchreibFelern und Interpolationen möglich gereinigt, erklärt, und übersetzt, von August Ludwig von Schlözer, Hofrath und Professor der StatsWissenschaften in Göttingen, des Kaiserl[ichen] Russischen Ordens des heil[igen] Wladimirs 4ter Klasse Ritter. 1–2. Göttingen, 1802. – 459 p.

Студенческие работы, учебные пособия

73) *[Баумейстер Ф.Х.]* Христиана Баумейстера Метафизика. Перевод с латинскаго [Александра Павлова] вновь высмотрен и на многих местах исправлен профессором Дмитрием Синьковским. Издание 2-е. М.: В университетской типографии у Н. Новикова, 1789. – 251 с.

74) *[Баумейстер Ф.Х.]* Християна Бауместера Логика. Перевод с латинскаго [Александра Павлова]. Изд. 2-е. М.: Типографическая компания, 1787. – 240 с.

75) *[Баумейстер Ф.Х.]* Нравоучительная философия, содержащая естественное право, этику, политику, экономию и другия вещи, для знания нужныя и полезныя. Перевел с латинскаго языка профессор Дмитрий Синьковский. М.: Типографическая компания, 1788. – 324 с.

76) *[Болховитинов Е.А.]* Новая латинская азбука, содержащая, кроме обыкновенных начатков латинскаго языка, обстоятельное показание произношения и правописания как

древняго, так и новаго; также краткий словарь, расположенный по алфавиту, заключающий в себе все первоначальныя латинския речения и образ их грамматических перемен, с прибавлением греческих слов, употребительнейших в латинском языке, потом краткие учтивые разговоры и выражения, могущия быть употребляемы в письмах; наконец подробный и ясный римский календарь.: В пользу российскаго юношества изданная иждивением М. Петрова. М.: Типография Пономарева, 1788. – 64 с.

77) *[Ломоносов М.В.]* Краткой российской летописец с родословием. СПб.: При Императорской Академии наук, 1760. – 75 с.

78) *[Рамзай Э.М.]* Новое Киронаставление или путешествия Кировы с приложенными разговорами о богословии и баснотворстве древних, сочиненная г. Рамзеем. С французского на российский язык перевел Авраам Волков. М.: При Императорском Московском университете, 1765. – 212.

79) *[Фрейер И.]* Краткая всеобщая история, с продолжением оной до самых нынешних времен и присовокуплением к ней российской истории: Для употребления учащагося юношества с немецкаго на российской язык переведена, исправлена и умножена при Императорском Московском университете. М.: При Императорском Московском университете, 1769. – 500 с.

80) Историческое исследование о соборах Россиския церкви, читанное в публичном собрании Санкт-Петербургской Александроневской академии 1803 года, генваря 8 дня кандидатом богословии и информатором нижшаго немецкаго класса Михаилом Сухановым, при отпуске его из академии в Иркутскую семинарию, из коей прислан он был для образования к учительской должности. СПб.: При Святейшем Синоде, 1803. – 37 с.

81) Историческое рассуждение о чинах грекороссийския церкви, читанное в публичном собрании Санкт-Петербургской Александроневской академии 1805 года, февраля 16 дня кандидатом богословии и информатором греческаго, латинскаго и французскаго языков Димитрием Малиновским, присланным из Тверской семинарии для образования к учительским должностям. СПб. При Святейшем Синоде, 1805. – 93 с.

82) Опыты упражнений воспитанников Киевской Духовной Академии пятого учебнаго курса. Т. I. Киев: Типография академическая при Киево-Печерской лавре, 1832. – 419 с.

83) *Платон (Левшин), митр.* Краткая российская церковная история. М.: Синодальная типография, 1805. Т. 1. – 388 с., Т. 2. – 352 с.

84) Рассуждение о книге, именуемой Православное исповедание веры соборныя и апостольския церкве восточныя, сочиненной киевским митрополитом Петром Могилою, читанное в публичном собрании Санкт-Петербургской Александроневской академии 1804 года, генваря 25 дня кандидатом богословии Алексеем Болховским, при отпуске его из академии в Воронежскую семинарию, для коей образован он был к учительской должности. СПб.: При Святейшем Синоде, 1804. – 32 с.

85) Рассуждение о начале, важности и знаменований церковных облачений, читанное 1803 года сентября 29 дня в публичном собрании Санкт-Петербургской Александроневской академии кандидатом богословии Константином Китовичем, при отправлении в Белорусскую семинарию, из коей он был прислан для образования к учительской должности. СПб.: При Святейшем Синоде, 1804. – 36 с.

86) Рассуждение о соборном деянии, бывшем в Киеве 1157 года на еретика Мартина, читанное в публичном собрании Санкт-Петербургской Александроневской академии 1804 года, генваря 21 дня кандидатом богословии Иваном Лавровым, при отпуске его из академии во Псковскую семинарию, из коей прислан он был для образования к учительской должности. СПб.: При Святейшем Синоде, 1804. – 43 с.

87) *Роллен Ш.* Древняя история об египтянах о карфагенянах об ассирианах о вавилонянах о мидянах, персах о македонянах и о греках, сочиненная чрез г. Ролленя бывшаго ректора Парижскаго университета, профессора элоквеции и прочая, а ныне с француссkаго переведенная чрез Василья Тредиаковскаго профессора элоквеции и члена Санкт-Петербургския Имп[ераторской] Академии наук. СПб.: При Императорской Академии наук, 1749–1762. Т. 1. – 342 с., Т. 2. – 346 с., Т. 3. – 427 с., Т. 4. – 335 с., Т. 5. – 370 с., Т. 6. – 412 с., Т. 7. – 367 с., Т. 8. – 398 с., Т. 9. – 342 с., Т. 10. – 561 с.

88) *Роллен Ш.* Римская история от создания Рима до битвы Актийския то есть по окончание Республики [в 16 т.] / сочиненная г. Ролленем, преждебывшим ректором

Парижскаго университета, профессором красноречия, и членом Королевския академии надписей и словесных наук; с французскаго переведенная тщанием и трудами Василья Тредиаковскаго профессора и члена Санкт-Петербургския имп. Академии наук. СПб.: [Типография АН], 1761 – 1767. Т. 1. – 338 с., Т. 2. – 324 с., Т. 3. – 288 с., Т. 4. – 278 с., Т. 7. – 328 с., Т. 9. – 348 с.,Т. 10. – 304 с., Т. 13. – 347 с., Т. 14. – 320 с., Т. 15. – 316 с., Т. 16. – 396 с.

89) *Роллен Ш.* Способ, которым можно учить и обучаться словесным наукам. Сочинен г. Ролленом, а с французскаго на российской язык переведен Иваном Крюковым. СПб.: При Императорской Академии наук, 1774–1783. Ч. 1. – 338 С., Ч. 2. – 295 с., Ч. 3. – 246 с., Ч. 4. – 212 с., Ч. 5. – 190 с., Ч. 6. – 348 с., Ч. 7. – 180 с., Ч. 8. – 222 с.

90) *Янкович де Мириево Ф.И.* Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи. СПб.: В типографии Комиссии об учреждении училищ, 1799. – 191 с.

91) *[Buddeus J.F.].* Institutiones theologicae dogmaticae. Lpz., 1723. – 1600 p.

92) *Mosheim J.L.* Institutiones historiae ecclesiasticae antiguae et recentioris / Johann Lorenz von Mosheim. Helmstadii: Apud Crist. Frid. Weygand. 1764. – 956 p.

Переводы

93) *[Болховитинов Е.А.]* Парнасская история, заключающаяся в двух книгах из которых первая содержит описание горы Парнасса, находящихся на нем строений, окрестных потоков, источников, болот, лесов и обретающихся там животных; а вторая жителей, правления, чинов, судилищ, жертвоприношений, праздников и торгов парнасских. Переведена с[тудентом]. Евф[имием] Болх[овитиновым]. М.: Типография Пономарева, 1788. – 72 с.

94) *[Кокле Л.]* Похвальное слово чему-нибудь, посвященное от сочинителя кому-нибудь, а от переводчика никому, с присовокуплением похвального письма ничему / [Перевод Евгения (Болховитинова)]. М.: Типография Пономарева, 1787. – 47 с.

95) *[Марешаль П.С.]* Прекрасная полонянка: истинная повесть о кораблекрушении и плене девицы Аделины, графини де Сент Фаржель, на шестнатцатом году ея возраста, в краях Алжирскаго государства, в 1782 году. М.: Типография Пономарева, 1787. – 56 с.

96) *[Нонnот К.Ф.]* Вольтеровы заблуждения, обнаруженные аббатом Ноннотом. Переведена с французского оригинала последнего шестого издания семинарии студентами богословии [Под редакцией Е.А. Болховитинова]. М.: Типография Пономарева, 1793. Ч. 1. – 379 с. Ч. 2. – 375 с.

97) Опыт о человеке. Поэма г-на Попе. М.: Типография Пономарева, 1806. – 112 с.

98) *[Трюбле Н.Ш.Ж.]* Размышления о красноречии вообще и особенно о проповедническом красноречии, из сочинений г. аббата Трюблета, переведенные в Воронежской семинарии для пользы юношества, воспитывающегося в той же семинарии. М.: Типография Селивановского и товарища, 1793. – 157 с.

99) *[Фенелон Ф.]* Краткое описание жизней древних философов с присовокуплением отборнейших их мнений систем и нравоучений, сочиненное г. Фенелоном, архиепископом Кабрийским. М.: Типографическая компания, 1788. – 344 с.

100) *[Эйкенсайд М.]* Удовольствия от способности воображения: аглинская поэма в трех песнях, сочинения г. Акенсида;с французскаго на российской язык переведена с[тудентом] Евфимом Болховитиновым. М.: Типография Ф. Гиппиуса, 1788. – 151 с.

Публицистика, проповеди

101) *[Болховитинов Е.А.]* Избранныя поучения преосвященнаго Иннокентия бывшаго епископа Воронежскаго, проповеданныя им во время своего правления епархиею с 1788 года сентября 17 по 1794 года апреля 15, с приобщением Краткаго начертания жизни и кончины его. Собрал и издал Воронежской семинарии префект, павловский протоиерей Евфимий Болховитинов. Воронеж: Типография губернскаго правления, 1799. – 159 с.

102) *[Болховитинов Е.А.]* Слово надгробное преосвященному Иннокентию епископу Воронежскому, преставльшемуся в бозе сего 1794 года апреля 15 дня то есть в субботу светлыя недели, говоренное по совершении божественныя литургии при начале погребательнаго молитвословия в Воронежском Благовещенском соборе, того же апреля 19 числа, с присовокуплением к тому речи и разговора стихами, говоренных также над гробом пред последним целованием тела, и с приложением Краткаго летописца преосвященных воронежских от основания епископскаго престола в Воронеже до

нынешняго времени. М.: Типография Пономарева, 1794. – 36 с., Воронеж: В типографии губернскаго правления, 1799. – 50 с.

103) *[Болховитинов Евфимий, прот.]* Речь в похвалу ея императорскаго величества Екатерины II самодержицы всероссийской при случае торжества о бракосочетании его императорскаго высочества благовернаго государя и великаго князя Константина Павловича с ея императорским высочеством благоверною государынею великою княжною Анною Феодоровною, говоренная февраля 9 дня 1796 года. М., 1796. – 9 с.

104) *[Болховитинов Евфимий, свящ.]* Слово на погребение Ея Превосходительства Генерал-Поручицы Наталии Димитриевны Чертковой, скончавшейся мая 21 дня 1790 года в Воронеже // *Зверев Ст[ефан], свящ.* Надгробное слово префекта Евфимия Болховитинова. Сергиев-Посад: Во 2-ой типографии А.И. Снегиревой, 1896. – 8 с.

105) *[Карамзин Н.М.]* Великий муж русской грамматики // Вестник Европы. № 7. 1803. С. 200–212.

106) *[Полевой Н.А.]* Современная русская библиография. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина грекороссийской церкви // Московский телеграф. 1828. № 3. С. 413–415.

107) *Анастасевич В.Г.* Любопытное известие о золотой гривне, найденной в Чернигове // Отечественные записки. № 20. 1821. С. 425–442.

108) *Бантыш-Каменский Д.Н.* Евгений Болховитинов // Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. II. СПб.: Типография штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1847. С. 1–10.

109) *Бецкой И.И.* [Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества, конфирмованное ея имп. величеством 1764 года марта 12 дня].—[СПб.]:[Сенат. тип.], [1764]. – 4 с.

110) *Кант И.* Ответ на вопрос: что такое Просвещение? (1784) // Собр. соч. Т. 6. М.: Мысль, 1966. . С. 25–35.

111) *Кондорсе Ж.А.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Esquisse d'un tableau historique des progres de l'esprit humain (1795). Перевод И. А. Шапиро. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. – 265 с.

112) *Новиков Н.И.* [Причина всех заблуждений человеческих есть невежество, а совершенства знание] // Н. И. Новиков. Избранные произведения. М., Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1951. С. 405–413.

113) Опыт народнаго воспитания или Чертеж наук в пользу юношества сочиненный г. Людовиком-Ренатом де Карадюк де ла Шалотом, королевским Бретанскаго парламента генералом прокурором. Перевел с французскаго Р. Гвоздиковский. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1770. – С. 2.

114) Памятный церковный календарь. М.: При Синодальной типографии, 1803. – 189 с.

115) Пастырское увещание о прививании предохранительной коровьей оспы. СПб.: При Святейшем Синоде, 1811. – 22 с.; М., 1811; СПб.: В медицинской типографии, 1813. – 32 с.; СПб.: В медицинской типографии, 1827. – 32 с.

116) *Прокопович-Антонский А.А.* О воспитании М.: Издательство Московского университета, 1818. – 74 с.

117) Речь Святейшему Синоду, говоренная архимандритом Евгением при наречении его Старорусским епископом. СПб.: При Святейшем Синоде, 1804. – 2 с.

118) Слово на день торжественного воспоминания и Господу Богу благодарения о поражении врагов Отечества нашего, и о прогнании их из пределов Калужския губернии, проповеданное в Калужской Иоаннопредтеченской церкви окт. 12 1813 года епископом Калужским и Боровским и Кавалером Евгением. М.: В Синодальной тип., 1813. – 14 с.

119) Собрание поучительных слов, в разные времена и в разных епархиях проповеданных, святейшаго правительствующаго Синода и Комиссии духовных училищ членом Евгением митрополитом Киевским и Галицким, Киево-Печерской лавры Священно-архимандритом и разных орденов кавалером. Ч. I–IV. Киев: В типографии Киево-Печерской Лавры, 1834. Ч. I. – 440 с.; Ч. II. – 447 с.; Ч. III. – 490 с.; Ч. IV. – 323 с.

120) *Теплов Г.Н.* Начальное рассуждение о плане для учреждения публичных училищ // Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX вв. / Сост. С.В. Рождественский. СПб., 1910. С. 5–9.

Переписка, мемуары, биографии, маргиналии

121) «Благодетели мои и моего рода». Воспоминания священника-археолога М.Я. Диева с предисловием А.А. Титова // Русский архив. 1891. № 5. С. 78–79.

122) *Барсов Е.В.* Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными // Чтения ОИДР. 1882. Кн. 1. Январь–март. С. 1–334.

123) Биография Евгения митрополита Киевского // *[Евгений (Болховитинов) митр.]* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев. Т. I–II. М.: Университетская типография, 1845. С. 4–5.

124) Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевскаго) к воронежскому приятелю его Василию Игнатьевичу Македонцу // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 769–870.

125) Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива. Письма 1812 г. // Русский архив. 1866. Вып. 2. С. 217–254.

126) Духовное завещание Киевскаго митрополита Евгения Болховитинова // Русский архив. 1909. № 6. С. 204–206.

127) Записки графа М.Д. Бутурлина //Русский архив. 1897. № 8. С. 592–596.

128) Записки Н.Н. Мурзакевича (1806–1883) // Русская старина. 1887. Т. 53. С. 16–46; 263–298; 651–666.

129) Из писем митрополита Евгения Болховитинова в Дерпт к профессору В.М. Перевощикову // Русский архив. 1890. Вып. 12. С. 425–448.

130) Извлечения из писем пр. Евгения к Г.Н. Городчанинову // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. С. 47–56.

131) *Марковский П.С.* Из воспоминаний о митрополите Евгении // Киевския епархиальныя ведомости. 1794. № 10. 272–280.

132) Митрополит Серафим на Сенатской площади 14-го декабря 1825 г. // Исторический вестник. Т. XCIX. СПб., 1905. С. 166–172.

133) Воспоминания и автобиография одесскаго протоиерея Николая Ивановича Соколова // Киевская старина. 1906. Т. 94. Кн. 2. Октябрь. С. 155–197.

134) Письма Киевскаго митрополита Евгения к игумену (впосл[едствии] архимандриту) Серафиму Покровскому. (1822 – 1837). Киев: Типография АО «Петр Барский в Киеве», 1913. – 156 с.

135) *Лобойко И.Н.* Мои воспоминания. Мои записки. М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 323 с.

136) *Лорер Н.И.* Записки моего времени. Воспоминания о прошлом // Мемуары декабристов. М.: Правда, 1988. С. 313–545.

137) *Максимович М.А.* Письма о Киеве. М.: Типография М.П. Погодина, 1869. – 90 с.

138) Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 2. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1873. – 504 с.

139) Переписка Евгения с А.И. Ермолаевым // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. С. 238–246.

140) Переписка Евгения с Державиным. Чтение Я.К. Грота. С приложением писем преосвященнаго к графу Хвостову и К.К. Гирсу. СПб.: Типография Академии наук, 1868. – 216 с.

141) Переписка митрополита Евгения (Болховитинова) с А.Ф. Воейковым, П.М. Строевым, И.М. Снегиревым, П.М. Бекетовым // Чтения в ИОИДР при Московском Университете. Кн. 2. Ч. IV. М., 1892. С. 1–9.

142) Переписка митрополита Евгения с А.Н. Олениным // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. С. 34–35.

143) Переписка митрополита Евгения с И.М. Снегиревым // Чтения ОИДР. 1892. Кн. 2. Ч. IV. С. 1–9.

144) Переписка митрополита Евгения с К.Ф. Калайдовичем // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. С. 94–95.

145) Переписка митрополита Евгения с П.И. Кеппеном // ЖМНП. 1867. № 12. С. 727–728.

146) Переписка митрополита Киевскаго Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с

1813 по 1825 г. включительно). Вып. 1–3. Воронеж: Издательство Воронежского губернского статистического комитета, 1868–1872. – 125 с.

147) Письма Е.А. Болховитинова к С.И. Селивановскому // Библиографические записки. 1859. № 3. С. 65–79.

148) Письма митрополита Евгения (Болховитинова) к воронежскому купцу А.С. Страхову. С предисл. и примеч. Е.И. Соколова // Русское обозрение. 1897. Кн. 4. С. 737–774.

149) Письма митрополита Евгения к В.Г. Анастасевичу из Калуги и Пскова (1813–1818) // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 336–364; № 12. С. 611–640; 1881. № 2. С. 288–314.

150) Письма митрополита Евгения к И.М. Снегиреву // Старина Русской земли. Исследования и статьи И. Снегирева. СПб.: Типография духовного журнала «Странник», 1871. С. 107–136.

151) Письма митрополита Евгения к Н.Н. Мурзакевичу // Киевские епархиальные ведомости. 1868. № 10. С. 377–392.

152) Письма митрополита Евгения Н.М. Карамзину // Библиограф. 1889. № 4–5. С. 105–111.

153) Письма митрополита Киевскаго Евгения Болховитинова к В.Г. Анастасевичу // Русский архив. 1889. Вып. 5–7. С. 21–84; 161–236; 321–379.

154) Письма митрополита Киевского Евгения к протоиерею И.И. Григоровичу // Чтения в ОИДР. 1864. № 2. С. 84–92.

155) Письма Платона митрополита Московского к преосвященным Амвросию и Августину // Православное обозрение. 1869. № 5. С. 5.

156) Письма покойнаго митрополита Киевскаго Евгения // Москвитянин. 1848. № 8. С. 171–174.

157) Письма преосвященнаго митрополита Киевского Евгения к профессору Г.Н. Городчанинову // ЖМНП. 1857. Ч. XCIV. Отд. VII. С. 1–23.

158) Письмо А.Н. Голицына арх. Фотию (Спасскому) от 23 января 1823 г. // Русская старина. 1882. № 5. С. 431.

159) Письмо Г.Р. Державина еп. Евгению (Болховитинову) от 20 июня 1816 г. // *Державин Г.Р.* Сочинения. Т. II. СПб.: В типографии Александра Смирдина, 1847. С. 574.

160) Письмо гр. Н.П. Румянцева И.И. Григоровичу от 9 сентября 1825 г. // Чтения ОИДР. 1864. № 2. С. 60–61.

161) Письмо Евгения Болховитинова к Г.А. Петрову // Русский архив. 1873. Вып. 1. С. 388–392.

162) Письмо митр. Евгения А.Ф. Малиновскому от 22 марта 1834 г. // Труды и летописи ОИДР, учрежденнаго при Императорском Московском университете. Ч. VIII. М., 1837. С. 235–236.

163) Письмо митр. Серафима к императору Александру I от 11 декабря 1824 г // Русский архив. 1868. № 1. С. 941.

164) Письмо от Е[го] В[ысокопреосвященства] Киевскаго митрополита Евгения о найденных в Десятинной церкви серебряных слитках // Труды и летописи ОИДР, учрежденнаго при Императорском Московском университете. Ч. V. Кн. I. М.: При Императорском Московском университете, 1830. С. 124–125.

165) Письмо П.М. Строеву от митрополита Евгения и ответ на него // Чтения ОИДР. 1892. Кн. 2. Ч. IV. С. 4–5.

166) Собственноручные заметки преосвященного Евгения, митрополита Киевского, на книгах, поступивших по его завещанию в киевскую семинарскую библиотеку // Маяк. 1843. Т. VII. Кн. XIV. Гл. III. С. 95–108; Т. XIII. Кн. XXV. Гл. III. С. 1–18.

167) Четыре письма митрополита Киевскаго Евгения к ректору Киевской академии архимандриту Мелетию // Киевская старина. 1883. Т. VI. С. 310–316, 1884. Т. VIII. С. 298–304.

168) Фелькнер *В.И.* 14 декабря 1825 г.: Из записок генерал-лейтенанта В.И. Фелькнера // Русская старина. 1870. Т. II. С. 132–161.

Художественные произведения

169) *Державин Г.Р.* На восшествие на престол императора Александра // Сочинения Державина с объяснениями и примечаниями Я. Грота. Т. 2. СПб.: В типографии Императорской Академии наук, 1865. С. 355–362.

170) *Державин Г.Р*. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. – 468 с.

171) Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, изданое Обществом любителей отечественной словесности. СПб.: В медицинской типографии, 1815–1817. Ч. 1. С. 214–226.

ЛИТЕРАТУРА

1) *Аббасов А.М.* Оленин Алексей Николаевич // Митрополит Евгений (Е.А. Болховитинов). Жизнь и творчество. Энциклопедический словарь. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1998. С. 128.

2) *Абрамович Д.И.* Памяти митрополита Евгения (Болховитинова) // Исторический архив. Петроград, 1919. № 1. С. 190–223.

3) *Аверкий (Таушев), архиеп.* Руководство по гомилетике. М.: Издательство Свято-Тихоновского богословского института, 2001. – 142 с.

4) *Акиньшин А.Н.* Воронежский круг общения Е. А. Болховитинова // Из истории Воронежского края. Сборник статей. Вып. 8. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 2000. С. 44–45.

5) *Акиньшин А.Н.* У истоков. Об историко-краеведческих трудах Евфимия (в монашестве – Евгения) Алексеевича Болховитинова (1767–1837) // Московский журнал. 2017. № 10 (322). С. 78–87.

6) *Алпатова Т.А.* Аксиология Г.Р. Державина (к анализу стихотворения «Евгению. Жизнь Званская») // Аналитика культурологии. 2011. № 2 (20). С. 184–187.

7) *Амфитеатров Я.К.* Евгений, митрополит Киевский и Галицкий // Северная пчела. 1837. № 061.

8) *Ананьева Т.Б.* «Дабы сии древности были в Киевском музеуме»: к истории создания Музея древностейУниверситета Святого Владимира // Opus Mixtum. 2017. № 5. С. 61–76.

9) *Ананьева Т.Б.* «Читайте для познания Киева…» // Митрополит Євгеній Болховітінов. Вибрані праці з історії Києва. Київ: Либідь, 1995. С. 5–34.

10) *Ананьева Т.Б.* Евгений Болховитинов и изучение киевских древностей в первой половине XIX в. // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 2. М.: Богородский печатник, 1998. С. 42–62.

11) *Ананьева Т.Б.* Производство знаний о киевских древностях в начале XIX в.: протагонисты и статисты // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та

аспірантів.. Т. 19. Кн. 1. Київ: Інститут української археографії та джерелознавства им. М. С. Грушевского НАН Україны, 2009. С. 603–630.

12) *Андреев А.Ю.* «Геттингенская душа» Московского университета. (Из истории научных взаимосвязей Москвы и Геттингена в начале XIX столетия) // URL:http://museum.guru.ru/biblioteka/ocherki/gotingen.phtml. Дата обращения 9.04.2016.

13) *Андреев А.Ю.* Гейм Иван Андреевич // URL:http://museum.guru.ru/personalii/articles/67/article.htm. Дата обращения 9.04.2016.

14) *Арефьева Н.Н.* Богословские реминисценции в оде Г.Р. Державина «Христос». В связи с дружбой поэта и митрополита Евгения (Болховитинова) // Державинские чтения. Вып. 1. Сборник научных докладов. СПб.: Дорн, 1997. С. 35–52.

15) *Аскоченский В.И.* История Киевской духовной академии по преобразовании ее в 1819 году. СПб.: Типография Э. Веймара, 1863. – 282 с.

16) *Базанов В.Г.* Ученая республика. Л.: Издательство Наука, 1964. – 463 с.

17) *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб.: Типография. М. М. Стасюлевича, 1889. – 141 с.

18) *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды П.М. Строева. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1878. – 668 с.

19) *Барышева Е.А.* Румянцевский кружок и становление этнографической науки в России // Этнографическое обозрение. № 3. 1994. С. 90–104.

20) *Беляев А.А.* Митрополит Платон [Левшин] как строитель национальной духовной школы // Богословский вестник. 1912. № 12. С. 678.

21) *Беляев А.А.* Отзывы современников о церковной истории митрополита Платона [Левшина] //Богословский вестник. 1895. № 7. С. 125–137.

22) *Бессонов П.А.* Константин Федорович Калайдович. Биографический очерк // Чтения ОИДР. 1862. Кн. 3. Июль–сентябрь. С. 1–208.

23) *Бестужев-Рюмин К.Н.* Евгений Болховитинов // Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. СПб.: Типография И. И. Глазунова, 1863. Т. 1. Отд. II. С. 17–19.

24) *Бестужев-Рюмин К.Н.* Митрополит Евгений как ученый [Рецензия] // Русский вестник. 1888. Т. 198. Сентябрь. С. 311–328.

25) *Боголюбов В.А.* Новиков и его время. М.: Типография М. и С. Сабашниковых, 1916. – 485 с.

26) Бодуэн Жан-Жак Стефан // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорскаго Московскаго университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетняго юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Ч. I. М.: В Университетской типографии, 1855. С. 92.

27) Болховитинов (1767–1837). Жизнь и творчество. Энциклопедический словарь. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1998. – 182 с.

28) *Боярченков В.В.* Провинциальные исследователи старины в российском историографическом пространстве середины XIX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. Коллективная монография в честь профессора И.М. Савельевой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 258–279.

29) *Брискман М.А.* В.Г. Анастасевич. М.: Издательствово Всесоюзной книжной палаты, 1958. – 276 с.

30) *Булич Н.Н.* Разбор сочинения Е. Шмурло: митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни (1767–1804). СПб.: Типогграфия Императорской Академии наук, 1890. – 37 с.

31) *Бычков А.Ф.* О Словарях русских писателей митрополита Евгения // Сборник статей, читанных в отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук (СбОРЯС АН). Т. 5. Вып. I. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. С. 217–237.

32) Век Просвещения. Вып. 6: Что такое Просвещение? Новые ответы на старый вопрос. М.: Наука, 2018. – 455 с.

33) *Вернадский Г.В.* Русская историография. М.: Аграф, 1998. – 448 с.

34) *Веселовский Г.М.* Исторический очерк города Воронежа: 1586 – 1886. Воронеж: Воронежская городская дума, 1886. – 298 с.

35) *Ветлев А.А.* Учебный курс по истории проповедничества Русской Православной церкви. Загорск: МДА, 1990. – 56 с.

36) *Виртшафтер Э.К.* Религия и просвещение в екатерининской России: учение митрополита Платона // ГИИМ: Доклады по истории XVIII и XIX вв. URL:http://www.perspectivia.net/publikationen/vortraege-moskau/wirtschafter_religion. Дата обращения 25.03.2017.

37) Вологда в минувшем тысячелетии: Очерки истории города. Вологда: Древности Севера, 2006. – 239 с.

38) *Вяземский П.А.* Ю.А. Нелединский-Мелецкий // Вяземский П.А. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1982. С. 381–293.

39) *Гайворонский А. И.* Золотые архивные россыпи. Из истории культуры Воронежского края (конец XVIII–начало XIX в.). Воронеж: Центрально-Черноземное издательство, 1971. – 264 с.

40) *Гиппиус А.А.* Загадки Мстиславовой грамоты // Misclellanea Slavica / Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М.: Индрик, 2008. С. 109–129.

41) *Глухов А.Г.* Пастырь на ниве культуры // Мир библиографии. 2005. № 4. С. 38–43.

42) *Грачева Ю.Е.* «Позвольте мне быть полезным!»: Василий Назарович Каразин на государственной службе и в общественной жизни России первой трети XIX в. М.: Издательство ПСТГУ, 2012. – 183 с.

43) *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII–XIX веков: традиции и новации. М.: Наука, 2003. – 517 с.

44) *Данский А.А.* Очерк жизни и ученых трудов Евгения митрополита Киевскаго и Галицкаго // Воронежский литературный сборник. Вып. 1. Воронеж: Типография Гольдштейна, 1861.

45) *Добрушкин Е.М.* О методике изучения «татищевских известий» // Источниковедение отечественной истории: 1976. М.: Наука, 1977. С. 76–96.

46) Дружеская переписка эпохи Просвещения: из истории публикации писем митрополита Евгения (Болховитинова) к его воронежскому приятелю В.И. Македонцу (Вступ. ст., публ., коммент., приложения *М.Ю. Клочковой*) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 80. С. 135–150.

47) *Егорова Т.В.* Митрополит Евгений (Болховитинов) и Псков // Земля Псковская, древняя и современная. Тезисы докладов к научно-практической конференции. Псков: Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 1994. С. 69–72.

48) *Емелина О.В., Изотова Л.Е.* Приказная палата в Пскове. История строительства. Реставрация // Псков. 2011. № 34. С. 10, 15.

49) *Есюков А.И.* М.В. Ломоносов и епископ Архангельский Аполлос (А.Д. Байбаков) // «Тебе, предтеча и пророк...»: сборник научных статей, посвященных 300-летнему юбилею М.В. Ломоносова. Архангельск: Издательство Северного (Арктического) федерального университета, 2011. С. 70–79.

50) *Есюков А.И.* Русская проповедь XVIII в. как источник знаний о ценностных ориентациях русского человека «духовного чина» // Вестник РУДН. Серия: История России. 2010. № 1. С. 27.

51) *Жервэ Н.Н.* Митрополит Евгений (Болховитинов) и начало изучения севернорусских древностей // Очерки истории отечественной археологии (середина XVIII в. – 1950-е гг.): сборник статей. Вып. 2. М.: Богородский печатник, 1998. С. 27–41.

52) *Жервэ Н.Н.* Русский Миллер // Вестник Псковского Вольного Университета. 1994. № 1. С. 104–117.

53) *Жервэ Н.Н.* Усердный ревнитель просвещения // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. СПб.-Казань: Издательство СПбДА, 2014. С. 198–222.

54) *Жервэ Н.Н.* Ученейший сын православной Руси // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии: сборник научных статей памяти В. Д. Белецкого Т. 1. СПб.-Псков, 1997. С. 233–237.

55) *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII в. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 591 с.

56) *Жуковская Л.П.* Болховитинов Еф[имий] Ал[ексеевич] // Славяноведение в дореволюционной России: биобиблиографический словарь /Под ред. С.Б. Бернштейна. М.: Наука, 1979. С. 82.

57) *Заборов П.Р.* Русская литература и Вольтер. XVIII – первая треть XIX века. Л.: Наука, 1978. – 246.

58) *Западов В.А.* Работа Г.Р. Державина над “Рассуждением о лирической поэзии” // XVIII век. Сб. 15. Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л.: Наука, 1986. С. 229–282.

59) *Зедгенидзе А.А.* Митрополит Евгений (Болховитинов) и начало исследования Херсонеса Таврического // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. Т. XI. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. С. 58–68.

60) *Зеленина Я.Э.* От портрета к иконе. Очерки русской иконографии XVIII – начала XIX века. М.: Индрик, 2009. – 248 с.

61) *Зеленина Я.Э., Лопухина Е.В.* Иконография митрополита Евгения (Болховитинова) в памятниках из музейных собраний Украины и России // Болховітіновский щорічник 2012. Київ: ДП «НВЦ “Пріоритети”», 2013. С. 144–148.

62) *Змеев Л.Ф.* К родословной митрополита Евгения Болховитинова. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. – 24.

63) *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань: Типография Императорского университета, 1881. – 807 с.

64) *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен Петра. Казань: В университетской типографии, 1873. – 851 с.

65) *Зубов В.П.* Русские проповедники. Очерки по истории русской проповеди. М.: УРСС, 2001. – 232 с.

66) *Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX в. М.: Вербум-М, 2002. – 319 с.

67) *Ивановский А.Д.* Высокопреосвященный Евгений, митрополит Киевский и Галицкий. Сборник материалов для биографии митрополита Евгения, изданный в память столетнего юбилея его рождения 18 декабря 1767–1867 гг. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1871. – 201 с.

68) *Ивановский А.Д.* Иван Михайлович Снегирев: биографический очерк. СПб.: А. Д. Ивановский, 1871. – 496 с.

69) *Ивановский И.Д.* Памяти Высокопреосвященного Евгения митрополита Киевского // ЖМНП. 1867. № 12. С. 701–757.

70) *Иконников В.С.* Граф Николай Петрович Румянцев. Деятельность его на пользу разработки русской истории и археологии. Очерк из истории русской историографии // Русская старина. 1881. Т. 32. С. 47–74; 225–250.

71) *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев: Типография Императорского университета св. Владимира, 1891–1908. Т. 1. –1539 с., Т. 2. – 1955 с.

72) *Ильинский Г.А.* Юрьевская грамота 1130 г. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2000. М.: Древлехранилище, 2000. С. 321–357.

73) *Калитин П.В.* Краеугольный камень православной исторической науки // Митрополит Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. М.: «Русский двор», Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1995.

74) *Карпов С.М.* Евгений Болховитинов как митрополит Киевский. Киев: Типография АО «Петр Барский в Киеве», 1914. – 273 с.

75) *Карпук Д.А.* Александро-Невская Лавра – центр ученого монашества в начале XX в. // Сборник материалов конференции «300 лет Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры». СПб.: Типография «НПринт», 2013. С. 218–228.

76) *Кислягина Л.Г.* Н.М. Карамзин как явление европейской культуры эпохи Просыещения // Человек эпохи Просвещения. М.: Наука, 1999. С. 48–61.

77) *Киясов С.А.* Аббат О. Баррюэль о причинах и организаторах Французской революции // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 6. С. 133–144.

78) *Клочкова М.Ю.* Из истории формирования исторических сообществ: митрополит Евгений (Болховитинов) и Румянцевский кружок // ПСТГУ. Сборник студенческих работ. М.: Издательство ПСТГУ, 2015. С. 13–23.

79) *Клочкова М.Ю.* Концепция воспитания юношества в церковных проповедях митрополита Евгения (Болховитинова) // Человеческий капитал. 2019. № 9 (129). С. 22–28.

80) *Клочкова М.Ю.* Митрополит Евгений (Болховитинов) – ученый и просветитель. История изучения научного наследия // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 2 (77). С. 78–93.

81) *Клочкова М.Ю.* Митрополит Евгений (Болховитинов) и начало изучения Черниговской гривны // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 83. С. 68–82.

82) *Клочкова М.Ю.* Церковные проповеди митр. Евгения (Болховитинова) как исторический источник // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 4. – С. 82–95.

83) *Кожемякин А.В.* Воронеж славянский // Историко-краеведческий сборник. Воронеж: Генезис, 1993. С. 29–33.

84) *Козлов В.П.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М.: Наука, 1989. – 221 с.

85) *Козлов В.П.* Колумбы российских древностей. М.: Наука, 1981. – 168 с.

86) *Колесник И.И.* Зарождение и развитие историографических знаний в России (XVIII – н. XIX в.): дис. ... д-ра ист. наук. Днепропетровск, 1991. – 408 с.

87) *Кононко Е.Н.* Болховитинов Евфимий Алексеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1–3 // URL:http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=582. Дата обращения 10.01.2020.

88) *Кораблинов В.А.* Падре Ефимиус // Воронежские повести. Воронеж: Центирально-Черноземное книжное издательство, 1984. С. 167–271.

89) *Корш Е.Ф.* Опыт нравственной характеристики Румянцева // Сборник материалов для истории Румянцевского музея. Вып. I. М.: Издательство Московского Публичного и Румянцевского музеев, 1882. С. 1–69.

90) *Кочеткова Н.Д.* Болховитинов – переводчик Луи Кокле // Западный сборник в честь 80-летия Петра Романовича Заборова. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2011. С. 202–210.

91) *Кочнева Е.В.* К истории создания живописного портрета митрополита Киевского и Галицкого Евгения (Болховитинова) из собрания Российской академии // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2013. Вып. 3 (12). С. 91–115.

92) *Кочубинский А.А.* Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев: Начальные годы русского славяноведения. Одесса: Типография «Одесскаго Вестника», 1887–1888. – 492 с.

93) *Краснобаев Б.И.* История русской культуры второй половины XVII–начала XIX в. М.: Издательство МГУ, 1983. – 223 с.

94) *Кузоро К.А.* Изучение истории российским духовенством во второй половине XVIII – начале XIX века // Вестник ТГПУ. 2011. № 11. С. 21–26.

95) *Лавров А.Ф.* Вдовые священнослужители // Христианское чтение. 1871. № 2. С. 343–382.

96) *Ласунский О.Г.* Интеллигентские кружки в провинциальном городе // Общественная жизнь в провинциальной России в XV–начале XX в: сборник научных трудов. Воронеж: Издательство ВГУ, 1995. С. 193–201.

97) *Лебедев А.П.* Очерки истории церковной историографии в протестантской Германии // Прибавления к Творениям св[ятых] отцев. 1880. Ч. 26. Кн. 3. С. 736–751.

98) *Лебедев М.Е.* К биографии Евгений Болховитинова, бывшаго (с 1816–1822 гг.) Псковскаго архиепископа, впоследствии митрополита Киевскаго // Псковские епархиальные ведомости. 1916. № 6. С. 125–127.

99) *Лебедев М.Е.* К истории Псковской Духовной семинарии: Обозрение Духовной семинарии архиепископом Псковским Евгением (Болховитиновым) // Псковские епархиальные ведомости. 1909. № 14. С. 70–75.

100) *Левин Н.Ф.* Святыни и древности Псковского уезда. По дореволюционным источникам. Псков: ГП Псковской области «Дом печати», 2006. – 520 с.

101) *Левина Р.Ш.* Митрополит Евгений и Н. Н. Мурзакевич // Археологические вести. 1999. № 6. С. 479–488.

102) *Левшин Л.В., Трухин В.И.* Очерк развития физики в Московском университете // Вестник ОГУ. 2005. № 1. С. 24–34.

103) *Лекишвили С.С.* Евгений Болховитинов и вопросы древнегрузинской культуры и истории // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Л.: Наука, 1985. С. 27–38.

104) *Лещиловская И.И.* Культура Просвещения в Центральной и Юго-Восточной Европе // Вопросы истории. 1985. № 1. С. 74.

105) *Лукомский Г.К.* Вологда в ее старине. Пг.: Типография «Сириус», 1914. – 365 с.

106) *Малкин С.А.* Митрополит Новгородский Амвросий (Подобедов) и митрополит Киевский Евгений (Болховитинов) // Кадашевские чтения: сборник докладов конференции. XXIII. М.: Музей «Кадашевская слобода», 2018. С. 28–36.

107) *Малышевский И.И.* Деятельность митрополита Евгения в звании председателя конференции Киевской духовной академии // Труды КДА. 1867. № 12. С. 567–650.

108) *[Мацеевич Л.С.]* Материалы для истории Киевской духовной академии // Киевская старина. 1882. Т. 1. С. 499–519.

109) *Мельникова Л.В.* Вклад православного духовенства в организацию и деятельность народного ополчения в 1812 году // Церковь в истории России. Сборник 5. М.: ГПИБ, 2003. С. 114–125.

110) *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М.: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и К, 1897. – 306 с.

111) *Минаков А.Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж: Издательство ВГУ, 2011. – 560 с.

112) Мир Просвещения. Исторический словарь. М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 668 с.

113) *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. – 240 с.

114) *Миронов Б.Н.* Жизненный уровень приходского духовенства // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 1 (25). С. 72.

115) Митрополит Евгений (Е.А. Болховитинов (1767–1837). Жизнь и творчество. Энциклопедический словарь. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1998. – 183 с.

116) Митрополит Евгений (Евфимий Болховитинов) // Русские портреты XVII–XIX вв. Издание Великого князя Михаила Михайловича. Т IV. Вып. 3. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1908. № 71.

117) *Моисеева Г.Н.* Литературные связи России и Чехии конца XVIII – начала XIX века (Йозеф Добровский и Евгений Болховитинов) // Русская литература. № 4. 1984. С. 110–115.

118) *Молчанов В.Ф.* Государственный канцлер России Н.П. Румянцев. М.: Пашков дом, 2004. – 571 с.

119) *Моряков В.И.* Русское просветительство второй половины XVIII века. М.: Издательство МГУ, 1994. – 215 с.

120) *Николаев А.И.* Евфимий Алексеевич Болховитинов, впоследствии Евгений – митрополит Киевский // Воронежские епархиальные ведомости. 1868. № 2. С. 40–60; 80–97.

121) *Николаева Т. В., Чернецов А. В.* Древнерусские амулеты-змеевики. М.: Наука, 1991. – 119 с.

122) Николай Николаевич Бантыш-Каменский // Русские портреты XVII–XIX вв. Издание Великого князя Михаила Михайловича. Т. IV. Вып. 4. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1908. № 211.

123) *Никольский П.В.* История Воронежской Семинарии. Воронеж: Типография В. И. Исаева, 1898. – 235 с.

124) *Орловский П.* Деятельность митрополита Евгения по управлению Киевскою епархиею. Киев: В университетской типографии, 1868. – 55 с.

125) Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.Н. Тихомирова. Т. I. М.: Издательство АН СССР, 1955. – 692 с.

126) *Пахомов Г.С.* «Норманская» теория в оценке Е. А. Болховитинова // Актуальные проблемы преподавания и изучения социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе: Опыт и новации. Воронеж: Воронежская государственная технологическая академия, 1994. С. 55–56.

127) *Певницкий В.Ф.* Проповеднические труды покойного митрополита Киевского Евгения // Труды КДА. 1867. № 4. С. 26–34, № 9. С. 522–579, № 10. С. 3–51.

128) *Перевезенцев С.В.* Российские Вольтеры: просветительство XVIII в. и национальная идея.

URL:http://www.portal-slovo.ru/history/35121.php?ELEMENT_ID=35121. Дата обращения 10.01.2020.

129) *Пештич С.Л.* «Синопсис» как историческое произведение // ТОДР. Т. XV. М.-Л.: Институт русской литературы АН СССР, 1958. С. 284–298.

130) *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII в. Ч. I. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1961. – 276 с.; Ч. II. 1965. – 344 с.; Ч. III. 1971. – 173 с.

131) *Платон (Левшин), митр.* Краткая российская церковная история. М.: В Синодальной типографии, 1805. Т. 1 – 388 с.; Т. 2. – 352 с.

132) *Погодин М.П.* Из путевых заметок. Вологда // Москвитянин. 1842. № 8. С. 255–256.

133) *Погодин М.П.* Судьбы археологии в России // ЖМНП. 1869. Ч. CXLV. С. 24–47.

134) *Полевой Н.А.* История русского народа. Ч. 2. М.: Типография Августа Семена при Императорской медико-хирургической академии, 1830. – 472 с.

135) *Полетаев Н.И.* К истории духовно-учебной реформы 1808–1814 гг. // Странник. 1889. № 8. С. 517–527.

136) *Полетаев Н.И.* Разработка русской исторической науки в первой половине XIX столетия. СПб.: Редакция журнала «Библиограф», 1892. – 25 с.

137) *Полетаев Н.И.* Труды митрополита киевскаго Евгения Болховитинова по истории русской церкви. Казань: Типография Университета, 1889. – 592 с.

138) *Полетаев Н.И.* Ученый труд об ученом иерархе русской церкви (критический этюд) // Православный собеседник. 1888. Дек. С. 513–553.

139) *Поликарпов Н.[И]*. Воронежский архиерейский хор при св. Митрофане и поездки его в Москву в 1704 г. // Воронежская старина. Вып. 2. Воронеж. 1903. С. 237–249.

140) *Пономарев С. И*. Материалы для биографии митрополита Евгения // Труды КДА. 1867. № 8. С. 293–353.

141) *Попов Н.А.* История императорского Московского общества истории и древностей российских (1804–1812). Ч. 1. М.: Издательские архивы, 1884. – 256 с.

142) *Прот. Георгий Флоровский*. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 841 с.

143) *Пуцко В.Г.* Митрополит Евгений Болховитинов об Отечественной войне 1812 г. // М.И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 г. Малоярославец: Издательство ГП «Малоярославецкая типография», 1995. С. 140–146.

144) *Пыльнев Ю.В., Рогачев С.А.* Школы и просвещение Воронежского края в XVIII веке. Воронеж: Фирма «Квадрат», 1997. – 85 с.

145) *Пыпин А.Н.* Меценаты и ученые Александровского времени // Очерки литературы и общественности при Александре I. Петроград: Огни, 1917. С. 411–459.

146) *Пыпин А.Н.* Митрополит Евгений, как ученый. Ранние годы жизни, 1767–1804. Е. Шмурло. СПб, 1888. [Рецензия] // Вестник Европы. 1888. Октябрь. С. 703–746.

147) *Ратников К. В.* Преемственность идеалов религиозно-нравственного воспитания в русской журналистике рубежа XVIII–XIX веков (по материалам публицистических работ Н.И. Новикова, А.А. Прокоповича-Антонского и Н.М. Карамзина) // Медиасфера-2006: Альманах факультета журналистики Челябинского гос. ун-та. Челябинск: Энциклопедия, 2008. С. 77–90.

148) *Реполовский В.И.* Слобода черкасская Тростянка // Воронежские епархиальные ведомости. 1882. № 2. С. 54–57.

149) *Родосский А.* Описание 432-х рукописей, принадлежащий С[анкт]-Петербургской духовной академии и составляющих ея первое по времени собрание. СПб.: Типография А.О. Башкова, 1894. – 427 с.

150) *Рожкова Т.И.* «Жилище им – Парнас, свидетель – Аполлон»: к истории функционирования античного образа в русской словесности второй половины XVIII века // Пушкинские чтения – 2011. «Живые» традиции в русской литературе: жанр, автор, герой, текст. Материалы XVI Международной научной конференции. Под общей ред. В.Н. Скворцова. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2012. С. 141–142.

151) *Розенкампф Г.А.* Обозрение Кормчей книги в историческом виде. М.: ОИДР при Московском университете, 1829. – 756 с.

152) Рост Иоганн Иоахим // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. Ч. I. М.: В университетской типографии, 1855. С. 366–367.

153) *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1941. – 659 с.

154) *Сабурова Т.А.* «Места памяти» русского образованного общества первой половины XIX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллективная монография в честь профессора И.М. Савельевой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. – 551 с.

155) *Савинов Р.В.* Вольфианство // URL:http://summa.rhga.ru/edin/schools/detail.php?rraz=&ELEMENT_ID=5077. Дата обращения 10.12.2019.

156) *Сараскина Л.И.* Граф Н. П. Румянцев и его время. М.: Наш дом, 2003. – 165 с.

157) *Сарбей. В.Г.* Евфимий Болховитинов на Украине // Воронеж. Историко-краеведческий сборник. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1993. С. 89–100.

158) Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук (СбОРЯС АН). Т. 5. Вып. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. – 504 с.

159) *[Савваитов П.И.]*. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Вологда: Типография Вологодского губернского правления, 1902. – 58 с.

160) *[Сенковский О.И.]* Критика. Словарь русских светских писателей, соотечественников и иностранцев, писавших в России, служащий дополнением к «Словарю писателей духовного чина», составленному митрополитом Евгением. Издание И. Снегирева. Москва, 1838. Т. 1 // Библиотека для чтения. 1838. Т. XXVI. Отд. V. С. 37–48.

161) *Смирнов С.К.* История славяно-греко-латинской академии. М.: В типографии В. Готье, 1855. – 428 с.

162) *Снегирев И.М.* Жизнь московского митрополита Платона. Ч. I. М.: Спасо-Вифанский монастырь, 1890. – 136 с.

163) *Соколова И.* Римские монеты из коллекции преосвященного Евгения (Болховитинова) в собрании Вологодского государственного музея-заповедника // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. 3013. № 6 (107). С. 136–143.

164) *Солнцев Н.И.* Митрополит Евгений (Болховитинов) как историк // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского: Серия История. 2002. Вып. 1. С. 151–157.

165) *Солнцев Н.И.* Понимание истории в богословской историографической традиции XVIII в. По историческим сочинениям митрополитов Евгения (Болховитинова) и Платона (Левшина) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: История. 2004. Вып. 1(3). С. 147.

166) *Солонин Ю.Н.* Духовенство в русском Просвещении // Вече: Журнал русской философии и культуры. Вып. 18. 2007. С. 46–129.

167) *Сперанский Д.Н.* Ученая деятельность Евгения Болховитинова митрополита Киевскаго // Русский вестник. 1885. № 4. С. 517–581, № 5. С. 161–200, № 6. С. 644–705.

168) *Срезневский И.И.* Воспоминание о научной деятельности Евгения, митрополита Киевскаго. Чтение И. И. Срезневскаго // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. С. 1–64.

169) *Страхова А.Я.* Митрополит Амвросий (Подобедов) и митрополит Евгений (Болховитинов): реформа духовных училищ // Митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Амвросий (Подобедов). Материалы научной конференции в Великом Новгороде 13 сентября 2008 г. М., 2010. С. 118–127.

170) *Стройновский В.Б.* О условиях помещиков с крестьянами. Сочинение графа Валеринан Стрешмень-Стройновского. Перевел с польского В. Г. Анастасевич. Вильно: В типографии И. Завадского, 1809. – 210 с.

171) *Стройновский В.В.* Всеобщая экономия народов. Перевод с Польскаго издания, напечатаннаго в Варшаве 1815 года с дозволения Цензурных Комитетов Виленскаго и Варшавскаго [В.Г. Анастасевича]. В 4 ч. СПб.: В типографии Карла Крайя, 1817. Ч. I. – 650 с., Ч. II. – 538 с. Ч. III. СПб.: В типографии И. Иоаннесова, 1817. – 773 с., Ч. IV. – 374 с.

172) *Суворов Н.И.* Памяти преосвященного Евгения, бывшаго (с 1808 – 1813 г.) епископа Вологодскаго, впоследствии митрополита Киевскаго // Прибавления к вологодским епархиальным ведомостям. 1867. № 22. С. 746 – 752

173) *Сухова Н.Ю.* Духовно-учебная реформа 1808–1814 гг. и становление высшей духовной школы в России // Вертоград наук духовный: сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. М.: Издательство ПСТГУ, 2007. С. 15–52.

174) *Сухова Н.Ю.* Ученое монашество в России: научно-богословская деятельность и проблема консолидации // Вертоград наук духовный: сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. М.: Издательство ПСТГУ, 2007. С. 304–325.

175) *Сухомлинов М.И*. История Российской академии. Вып. VII. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1874. – 648 с.

176) *Титов Ф.И*. Очерки из истории Киевской Духовной академии // Труды КДА. 1897. № 10. С. 196.

177) *Тихомиров М.Н.* О русских источниках «Истории Российской» В. Н. Татищева // *Татищев В. Н.* История Российская Т.1. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1962. С. 39–53.

178) *Тихомиров С.А*. Князь П.А. Вяземский в Вологде: (Очерк из истории эвакуации в эпоху наполеоновского нашествия) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы X Всероссийской научной конференции. М.: Калита, 2002. С. 196–201.

179) *Тихонравов Н.С.* Киевский митрополит Евгений Болховитинов // Русский вестник. 1869. № 5. С. 5–38.

180) *Фаворов Н.А.* Речь, произнесенная на годичном торжественном собрании университета св. Владимира 1867 г., 5 сентября // Труды КДА. 1867. № 3. С. 264–283.

181) *Фарутина Н.Н.* Библиотека Вологодской духовной семинарии и ее дарители // Книжные собрания Русского Севера: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Архангельск: Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2001. С. 76– 82.

182) *Федоров В.А*. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700 – 1917). М.: Русская панорама, 2003. – 479 с.

183) *Федоров. В.А.* «Своей судьбой гордимся мы...». Следствие и суд над декабристами. М.: Мысль, 1988. – 298 с.

184) *Феодосий (Бильченко), еп*. Гомилетика: Теория церковной проповеди. Сергиев Посад: МДА, 1999. – 324 с.

185) *Ферроне В., Рош Д.* История и историография Просвещения // Мир Просвещения. Исторический словарь. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 515–591.

186) *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы. 862–1863. Ч. I–II. СПб.: И. Л. Тузов, 1884. – 511 с.

187) *Фортунатов Ф.[Н.]* Памятные записки вологжанина (Вологда в 1812 году, Сперанский, Магницкий, Трощинский, Макшеев, Монаков, Каразин, Словцов и др.) // Русский архив. 1867. № 12. С. 1646–1707.

188) *Цапина О.А.* Православное просвещение – оксюморон или историческая реальность? // Европейское Просвещение и цивилизация России. М.: Наука, 2004. С. 301–313.

189) *Черняев А.В.* Русское «ученое монашество»: архимандрит Киприан (Керн) и прот. Георгий Флоровский // Вестник славянских культур. 2013. № 1 (27). С. 5–13.

190) *Чиркова Н.Ю., Шляпникова Е.А*. Евгений Болховитинов – ученый и архиерей // Вопросы истории. 2000. № 11–12. С. 128–134.

191) *Чистович И.А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. Комиссия Духовных училищ. СПб: Синодальная типография, 1894. – 381 с.

192) Шаден Иоганн Матиас // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. Ч. II. М.: В университетской типографии, 1855. С. 558–574.

193) *Шарадзе Г.С*. Евгений Болховитинов – первый русский руствелолог. Очерк из истории руствелологии. Тбилиси: Мецниереба, 1978. – 120 с.

194) *Шафажинская Н.Е.* Русское ученое монашество XIX века: историко-культурное значение // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 2. С. 53–59.

195) *Шевырев С.П.* История Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М.: В Университетской типографии, 1855. – 582 с.

196) *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. СПб.: А. С. Суворин, 1903. Т. 1. – 800 с., Т. 2. – 820 с.

197) *Шмидт С.О.* Е. А. Болховитинов и становление науки российской истории // Из истории Воронежского края. Вып. 9. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 2001. С. 4–15.

198) *Шмурло Е.Ф.* Библиографический список литературных трудов Киевского митрополита Евгения Болховитинова. Вып. 1. СПб.: Редакция журнала «Библиограф», 1888. – 76 с.

199) *Шмурло Е.Ф.* Евгений, митрополит Киевский. Очерк развития его ученой деятельности в связи с биографией // ЖМНП. 1886. Ч. CCXLIV. С. 277–344.

200) *Шмурло Е.Ф.* Заметка об отношениях киевского митрополита Евгения к Державину до личного знакомства с поэтом // Библиограф. 1887. № 2. С. 17–22.

201) *Шмурло Е.Ф.* Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767–1804. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1888. – 455 с.

202) *Шмурло Е.Ф.* Памяти митрополита Евгения // Публикация, вступительная статья и комментарии *М.Ю. Клочковой* // Из истории воронежского края: Сб. статей. Вып. 25. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2018. С. 206–215.

203) *Шоню П.* Цивилизация Просвещения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2008. – 688 с.

204) *Щукин Д.С.* Государственная и просветительская деятельность Николая Петровича Румянцева конца XVIII – первой четверти XIX в. Автореф. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005.

205) *Ананьєва Т.Б.* Десятинна церква: коло витоків археологічних досліджень (1820–1830-ті рр.) // Церква Богородици Десятинна в Києві. Київ: Виданництво «АртЕк», 1996. С. 15–23.

206) *Ананьєва Т.Б.* «Испытатель отечественной древности»: нотатки з нагоди ювілею митрополита Євгенія (Болховітінова) // Opus Mixtum. 2017. № 5. С. 9–16.

207) *Дятлов В.* Внесок митрополита Євгенія (Болховітінова) в історіографію святих Києво- Печерської лаври // Opus Mixtum. 2017. № 5. С. 27–34.

208) *Clément Françoi.* Art de vérifier les dates des faits historiques. V. 1–3. Paris: Desprez, 1783–1787. – 999 p.

209) *Dixon S.M.* The Modernisation of Russia, 1676–1825. Cambridge: Cambridge univ. press, 1999. – 267 p.

210) *Elise K.W.*. Religion and Enlightenment in Catherinian Russia: The Teachings of Metropolitan Platon. Illinois: Northen University Press, 2013. – 193 p.

211) *Dumont J., Rousset de Missy J.* Corps universel diplomatique du droit des gens: Contenant un Recueil des traitez dalliance, de paix, de treve, de neutralite. T. I–VIII. La Haye: Chez P. Brunel, R. et G. Wetstein, les Janssons Waesberge, et L'Honoré et Chatelain, 1726–1731. – 1200 p.

212) *De Madariaga I.* Politics and Culture in Eighteenth-Century Russia: Collected Essays. London and New York: Longman, 1998.– 304 p.

213) *Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Київський митрополит Євгеній (Є.О. Болховітінов). Біобібліографія. Бібліотека. Архів. Київ: Нац. б-ка України ім. В.І. Вернадського, 2010. С. – 855 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 2

Переписка митр. Евгения (Болховитинова)

№ п/п	Адресат	Период переписки	Количество писем	Темы переписки	Место хранения	Публикация	Примечания
1.	**Селивановский** Семен Иоаникович (1772–1835) – типограф и книгоиздатель	1792–1832	19	Книгоиздание, литературная жизнь Воронежа, личные сведения	РГБ ОР. Ф. 291. К. 2249. Д. 14	Библиографические записки. 1859. № 3. С. 65–79.	Вводится в научный оборот 1 письмо
2.	**Петров** Григорий Андреевич– директор училищ Воронежской губернии, член болховитиновского кружка	12 марта 1800 г.	1	Монашеский постриг, начало жизни в Петербурге, воронежские дела	ОПИ ГИМ.Ф. 445 (Чертковы). Д. 203 Л. 2 А–3 об.	Русский архив. 1873. Вып. 3. С. 388–392.	
3.	**Страхов** Авраам Семенович (?–?)– воронежский купец	1800–1804	23	Юриспруденция, личные сведения		Письма митрополита Евгения (Болховитинова) к воронежскому купцу А.С. Страхову. С предисл. и примеч. Е.И. Соколова // Русское обозрение. 1897. Кн. 4. С. 737–774.	
4.	**Македонец** Василий Иванович (ок. 1751–1812)– воронежский чиновник, член болховитиновского кружка	1800–1812	113	Культурная жизнь Петербурга, Новгорода, Вологды, личные сведения	ОПИ ГИМ. Ф. 445 (Чертковы). Д. 203; НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238 (Коллекция Н. П. Лихачева) Оп. 2. Карт. 136 Д. 4	Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевскаго) к воронежскому приятелю его Василию Игнатьевичу Македонцу // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 769–870; *Ивановский А.Д.* Евгениевский	Вводится в научный оборот 10 писем

						сборник. Материалы для биографии митрополита Евгения. Вып. 1. СПб., 1871. С. 128-132, 140-146, 150-151; *Ивановский А.Д.* Митрополит Киевский и Галицкий Евгений (Болховитинов). СПб., 1872. С. 7–10; Дружеская переписка эпохи Просвещения: из истории публикации писем Евгения (Болховитинова) к его воронежскому приятелю В.И. Македонцу (Вступ. ст., публ., коммент., приложения М.Ю. Клочковой) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 2 (80). С. 135–150.	
5.	**Городчанинов** Григорий Николаевич (1772–1852)– профессор словесности Казанского университета, вместе с Евгением слушал лекции в Московском университете	1800–1817	139	Русская словесность, личные сведения	ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 529. Ч.1	Письма преосвященнаго митрополита Киевского Евгения к профессору Г.Н. Городчанинову // ЖМНП. 1857. Ч. XCIV. Отд. VII. С. 1–23; Извлечения из писем пр. Евгения к Г. Н. Городчанинову // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 47–56; Письма Евгения Болховитинова к неизвестному лицу // Русский	Вводится в научный оборот 40 писем

						архив. 1903. Вып. 3. С. 433–434.	
6.	**Хвостов** Дмитрий Иванович (1757–1835) – поэт, издатель, член Российской академии, обер-прокурор Святейшего Синода (1799–1802)	1804–1834	125	Литература, споры о языке, издание словарей	ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 837	Переписка Евгения с Державиным. Чтение Я.К. Грота. С приложением писем преосвященного к графу Хвостову и К.К. Гирсу. СПб., 1868. С. 97–210	Вводится в научный оборот 1 письмо
7.	**Державин** Гавриил Романович (1743–1816)– поэт и государственный деятель	1805–1816	10 (8 писем во фрагментах, 2 целиком)	Словесность, стихосложение, личные сведения		Переписка Евгения с Державиным. Чтение Я.К. Грота. С приложением писем преосвященнаго к графу Хвостову и К.К. Гирсу. СПб., 1868; *Фаворов Н.* Речь // Труды КДА. 1867. Август. С. 277; Письмо Державина от 20 июня 1816 г. и ответ Евгения б/д // Москвитянин. 1842. № 1. С. 169–175	
8.	**Нартов** Андрей Андреевич (1737–1813)– просветитель, писатель, переводчик, президент Российской академии	1807	2	Благодарность за избрание в члены Российской академии, обязательство представить «Хождение игумена Даниила»	СПбФ АРАН. Ф. 8. Оп. 3. Д. 65		Не опубликовано 2 письма
9.	**Сопиков** Василий Степанович (1765–1818)– библиограф	1807–1810	4	Доставление книг и ландкарт по запросу Евгения	РГАДА. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 4	Письма архиеп. Евгения (Болховитинова) В.С. Сопикову. // Древняя и новая Россия. 1881. №	

						2. С. 314–317.	
10.	**Ермолаев** Александр Иванович (1780-1828) - археолог, нумизмат, палеограф	1810–1821	5 (3 письма Ермолаева, 2 ответных Евгения)	Мстиславова грамота и Черниговская гривна		Переписка Евгения с А.И. Ермолаевым // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 238–246	
11.	**Бекетов** Платон Петрович (1761–1836) – историк, издатель, коллекционер, председатель ОИДР	1812–1825	3	Сочинения Евгения для ОИДР	ГИМ ОПИ.Ф. 398. Д. 3.	Переписка митрополита Евгения (Болховитинова) с А.Ф. Воейковым, П.М. Строевым, И.М. Снегиревым, П.М. Бекетовым // Чтения в ИОИДР при Московском Университете. Кн. 2. Ч. IV. М., 1892. С. 8–9.	
12.	**Парфений** (Васильев-Чертков), архим. (1782–1853)	1813	1	Разорение Москвы и утрата библиотеки университета		Митрополит Евгений архимандриту Парфению // Русский архив. 1889. № 41. С. 379.	
13.	**Неустановленное лицо** (вологодский знакомый в чине генерала)	30 декабря 1813	1	Новости из действующей армии, московские и вологодские известия, пастырское наставление	РГАДА. Ф. 1367 (Фонд митрополита Киевского Евгения (Болховитинова). Оп. 1. Д. 11.		Вводится в научный оборот 1 письмо
14.	**Румянцев** Николай Петрович (1754–1826)– коллекционер, меценат, государственный деятель	1813–1825	205 (121 письмо Румянцева, 84– Евгения)	История, археология, палеография, нумизматика	РГБ ОР. Ф. 255 (Румянцевы П. А., Н. П.). К. 5. Д. 41; РНБ ОР. Ф. 18. (Анастасевич В. Г.) Д. 349; Ф. 542 (Олени-	Переписка митрополита Киевскаго Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 г. включитель-	

					ны). Д. 67.	но). Вып. 1–3. Воронеж, 1868.	
15.	**Калайдович** Константин Федорович (1792-1832) - археолог и филолог, член румянцевского кружка	1813–1827	32 (6 писем Калайдовича Евгению в выдержках, 26 писем Евгения)	Славянские рукописи, материалы для Словаря, книжные каталоги, личные сведения	РНБ ОР. Ф. 328. Д. 366	Письма Калайдовича к митр. Евгению // Чтения в ОИДР. 1862. № 3. С. 103–111.	Вводится в научный оборот 26 писем
16.	**Анастасевич** Василий Григорьевич (1775–1845) – переводчик, библиограф, издатель	1813–1830	186	История, словесность, политика, личные сведения	РГАДА. Ф. 1367. Оп. 1. Д.1, 9; 10; ОР РГБ. Ф. 8. К. 1. Д. 38; НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238. К. 136//4. Д. 4; РГБ ОР. Ф. 8 (М. 914). К. 1. Д. 38.	Письма митрополита Киевскаго Евгения Болховитинова к В.Г. Анастасевичу // Русский архив. 1889. Вып. 5–7. С. 21–84; 161–236; 321–379; Письма митрополита Евгения к В.Г. Анастасевичу из Калуги и Пскова (1813–1818) // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18. № 10. С. 336–364; № 12. С. 611–640; 1881. № 2. С. 288–314; Письма Евгения В. Г. Анастасевичу// СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 57–61.	Вводится в научный оборот 4 письма
17.	**Перевощиков** Василий Матвеевич (1785–1851)– писатель, историк литературы	1813–1836	55	История словесности, книжные каталоги, Словарь, Черниговская гривна	РГАЛИ. Ф. 46 (Перевощиков В. М.) Оп. 4. Д. 2.	Из писем митрополита Евгения Болховитинова в Дерпт к профессору В.М. Перевощикову // Русский архив. 1890. Вып. 12. С. 425–448.	Не опублико-вано 27 писем
18.	**Полторацкий** Дмитрий Маркович (1761–1818)–помещик, устроитель усадьбы Авчурино, хранитель	1814–1815	11	Обсуждение военных известий и личных обстоятельст в жизни Полторацко-го	РНБ ОР. Ф. 603. Д. 303.		Впервые вводится в научный оборот 11 писем

	Хлебниковской библиотеки						
19.	**Оленин** Алексей Николаевич (1763–1843)– историк, археолог, художник, член Российской академии и румянцевского кружка	1814–1825	11 (5 писем Оленина Евгению, 6 писем Евгения)	Археология, Мстиславова грамота, Черниговская гривна	РНБ ОР. Ф. 542. (Архив Олениных) Д. 95; Д. 211.	Переписка митрополита Евгения с А.Н. Олениным // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 1. СПб. 1868. С. 34–35.	
20.	**Воейков** Александр Федорович (1778 или 1779–1839) – поэт, переводчик, издатель, член Российской академии.	1816	3 (2 письма Евгения, 1 – Воейкова)	Древние киевские монеты, Песнь Бояна, литературные и научные новости из Дерптского университета	РГАДА. Ф. 1367. Д. 6.	Переписка митрополита Евгения (Болховитинова) с А.Ф. Воейковым, П.М. Строевым, И. М. Снегиревым, П.М. Бекетовым // Чтения в ИОИДР при Московском Университете. Кн. 2. Ч. IV. М., 1892. С. 1–4.	
21.	**Голицын** Александр Николаевич (1773–1844)– обер-прокурор Святейшего Синода, министр народного просвещения	1818–1823	10 (9 писем Евгения Голицыну)	Поздравительные письма с получением чина и христианскими праздниками. Уведомление о пожаловании императором денег на подъем	РНБ ОР. Ф. 203. Д. 18; Ф. 608. Оп. 1. Д. 2028	*Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Київський митрополит Євгеній (Є.О. Болховітінов). Біобібліографі. Бібліотека. Архів. Київ. 2010. С. 290.	
22.	**Бардовский** Яков Иовлевич (1800–1875)– писатель, переводчик, масон	1819–1822	10	Словарь, История Российской иерархии, личные сведения	РГБ ОР. Ф. 231/III. К. 25. Д.. хр. 27.	Десять писем митр. Евгения к Я.О. Бардовскому // Православный собеседник. 1889. Июнь. С. 319–326.	
23.	**Кёппен** Петр Иванович (1793 – 1864) – русский историк, географ, этнограф, академик, член румянцевского кружка	1820–1833	17 (1-письмо Кеппена Евгению)	История Ольвии, русские диалекты, месяцеслов, заграничная научная поездка Кеппена	СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 84.	Переписка митрополита Евгения с П.И. Кеппеном // ЖМНП. 1867. № 12. С. 727–728; 732–733; НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238. (Коллекция Н.П. Лихачева)	Не опубликовано 10 писем

						Оп. 2. Д.. 136/5.	
24.	**Свиньин** Павел Петрович (1787–1839)–писатель, издатель, историк	1821	1	Известие о русской музыке для Отечественных записок	РГАЛИ. Ф. 402. Оп. 1. Д. 551.		Не опубликовано 1 письмо
25.	**Греч** Николай Иванович (1787–1867)– писатель, издатель, переводчик	1821	2	О биографиях писателей	ИРЛИ ОР. Ф. 590. Архив Н. И. Греча (из собрания П. Я. Дашкова). Д. 37; НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238. (Коллекция Н. П. Лихачева) Оп. 2. Д.. 136/5.		Не опубликованы 2 письма
26.	**Розенкампф** Густав Андреевич (1764–1832)– русский правовед, главный секретарь Комиссии составления законов	1821–1827	4 (3 письма Розенкампфа Евгению на фр. яз., 1 письмо Евгения на рус. яз.)	Издание летописей Русской правды и Кормчей. Записка Евгения о русской светской и церковной музыке	НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238. (Коллекция Н. П. Лихачева) Оп. 2. Д. 216/37; РГАЛИ. Ф. 402 (Пономарев С. И.) Оп. 1. Д. 550		Не опубликованы 4 письма
27.	**Востоков** Александр Христофорович (1781–1864)– поэт, филолог, академик, член румянцевского кружка	1821–1829	5 (2 письма Востокова Евгению; 3 письма Евгения)	Выписки из рукописей, вопросы славянской грамматики и палеографии	РГБ ОР. Ф. 912 (Анастасевич). К. III. Д. 41.	Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с объяснительным и примечаниями И. Срезневского // СбОРЯС АН. Т. 5. Вып. 2. СПб., 1873. С. 4–24.	
28.	**Лопухин** Петр Васильевич (1787–1839) – председатель	1822	1 письмо Лопухина Евгению	Поздравление с назначением на Киевскую		*Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Київський митрополит	

	Комитета министров, попечитель МУ, председатель Верховного уголовного суда по делу декабристов			кафедру		Євгеній (Є.О. Болховітінов). Біобібліографія. Бібліотека. Архів. Київ. 2010. С. 289.	
29.	**Тургенев** Александр Иванович17843–1845)–историк, чиновник	1822	1	О мощах св. Варвары в Киеве	РГАЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Д. 112.		Не опублико-вано 1 письмо
30.	**Снегирев** Иван Михайлович (1793–1868) – историк, этнограф, археолог, профессор МУ, член румянцевского кружка	1822–1837	19 (из них 1 письмо Снегирева Евгению)	История, деятельность ОИДР, издание Словаря	ИРЛИ ОР. Ф. 357 (Собр. Яковлева В. И.) Оп. 2. Д. 34; ИРЛИ ОР. Ф. 361 (Архив Снегирева И. М. Собрание Дашкова П. Я.) Д. 11.	Переписка митрополита Евгения с И.М. Снегиревым // Чтения ОИДР. 1892. Кн. 2. Ч. IV. С. 1–9; Письма митрополита Евгения к И. М. Снегиреву // Старина Русской земли. Исследования и статьи И. Снегирева. СПб., 1871. С. 107–136.	
31.	**Серафим** (Покровский), архимандрит (ок. 1781–1855)– казначей, затем эконом киевского митрополичьего дома, наместник Киево-Печерской лавры	1822–1837	125	Хозяйственные поручения, сведения о синодальных делах, участии в Верховном тайном суде над декабристами		Письма Киевскаго митрополита Евгения Болховитинова к игумену (впосл. Архимандриту) Серафиму Покровскому (1822–1837). Киев, 1913.	
32.	**Лобойко** Иван Николаевич (1789–1848)– литератор, филолог, член румянцевского кружка	1822–19 февраля 1837	9 (7 писем Евгения, 2 письма Лобойко)	История русской литературы Лобойко и Словарь Евгения, обсуждение вопросов языкознания, событий в Виленском университете	ИРЛИ ОР. Ф. 154.(Арх. И. Н. Лобойки). Д. 10; СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 52. Д. 2; РНБ ОР. Ф. 440. Оп. 1. Д. 6.	Письма И.Н. Лобойко митр. Евгению // Лобойко И.Н. Мои воспоминания. Мои записки. М., 2013. С 211–217.	Не опублико-вано 7 писем
33.	**Григорович** Иван Иванович,	1823–1826	10	История, белорусские		Письма митрополита	

	прот. (1792–1852) – археолог, историк, археограф			архивы		Киевского Евгения к протоиерею И.И. Григоровичу // Чтения в ОИДР. 1864. № 2. С. 84–92	
34.	**Вениамин** Базилевич, свящ (1787–1873) – типограф, начальник типографии Киево-Печерской лавры	1823–1832	11	Технология печатного дела и корректура		Письма митр. Евгения к типографу свящ. Вениамину // РГАЛИ. Ф. 402 (С.И. Пономарев). Оп. 1. Д. 552.	
35.	**Фотий** (Спасский), архим. (1792–1838)	1824	1	Дело о Библейском обществе	РГБ ОР. Ф. 219 (Орловы-Давыдовы). К. 129. Д. 3.		
36.	**Новосильцев** Николай Николаевич (1761–1838)– сенатор, камергер, президент АН	1825	1	Уведомление о поднесении Описания Киево-Софийского собора императрице и ее признательности автору	НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238. (Коллекция Н. П. Лихачева) Оп. 2. Д. 136/3.		Впервые водится в научный оборот 1 письмо
37.	**Писарев** Александр Александрович (1780–1848)– литератор, генерал, попечитель МУ, президент ОИДР	1825	8 (5 писем Писарева Евгению, 3 письма Евгения)	Участие Евгения в деятельности ОИДР	РГБ ОР. Ф. 226 (Писарев А. А.). К 2. Д. 1; К. 2. Д. 4; К. 4. Д. 1, 2.		Не опубликовано 8 писем
38.	**Мелетий** (Леонтович), архим. (1784–1840)–ректор КДА	1825	8	Образование в КДА		Четыре письма митрополита Киевскаго Евгения к ректору Киевской академии архимандриту Мелетию // Киевская старина. 1883. Т. VI. С. 310–316, 1884. Т. VIII. С. 298–304	

39.	**Сперанский** Михаил Михайлович (1772–1839)– общественный деятель	1826	1	Благодар-ность за книгу, упоминание о Черниговской гривне	РНБ ОР. Ф 731. Д. 2068 (ориги-нал); РГБ ОР. Ф. 751. К. 2. Д. 80 (копия).	Православный собеседник. 1890. Март. С. 417–418	
40.	**Филарет** (Дроздов), митр. (1787–1839)	1826	1	Учебные пособия по заданию Комиссии духовных училищ		Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (с 1812 по 1867 гг.). СПб., 1900. С. 677–678.	
41.	**Мещерский** Петр Сергеевич (1779–1856)– обер-прокурор Святейшего Синода	1826–1831	3	Подписка о непринадлежности духовенства тайным обществам, распоряжения во время Польского восстания		*Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Київський митрополит Євгеній (Є.О. Болховітінов). Біобібліографія. С. 293–294. Бібліотека. Архів. Київ. 2010. С. 290.	
42.	**Погодин** Михаил Петрович (1800–1875)– историк, член румянцевского кружка	1826–1836	4	Сочинения Эверса, грамматика Добровского, древние рукописи из коллекции Евгения	РГБ ОР. Ф. 231 / II. (Погодин) К. 46. Д. 21; К. 52. Д. 27. НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238. (Коллекция Н. П. Лихачева) Оп. 2. Д.. 136/5.		Впервые вводится в научный оборот 4 письма
43.	**Строев** Павел Михайлович (1796–1876)– историк, археограф, библиофил, член румянцевского кружка	1827	1	Книжные каталоги	РГБ ОР. Ф. 291. К. 2249. Д. 15.	Письмо П.М. Строеву от митрополита Евгения и ответ на него // Чтения ОИДР. 1892. Кн. 2. Ч. IV. С. 4.	

44.	**Рейц** Александр Федорович (1789–1848)– историк права, профессор Дерптского университета	1827–1828	7	Происхождение русских законов	НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238. (Коллекция Н. П. Лихачева) Оп. 2. Д. 136/3; 136/5.		Не опубликовано 7 писем
45.	**Добровский** Йозеф (1753–1829)–чешский просветитель, историк, лингвист	1828	1 на лат. яз.	Славянские рукописи, языкознание	РГАДА. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 7.	Письмо Й. Добровского митр. Евгению (Болховитинову) от 4 мая 1828 г. // Русская литература. 1984. № 4. С. 113–114.	
46.	**Казадаев** Александр Васильевич (1776 или 1781–1854)– историк, сенатор, член Российской академии	1828	1	Благодарность за книгу Казадаева: Историческое похвальное слово Димитрию Донскому. СПб, 1827	РНБ ОР. Ф. 325. (Казадаев А. В.). Д. 31.		Впервые вводится в научный обоорот 1 письмо
47.	**Гирс** Карл Карлович (1777–1835)– почтмейстер в Радзивилова, был женат на сестре адмирала Ф. П. Литке, воронежского покровителя Болховитинова	1828–1833	7	Заказ и пересылка зарубежных изданий Евгению		Переписка Евгения с Державиным. Чтение Я.К. Грота. С приложением писем преосвященного к графу Хвостову и К.К. Гирсу. СПб., 1868. С. 210–213	
48.	**Сумароков** Павел Иванович (1767–1846)– чиновник, литератор, автор описания Новороссии	1829	1	Славянская письменность	ГИМ ОПИ. Ф. 381. Д. 34.		Не опубликовано 1 письмо
49.	**Глазунов** Илья Иванович (1789–1848)–издатель и книготорговец	1829–1832	16	Посылка книг по запросу Евгения	НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238. (Коллекция Н. П. Лихачева) Оп. 2. Д. 136/3; . Д.. 136/5.		Не опубликовано 16 писем

50.	**Михайловский-Данилевский** Александр Иванович (1789–1848)–военный историк	1832	1	Отзыв о «Записках...» Михайловского-Данилевского	ИРЛИ ОР. Ф. 527. (Архив Михайловского-Данилевского А.И.). Д. 73.		Впервые вводится в научный оборот 1 письмо
51.	**Шодуар** Станислав Янович (1790–1858)– нумизмат	1833–1837	24 письма на фр. яз., переведены на укр. яз.	Нумизматика		*Рукавіцина-Гордзієвська Є.В.* Київський митрополит Євгеній (Є.О. Болховітінов). Біобібліографія. Бібліотека. Архів. Київ. 2010. С. 296–309.	
52.	**Мурзакевич** Николай Никифорович (1806–1833) – историк, директор Ришельевского лицея	1834–1837	11	Археологические находки в Крыму, создание исторического общества в Киеве	ИРЛИ ОР. Ф. 603 (Архив Н. Н. Мурзакевича). Д. 106.	Письма митрополита Евгения к Н.Н. Мурзакевичу // Киевские епархиальные ведомости. 1868. № 10. С. 377–392.	
53.	**Маркевич** Николай Андреевич (1804–1860)– историк, этнограф, фольклорист, автор трудов по истории Малороссии	1836	1	Замечания о рукописи «Словаря Российского государства» Маркевича	ИРЛИ ОР. Ф. 123. (Собрание А. Е. Бурцева). Оп. 3. Ед. хр. 45.		Не опубликовано 1 письмо
54.	**Карамзин** Николай Михайлович (1766–1826) – историк, писатель, издатель	б/д	2	Сведения, полученные Евгением в результате археологических работ в Киеве		Письма митрополита Евгения Н.М. Карамзину // Библиограф. 1889. № 4–5. С. 108–111	

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица 3

Письма митр. Евгения к В. И. Македонцу

№ п/п	Дата письма	Место хранения подлинника		Первая публикация			
		ОПИ ГИМ. Ф. 445 (Чертковы). Д. 203	*НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 238 (Коллекция Н.П. Лихачева). Оп. 2. Карт. 136 Д. 4*	*Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевскаго) к воронежскому приятелю его Василию Игнатьевичу Македонцу // Русский архив. 1870. Вып. 4–5. С. 769–870*		*Ивановский А.Д.* Евгениевский сборник. Материалы для биографии митрополита Евгения. Вып. 1. СПб., 1871. С. 128-132, 140-146, 150-151	*Ивановский А.Д.* Митрополит Киевский и Галицкий Евгений (Болховитинов). СПб., 1872. С. 7–10
				№ п/п	Страницы		
1.	17 февраля 1800 г.	Л. 1–2 об.		1	769–771		
2.	15 марта 1800 г.	Л. 3 А–4 А об.		2	771–772		
3.	12 апреля 1800 г.	Л. 5–7 об.		3	772–774	132; 143	
4.	26 апреля 1800 г.	Л. 8–9		4	774–775	129; 132	
5.	6 мая 1800 г.	Л. 10–11 об.		5	775–776	132; 134	
6.	14 мая 1800 г.	Л. 12–13 об.		6	776–779	132–133, 150	
7.	27 мая 1800 г.	Л. 17–17 об.; 17 а.		7	779–780	133; 134	
8.	28 июня 1800 г.	Л. 14–16 об.		8	780–782		
9.	11 июля 1800 г.	Л. 18–19 об.		9	782–784	144	
10.	Октябрь 1800 г.	Л. 27–29 об.		10	785–786		
11.	9 ноября 1800 г.	Л. 30–31		11	786–787		
12.	26 июля 1800 г.		Л. 120–121 об.			129–130; 131; 151	
13.	2 августа 1800 г.		Л. 122–123 об.			140–141.	
14.	13 августа 1800 г.	Л. 20–21 об.					
15.	23 августа	Л. 22–23					

	1800 г.						
16.	6 сентября 1800 г.	Л. 24–25 об.					
17.	2 октября 1800 г.	Л. 26–26 об.					
18.	27 ноября 1800 г.	Л. 32–33		12	787–788		
19.	9 декабря 1800 г.	Л. 34–35 об.		13	788		
20.	9 января 1801 г.	Л. 36-37		14	788–789		
21 .	31 января [1801 г.]	Л. 38–39 об.		15	789–791		
22.	7 февраля 1801 г.	Л. 40–41 об.		16	791		
23.	20 марта 1801 г.	Л. 42–45 об.		17	791–795	134; 134–135	
24.	27 марта 1801 г.	Л. 46–47 об.		18	795–796	135	
25.	11 апреля 1801 г.		Л. 124–125 об.			128; 135; 136; 138	Датировано точно: «Новости наши…за все плата» С. 7
26.	18 апреля 1801 г.	Л. 48–50 об.		19	796–798	135	
27.	14 мая 1801 г.		Л. 126–127 об.			128; 138; 142	
28.	25 апреля 1801 г.	Л. 51–52 об.		20	798–799	136–137	
29.	6 июня 1801 г.	Л. 53–54		21	800		
30.	13 июня 1801 г.	Л. 55–56 об.		22	800–801		
31.	14 июля 1801 г.	Л. 57–58 об.		23	801–802		
32.	12 сентября 1801 г.		Л. 128–129 об.			143; 151	Датировано 12 сентября 1801. С. 7: «30 августа… уступчив».
33.	25 сентября 1801 г.	Л. 59–60		24	802		
34.	10 октября 1801 г.	Л. 61–62 об.		25	802–804		
35.	14 ноября 1801 г.		Л. 130–131 об.			145–146; 150–151; 151	Без даты. Со слов «Входит офицер…» и до конца фрагмента. С. 8–9. Без даты: «Вы говорите… жители дурны». С. 9–10.
36.	19	Л. 63–64 об.		26	804–805	137	

	декабря 1801 г.						
37.	9 января 1802 г.	Л. 65–66		27	805–806	141; 142.	
38.	23 января 1802 г.	Л. 67–68 об.		28	807–808		
39.	6 февраля 1802 г.	Л. 69–70		29	808–809	144	
40.	20 февраля 1802 г.	Л. 71–72		30	809–811		
41.	15 марта 1802 г.	Л. 73–74 об.		31	811–813	141–142	
42.	2 апреля 1802 г.	Л. 75–76					
43.	26 апреля 1802 г.	Л. 77–78		32	813–814	142	
44.	13 мая 1802 г.	Л. 79–80		33	814–815	150	
45.	17 июня 1802 г.	Л. 81–82		34	815–817	145	
46.	15 июля 1802 г.	Л. 83–85 об.		35	817		
47.	14 августа 1802 г.		Л. 132–134			128	
48.	23 октября 1802 г.	Л. 86–87 об.		36	817–818	146	
49.	15 ноября 1802 г.	Л. 88–89 об.		37	818–819		
50.	28 ноября 1802 г.	Л. 90–91 об.		38 В публикации Датировано 27 ноября 1802 г.	819–820	148–149	
51.	12 декабря 1802 г.	Л. 92–93					
52.	15 января 1803 г.	Л. 94–95		39	820–821	149	
53.	12 февраля [1803 г.]	Л. 96–96 об.					
54.	26 февраля 1803 г.	Л. 97					
55.	13 марта 1803 г.	Л. 99–100					
56.	19 марта 1803 г.	Л. 101–102 об.		40	821		
57.	25 апреля 1803 г.	Л. 103–103 об.		41	822		
58.	8 мая 1803	Л. 105–106		42	822–824		

	г.						
59.	29 мая 1803 г.	Л. 107–108		43	824–826	152.	
60.	11 июня 1803 г.	Л. 109–109 об.		44	826–827	149	
61.	16 июля 1803 г.	Л. 111–112 об.		45	827–829	142–143; 149	
62.	30 июля [1803 г.]	Л. 113–113 об.					
63.	31 августа 1803 г.	Л. 114		46	829		
64.	24 сентября 1803 г.	Л. 115		47	829–830		
65.	22 октября 1803 г.	Л. 117–120		48	830–831		
66.	3 ноября 1803 г.	Л. 121–122		49	831–832		
67.	20 ноября 1803 г.	Л. 123–124		50	832–833		
68.	4 декабря 1803 г.	Л. 125–126		51	833–834		
69.	18 декабря 1803 г.	Л. 127–128		52	834–835		
70.	24 декабря 1803 г.	Л. 129–130 об.					
71.	8 января 1804 г.	Л. 131		53	834–835	152	
72.	17 февраля 1804 г.	Л. 132–132 об.		54	835–836	152	
73.	23 марта 1804 г.	Л. 134–135 об.		55	836		
74.	16 мая 1804 г.	Л. 136–137 об.		56	836–839		
75.	25 мая 1804 г.	Л. 138–138 об.		57	839		
76.	9 августа 1804 г.		Л. 135–135 об.				
77.	27 сентября 1804 г.	Л. 140–141		58	839–840		
78.	7 декабря 1804 г.	Л. 142–142 об.		59	840–841		
79.	31 марта 1805 г.	Л. 144–146 об.		60	841–843		
80.	12 июня 1805 г.	Л. 147–148		61	843–844		
81.	4 августа 1805 г.	Л. 149–150		62	844–845		
82.	14 августа 1805 г.	Л. 151					
83.	21 сентября	Л. 152–153		63	845–846		

	1805 г.						
84.	10 ноября 1805 г.	Л. 154–155		64	846		
85.	13 декабря 1805 г.	Л. 156–158		65	846–848		
86.	3 февраля 1806 г.	Л. 159–159 об.		66	848		
87.	21 марта 1806 г.	Л. 161–162		67	849		
88.	21 мая 1806 г.	Л. 163–163 об.		68	849		
89.	[июль 1806 г.]	Л. 165–165 об.		69	849–850		
90.	6 сентября 1806 г.	Л. 167–167 об.		70	851–852		
91.	24 октября 1806 г.	Л. 169–169 об.		71	852–853		
92.	13 декабря 1806 г.	Л. 171–172		72	853–854		
93.	19 января 1807 г.	Л. 173–174 об.		73	854–855		
94.	7 марта 1807 г.	Л. 175					
95.	3 апреля 1807 г.	Л. 176–176 об.		74	855		
96.	27 апреля 1807 г.	Л. 178–179		75	855–856		
97.	18 июня 1807 г.	Л. 180–180 об.		76	856–858		
98.	26 июля 1807 г.	Л. 182–183 об.		77	858–859		
99.	19 октября 1807 г.	Л. 185–186 об.		78	859–861		
100.	4 декабря 1807 г.	Л. 187–187 об.		79	861–862		
101.	17 января 1808 г.	Л. 189–189 об.		80	862–863		
102.	23 марта 1808 г.	Л. 191–192		81	863–864		
103.	25 мая 1808 г.	Л. 193–194		82	864–865		
104.	20 сентября 1808 г.	Л. 195–196 об.		83	865–866		
105.	26 ноября 1808 г.	Л. 197–198		84	866–867		
106.	1 марта 1809 г.		Л. 137–138 л. об.				
107.	10 мая 1809 г.	Л. 199–200		85	867		
108.	20 июня 1809 г.	Л. 203–203 об.		86	867–868		

109.	9 августа 1809 г	Л. 204–205 об.		87	868		
110.	25 сентября 1809 г.	Л. 206–207		88	868–870		
111.	21 декабря 1809 г.	Л. 208–208 об.					
112.	4 июля 1810 г.	Л. 210		89	870		
113.	18 ноября 1812 г.		Л. 139–140				

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Неизвестный художник с оригинала И.В. Бугаевского-Благодарного.

Портрет митрополита Евгения (Болховитинова). Сер. XIX в.

Источник: Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т IV. Вып. 3. СПб., 1908. С. LXVII.